

INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2024, Том 7, №5

Подписано к публикации: 30.08.2024

Главный редактор журнала

Серебренникова Анна Валерьевна
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьевич (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор

Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор

Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор

Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент

Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор

Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор

Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор

Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор

Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор

Джалилов Эльвис Алимович (РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент

Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент

Захарова Светлана Александровна (РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор

Кириллова Ирина Александровна (РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент

Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор

Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент

Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор

Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор

Машовец Асия Океановна (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент

Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент

Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор

Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор

Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент

Мустафаева Айтен Инглаб (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор

Небратенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор

Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,

Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент

Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор

Русинова Вера Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор

Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор

Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор

Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор

Файзиев Шохруд Фармонович (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент

Флоря Евгений Константинович (Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент

Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор

Шошин Сергей Владимирович (РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент

«International Law Journal» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., Elibrary.ru

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru

Сайт: <https://ili-journal.ru>

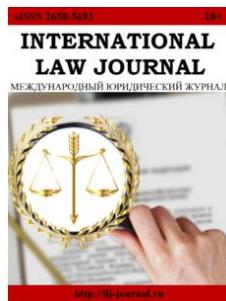
© International Law Journal, 2024

Содержание

Воронов Е.Н., Балашов К.Г., Сергеева А.С.	
Актуальные проблемы внедрения группового иска в гражданский процесс и пути их решения	6-12
Винокуров Э.А., Амелин И.С., Ковтун Ю.А.	
Процессуальный порядок проверки протоколов следственных действий	13-18
Фальковский В.В.	
Некоторые особенности прекращения обязательств зачетом в рамках процессуальных правоотношений	19-23
Кораблев А.А.	
Современные аспекты применения телекоммуникационных технологий для совершения преступлений	24-29
Кузнецов Р.А.	
Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ	30-35
Головинов А.В., Нефедова Ж.Е., Головинова Ю.В.	
Правовое регулирование миграционных процессов: современные региональные, национальные и международно-правовые аспекты	36-40
Овчаров Д.В.	
Модификации видеоигр: правовые аспекты и проблемы	41-46
Самодуров В.О.	
Об компенсации морального вреда как основного способа защиты нематериальных благ	47-51
Меха В.А.	
Субъекты финансирования национальных проектов в Российской Федерации: бюджетно-правовой аспект	52-57
Михалев В.Е.	
Правовые особенности и роль Португальской и Датской Ост-Индских компаний в колониальной торговле XVII века	58-63
Николаев И.С.	
Об общественной опасности деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии	64-70
Чупров А.С., Ворожцов А.М., Моисеенко А.А.	
Особенности тактики обыска на местности	71-77
Вронская М.В., Щёлкин К.А.	
Использование систем видеоконференцсвязи в судопроизводстве современной России: действительное состояние и тенденции развития	78-84
Тронина Е.Г.	
К вопросу о значении конституционного закрепления семейных ценностей в Российской Федерации	85-90
Давымока С.В.	
Правовые проблемы обработки персональных данных при использовании облачных CRM платформ	91-95

Зудаева В.В., Штылев Н.С., Ербаева Л.Л. Сравнение уголовного процесса в России и США	96-100
Латынин А.О. Свобода договора в цифровом пространстве	101-105
Горин Д.В. К вопросу об отличительных особенностях правоотношений по поводу доверительного управления имуществом закрытого паевого инвестиционного фонда	106-111
Ершова К.А. Дискуссионные вопросы уголовной ответственности юридических лиц	112-120
Побережная И.Ю., Побережный С.Г., Перепелица В.Е. Проблемные аспекты реализации обязательств по договору страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в новых реалиях развития национального страхового рынка	121-126
Тронина Е.Г. Конституционные основы государственной поддержки материнства в России	127-133
Внукова В.А., Кальмук С.А. О новых законотворческих инициативах, направленных на возможность более эффективной защиты прав продавцов товаров и услуг и потребителей	134-140
Кожахметова Д.А. Некоторые вопросы систематизации объектов гражданских прав	141-146
Черных Г.С., Акулов А.О. Правовые проблемы использования беспилотных воздушных судов в условиях административных ограничений, вводимых в 2022-2024 гг.	147-157
Клещёв А.С. Правовые основы ограничения ответственности продавцов в сделках слияний и поглощений в системе российского гражданского права	158-165
Филиппов А.Р. Отдельные вопросы уголовной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ)	166-172
Белоус К.К. Направления и перспективы реализации машиночитаемого права в судебной системе	173-183
Зоиров Дж.А. Криминалистическая характеристика и особенности криминалистической экспертизы преступлений экстремистской направленности, совершенных в молодежной среде с использованием телекоммуникационной сети Интернет	184-190
Караева З.Ш. Проблемы назначения наказания более мягкого наказания подсудимому, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве	191-196
Храпов И.А. Нормообразующие факторы цифровой трансформации бизнеса в России	197-202

Шереметьева Н.Г., Рачков Д.Д. Нормативно-правовое регулирование реализации региональных проектов в Российской Федерации	203-208
Агафонов А.В., Карелина Ю.В. Спортсмен как уголовно правовое понятие: проблемы определения содержания и признаков последнего	209-218
Рудов Д.Н., Сергеев В.В. Сравнительно-правовой анализ законодательства, регламентирующего деятельность по расследованию преступлений, совершенных на объектах транспортной инфраструктуры в Российской Федерации и Республике Никарагуа	219-223
Лубашев А.О. Презумпция необходимой обороны: частное проявление принципа презумпции невиновности и ее практическое значение	224-229
Макарова Л.С. Пути развития местного самоуправления после внесения изменений в Конституцию РФ в 2020 году (на примере городского округа Ступино)	230-236
Хрущев Е.Г. Расследование преступлений экстремистской и террористической направленности, совершенных путем распространения запрещенной информации в сети интернет	237-241
Чжан Сяокэ, Майстрович Е.В. Формы и виды государственного регулирования предпринимательской деятельности	242-247
Борлаков Р.Н. Нарушение исключительных прав на аудиовизуальные произведения в странах ЕС и АСЕАН. Сравнительно-правовой анализ	248-255
Лавров А.А., Бобылев А.А., Похил А.Н., Кудряшов В.В., Бажанов В.Н. Компенсация морального вреда в России и за рубежом	256-262
Ходенева В. Оптимизация кадастрового учета и кадастровых работ	263-271

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.922.64
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-6-12

Актуальные проблемы внедрения группового иска в гражданский процесс и пути их решения

¹Воронов Е.Н., ¹Балашов К.Г., ¹Сергеева А.С.,
¹Юго-Западный государственный университет

Аннотация: современные тенденции в гражданском процессе обусловлены рядом ключевых факторов, связанных с необходимостью оптимизации судопроизводства и защиты коллективных прав граждан. Групповой иск, как механизм правового регулирования, обладает потенциалом значительного влияния на эффективность и доступность правосудия, однако столкновение теоретических положений с практическими реалиями выявляет комплекс проблем, нуждающихся в углубленном анализе.

В контексте современной правовой системы России групповой иск представляет собой инструмент, позволяющий группе лиц, находящимся в аналогичных условиях, коллективно обращаться в суд для защиты своих прав. Этот процессуальный инструмент может способствовать сокращению нагрузки на судебную систему за счет объединения множественных исков в один судебный процесс. Тем не менее, на практике возникают сложности с интерпретацией нормативных актов, отсутствием четких методических рекомендаций по применению таких исков, что ведет к правовой неопределенности и снижению предсказуемости исхода дел.

Особую актуальность исследование приобретает в контексте необходимости адаптации законодательства к международным стандартам в области прав человека и основных свобод. Анализ зарубежного опыта показывает, что групповые иски могут служить эффективным средством защиты прав потребителей, экологической безопасности и других общественных интересов. В то же время, непроработанность процедурных аспектов их применения приводит к юридическим коллизиям и затягиванию судебных процессов.

Данное исследование стремится систематизировать теоретические и практические аспекты группового иска, выделить основные проблемы его реализации в российской судебной практике и предложить пути их решения.

Ключевые слова: групповой иск, гражданский процесс, правовая эффективность, коллективные иски, правосудие, оптимизация судопроизводства, законодательное регулирование, международные стандарты, защита прав, процедурное право

Для цитирования: Воронов Е.Н., Балашов К.Г., Сергеева А.С. Актуальные проблемы внедрения группового иска в гражданский процесс и пути их решения // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 6 – 12. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-6-12

Поступила в редакцию: 3 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Actual problems of class action introduction in civil process and ways of their solution

¹ Voronov E.N., ¹ Balashov K.G., ¹ Sergeeva A.S.,
¹ South-Western State University

Abstract: modern trends in civil proceedings are determined by a number of key factors related to the need to optimize legal proceedings and protect the collective rights of citizens. Class action, as a mechanism of legal regulation, has the potential to significantly affect the efficiency and accessibility of justice, but the collision of theoretical provisions with practical realities reveals a set of problems that need in-depth analysis.

In the context of the modern Russian legal system, a class action is a tool that allows a group of persons in similar circumstances to collectively apply to the court to protect their rights. This procedural tool can help reduce the burden on the judicial system by combining multiple lawsuits into a single lawsuit. Nevertheless, in practice there are difficulties with the interpretation of normative acts, lack of clear methodological recommendations on the application of such lawsuits, which leads to legal uncertainty and reduced predictability of the outcome of cases.

The study is particularly relevant in the context of the need to adapt legislation to international standards in the field of human rights and fundamental freedoms. Analysis of foreign experience shows that class actions can serve as an effective means of protecting consumer rights, environmental safety and other public interests. At the same time, the lack of elaboration of procedural aspects of their application leads to legal conflicts and prolongation of court proceedings.

This study seeks to systematise theoretical and practical aspects of the class action, to highlight the main problems of its implementation in Russian judicial practice and to propose ways to solve them.

Keywords: class action, civil procedure, legal efficiency, class actions, justice, optimisation of legal proceedings, legislative regulation, international standards, protection of rights, procedural law

For citation: Voronov E.N., Balashov K.G., Sergeeva A.S. Actual problems of class action introduction in civil process and ways of their solution. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 6 – 12. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-6-12

The article was submitted: May 3, 2024; Approved after reviewing: July 2, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Групповой иск был внедрен в гражданское судопроизводство Российской Федерации, посредством Федерального закона от 18 июля 2019 года № 191-ФЗ, которым внесены изменения в соответствующие законодательные акты. Этот факт открывает новую страницу в организации правореализующей деятельности. Данные изменения представляют собой значительную модернизацию уже существующей системы группового производства в Арбитражном процессуальном кодексе РФ и заложили основу для группового иска в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее ГПК РФ).

Преимущество группового иска заключается в возможности обеспечения эффективного судебного защиты интересов широкого круга лиц, что особенно актуально при наличии однородных прав и обязанностей у большого числа людей. Это позволяет не только оптимизировать процесс рассмотрения дел, снижая тем самым загрузку судебной системы, но и обеспечивать более высокую степень справедливости при рассмотрении массовых правонарушений. Также групповой иск способствует более эффективному исполнению решений, учитывая что возможность обращения в суд с коллективным иском может сдерживать потенциальных нарушителей от недобросовестных действий [1, с. 178].

Однако несмотря на указанные преимущества, существуют значительные недостатки, связанные с реализацией иска в групповой форме. Прежде всего, сложности возникают при координации интересов всех участников группы, что может приводить к затягиванию процессуальных сроков и увеличению судебных расходов. К тому же, возможны конфликты и расхождения в мнениях участников группы относительно стратегии ведения дела и распределения возмещения ущерба. Еще одной проблемой является определение критериев принадлежности к группе, что может привести к неопределенности и спорам о правах на участие в иске.

Таким образом, вопрос о целесообразности введения группового иска в гражданское судопроизводство остается открытым и требует дальнейшего анализа и оценки. Опыт применения таких исков в зарубежных юридических системах, где они уже давно функционируют, предоставляет важные уроки и данные для изу-

чения, однако его адаптация и эффективное применение в условиях Российской юридической реальности потребуют учета специфических национальных правовых особенностей и практики.

Материалы и методы исследований

В рамках настоящего исследования были использованы различные методологические приемы научного анализа, включая анализ, синтез, системно-аналитический подход, формально-логический и системно-правовой методы. Эти методы позволили осуществить глубокий аналитический обзор как действующих норм российского законодательства, так и правовых систем иностранных государств.

Применение данных методик обеспечило возможность определения уникальной специфики правоотношений, охватываемых исследуемой темой, и способствовало формулированию предложений по совершенствованию нормативной базы в части урегулирования идентифицированных правовых коллизий и дефектов. Результаты исследования нацелены на устранение процессуальных и системных противоречий, существующих в текущем правоприменении, и направлены на формирование более совершенной правовой основы для действенной защиты прав и интересов граждан.

Результаты и обсуждения

Институт группового иска, внедренный в правоприменительную практику Российской Федерации, подразделяется на ключевые категории в механизме взаимодействия участников, а именно: opt-in и opt-out. Процедура opt-in требует от лиц, заинтересованных в присоединении к иску, активного выражения своего согласия на участие. Модель opt-out, напротив, предусматривает допущение всех потенциальных заинтересованных лиц к группе по умолчанию, при этом отказ от участия должен быть инициирован самими участниками. Эти модели прямо влияют на область действия судебных решений и определяют процессуальные права участников в рамках группового производства [2, с. 601].

Дополнительно в юридической доктрине принято различать групповые иски по инициатору их подачи:

1. Частные групповые иски предъявляются индивидуальными участниками группы и направлены на защиту интересов коллектива [3, с. 34].

2. Публичные групповые иски подаются органами государственной власти или должностными лицами с целью защиты общественных интересов группы лиц.

3. Организационные групповые иски организуются специализированными, преимущественно некоммерческими, организациями, чья деятельность нацелена на поддержку прав конкретных социальных групп, таких как потребители.

Такие классификации имеют не только теоретическое, но и практическое значение, облегчая процесс разработки и реализации соответствующих правовых механизмов для различных типов исков. Это, в свою очередь, способствует эффективной адаптации групповых исков к изменяющимся условиям правоприменительной практики и усиливает защиту прав граждан.

Очевидно, необходимо четкое разграничение между групповыми исками, подаваемыми в публичных и частных интересах, что подчеркивает важность formalизованного подхода к каждому типу процедур в контексте государственной регуляции. Это подтверждается и практической необходимостью отдельного правового регулирования для частных групповых исков, что позволяет более точно сбалансировать интересы всех участвующих сторон и обеспечить справедливую и эффективную судебную защиту [4, с. 121].

Анализируя юридическую силу судебных решений по групповым искам, особое внимание уделяется механизму идентификации группы лиц, что напрямую коррелирует с последующим распространением законных последствий таких решений. Ключевую роль в этом процессе играет модель фиксации участия: либо по принципу активного включения (opt-in), либо по модели неактивного участия (opt-out). Эти модели определяют, кто и как будет ассоциирован с групповым иском, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на доктрины преюдиции и таждества [5, с. 117].

Рассмотрение за пределами традиционных научных точек зрения обозначает, что в Арбитражном процессуальном кодексе РФ последствия присоединения к группе обладают более строгим характером, чем в ГПК РФ. В частности, в АПК существует обязанность присоединения к групповому иску под угрозой утраты возможности самостоятельного обращения, тогда как в ГПК РФ индивидуальные иски приостанавливаются до решения по групповому процессу, предоставляя фигуре истца право на выбор участия.

В контексте ГПК РФ, принципы реализации доктрины таждества основываются на двух критериях: наличии группового судопроизводства и инициировании индивидуального искового заявления. При подаче индивидуального иска отдельным истцом, его процессуальное требование подлежит приостановлению с предложением о вступлении в уже существующий групповой иск. Эта процедурная мера направлена на оптимизацию судопроизводства и предотвращение дублирующих судебных разбирательств.

Особое внимание заслуживает аспект преюдиции в контексте групповых исков. Решение, принятое судом общей юрисдикции в рамках группового иска и вступившее в законную силу, приобретает неоспоримый характер для всех участников процесса, кто не оспаривал данное решение в установленном порядке. Такое положение закрепляет принцип окончательности судебного решения, обеспечивая его обязательность и поддерживая стабильность и предсказуемость правоприменительной практики.

Это дифференцирование подходов иллюстрирует разнообразие процессуальных стратегий и различное применение законодательных норм в зависимости от выбранного юридического пути. Каждый из путей вносит вклад в формирование более четкого понимания границ и возможностей, которые предоставляет российская правовая система для защиты прав и интересов через групповое судопроизводство.

В ходе мониторинга судебной практики был выявлен единственный случай, демонстрирующий применение доктрины тождества и преюдиции в контексте группового искового процесса. Рассматриваемое дело, инициированное группой дольщиков против застройщика, было взято на обработку Всеволожским городским судом Ленинградской области и зарегистрировано под номером № 2-5292/2020. Судебное разбирательство разворачивалось вокруг несоблюдения застройщиком ООО «Петрострой» сроков передачи квартир, что было закреплено в договорах о долевом участии в строительстве ЖК «Материк» [9].

Судебное постановление наглядно изложило претензии дольщиков, подчеркивая единую правовую основу их требований, что характеризовало дело как групповой иск. При рассмотрении были учтены коллективные интересы истцов и нарушения обязательств ответчиком, что послужило основанием для удовлетворения заявленных требований.

Однако, несмотря на предписания ГПК РФ, разбирательства по индивидуальным искам, инициированным после группового, продолжались без учёта вынесенного решения. Это указывает на несоблюдение судами правил преюдиции и тождества, предназначенных для предотвращения множественных и одновременных процессов по сходным обстоятельствам. Анализ данных исков показал, что, несмотря на схожесть правовых требований, суды не применили положения о преюдиции, что свидетельствует о недостатках в синхронизации судебной практики и правоприменения [10, с. 70].

Данный случай подчеркивает сложность правоприменительной ситуации при наличии многочисленных однородных требований, поднимающих вопросы об эффективности и uniformности судебных решений в контексте групповых исков. Ввиду применения альтернативной подсудности, закреплённой в законе «О защите прав потребителей», дела рассматривались по различным судебным инстанциям, что усугубило разногласия в подходах и результатах судопроизводства. Это подчеркивает необходимость дальнейшего анализа и возможной корректировки процессуальных механизмов при рассмотрении исков, предъявляемых в рамках группового иска для обеспечения последовательности и предсказуемости правоприменения.

Примеры разногласий в судебных решениях и подходах к однотипным искам против застройщика ООО «Петрострой», выясняются при подробном анализе ситуаций с применением правовых механизмов в различных региональных судах Санкт-Петербурга. Рассмотрение случаев исследует, как одно и то же юридическое обстоятельство (невыполнение обязательств по передаче квартир) было интерпретировано судами разных районов.

1. Решение Куйбышевского районного суда Санкт-Петербурга по делу №2-1620/2020 от 29 июля 2020 года (Регистрация иска 13.05.2020). Кореневский обратился с исковым заявлением к ООО «Петрострой» о защите прав потребителя, взыскании денежных средств, мотивируя тем, что между сторонами был заключен договор №Д-к325-М/2 участия в долевом строительстве. Суд удовлетворил требования истца Кореневского о взыскании неустойки и компенсации за моральный вред. Вынесенное решение подчеркивает стремление суда к восстановлению нарушенных прав потребителя и компенсации за невыполненные обязательства со стороны застройщика [6].

2. Решение Калининского районного суда Санкт-Петербурга по делу №2-2237/2020 от 27 июля 2020 года (регистрация иска 13.12.2019). Симоненко обратилась с исковыми требованиями к ООО «Петрострой» о взыскании неустойки по договору участия в долевом строительстве, компенсации морального вреда, штрафа, в обоснование которого указывает, что между сторонами был заключен договор № Д-к554-А/3 долевого участия в строительстве, застройщик нарушил срок исполнения договора, просрочка составила 348 дней. Суд рассмотрев требования Симоненко, также присудил в пользу истца неустойку и штраф, обосновывая свое решение значительным сроком просрочки исполнения обязательств по договору [7].

3. Решение Петродворцового районного суда Санкт-Петербурга по делу №2-1142/2020 от 23 июля 2020 года (регистрация иска 27.05.2020). Десятова, действуя также в интересах группы лиц, обратилась с групповым иском к ООО «Петрострой», просила взыскать с ответчика неустойку за несвоевременную передачу

квартиры, убытки понесенные в связи с наймом 51 квартиры, компенсацию морального вреда, штраф. Суд удовлетворил исковые требования [8].

Наблюдение за судебной практикой выявляет значительные огрехи в применении нормативных положений, касающихся групповых действий в рамках российской судебной системы. Существенный прецедент, зафиксированный в Петродворцовом районном суде, демонстрирует повторное возбуждение группового иска по тем же обстоятельствам, что и дело №2-1620/2020, при этом не осуществлённый останов производства по аналогичным индивидуальным иском.

Это явление поднимает вопросы относительно соблюдения части 2 статьи 244.28 и частей 3–6 статьи 244.25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих законную силу решений, вынесенных по групповым искам. Согласно упомянутым положениям, решение по групповому иску призвано оказывать преюдициальное воздействие на разрешение всех связанных с ним юридических вопросов, тем самым предотвращая рассмотрение идентичных требований в индивидуальном порядке.

Пренебрежение данными положениями приводит к бессистемности и неэффективности судопроизводства, так как одни и те же юридические вопросы рассматриваются множество раз различными судами, что влечет за собой необходимость многократного рассмотрения идентичных доказательств и аргументов. Такая практика не только противоречит основополагающим принципам экономии судебных ресурсов, но и подрывает принцип правовой определенности и предсказуемости правоприменения.

Именно поэтому целесообразно обратить внимание на существующие проблемы в судебной системе и инициировать процесс правовой реформы, который устранит допущенные в правоприменительной практике дисфункции и укрепит верховенство закона через гармонизацию судебных решений и оптимизацию процессуального правоприменения.

В рамках оптимизации процедуры группового иска в Российской Федерации предлагается реализация следующих законодательных инициатив:

1. Институциализация информационного портала для групповых исков:

- модификация ГПК РФ с целью обязательного создания государственной информационной системы, централизованно публикующей данные о всех зарегистрированных групповых исках. Это позволит участникам получить доступ к необходимой информации о статусе дел и прогрессе в разбирательствах, а также об участиях в активных процессах.

2. Уточнение процедурных аспектов участия в групповом иске:

- дополнение положений ГПК РФ нормами, определяющими процедурные критерии для классификации дел как групповых исков, включая требования к количеству участников, характеру подаваемых доказательств и роли представителей группы, уточняя их права и обязанности.

3. Нормативное регулирование «гонорара успеха»:

- введение в законодательство рамок для определения размеров вознаграждений по схеме «гонорара успеха», устанавливающих максимально допустимые пороги вознаграждений и обеспечивающих меры предосторожности от его неправомерного применения.

4. Законодательное оформление механизмов финансирования судебных процессов:

- введение законодательных стандартов для привлечения финансирования от третьих лиц или организаций для поддержки процессов по групповым искам, предусматривающих четкие механизмы финансового контроля и отчетности по расходованию средств.

5. Оптимизация процедуры замены истца-представителя:

- корректировка процедуры замены представителя группы в случае его некомпетентности или отсутствия через процесс электронного голосования, обеспечивая непрерывность представительства в судебном процессе.

Выводы

Эти предложения направлены на углубление правовой защищенности участников группового иска, повышение доступности юридических механизмов для коллективного воздействия, обеспечение принципов справедливости и ответственности в судопроизводстве. Применение данных инициатив способствует формированию более открытой, прозрачной и эффективной системы защиты коллективных прав граждан.

Список источников

1. Шиловская А.Л. К вопросу о проблемах расчета судебных издержек в гражданском и арбитражном процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 2. С. 177 – 181.
2. Беркумбаев Н.С., Собецкая А.Р.. Групповые иски в системе исковой защиты в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 597 – 605.

3. Петрушевский Ю.А. Групповые иски в гражданском процессе: перспективы, проблемы, анализ зарубежного опыта // Сфера права. 2020. № 1. С. 33 – 35.
4. Сутормин Н.А. Преимущества и недостатки группового иска // Государство и право. 2020. № 7. С. 119 – 123.
5. Кайзер Ю.В. Распределение судебных издержек при процессуальном соучастии в гражданском и арбитражном процессе // Правоприменение. 2019. № 2. С. 114 – 123.
6. Решение Куйбышевского районного суда Санкт-Петербурга по делу № 2-1620/2020 от 29 июля 2020 года. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/ynaJ0t4blhf/?regular-txt=по+делу+№2-1620F2020+от+29+июля+2020+года&regular-case_doc=&regularlawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regularworkflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regularjudge=&_=1620494284743 (дата обращения: 08.03.2024)
7. Решение Калининского районного суда Санкт-Петербурга по делу № 2-2237/2020 от 27 июля 2020 года. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/pOBx19gUn11a/?regular-txt=по+делу+№+2-2237F2020+от+27+июля+2020+года&regular-case_doc=&regularlawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-59_workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regularjudge=&_=1620494309330 (дата обращения: 05.03.2024)
8. Решение Петродворцового районного суда Санкт-Петербурга по делу № 2- 1142/2020 от 23 июля 2020 года. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/qjXsBNSOQNv5/?regular-txt=по+делу+№+2-1142F2020+от+23+июля+2020+года&regular-case_doc=&regularlawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regularworkflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regularjudge=&_=1620494359655 (дата обращения: 09.03.2024)
9. Решение Всеволожского городского суда Ленинградской области от 17 июля 2020 года по делу № 2-5292/2020. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/gzyIf62zQIdh/?regulartxt=от+17+июля+2020+года+по+делу+№+2-5292F2020&regularcase_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regularworkflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regularjudge=&_=1620494263161 (дата обращения: 06.03.2024)
10. Колотов В.А. Реформирование института группового иска в российском праве: отдельные вопросы // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15 № 7 С. 68 – 75. DOI:10.17803/1994-1471.2020.116.7.068-075

References

1. Shilovskaya A.L. On the issue of the problems of calculating legal costs in civil and arbitration proceedings. Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. No. 2. P. 177 – 181.
2. Berkumbayev N.S., Sobetskaya A.R.. Class actions in the system of claim protection in civil proceedings. Issues of Russian Justice. 2020. No. 7. P. 597 – 605.
3. Petrushevsky Yu.A. Class actions in civil proceedings: prospects, problems, analysis of foreign experience. Sphere of Law. 2020. No. 1. P. 33 – 35.
4. Sutormin N.A. Advantages and disadvantages of a class action. State and law. 2020. No. 7. P. 119 – 123.
5. Kaiser Yu.V. Distribution of legal costs in case of procedural complicity in civil and arbitration proceedings. Law enforcement. 2019. No. 2. P. 114 – 123.
6. Decision of the Kuibyshevsky District Court of St. Petersburg in case No. 2-1620/2020 dated July 29, 2020. Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/ynaJ0t4blhf/?regular-txt=on+case+No.2-1620F2020+from+29+July+2020+year&regular-case_doc=&regularlawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regularworkflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regularjudge=&_=1620494284743 (access date: 03/08/2024)
7. Decision of the Kalinsky District Court of St. Petersburg in case No. 2-2237/2020 dated July 27, 2020. Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/pOBx19gUn11a/?regular-txt=on+case+No.+2-2237F2020+from+27+July+2020+year&regular-case_doc=&regularlawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-59_workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regularjudge=&_=1620494309330 (date of access: 03/05/2024)

8. Decision of the Petrodvortsovy District Court of St. Petersburg in case No. 2-1142/2020 dated July 23, 2020.
Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/qjXsBNSQNV5/?regular-txt=on+case+No.+2-1142F2020+from+23+July+2020+year&regular-case_doc=&regularlawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regularworkflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regularjudge=&_=1620494359655 (date of access: 03/09/2024)

9. Decision of the Vsevolozhsk City Court of the Leningrad Region dated July 17, 2020 in case No. 2-5292/2020. Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/gzyIf62zQIdh/?regulartxt=from+17+July+2020+year+on+case+No.+2-5292F2020&regularcase_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regularworkflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regularjudge=&_=1620494263161 (date of access: 03/06/2024)

10. Kolotov V.A. Reforming the institution of class action in Russian law: selected issues. Current problems of Russian law. 2020. T. 15 No. 7 P. 68 – 75. DOI:10.17803/1994-1471.2020.116.7.068-075

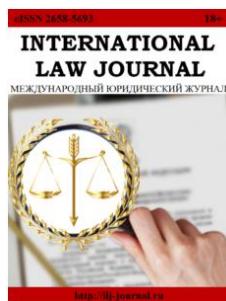
Информация об авторах

Воронов Е.Н., кандидат юридических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет

Балашов К.Г., Юго-Западный государственный университет

Сергеева А.С., Юго-Западный государственный университет

© Воронов Е.Н., Балашов К.Г., Сергеева А.С., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.1
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-13-18

Процессуальный порядок проверки протоколов следственных действий

¹ Винокуров Э.А., ¹ Амелин И.С., ² Ковтун Ю.А.,
¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
² Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: в статья авторы анализируют отличие процесса проверки протоколов следственных действий от их оценки. Утверждается, что на стадии предварительного расследования уголовного дела именно процесс проверки протоколов следственных действий, играет важную роль для расследования уголовного дела. В действующем УПК РФ отсутствует понятие проверки доказательств, а также не указаны способы и порядок ее осуществления. Авторы проводят анализ действующего уголовно-процессуального законодательства с целью выявления отличий процесса проверки доказательств от процесса оценки доказательств на стадии предварительного расследования. Рассматриваются способы осуществления проверки протоколов следственных действий, полученных в ходе предварительного расследования. Авторы приходят к выводу, что под проверкой протокола следственного действия следует понимать мыслительную деятельность субъекта, направленную на проверку соблюдения законодательно установленной формы составления протокола, а также на проверку информации, содержащейся в протоколе следственного действия, и ее сопоставление с другими доказательствами. Именно в результате оценки правоприменитель приходит к выводу об установленности обстоятельств совершенного преступления и об объяснении противоречий в доказательственной информации, в то время как путем проверки выясняются причины выявленных противоречий.

Ключевые слова: протокол, проверка, оценка, доказательства, процесс доказывания

Для цитирования: Винокуров Э.А., Амелин И.С., Ковтун Ю.А. Процессуальный порядок проверки протоколов следственных действий // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 13 – 18. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-13-18

Поступила в редакцию: 3 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

The procedural procedure for checking the protocols of investigative actions

¹ Vinokurov E.A., ¹ Amelin I.S., ² Kovtun Yu.A.,
¹ Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
² Belgorod State National Research University

Abstract: in the article, the authors analyze the difference between the verification process of investigative protocols and their assessment. It is argued that at the stage of the preliminary investigation of a criminal case, it is the process of checking the protocols of investigative actions that plays an important role for the investigation of a criminal case. The current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation does not contain the concept of verification of evidence, nor does it specify the methods and procedure for its implementation. The authors analyze the current criminal procedure legislation in order to identify differences between the process of verifying evidence and the process of evaluating evidence at the stage of preliminary investigation. The ways of checking the protocols of investigative actions obtained during the preliminary investigation are being considered. The authors conclude

that the verification of the protocol of the investigative action should be understood as the mental activity of the subject aimed at verifying compliance with the legally established form of drawing up the protocol, as well as checking the information contained in the protocol of the investigative action and comparing it with other evidence. It is as a result of the assessment that the law enforcement officer comes to the conclusion that the circumstances of the crime have been established and that contradictions in the evidentiary information have been explained, while by checking the causes of the identified contradictions are clarified.

Keywords: protocol, verification, evaluation, evidence, proof process

For citation: Vinokurov E.A., Amelin I.S., Kovtun Yu.A. The procedural procedure for checking the protocols of investigative actions. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 13 – 18. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-13-18

The article was submitted: May 3, 2024; Approved after reviewing: July 2, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Разностороннее развитие демократии и законности, усиление охраны прав и свобод человека и гражданина в области уголовного судопроизводства, послужили основой повышения предъявляемых требований, как к процессуальному механизму сбора доказательств при расследовании уголовных дел в целом, так и к проверке и оценки со стороны уполномоченных должностных лиц, указанных доказательств на предмет относимости, допустимости и достоверности. При этом, следует отметить, что актуальность данного направления, обусловлено, во-первых, постоянными теоретическими изысканиями в данной области, а во-вторых, в связи с возникающими проблемными аспектами у правоприменителя при осуществлении указанной проверки.

В данном контексте, также следует отметить, что среди выделяемых законодателем доказательств, особое место отводится протоколам следственных действий. Это обусловлено, тем, что указанные доказательства призваны не только обеспечить реализацию назначения и принципов уголовного судопроизводства, но и по своему содержанию выступают одним из элементом гарантий соблюдения прав и свобод лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Материалы и методы исследований

В данной статье авторы проводят сравнение процессуального порядка проверки доказательств и оценки доказательств на стадии предварительного расследования. Выполнен анализ процессуального порядка проверки протоколов следственных действий следователем, дознавателем, судом путем: сопоставления ранее полученных доказательств, с новыми доказательствами; осуществления поиска и установление источников доказательств, подвергаемых проверке; подтверждения или опровержения обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, а также с позиции сопоставления протокола следственного действия с формально определенными критериями.

Результаты и обсуждения

К собранным в ходе предварительного расследования протоколам следственных действий, применимо положение ст.85 УПК РФ, в соответствии с которой, протоколы, выступая в совокупности доказательств, должны быть подвергнуты проверке и оценке в порядке, предусмотренном ст.87 и 88 УПК РФ [10]. Данные три конструктивных элемента (собирание, проверка и оценка), находятся в тесной взаимосвязи, логично следуют друг за другом и взаимно дополняют друг друга в своей процессуальной сущности.

Стоит отметить, что процессы проверки и оценки протоколов следственных действий по своей сущности довольно сильно похожи между собой. Но, при всем при этом, между ними, несомненно, имеются существенные различия. Так, И.И. Мухин, разграничивая данные понятия, говорит о том, что под проверкой рассматривается познание, преобладающего чувственным началом, а под оценкой доказательств рассматривается сугубо мыслительная деятельность субъекта, указанного в уголовно-процессуальном законодательстве по рациональному познанию, которое направлено на получение истинной информации по отдельно рассматриваемому уголовному делу [5, с. 9].

Довольно часто на стадии предварительного расследования уголовного дела именно процесс проверки протоколов следственных действий, играет важную роль, несмотря на, казалось бы, фундаментальное положение процесса их оценки.

О важности процесса проверки доказательств говорят многие ученые. Так Ю.К. Орлов отмечает, что процесс проверки примечателен тем, что в своей сущности таковым он является только для проверяемых

доказательств, когда для доказательств, которые выступают проверяющими более свойственно в данном случае их собирание [6, с. 113]. Такое мнение поддерживает С.Б. Россинский, которые ко всему вышеперечисленному добавляет также и свое положение, которое касается процесса производства следственных действий и гласит, что к ним применителен только один из способов проверки доказательств, указанных в законе - это поиск и последующее получение других доказательств, которые будут либо подтверждать, либо опровергать вышеуказанные следственные действия [7, с. 262].

Что касается других ученых, можно констатировать, что вектор их исследования в области проверки протоколов следственных действий устремлен, в большинстве случаев, на сущность их допустимости, что, в своей сущности, входит в область оценки доказательств по уголовному делу. Так, Ю.В. Шелегов, рассуждая о сущности проверки протоколов следственных действий, отмечает, что фундаментальным элементом будет являться элемент допустимости [11].

А.Р. Белкин утверждает, что процесс проверки доказательства включает в себя следующие элементы - относимость, допустимость и достоверность, а в сущность понятия оценки следует включить, по его мнению, поиск уполномоченным лицом связей, в которых находятся отдельные доказательства по уголовному делу, их характер. Также в данную категорию А.Р. Белкин включает поиск потенциальных возможностей доказательств для установления или опровержения обстоятельств, которые могут иметь значение для уголовного дела [2, с. 278].

По мнению А.В. Гарусова, процесс проверки доказательств является промежуточным связующим звеном между, носящим более технический характер, собиранием и оценкой доказательств. Также данный автор отмечает то, что процесс проверки не может существовать без процесса оценки, так и с точностью наоборот [3, с. 31].

Диспозиция ст.87 УПК РФ, определяет субъектный состав процесса проверки доказательств, который представляет собой дознавателя, следователя, прокурора и суд. Также данная норма устанавливает способы осуществления вышеуказанными субъектами проверки, которая выражается в своей совокупности в трех элементах, которые будут поочередно характеризованы ниже.

1. Сопоставление доказательств, находящихся в данном случае в процессе проверки с другими, уже имеющимися.

Проанализировав данный аспект, отметим, что большую долю исследований по проблематике проверки протоколов следственных действий занимает их сопоставление с другими собранными и проверенными доказательствами по уголовному делу. При всем этом, чем большее количество фактов будут подтверждать проверяемый протокол, тем сомнений, касаюмо его, будет гораздо меньшее количество. Также посредством сопоставления с другими фактами могут проясниться некоторые причинно-следственные связи между доказательствами. Поэтому от следователя или дознавателя при подходе к процессу проверки протоколов следственных действий необходимо, помимо проведения соответствующего следственного или следственных действий, провести и ряд процессуальных действий в целях полноты и всесторонности проверяемых доказательств.

Приведем пример из правоприменительной практики. Так, гражданин Р. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.264.3 УК РФ. Гражданин Р. находился по месту работы на базе по ремонту автомобилей и бульдозеров. Около 11 часов к нему обратился работодатель - гражданин С., который поинтересовался есть ли у него водительское удостоверение категории «С» и, получив положительный ответ, попросил отвезти на автомобиле марки Ниссан запчасти бульдозера на свой дачный участок, расположенный за д. Иваново.

Управляя вышеуказанным автомобилем в 11 часов 25 минут 28 марта 2023 г., гражданин Р. выехал с территории базы и поехал в направлении д. Иваново. По пути движения у д. Калиново около 12 часов 45 минут он совершил дорожно-транспортное происшествие, столкнувшись с двигающимся в попутном направлении автомобилем марки УАЗ. Испугавшись, гражданин Р. уехал. Но вернулся на место дорожно-транспортного происшествия в тот же день в 13 часов 25 минут. Водитель автомобиля УАЗ сообщил, что вызвал инспекторов дорожно-патрульной службы. Последние вскоре прибыли на место дорожно-транспортного происшествия и оформили соответствующие документы. Поскольку у него отсутствовало водительское удостоверение, то он был отстранен от управления транспортным средством.

Так, в целях судебного разбирательства по данному совершенному преступлению судом были проверены протоколы допросов двух свидетелей, коими являются сотрудники ДПС посредством сопоставления их с протоколами допросов двух других свидетелей. В конечном итоге, в показаниях свидетелей, которыми являются сотрудники ДПС, судом существенных противоречий не было найдено, что наглядно нам демонстрирует процесс проверки доказательств судом посредством сопоставления с другими, уже ранее собран-

ными.

2. Поиск и установление источников доказательств, подвергаемых проверке.

В данном элементе речь непосредственно идет о том, что в качестве доказательств, сообщенных свидетелем, когда он не может указать источник своей осведомленности, в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, а также показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе или, когда они не могут указать источник своей осведомленности, относятся к недопустимым доказательствам.

В научной литературе часто высказывается мнение, что показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности и сведения, источник которых не известен, – это принципиально разные понятия. Под установлением источников, толкуя буквально норму закона, следует понимать – откуда были получены те сведения, которые составляют содержание доказательства. Из смысла п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ в отношении показаний свидетеля субъектом доказывания всегда должна быть применена проверка в форме установления источника осведомленности. В ходе процесса по установлению источника доказательства должен быть установлен первоисточник, то есть тот, от кого доказательственная информация стала известна лицу, который сообщил ее субъекту доказывания. Здесь следует обратить внимание на то, в каких отношениях лицо, которое давало показания, находится с тем, кого оно называет источником сообщаемых им сведений, ведь, в некоторых случаях могут возникнуть сомнения в достоверности сведений, например, если они получены от заинтересованного лица.

3. Осуществление получения иных доказательств, которые, в свою очередь, либо подтверждают, либо опровергают проверяемое доказательство.

Характеризуя данный элемент с точки зрения генезиса проверки протоколов следственных действий, отметим, что посредством получения других доказательств у следователя или дознавателя появляется возможность судить о сомнительности, спорности или достоверности проверяемого доказательства, его противоречивости или непротиворечивости, конкретном или абстрактном характере содержащихся в нем сведений, их степени полноты, или, наоборот, неполноты, логической связи или ее отсутствии.

Процесс поиска данной внутренней логической связи, достоверности или ее отсутствия, позволяет уполномоченному субъекту не только установить полноту или степень детализации данных элементов, но и дать им частичные предположительные объяснения по поводу их.

Процесс проверки результатов следственных действий заключается в соответствии проверяемого протокола с формально определенным перечнем критериев.

Так, во-первых, следственное действие должно быть произведено при наличии определенных оснований, коими являются фактические и юридические. Фактическим основанием следует признавать наличие определенных данных, которые позволяют рассчитывать на достижение поставленных целей, при производстве следственного действия. Юридическим же основанием будет считаться разрешение на производство следственного действия со стороны уполномоченного субъекта в виде постановления или решения, если речь идет о судебном органе. Отсутствие данных положений будет являться поводом для признания протокола недопустимым доказательством.

Во-вторых, проверяется тождество определенного следственного действия с присущими ему целями и задачами, соответствие фактически произведенных действий с отраженными в протоколе. В данном случае следует отметить случаи подмены протоколов следственных действий в их определенной части или же целиком.

В-третьих, происходит сравнительный анализ на предмет соответствия нормативно закрепленного порядка производства соответствующего следственного действия с фактически описанном в протоколе. По сути, в данном случае происходит проверка на соответствие протокола принципу законности во всеобъемлющем его понимании. Отдельное внимание в данном критерии следует уделять соответствие протоколов законодательным предписаниям при производстве следственных действий в случаях не терпящих отлагательств, так как в данном аспекте непосредственно затрагиваются конституционные права и свободы [1].

В-четвертых, фактическое наличие и присутствие при производстве следственного действия определенных лиц и правильность их отражения в протоколе. Так, при участии в следственных действиях определенных категорий лиц, таких как несовершеннолетние, законодатель обязывает присутствовать психолога, педагога. При отражении в протоколе информации об участии данных лиц необходимо также указывать образование и иные данные, которые могут иметь значение в данном случае.

В-пятых, проверяется аспект соблюдения прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Так, при производстве любого следственного действия наиболее актуальным является вопрос о соблюдении права на защиту. Также право на ознакомление с материалами уголовного дела, право на использование услуг переводчика и другие, должны быть в непосредственном поле внимания со стороны субъекта, осу-

ществляющего проверку.

В-шестых, правомерность применения специальных технических средств и правильность обнаружения, изъятия, упаковки следов и орудий преступления. Здесь следует отметить уведомление участников о применении технических средств фиксации хода и результатов следственного действия, их соответствие с результатами, указанными в протоколе. Во втором случае акцент придается наличию у следователя или дознавателя соответствующих криминалистических навыков и знаний в аспекте изъятия следов и орудий преступления.

В-седьмых, всесторонность, полнота и объективность закрепления информации, имеющей доказательственное значение, при производстве следственного действия. В данном случае речь идет о соответствии объективно происходящих явлений, событий, фактов с описанием данных элементов в протоколе. Здесь следует отметить то, что следователь или дознаватель в данном случае будет выступать лишь средством отражения информации в протоколе. Так, анализируя обстановку в условиях проведения соответствующего следственного действия субъект должен наиболее объективно, фактически грамотно установить и подробно описать картину произошедшего или происходящего. В противном случае, от несоблюдения данных элементов, сказанных вначале, суду будет весьма затруднительно понять фактические обстоятельства следственного действия, что может повлечь признание проверяемого протокола следственного действия недопустимым доказательством.

Выводы

Таким образом, следует отметить, что под проверкой протокола следственного действия следует понимать мыслительную деятельность субъекта, направленную на проверку соблюдения законодательно установленной формы составления протокола, а так же на проверку информации, содержащейся в протоколе следственного действия, и ее сопоставление с другими доказательствами. Полнота и правильность проведения данного процесса, в свою очередь, влияет на процесс оценки доказательства и, в последующем, на всю совокупность доказательств аккумулируемой доказательственной базы.

Список источников

1. Ахмедов У.О. Уголовно-процессуальный анализ формы и доказательственного значения протоколов следственных действий // Вестник ВИ МВД России. 2022. № 3. С. 187 – 191.
2. Белкин А.Р. Теория доказывания: Научно-методическое пособие. Москва: НОРМА, 1999. 418 с.
3. Гарусов А.В. Оценка показаний участников уголовного судопроизводства, заинтересованных в исходе дела: 12.00.09: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. 202 с.
4. Копейкина И.В. Оценка доказательств в уголовном процессе // Достижения науки и образования. 2020. № 13. С. 23 – 25.
5. Мухин И.И. Важнейшие проблемы оценки доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 108 с.
6. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 175 с.
7. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: 12.00.09: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 525 с.
8. Токаренко Е.С. Проверка доказательств как элемент системы уголовно-процессуального доказывания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 3 (57). С. 35 – 39.
9. Телина И.Е. Проблемы признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе России // Science Time. 2019. № 8 (68). С. 25 – 30.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
11. Шелегов Ю.В. Использование косвенных доказательств в уголовном процессе: 12.00.09: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2016. 231 с.
- 12.

References

1. Akhmedov U.O. Criminal procedural analysis of the form and evidentiary value of protocols of investigative actions. Bulletin of VI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3. P. 187 – 191.
2. Belkin A.R. Theory of evidence: Scientific and methodological manual. Moscow: NORM, 1999. 418 p.
3. Garusov A.V. Evaluation of the testimony of participants in criminal proceedings interested in the outcome of the case: 12.00.09: dis. ...cand. legal Sci. St. Petersburg, 2017. 202 p.

4. Kopeikina I.V. Evaluation of evidence in criminal proceedings. Achievements of science and education. 2020. No. 13. P. 23 – 25.
5. Mukhin I.I. The most important problems of evaluating evidence in criminal and civil proceedings. L.: Leningrad State University Publishing House, 1974. 108 p.
6. Orlov Yu.K. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. M.: Jurist, 2009. 175 p.
7. Rossinsky S.B. Conceptual basis for the formation of the results of “non-verbal” investigative and judicial actions in evidence in a criminal case: 12.00.09: dis. ... cand. legal Sci. Moscow, 2015. 525 p.
8. Tokarenko E.S. Verification of evidence as an element of the system of criminal procedural evidence. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (57). P. 35 – 39.
9. Telina I.E. Problems of recognizing evidence as inadmissible in Russian criminal proceedings. Science Time. 2019. No. 8 (68). P. 25 – 30.
10. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on May 29, 2024). Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.
11. Shelegov Yu.V. The use of circumstantial evidence in criminal proceedings: 12.00.09: dis. ...cand. legal Sci. Irkutsk, 2016. 231 p.

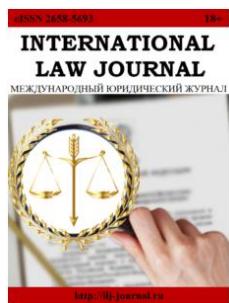
Информация об авторах

Винокуров Э.А., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, VinokurovEA@yandex.ru

Амелин И.С., Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Ковтун Ю.А., кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

© Винокуров Э.А., Амелин И.С., Ковтун Ю.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.43
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-19-23

Некоторые особенности прекращения обязательств зачетом в рамках процессуальных правоотношений

¹ **Фальковский В.В.,**

¹ **Московский финансово-промышленный университет Синергия**

Аннотация: работа посвящена анализу особенностей реализации института зачета как механизма прекращения гражданско-правовых обязательств в рамках процессуальных отношений между сторонами обязательственных отношений. Автор исследует законодательство, судебную практику и литературу, посвященные вопросам применения зачета в судебном процессе, определяет проблематику реализации такого зачета, а также анализирует особенности применения зачета на стадии исполнения судебных актов, которыми подтверждается бесспорный характер зачитываемых требований. В конце работы делаются выводы о наличии некоторых особенностей реализации зачета путем предъявления встречного иска ответчиком.

Ключевые слова: зачет, зачет встречных требований, прекращение обязательств зачетом, зачет в суде, процессуальные особенности зачета

Для цитирования: Фальковский В.В. Некоторые особенности прекращения обязательств зачетом в рамках процессуальных правоотношений // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 19 – 23. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-19-23

Поступила в редакцию: 4 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Some features of termination of obligations by offset in the framework of procedural legal relations

¹ **Falkovsky V.V.,**

¹ **Moscow Financial and Industrial University Synergy**

Abstract: the article is devoted to the analysis of the features of the implementation of the institution of set-off as a mechanism for the termination of civil obligations within the framework of procedural relations between the parties to contractual relations. The author examines legislation, judicial practice and literature on the application of set-off in the judicial process, defines the problems of the implementation of such a set-off, and also analyzes the features of the application of set-off at the stage of execution of judicial acts, which confirms the indisputable nature of the requirements being read. At the end of the work, conclusions are drawn about the presence of some features of the implementation of the offset by presenting a counter-claim by the defendant.

Keywords: set-off, set-off of counterclaims, termination of obligations by set-off, set-off in court, procedural features of set-off

For citation: Falkovsky V.V. Some features of termination of obligations by offset in the framework of procedural legal relations. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 19 – 23. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-19-23

The article was submitted: May 4, 2024; Approved after reviewing: July 3, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Цель исследования – определить особенности реализации института зачета в рамках процессуальных правоотношений

Задачи – проанализировать законодательство, судебную практику и научную литературу в целях выявления особенностей реализации механизма зачета в случае вступления сторон обязательства в процессуальные правоотношения (прежде всего, в рамках судебного процесса), проанализировав отдельные право-применительные подходы и законодательство по данной проблематике.

Гипотеза – зачет как механизм прекращения обязательств реализуется в результате совершения одной из сторон обязательства односторонней сделки в виде заявления о зачете, что означает возможность применения зачета вне зависимости от существования каких-либо процессуальных правотношений с участием сторон обязательства. По этим соображениям реализация зачета в рамках судебного разбирательства возможна в различных процессуальных формах – как путем предъявления встречного иска, так и путем заявления возражения (отзыва) с указанием на зачет встречных требований. При этом некоторые процессуальные особенности реализации зачета, а также различия между отзывом на иск (возражениями) и встречным иском позволяют судить о наличии некоторых особенностей при реализации зачета путем предъявления ответчиком встречного иска, что может выражаться в возможности преодоления последствий истечения сроков исковой давности по требованию, предъявлетому к зачету.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, материалы судебной практики, научная литература.

Результаты и обсуждения

Современную хозяйственную практику невозможно представить без регулярного совершения участниками оборота расчетных операций в пользу друг друга. Коммерческая жизнь практически любого предприятия предполагает необходимость получения и перераспределения финансовых потоков, что, как правило, осуществляется посредством самых разнообразных банковских операций, позволяющих обмениваться денежными средствами в безналичном порядке [1].

В то же время соображения удобства и необходимости снижения транзакционных издержек привели к формированию института зачета как способа прекращения взаимных (встречных) однородных обязательств сторон друг к другу по заявлению любой из сторон спора, что не требовало совершения реальных расчетных операций по переводу (передаче) денежных средств между сторонами обязательства. Прообраз современного механизма зачета был известен еще Древнему Риму, в котором банкиры и их клиенты заявляли о зачете существующих между ними требований при наличии соответствующих оснований [2].

Несмотря на то, что институт зачета сам по себе является институтом материального права в рамках частноправовой подотрасли обязательственного права, его реализация на практике зачастую имеет тесную связь с судебным разбирательством, предметом которого может выступать требование, которое предъявляется к зачету (в терминологии Верховного Суда РФ – активное требование [3]), или же требование, против которого осуществляется зачет (пассивное требование).

В частности, представляют собой интерес случаи совершения зачета после предъявления иска кредитором к должнику, имеющему право на зачет, что предполагает постановку вопросов как о допустимости такого зачета, так и о конкретном способе (процессуальной форме) реализации такого зачета.

Предваряя ответы на данные вопросы, следует отметить, что в своем классическом понимании зачет как правопрекращающий правовой эффект происходит в результате реализации одним из кредиторов и одновременно должников принадлежащего ему секундарного права на совершение односторонней сделки в виде заявления о зачете, правовой эффект от совершения которой наступает после восприятия данной сделки (получения информации о её совершении) контрагентом [4].

Изложенное означает, что сама возможность прекращения обязательств в форме зачета никак не ставится в зависимость от наличия либо отсутствия судебного разбирательства по поводу взыскания долга по прекращающимся обязательствам, в связи с чем зачет допустим за рамками судебного процесса. Кажется верным, что такая же логика должна распространяться и на случаи, когда судебное разбирательство в отношении зачетоспособных требований уже началось, поскольку сама по себе подача иска одной из сторон обязательства не отменяет свойства зачетоспособности встречных требований.

Несмотря на изложенное, правоприменительная практика длительное время придерживалась принципиально иного, в определенной степени консервативного подхода относительно модальности совершения зачета после инициирования судебного процесса о взыскании долга по одному из встречных требований.

В частности, пунктом 1 Информационного письма Высшего Арбитражного суда РФ от 29.12.2001 N 65 было указано на невозможность осуществления зачета лодной из сторон обязательства после предъявления к ней иска о взыскании встречного требования [4]. Позиция высшей судебной инстанции сводилась к тому, что правопрекращающий эффект зачета мог быть реализован исключительно путем предъявления ответчиком, имеющим право на зачет, встречного иска к первоначальному истцу, в результате чего суд по специально установленным правилам АПК РФ [5] принимал такой встречный иск ввиду его направленности к зачету требований первоначального иска (п. 1 ч. 3 ст. 132), а затем, вынося решение, указывал на взыскание с одной из сторон оставшейся денежной суммы после зачета требований первоначального и встречного исков (ч. 5 ст. 170).

Кажется очевидным, что такой подход является некорректным не только по причине своей ригидности, но и в связи с полной невозможностью догматического объяснения самого феномена ненаступления право-прекращающего эффекта зачета в связи с возбуждением судебного дела, касающегося зачитываемых требований. Ни ГК РФ [6], ни какие-либо иные нормативные акты не содержат нормативных предписаний, устанавливающих невозможность осуществления зачета в ситуации возбуждения дела судом, что очевидно свидетельствует о сомнительности предложенного Высшим Арбитражным судом РФ подхода.

Представляется, что в качестве возможного объяснения причин появления такого разъяснения следует учесть особенности публичного законодательства, в частности положений НК РФ [7] о необходимости оплаты государственной пошлины при предъявлении иска в суд. Можно предположить, что авторы Информационного письма № 65 руководствовались тем, что подача встречного иска в связи с наличием у ответчика иного требования, зачитываемого к требованию истца, приводит к расширению объема судебной проверки по делу, что, по сути, означает разрешение дополнительного правового спора судом. Именно по этой причине нельзя согласиться с рядом авторов о том, что у Высшего Арбитражного суда РФ отсутствовали политico-правовые мотивы для издания такого разъяснения [8].

Во всяком случае, последующая судебная практика применения норм ГК РФ о зачете, кульминацией которой стало принятие Верховным Судом РФ постановления Пленума, посвященного прекращению обязательств [3], пошла по принципиально иному пути, указав на возможность применения зачета в судебном процессе путем простого заявления ответчиком процессуального возражения, констатирующего факт реализации им права на зачет, что подлежит безусловному учету судом при вынесении решения по спору.

Не менее важным доводом в поддержку тезиса о возможности применения зачета в судебном процессе не только посредством подачи встречного иска, но и посредством заявления ответчиком соответствующего возражения, является довод о том, что принятие судом встречного иска ответчика не всегда гарантировано ввиду наличие широких дискреционных полномочий суда первой инстанции при решении вопроса о принятии встречного иска, а также в связи с наличием ряда исключений, позволяющих вынести процессуальное решение об отказе в принятии встречного иска к производству суда – например, при неоправданно позднем предъявлении встречного иска, что может быть расценено в качестве процессуального злоупотребления, направленного на затягивание судебного процесса [9].

При этом представляет интерес правовая природа такого заявления ответчика о зачете, которая фактически носит двойственный характер – с одной стороны, это процессуальное возражение (отзыв) на исковое заявление, а с другой – полноценное заявление о зачете, которым материализуется совершение секундарного права ответчика на прекращение встречных обязательств между ним и истцом.

Не менее важным вопросом процессуальной реализации механизма зачета является вопрос о допустимости такого зачета на окончательной стадии судебного процесса – стадии исполнения судебных актов. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что принудительно исполняемое требование, признанное вступившим в законную силу судебным актом, является фактически бесспорным, то есть легитимированным со стороны правовой системы как подлежащее безусловному исполнению должником.

В этой связи кажется явно несправедливым предоставлять возможность совершения зачета в случае, когда одно требование подтверждено судебным актом, а другое – нет (по крайней мере, если кредитор по подтвержденному судебным актом требованию не выразит на это согласие).

Обозначенная проблематика частично разрешена положениями ст. 88.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [10], согласно которой судебный пристав-исполнитель вправе зачесть встречные однородные требования между должником и взыскателем при условии наличия исполнительных документов и возбуждении исполнительных производств по обоим требованиям.

Представляется, что такое регулирование, несмотря корректность его общей направленности (соблюдение принципа равенства), не является в полной мере эффективным из-за буквального содержания нормы, поскольку предъявляемое к зачету требование может быть подтверждено судом не только при выдаче исполнительного листа и возбуждения исполнительного производства, но и в отсутствие такового. Также следует отметить, что законодатель и Верховный Суд РФ обходят молчанием ситуацию, при которой одно из предъявляемых к зачету требований подтверждено судебным актом, а второе подтверждено наличием исполнительного листа, выданного в отсутствие какой-либо судебной процедуры (например, исполнительная надпись нотариуса).

Наконец, последним значимым вопросом реализации зачета в судебном процессе является вопрос о применении срока исковой давности, истечение которого, как известно, приводит к невозможности осуществления зачета (ст. 411 ГК РФ). Несмотря на очевидность материально-правового регулирования данного вопроса, реализация зачета в рамках судебного процесса предполагает наличие некоторых особенностей, способных привести к иному решению.

Так, возможно представить ситуацию, при которой ответчик заявляет о зачете посредством простого процессуального возражения, при этом по собственному требованию ответчика срок исковой давности является пропущенным. Представляется, что в подобной ситуации суд, руководствуясь п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 [3], должен не принимать во внимание сделанное ответчиком заявление о зачете как не имеющее юридической силы даже если со стороны истца не будет заявлено соответствующих возражений, основанных на применении исковой давности. Иными словами, истечение срока исковой давности по активному требованию влечет объективную невозможность применения зачета, при этом незаявление должником по такому требованию *exceptio temporis* по какой-либо причине не отменяет факта задавленности активного требования и, соответственно, отсутствия у него зачетоспособности.

В то же время в ситуации реализации ответчиком собственного права на зачет не в виде процессуального возражения, а в форме встречного иска, задавленность требований ответчика не означает автоматического отказа в удовлетворении встречного иска и последующем зачете требований в случае незаявления истцом о пропуске ответчиком срока исковой давности по встречному иску. Данная особенность может быть объяснена тем, что встречный иск, направленный к зачету первоначального иска, процессуально представляет собой самостоятельное притязание ответчика к истцу, которое, до его удовлетворения судом, само по себе не приводит к зачету встречных требований. Это заключается в том, что механизм зачета, осуществляемого судом при вынесении решения в соответствии с ч. 5 ст. 170 АПК РФ, является лишь техническим способом распределения присужденных сумм между истцом и ответчиком путем их автоматического сальдинирования судом, что не является классическим правопрекращающим зачетом, действие которого происходит в отсутствие на то специального указания со стороны суда или иных органов и лиц.

Таким образом, следует констатировать, что особенности реализации механизма зачета путем процессуального предъявления ответчиком встречного иска позволяет добиваться результатов, которые при обычном развитии событий были бы невозможны – например, добиться зачета фактически задавленного активного требования в случае незаявления должником по такому требованию возражения о применении срока исковой давности.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Обосновано, что правопрекращающий эффект зачета допустим независимо от инициации судебного разбирательства в отношении зачитываемых требований, поскольку возможность обоснования прекращения зачетоспособности требований, в отношении которых инициирован судебный процесс, не представляется возможным с доктринальской точки зрения.

Аргументировано, что заявленное в суде заявление о зачете в форме процессуального возражения (отзыва на иск) имеет двойственную правовую природу, поскольку такое выступает как процессуальным действием стороны спора, так и односторонней сделкой стороны, реализующей свое секундарное право на прекращение обязательства зачетом.

Продемонстрированы особенности и несовершенство текущего правового регулирования вопросов зачетоспособности требований, подтвержденных судебными актами, во исполнение которых выданы исполнительные документы и возбуждено исполнительное производство.

Констатировано наличие определенных особенностей реализации зачета в форме предъявления ответчиком встречного иска, среди которых, в частности, возможность фактического достижения эффекта зачета при пропуске срока исковой давности по активному требованию в случае незаявления должником по данному требованию возражения о пропуске срока исковой давности.

Список источников

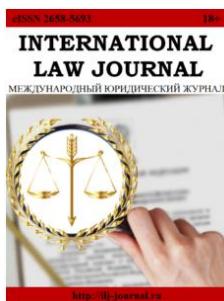
1. Тарасенко О.А. Обычаи делового оборота, применяемые в банковской практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. N 2 (СПС «Консультант Плюс»).
2. Тузов Д.О., Саргсян А.М. Общие положения об обязательствах Гражданского кодекса Италии (перевод и постатейный комментарий к ст. 1173-1320) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. N 1. С. 129 – 180; N 2. С. 131.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета. N 136. 25.06.2020.
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 N 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» // Вестник ВАС РФ. N 3. 2002.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Российская газета. N 137. 27.07.2002.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ // Парламентская газета. N 151-152. 10.08.2000.
8. Церковников М., Карапетов А., Павлов А., Сарбаш С., Латыев А., Соломин С., Белов В. Прекращение обязательств: новые ориентиры для судебной практики // Закон. 2020. N 7. С. 30 – 31.
9. Шевченко И.М. К вопросу о правовой природе судебного зачета // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. N 3. С. 35 – 39.
10. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» // Российская газета. N 223. 06.10.2007.

References

1. Tarasenko O.A. Business customs used in banking practice. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2009. N 2 (SPS “Consultant Plus”).
2. Tuzov D.O., Sargsyan A.M. General provisions on the obligations of the Italian Civil Code (translation and article-by-article commentary to Articles 1173-1320). Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. N 1. P. 129 – 180; N 2. P. 131.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 11, 2020 N 6 “On some issues of application of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on termination of obligations”. Rossiyskaya Gazeta. N 136. 06.25.2020.
4. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 29, 2001 N 65 “Review of the practice of resolving disputes related to the termination of obligations by offsetting counter homogeneous claims”. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. N 3. 2002.
5. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 N 95-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 137. 07.27.2002.
6. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 238-239. 08.12.1994.
7. Tax Code of the Russian Federation (part two) dated 05.08.2000 N 117-FZ. Parliamentary newspaper. N 151-152. 08/10/2000.
8. Tserkovnikov M., Karapetov A., Pavlov A., Sarbash S., Latyev A., Solomin S., Belov V. Termination of obligations: new guidelines for judicial practice. Law. 2020. N 7. P. 30 – 31.
9. Shevchenko I.M. On the issue of the legal nature of judicial offset. Arbitration and civil process. 2021. N 3. P. 35 – 39.
10. Federal Law “On Enforcement Proceedings”. Rossiyskaya Gazeta. N 223. 06.10.2007.

Информация об авторе

Фальковский В.В., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, falk_vv@rambler.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.9
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-24-29

Современные аспекты применения телекоммуникационных технологий для совершения преступлений

^{1, 2} Кораблев А.А.,

¹ адвокат Адвокатской палаты г. Москвы,

² Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: в качестве значимой причины совершения преступлений выступает существование корыстного умысла, при этом в качестве предмета выступают денежные средства. На современном этапе существует множество новых разновидностей преступлений, основанных на применении телекоммуникационных технологий с использованием технических устройств.

Опираясь на существующие тенденции, а также показатели статистики, исследуемые аспекты представляются актуальными, вследствие чего значимым представляется исследование видов современных преступлений, методов их совершения в киберпространстве. В статье изучаются проблемные аспекты, связанные с преступлениями с использованием телекоммуникационных технологий, сети Интернет. Даные технологии в настоящее время предоставляют обширные возможности для совершения преступлений против личности.

Опираясь на статистические показатели, в России на современном этапе значительная доля преступлений совершается с использованием телекоммуникационных технологий, при этом наиболее распространеными среди них является осуществление звонков под видом сотрудников банковских учреждений, реализация DDOS-атак, вследствие чего представляется значимым исследование особенностей использования телекоммуникаций для совершения преступлений, что позволяет разработать направления противодействия данным преступлениям.

В рамках статьи раскрываются основные понятия и их определения, а также позиции ученых в отношении современных телекоммуникационных преступлений, возможностей их определения, противодействия им.

Ключевые слова: телекоммуникационные технологии, мошенничество, преступления, информационно-телекоммуникационные технологии, киберпространство, киберпреступления, цифровые технологии, цифровизация, преступления против личности, способы совершения преступлений

Для цитирования: Кораблев А.А. Современные аспекты применения телекоммуникационных технологий для совершения преступлений // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 24 – 29. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-24-29

Поступила в редакцию: 4 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Modern aspects of the use of telecommunication technologies for the commission of crimes

^{1, 2}Korablev A.A.,

¹lawyer of the Moscow Law Chamber,

³Moscow University of Finance and Industry Synergy

Abstract: the existence of mercenary intent acts as a significant reason for the commission of crimes, while money acts as an object. At the present stage, there are many new types of crimes based on the use of telecommunication technologies using technical devices.

Based on existing trends, as well as statistical indicators, the studied aspects seem relevant, as a result of which it is significant to study the types of modern crimes and methods of their commission in cyberspace. The article examines the problematic aspects related to crimes involving the use of telecommunications technologies and the Internet. These technologies currently provide extensive opportunities for committing crimes against the person.

Based on statistical indicators, in Russia at the present stage, a significant proportion of crimes are committed using telecommunications technologies, while the most common among them are making calls under the guise of employees of banking institutions, implementing DDOS attacks, as a result of which it seems significant to study the features of using telecommunications to commit crimes, which allows us to develop ways to counter these crimes.

The article reveals the basic concepts and their definitions, as well as the positions of scientists in relation to modern telecommunications crimes, the possibilities of their definition, and countering them.

Keywords: telecommunication technologies, fraud, crimes, information and telecommunication technologies, cyberspace, cybercrimes, digital technologies, digitalization, crimes against the person, methods of committing crimes

For citation: Korablev A.A. Modern aspects of the use of telecommunication technologies for the commission of crimes. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 24 – 29. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-24-29

The article was submitted: May 4, 2024; Approved after reviewing: July 3, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Современные информационно-телекоммуникационные технологии и сети выступают в качестве виртуального пространства, средства взаимодействия лиц, при этом в рамках взаимодействия получается информация. Данное взаимодействие базируется на активном инновационном общественном развитии, активном распространении информационно-телекоммуникационных технологий в повседневной жизни людей.

Авторами подчеркивается, что с позиции криминогенности, активная цифровизация и информатизация формирует угрозы образования новых высокотехнологичных методов совершения преступлений [3].

В уголовно-правовой науке трактовка способов совершения преступлений заключается в единстве конкретных методов активного криминального поведения, которые нацелена на достижение преступных результатов, при этом единство данных методов, которыми обеспечивается осуществление способа совершения преступлений, имеет определенную последовательность. Этим объясняется уровень и специфика общественной опасности преступлений, а также выделяются обязательные признаки, которыми характеризуется объективная сторона преступления.

Учеными подчеркивается, что способы совершения преступлений по сравнению с иными признаками объективной стороны наиболее часто применяется законодателем при формировании состава преступления [12].

Наукам уголовного права и криминалистике свойственна такая особенность, как характеристика способа совершения преступления, при этом в научных источниках подчеркивается, что способ совершения преступного деяния выходит за пределы криминологии [9].

С позиции авторов, данный подход нуждается в переосмыслении вследствие существующих изменений, которые затрагивают общество, а также способы совершения преступлений в сфере телекоммуникационных технологий. Также подчеркивается, что изучение способов совершения преступлений с криминологической позиции, предоставляет возможность формировать эффективные средства и инструменты, необходимые для предупреждения подобных преступных деяний в сфере телекоммуникационных технологий [5].

Материалы и методы исследований

Материалами исследования явились нормы уголовного законодательства государства, регулирующие рассматриваемые виды преступлений; научные публикации исследователей по данной теме; статистические данные МВД России о количестве и структуре зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием телекоммуникационных технологий. При подготовке статьи были использованы: общий диалектический метод научного познания, нормативно-логический, наблюдение, анализ, обобщение, описание и иные научные методы.

Результаты и обсуждения

Опираясь на статистическую отчетность МВД России, в которой изучается положение преступности в 2022 г., количество преступлений, которые совершались с применением современных информационных и цифровых технологий, а также в сфере компьютерных данных, сократилось на 6% [10], что обусловлено существованием волнообразной специфики киберпреступлений. В качестве основы сокращения киберпреступлений выделяется проведение спецоперации в Украине [5].

Стоит отметить, что реализация профилактических мер, которые осуществлялись правоохранительными органами в СМИ, а также сети Интернет, которые сопряжены с информированием граждан о действиях и методах совершения преступлений кибермошенниками в киберпространстве, а также о необходимом поведении для избежания обмана, предоставили положительные итоги, которые также оказали воздействие на сокращение количества преступлений [4].

Опираясь на статистические показатели, в России на современном этапе значительная доля преступлений совершается с использованием телекоммуникационных технологий, при этом наиболее распространенными среди них является осуществление звонков под видом сотрудников банковских учреждений, реализация DDOS-атак [14].

При совершении преступных деяний в сфере телекоммуникационных технологий, преступники нацелены на препятствование, блокировку или контроль над интеллектуальными, познавательными, волевыми аспектами потерпевших, что направлено на формирование у них ощущения безопасности, а также необходимости реализации действий на момент совершения преступлений, что формирует основу для отсутствия противодействия со стороны потерпевших [13].

Исследование особенностей совершения хищений, которые осуществляются с применением телекоммуникационных технологий, а также непосредственно сети Интернет, позволяет отметить, что одной из дополнительных целей преступников выступает получение доступа к банковским счетам, персональным страницам интернет-банков потерпевших, для преступники участвуют во взаимодействии с потерпевшими.

Значимым представляется то, что преступниками применяются интернет-площадки, позволяющие взаимодействовать с потенциальными потерпевшими, среди которых выделяются:

- интернет-сервисы, необходимые для размещения объявлений об услугах, продукции, недвижимости;
- социальные сети;
- использование гиперактивных ссылок подложной рекламы [6].

Изучение методов совершения преступлений, которые совершаются с применением телекоммуникационных технологий позволяет подчеркнуть, что разновидности подобных деяний являются обширными, среди них выделяется осуществление тайного хищения имущества (кардинг), хищения посредством обмана (фишинг), распространение недостоверных данных (клевета), осуществление призывов к реализации террористических актов, осуществление незаконного оборота наркотиков, оружия, доведение до самоубийства («Тихий дом», «Синий кит»), реализация вредоносного вмешательства в функционирование систем.

В качестве значимой проблемы противодействия преступлениям в сфере телекоммуникационных технологий, выступает регулярное совершение и изменение способов их совершения, при этом изначальные методы совершения преступлений сменились новыми, при этом способа совершения преступлений находится в зависимости подбор инструментов для их совершения [11].

Соответственно, обладая представлением о способах совершения преступлений, создается возможность формирования криминалистической модели, а также версий и планов расследования, а в качестве приоритетной причины совершения современных преступлений выделяется наличие корыстного умысла, поскольку преступники нацелены на получение «легких» денег с минимальными вложениями.

В настоящее время существуют различные способы совершения преступлений, среди которых выделяется новая разновидность мошенничества, а именно обман держателей банковских вкладов и карт, в рамках которого преступниками используется схема верификации номеров. Согласно данной схеме людям поступают звонки от «служб безопасности банков», направленные на верификацию номеров. Подобные разно-

видности мошенничества используются как с применением непосредственно телефонов, так и различных мессенджеров [8].

В качестве распространенного метода выступают звонки от мошенников, представляющихся службой безопасности различных банковских учреждений, в пределах которых клиентам сообщается, что ими подавалась заявка на кредитование, при этом если клиент подавал подобную заявку, то ему предлагается пройти подтверждение, совершая определенные действия, вследствие чего происходит оформление кредита на крупные суммы, а денежные средства направляются на сторонний счет.

В ситуации, когда клиентом банка отрицается направление заявки на кредит, то мошенники объясняют, что ему требуется защитить кабинет от противозаконного доступа, вследствие чего необходимо оформление документов. В рамках оформления документов на клиента также происходит оформление кредита [1].

Примером могут послужить случаи, в которых жители России доверяют мошенникам, вследствие чего оформляют несколько кредитов на весьма крупные суммы, после чего они перечисляются на счета преступников, а в качестве способа совершения преступления выступают заверения и убеждение клиентов банка в том, что их личные кабинеты находятся под угрозой [2].

Еще одним мошенническим методом в настоящее время выступает применение фиктивных компенсаций, поскольку получение выплат представляется значимым аспектом, вследствие чего мошенники от имени государственных органов предлагают оформление денежных компенсаций, для чего в сети Интернет создаются сайты, на которых происходит «оформление» компенсационных выплат, вследствие чего населением переводятся денежные средства на счета преступников.

В качестве иного способа выступает реализация инвестиционных вложений, вследствие чего преступниками разрабатываются имитации блокчейн-платформ, включающих различную информацию, а также размещаются в социальных медиа ссылки на платформу. Опираясь на это, население, желающее получить доходы, используют ссылки и вносят денежные суммы. В рамках взаимодействия с гражданами мошенниками всегда применяется терминология, распространенная в определенной сфере, а также предлагается вложение крупных сумм в акции крупных компаний. В будущем возврат вложенных денежных средств невозможен [7].

Выводы

Необходимо отметить, что нередко населению поступают звонки от «финансовых консультантов» различных банков, при этом предлагается поддержка в получении кредитования на крупные приобретения (автомобили, квартиры), либо для исправления кредитной истории, после внесения средств никакие услуги не предоставляются, а номера телефонов в большинстве случаев являются односторонними.

Можно сделать вывод, что на современном этапе телекоммуникационные технологии активно применяются преступниками для совершения деяний, при этом существует необходимость противодействия подобным преступлениям, вследствие чего требуется разрывать взаимодействие жертв и преступников, что базируется на формирование взаимосвязи правоохранительных органов с банками, интернет-операторами, телекоммуникационными компаниями.

Список источников

1. Давыдов В.О., Тиштина И.В. Об актуальных проблемах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 81 – 91
2. Жительница Когалыма отдала мошенникам все свои сбережения и взяла для них кредит // Комсомольская правда. 2022. URL: <https://www.ugra.kp.ru/online/news/4979976/> (дата обращения: 29.01.2024)
3. Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 82 – 89.
4. Из-за чего снижается уровень киберпреступности // Новые ведомости. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://nvdaily.ru/info/261870.html> (дата обращения: 29.01.2024)
5. Кашкаров А.А., Кашкаров А.А. Криминологическая характеристика способов совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2. С. 125 – 130.
6. Лелетова М.В. Использование информационно-телекоммуникационных технологий как способ совершения насильственных преступлений против личности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2 (48). С. 51 – 56.

7. Лохотрон под видом инвестиций: как 4 жителей Марий Эл перечислили мошенникам около 2 млн рублей // Марийская правда. Новости республики Марий Эл: офиц. сайт. 2022. URL: <https://www.marpravda.ru/news/assosiations/lokhotron-pod-vidom-investitsiy-kak-4-zhiteley-mariy-el-perechislili-moshennikam-okolo-2-mln-rublej/> (дата обращения: 29.01.2024)

8. Мошенники применяют новую уловку с верификацией номеров // Новости России и мира, последние события на сегодня: офиц. сайт. 2022. URL: <https://news.mail.ru/society/51667619/?frommail=1> (дата обращения: 29.01.2024)

9. Новик В.В. Способ совершения преступления. Уголовно-правовой и криминалистический аспекты. СПб., 2015. 92 с.

10. Официальные статистические данные по киберпреступности за 2022 г. МВД России // МВД Медиа, 2024. [Электронный ресурс]: URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyaniii-prestupnosti-v-2022-godu/> (дата обращения: 29.01.2024)

11. Побегайло А.Э. Борьба с киберпреступностью: учеб. пособие. М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2018.С. 78 – 84.

12. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2009. 248 с.; С. 118 – 119.

13. Решняк О.А. Современные способы совершения преступлений с использованием ИТ-технологий и проблемы расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. №1 (64). С. 94 – 100.

14. Статистические показатели Генеральной прокуратуры РФ за 2022-2023 гг., официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://crime-stat.ru/analytics/> (дата обращения: 29.01.2024)

References

1. Davydov V.O., Tishutina I.V. On current problems of forensic support for the detection and investigation of fraud committed using information and telecommunication technologies. Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2020. No. 2 (14). P. 81 – 91

2. A resident of Kogalym gave all her savings to scammers and took out a loan for them. Komsomolskaya Pravda. 2022. URL: <https://www.ugra.kp.ru/online/news/4979976/> (access date: 01/29/2024)

3. Ignatov A.N. Information and cognitive technologies in the arsenal of ways to commit crimes. Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. No. 11-2. P. 82 – 89.

4. Why the level of cybercrime is decreasing. Novye Vedomosti. 2022 [Electronic resource]. URL: <https://nvdaily.ru/info/261870.html> (access date: 01/29/2024)

5. Kashkarov A.A., Kashkarov A.A. Criminological characteristics of methods of committing crimes using information and telecommunication networks. Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. No. 2. P. 125 – 130.

6. Leletova M.V. The use of information and telecommunication technologies as a method of committing violent crimes against individuals. Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (48). P. 51 – 56.

7. A scam disguised as an investment: how 4 residents of Mari El transferred about 2 million rubles to scammers. Mariyskaya Pravda. News of the Republic of Mari El: official. website. 2022. URL: <https://www.marpravda.ru/news/assosiations/lokhotron-pod-vidom-investitsiy-kak-4-zhiteley-mariy-el-perechislili-moshennikam-okolo-2-mln-rublej/> (date access: 01/29/2024)

8. Fraudsters are using a new trick to verify numbers. News of Russia and the world, the latest events for today: official. website. 2022. URL: <https://news.mail.ru/society/51667619/?frommail=1> (access date: 01/29/2024)

9. Novik V.V. Method of committing a crime. Criminal legal and forensic aspects. St. Petersburg, 2015. 92 p.

10. Official statistics on cybercrime for 2022, Ministry of Internal Affairs of Russia. Ministry of Internal Affairs Media, 2024. [Electronic resource]: URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyaniii-prestupnosti-v-2022-godu/> (access date: 01/29/2024)

11. Pobegailo A.E. Fighting cybercrime: textbook. allowance. M.: University of the Prosecutor's Office of Russia. Federations, 2018.P. 78 – 84.

12. Pudovochkin Yu.E. The doctrine of the corpus delicti: textbook. allowance. M.: Yurlitinform, 2009. 248 p.; P. 118 – 119.

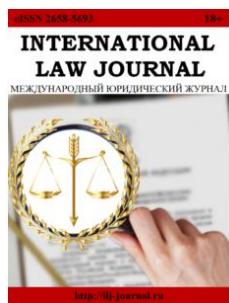
13. Reshnyak O.A. Modern methods of committing crimes using IT technologies and problems of investigation. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (64). P. 94 – 100.

14. Statistical indicators of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation for 2022-2023, official website. [Electronic resource]. URL: <http://crime-stat.ru/analytics/> (access date: 01/29/2024)

Информация об авторе

Кораблев А.А., адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, старший преподаватель, Московский финансово-промышленный университет Синергия, legalagenc@yandex.ru

© Кораблев А.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.98
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-30-35

Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ

¹ Кузнецов Р.А.,
¹ Российская таможенная академия

Аннотация: в настоящей научной работе автор кратко проводит криминологический и уголовно-правовой анализ киберпреступности в России. Для этого автор данного исследования, прежде всего, дает понятие киберпреступности, определяет ее основные признаки и место в общей системе. Далее автор исследует структуру состава киберпреступлений, т.е., объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону. Особое внимание уделяется криминологическому портрету киберпреступника, который в настоящее время сформировать крайне сложно. Также автор отмечает и некоторые другие проблемы, которые препятствуют тому, чтобы уровень расследования киберпреступлений в России качественно повысился. В заключении данной научной статьи автор кратко упоминает также о том, какие именно меры важно реализовать для улучшения ситуации на практике.

Ключевые слова: киберпреступность, информационные технологии, современное состояние, уголовное наказание, криминальная угроза, киберпреступление, общая характеристика

Для цитирования: Кузнецов Р.А. Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 30 – 35. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-30-35

Поступила в редакцию: 2 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Cybercrime in the Russian Federation: criminological and criminal legal analysis

¹ Kuznetsov R.A.,
¹ Russian Customs Academy

Abstract: in this scientific work, the author briefly conducts a criminological and criminal legal analysis of cybercrime in Russia. To do this, the author of this study, first of all, gives the concept of cybercrime, defines its main features and place in the overall system. Next, the author examines the structure of cybercrimes, i.e., object, objective side, subject, subjective side. Particular attention is paid to the criminological portrait of a cybercriminal, which is currently extremely difficult to form. The author also notes some other problems that prevent the level of cybercrime investigation in Russia from improving qualitatively. In the conclusion of this scientific article, the author also briefly mentions what measures are important to implement to improve the situation in practice.

Keywords: cybercrime, information technology, current state, criminal punishment, criminal threat, cybercrime, general characteristics

For citation: Kuznetsov R.A. Cybercrime in the Russian Federation: criminological and criminal legal analysis. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 30 – 35. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-30-35

The article was submitted: May 2, 2024; Approved after reviewing: July 3, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Киберпреступность в настоящее время остается одной из наиболее актуальных и одновременно криминологически и криминалистически сложных для разрешения проблем современной уголовно-правовой науки. Опасность широкого распространения такого явления заключается в том, что, по оценкам экспертов, при наличии мотивации и необходимых технологических условий киберпреступники могут вывести из строя целое государство. Массированные атаки хакеров выводят из строя крупные мировые корпорации и холдинги, число потерпевших в уголовных делах по Интернет-мошенничеству зачастую исчисляется сотнями, а сами преступления нередко носят международный характер [4]. Представленные выше тезисы подтверждаются также и актуальными статистическими показателями. Поэтому сегодня можно уверенно говорить о том, что киберпреступность – это не только исключительно российская особенность, но и в целом распространенная общемировая проблема. И решение этой проблемы в практическом смысле представляется крайне сложным по разным причинам.

Объектом исследования являются криминологический и уголовно-правовой анализ киберпреступности в России.

Целью исследования является комплексный, последовательный криминологический и уголовно-правовой анализ киберпреступности в России.

Задача исследования – провести криминологический и уголовно-правовой анализ киберпреступности в Российской Федерации.

Гипотеза – заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно актуальных проблем криминологического и уголовно-правового анализа киберпреступности в России.

Материалы и методы исследований

Методы исследования, использованные автором, при написании данной научной статьи: формально-юридический, сравнительно-правовой анализ, статистический, математический, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. Данная научная статья будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами и перспективами развития современной отечественной уголовно-правовой науки, ее актуальными вызовами.

Результаты и обсуждения

Интересно, что изначально, когда в 1996 году вводился в действие новый отечественный Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ), на государственном уровне не только не акцентировалось внимание на нормативных элементах регулирования, даже сама значительность общественной опасности подобных противоправных деяний в качестве таковой не рассматривалась. Причиной тому были устоявшееся общественное мнение относительно роли свободы информации и степени участия государства в введении разного рода ограничений, крайне низкий общий уровень интернетизации населения страны, а также ряд других факторов. Само понимание «хакер» подразумевало субъекта, совершившего некие противоправные действия в сети Интернет, но не имеющего на то злого умысла. Исследователи отмечают, что действия такого лица даже не отождествлялись с преступлением, а совершение таковых рассматривалось по большей степени как случайность, ошибка, непреднамеренные действия. Особенно если вспомнить статистические показатели по совершению насильственных преступлений в конце 90-х годов XX века, то крайне низкий уровень внимания к киберпреступлениям вполне объясним [8]. Сегодня ситуация резко изменилась, и статистически уровень киберпреступности в России ежегодно растет, при этом в значительной степени остается латентным, т.к. многие потерпевшие не обращаются в правоохранительные органы, следовательно, уголовные дела в такой ситуации не возбуждаются. Существуют также и некоторые другие проблемы, связанные с реализацией механизмов расследования и противодействия совершению киберпреступлений в российской практике, кратко перечислим их далее:

- технологические, т.е., недостаточно развитый уровень науки и техники, необходимый для разработки и реализации эффективных мер расследования и противодействия;
- правовые, т.к. в настоящее время по-прежнему криминализированы не все деяния, представляющие реальную практическую проблему (например, вне правового поля находятся фишинг, рассылка вредоносного спама и другие);
- кадровые, связанные с подготовкой квалифицированных специалистов юридических, технических, экономических отраслей;
- социальные, где наиболее сложной выступает низкий уровень цифровой и правовой грамотности населения;

– иные [1, 3].

В конечном итоге, все изложенное способствует крайне низким показателям расследования киберпреступлений, достаточно высокий процент которых остается нераскрытым. Еще одна актуальная проблема – это сложные характеристики криминологического и уголовно-правового свойства, которые создают значительные препятствия в реализации механизмов расследования и противодействия.

Проанализируем данные характеристики более подробно.

Прежде всего, необходимо говорить о том, что киберпреступлением признается далеко не каждое преступление, так или иначе связанное с сетью Интернет и ИКТ, а лишь те, которые в качестве таковых поименованы в главе 28 УК РФ [10]. Т.е., как уже отмечалось выше в случае, если какое-то либо противоправное деяние совершено, им нанесен ущерб, а теоретически характеристики таких действий подпадают под обозначение преступления, все же привлечь виновное лицо к уголовной ответственности невозможно, поскольку подобное деяние не криминализовано. Т.е., несмотря на достаточно широкий объект преступления, на что влияют также положения Будапештской конвенции о преступности в сфере компьютерной информации от 23.11.2001 г., на практике он значительно сужается, поскольку за основу необходимо брать положения действующего уголовного законодательства. Дополнительно УК РФ также закрепляет и само по себе понятие «компьютерная информация», включив данное определение в примечание 1 к ст. 272 УК РФ [10]. В конечном итоге, отметим, что в качестве объекта в данном случае рассматриваются общественные отношения в сфере обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности компьютерной информации; сохранности и неприкосновенности средств хранения, обработки и передачи такой информации. Представляется очевидным, что подобная трактовка требует все же гораздо большей нормативной регламентации, чтобы стремиться к минимизации наличия составов киберпреступлений, остающихся вне правового поля.

Сложной по своим характеристикам представляется и объективная сторона. Так, если анализировать действующий УК РФ [10], то из приведенных в нем составов киберпреступлений видно, что такие противоправные деяния могут быть как действиями, так и бездействиями (способ совершения преступлений), имеют материальный характер (за исключением составов, установленных нормами ч. 1 ст. 273 и ч. 1 ст. 274.1 УК РФ) [10], последствия же в той или иной степени имеют отношение к разного рода компьютерной информации, чаще всего отличаются нанесением ущерба, вреда. Причем последствия могут быть выражены в нематериальном виде, если, например, объектом совершения преступления является информация, которая была уничтожена или модифицирована.

Дискуссионным среди представителей научного сообщества остается вопрос о степени общественной опасности киберпреступлений. В частности, актуален спор о том, насколько киберпреступления по своим характеристикам и последствиям соотносятся с аналогичными по своим характеристикам составами экстремизма и терроризма. На это обращают внимание в т.ч. и зарубежные исследователи. В связи с этим, актуализируется вопрос, следует ли считать сами по себе Интернет и ИКТ как источник опасности, можно ли рассматривать в качестве самостоятельных явлений кибертерроризм и киберэкстремизм. Причиной тому стало широкое распространение использования экстремистами и террористами Интернета и ИКТ для совершения преступлений. Дискуссия о том, стоит ли рассматривать Интернет и ИКТ как способ, средство совершения актов терроризма и экстремизма, либо кибертерроризм и киберэкстремизм – это отдельные самостоятельные составы, в настоящее время не поименованные в большинстве уголовных кодексов зарубежных стран, остается крайне актуальной и в настоящее время [8].

Не являются напрямую киберпреступлениями, но имеют тесную с ними связь и составы, предусмотренные другими главами УК РФ. Например, если речь идет о краже носителя – флэш-карты, накопителя, диска и т.д., то здесь уже речь идет именно о составе ст. 158 УК РФ. В случае, если в ходе совершения такого преступления были украдены какие-либо объекты интеллектуальной собственности (например, фильм или музыка), впоследствии присвоенные или незаконно использованные в коммерческих целях, то речь идет уже о нарушении авторских и смежных прав. Иными словами, широкая распространность компьютерной информации в практическом смысле приводит и к появлению качественно новых составов преступлений, и к усложнению уже имеющихся в нормах УК РФ составов, и к трансформации некоторых других [10]. Все это только подтверждает высказанный ранее тезис о высокой степени актуальности и распространения преступлений данной категории.

Обратимся теперь к субъекту совершения преступления. В научной литературе отмечается, что в настоящее время киберпреступления носят настолько разрозненный характер, что довольно сложно составить какой-либо единый криминологический портрет, четко определив свойства такого лица. Тем не менее, по общему правилу, субъектом выступает физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, дееспособное, т.е., это

крайне широкий перечень лиц. В отношении одного из составов, предусмотренных нормами УК РФ, установлен специальный субъект. Так, согласно положениям ст. 274 УК РФ, за нарушение правил, связанных с работой ИКТ, компьютерных сетей и т.д., к уголовной ответственности может быть привлечено только лицо, в отношении которого установлена обязанность по соблюдению подобного рода требований. В остальных составах специальных положений относительно субъекта нет [2, 10].

При этом совершенно необязательно, чтобы субъектом совершения киберпреступлений было именно лицо, обладающее необходимыми знаниями в области компьютерных технологий. Разновидностей киберпреступлений сегодня настолько много, что некоторые из них вполне доступны для совершения лицам, обладающим незначительными познаниями в области ИКТ. Таким образом, можно говорить о том, что потенциальным субъектом совершения киберпреступлений может стать буквально любой человек, и на практике это значительно усложняет реализацию механизмов расследования и противодействия. К тому же, сегодня существует проблема недостатка качественной криминалистической проработки, действуют устаревшие методики, и даже теоретические принципы в данной части сегодня применять невозможно. Собственно, поэтому сама проблема расследования киберпреступлений и остается по-прежнему актуальной для российской практики.

Заканчивая анализ субъектного состава, также отметим, что нормами УК РФ предусмотрены совершение преступлений в составе группы лиц по предварительному сговору, организованной группой, – квалифицированные и особо квалифицированные составы [10].

Обратимся также к анализу субъективной стороны киберпреступлений. Здесь следует обратить внимание на то, что далеко не всегда киберпреступления совершаются с прямым умыслом на причинение какого-либо ущерба. В этом заключается особенность цифровых технологий: чтобы уметь с ними работать и качественно обеспечивать собственную безопасность и безопасность других лиц, требуются существенные компетенции, которые, к тому же, необходимо постоянно обновлять [4, 6]. Не каждое лицо имеет подобного рода возможности, поэтому на практике не исключены случаи, когда киберпреступление совершается по неосторожности, из-за неумения лица работать с компьютерными технологиями. Тем не менее, основную массу статистики по совершению киберпреступлений все же составляют умышленные преступления. Их мотив чаще всего корыстный, который внутри также может подразделяться на разновидности. Например, непосредственно неосновательное обогащение, произошедшее в результате совершения кражи денежных средств с банковского счета. Или, например, кража сведений, составляющих коммерческую тайну, что наносит значительный материальный ущерб организации, лишает ее потенциальной прибыли, и т.д. Реже встречаются также мотивы мести, идеологические, иные. Их доля в общем показателе составляет не более 15% суммарно [9].

Перечислим также иные характеристики субъективной стороны: это детальное планирование, подготовка к совершению преступлений (причем иногда довольно продолжительная – например, если для этого требуется разработать специальное приложение или программу), наличие определенной стратегии (для умышленных преступлений), понимание ответственности за совершенные противоправные деяния. В конечном итоге, исходя из анализа научной литературы и судебной практики, можно говорить о том, что субъективная сторона по большей степени является схожей за редкими исключениями.

Подводя итог представленному выше анализу составов киберпреступлений, обозначим наиболее важные акценты. Во-первых, в данной системе выделяется субъект, обладающий особыми характеристиками и одновременно крайне широкий по своему пониманию. Специальный субъект предусмотрен только в одном исключительном случае. Существуют сложности и с определением объекта преступления, поскольку в настоящее время довольно много фактических киберпреступлений не подпадают под установленные УК РФ критерии, т.е., являются преступлениями в понимании современного законодателя [10]. На практике это вызывает проблемы с привлечением к юридической ответственности. Еще один важный аспект – это высокий уровень латентности совершаемых киберпреступлений, что продолжает оставаться достаточно сложной проблемой.

В конечном итоге, подводя итог также рассмотрению криминологической составляющей, необходимо отметить следующее. Как видно из представленного выше анализа, криминологический портрет киберпреступника сегодня составить сложно, это является проблемой для отечественной науки. Усложняют невозможность составить общий портрет такого лица технологические и криминалистические проблемы, связанные с недостаточно высоким уровнем квалификации правоохранительных органов и органов предварительного расследования, что затрудняет и продлевает по срокам расследование киберпреступлений, применение мер по противодействию их совершения [8].

Иными словами, сегодня для качественного изменения ситуации в отношении борьбы с киберпреступностью требуется реализация целой совокупности различных мер одновременно по нескольким направлениям. Выше отмечены некоторые из актуальных для проработки сфер, кратко перечислим далее:

- законодательная, т.е., проблема с действующим правовым регулированием;
- технологическая;
- кадровая;
- методологическая;
- коммуникативная, причем как в контексте межведомственного, так и в части международного сотрудничества;
- социальная;
- иные [3; 7].

Предполагается, что применение мер подобного свойства, причем их комплексная и системная реализация, в конечном итоге, будет способствовать повышению качества организационных, технических, правовых основ, позитивно повлияет на квалификацию профильных специалистов, а также позволит в значительной степени улучшить ситуацию с расследованием киберпреступлений и применением мер по противодействию их совершения [6]. К сожалению, в настоящее время для российской практики эта задача представляется крайне сложной для решения, в обозримом будущем ее достижение невозможно – для этого требуются существенные финансовые, инфраструктурные, человеческие ресурсы.

Выводы

Таким образом, в заключение исследования обозначим его ключевые результаты.

Прежде всего, следует говорить о том, что сегодня киберпреступность продолжает оставаться актуальной для российской криминологической и уголовно-правовой практики проблемой, сложной для оперативного и эффективного решения. Кроме того, учитывая интернациональный характер многих совершаемых киберпреступлений, очевидным следует вывод, что киберпреступность сегодня уже стала проблемой международного масштаба, однако всемирное внимание не приводит к качественному улучшению ситуации.

В настоящей научной статье рассмотрены характеристики составов преступлений, предусмотренных нормами УК РФ и относящихся к категории киберпреступлений. Одновременно автор отмечает, что довольно широкий перечень фактических киберпреступлений не попадает в сферу правового регулирования, и как минимум это свидетельствует о необходимости пересмотра существующего уголовного законодательства в данной части [5, 10].

Особое внимание в работе уделяется криминологическому портрету киберпреступника, который, как отмечают исследователи, сегодня составить невозможно. Субъект совершения киберпреступлений на практике выступает абсолютно различным, обладающим разными свойствами, характеристиками, что также видно и из сформулированного в рамках УК РФ понимания. В частности, только состав ст. 274 УК РФ устанавливает специального субъекта как лицо, привлекаемое к уголовной ответственности за совершение киберпреступления, в остальных случаях субъект выступает общим [10]. Это можно наблюдать также по представленным в настоящем исследовании практическим примерам.

В результате автор делает вывод о том, что сегодня для качественного изменения ситуации с распространением киберпреступности необходима реализация целой совокупности различных мер. Важно, что их разработкой и практическим внедрением должны заниматься не только непосредственно представители правоохранительных органов и органов предварительного расследования, но также эксперты ИТ-отрасли, практикующие специалисты и научное сообщество в целом. Только комплексная и системная работа в данном направлении поможет изменить сложную криминологическую и уголовно-правовую ситуацию как в России, так и в мире.

Список источников

1. Богданов А.В., Ильинский И.В., Хазов Е.Н. Киберпреступность и дистанционное мошенничество как одна из угроз современному обществу // Криминологический журнал. 2020. № 15 (110). С. 141 – 146.
2. Бондарь Е.О. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 16. С. 132 – 137.
3. Зверева Е.Б. Киберпреступность как угроза безопасности современного общества: виды, особенности, методы борьбы и профилактики // Молодой ученый. 2020. № 10 (300). С. 35 – 37. <https://moluch.ru/archive/300/67972/>
4. Лакомов А.С. Киберпреступность: современные тенденции // Академическая мысль. 2019. № 11 (85). Ч. 2. С. 113 – 117.

5. Ляпин А.Е. Киберпреступность как новый объект статистического анализа // Статистика и экономика. 2021. № 12. С. 141 – 147.
6. Мордвинов К.В., Удавихина У.А. Киберпреступность в России: актуальные вызовы и успешные практики борьбы с киберпреступностью // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 16. С. 101 – 108.
7. Самурханов М.С. Понятие и особенности киберпреступности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11. С. 162 – 167.
8. Султыгова А.А., Кунцман, М.В. Киберпреступность как следствие цифровизации экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 11. С. 150 – 155.
9. Тимофеев А.В., Комолов А.А. Киберпреступность как социальная угроза и объект правового регулирования // Современные философские исследования. 2021. № 13. С. 152 – 158.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024). Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

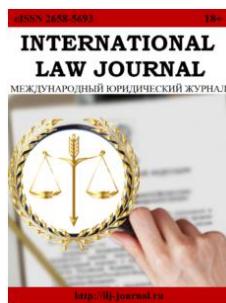
References

1. Bogdanov A.V., Ilyinsky I.V., Khazov E.N. Cybercrime and remote fraud as one of the threats to modern society. Criminological Journal. 2020. No. 15 (110). P. 141 – 146.
2. Bondar E.O. Cybercrime as a new criminal threat. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 16. P. 132 – 137.
3. Zvereva E.B. Cybercrime as a threat to the security of modern society: types, features, methods of combating and prevention. Young scientist. 2020. No. 10 (300). P. 35 – 37. <https://moluch.ru/archive/300/67972/>
4. Lakomov A.S. Cybercrime: modern trends. Academic thought. 2019. No. 11 (85). Part 2. P. 113 – 117.
5. Lyapin A.E. Cybercrime as a new object of statistical analysis. Statistics and economics. 2021. No. 12. P. 141 – 147.
6. Mordvinov K.V., Udavikhina U.A. Cybercrime in Russia: current challenges and successful practices in the fight against cybercrime. Theoretical and applied jurisprudence. 2022. No. 16. P. 101 – 108.
7. Samurkhanov M.S. Concept and features of cybercrime. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 11. P. 162 – 167.
8. Sultygova A.A., Kunzman, M.V. Cybercrime as a consequence of digitalization of the economy. Economics and business: theory and practice. 2021. No. 11. P. 150 – 155.
9. Timofeev A.V., Komolov A.A. Cybercrime as a social threat and an object of legal regulation. Modern philosophical studies. 2021. No. 13. P. 152 – 158.
10. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on April 6, 2024). Collection of legislation of the Russian Federation. 06/17/1996. No. 25. Art. 2954. Access from SPS "ConsultantPlus".

Информация об авторе

Кузнецов Р.А., аспирант, Российская таможенная академия, Romank2004@inbox.ru

© Кузнецов Р.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 341.01
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-36-40

Правовое регулирование миграционных процессов: современные региональные, национальные и международно-правовые аспекты

¹ Головинов А.В., ¹ Нефедова Ж.Е., ² Головинова Ю.В.,
¹ Алтайский государственный университет,
² Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: цель исследования выявить и показать международно-правовой, федеральный, и региональный уровни юридических механизмов и программ по адаптации и интеграции мигрантов в российское общество, что, как следствие, находит свое отражение в росте преступности со стороны иностранных лиц, а также развитию мигрантофобии среди российского населения.

Установлено, что комплексное всестороннее урегулирование миграционных процессов посредством тесного взаимодействия органов государственной власти, в частности, органов в сфере контроля миграционных отношений, граждан РФ и мигрантов непосредственно, сможет привести к прогрессивному формированию безопасного мультикультурного общества в Российской Федерации.

Акцентируется, что целях стабилизации ситуации и сохранения межнационального благополучия в регионах России, необходимо разработать и принять Стратегию региональной политики по адаптации и интеграции мигрантов на территории каждого субъекта России, с указанием четких мер «социальной и культурной интеграции» и «социальной и культурной адаптации», а также усовершенствовать уже существующие правовые механизмы региональной миграционной политики с учетом международно-правовых стандартов.

Ключевые слова: миграционное законодательство, международно-правовое регулирование миграции, лица без гражданства, органы в сфере контроля миграционных отношений

Для цитирования: Головинов А.В., Нефедова Ж.Е., Головинова Ю.В. Правовое регулирование миграционных процессов: современные региональные, национальные и международно-правовые аспекты // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 36 – 40. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-36-40

Поступила в редакцию: 2 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Legal regulation of migration processes: modern national, regional and international legal aspects

¹ Golovinov A.V., ¹ Nefedova Zh.E., ² Golovinova Yu.V.,
¹ Altai State University,
² Altai State Pedagogical University

Abstract: the purpose of the study is to identify and show the international legal, federal, and regional levels of legal mechanisms and programs for the adaptation and integration of migrants into Russian society, which, as a consequence, is reflected in the growth of crime by foreigners, as well as the development of migrant phobia among the Russian population.

It has been established that a comprehensive comprehensive regulation of migration processes through close interaction between government bodies, in particular, bodies in the field of control of migration relations, citizens of

the Russian Federation and migrants directly, can lead to the progressive formation of a safe multicultural society in the Russian Federation.

It is emphasized that in order to stabilize the situation and maintain interethnic well-being in the regions of Russia, it is necessary to develop and adopt a Strategy for regional policy on the adaptation and integration of migrants in the territory of each subject of Russia, indicating clear measures of "social and cultural integration" and "social and cultural adaptation", as well as to improve the existing legal mechanisms of regional migration policy taking into account international legal standards.

Keywords: migration legislation, international legal regulation of migration, stateless persons, bodies in the field of control of migration relations

For citation: Golovinov A.V., Nefedova Zh.E., Golovinova Yu.V. Legal regulation of migration processes: modern national, regional and international legal aspects. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 36 – 40. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-36-40

The article was submitted: May 2, 2024; Approved after reviewing: July 4, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Миграционные процессы, инициированные разнообразными причинами и обстоятельствами, выступают объектом правового регулирования на региональном, всероссийском и международном уровне. Универсальные международно-правовые акты, начиная с положений тринадцатой статьи Всеобщей декларации прав человека 1948 г., учреждают базовую юридическую гарантию перемещаться свободно и беспрепятственно выбирать место своего жительства и пребывания. В Российской Федерации на уровне основного закона данная норма права также находит закрепление. Все это благоприятствует миграционным процессам, в которых, однако, помимо международно-правовых и федеральных аспектов значение в настоящее время приобретает региональная повестка.

На сегодняшний день, вследствие увеличения темпов миграционных процессов, особенно остро стоит проблема соблюдения баланса между правами человека и безопасностью. Заместитель главы МВД РФ Игорь Зубов заявил: «По итогам 2022 г. иностранцами и лицами без гражданства совершено 40,2 тыс. преступлений на территории РФ, что на 10,3% превышает показатели 2021 г.». Крупные рейды представителей правоохранительных органов являются достаточно частым явлением, например, операция «Паспорт», «Нелегальный мигрант» и др. Так, 20 октября 2023 г. в Алтайском крае в течение недели посредством операции «Нелегал – 2023» было выявлено порядка 6 тыс. мигрантов без должного набора документов [1]. Не смотря на превалирующую успешность подобных рейдов, факт допущения такой ситуации говорит о явных проблемах как миграционного законодательства, так и практической его реализации.

Материалы и методы исследований

Основу исследования составляет формально-юридический подход, который позволяет исследовать букву национального и международного закона в ее конкретном правовом оформлении. Вспомогательным гносеологическим приемом выступила юридическая герменевтика, направленная на познание сущности и содержания текстовых выражений международных узаконений.

Результаты и обсуждения

В настоящее время был отмечен рост преступности, в частности в Новосибирской области, Красноярском и Алтайском краях. «За 9 мес. 2022 г. в СФО расследовано 1 688 преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, что на 10,5% больше аналогичного периода за 2021 г., почти 40% из них – тяжкие и особо тяжкие» – упомянуто в отчете заседания [2].

Алтайский край, будучи одним из представителей сопредельных регионов, вынужден принимать постоянное участие в процессах как внешней, так и внутренней миграции [3].

О существовании данной проблемы ранее заявлял Председатель СК РФ А.И. Бастрыкин отмечая, что причиной неправомерного поведения мигрантов является неадаптированность приезжих к российскому менталитету, а также как таковое отсутствие на региональном и муниципальных уровнях механизмов по эффективной адаптации мигрантов к российскому пространству [4].

«Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» (далее – Концепция 2019 – 2025), утвержденная Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. №622, а также Указ Президента РФ от 12 мая 2023 №342 «О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» выступают одними из важнейших документов,

закладывающими основу для отраслевой выработки и проработки механизмов урегулирования процессов миграции. В качестве основной цели данная Концепция в п. 14 сосредотачивает: «создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода». Проблемным аспектом Концепции 2019-2025 выступает недостаточное внимание к внутрироссийским миграционным процессам в сравнении со внешними, в частности, вопросам адаптации и интеграции иностранных лиц в российское общество. Значимость интеграционных процессов упоминается только в п. 21 пп. а, связанным с задачами миграционной политики, где сказано: «...добровольное переселение в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, а также иных лиц, которые способны успешно интегрироваться в российское общество». С учетом отсутствия на сегодняшний день актов, регламентирующих механизмы миграций в российское общество как на федеральном, так и на региональном уровнях, значительная доля ответственности накладывается на самих иностранных лиц и их субъективное восприятие действительности, что, как следствие, приводит не только к росту преступности с их стороны, но и к деструктивности межнациональных взаимодействий в российском обществе – мигрантофобии. О мигрантофобии упомянуто в Стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2035 г. в качестве явления «приводящего к негативным тенденциям в социально-культурной сфере, росту националистических настроений в обществе», в ней же отмечена и необходимость преодоления данной негативной тенденции.

Так, например, в селе Алтайского края Буланиха 2 ноября 2023 г. был проведен сход граждан по вопросу привлечения компанией «Алтайская буренка» порядка 20 работников из Узбекистана в качестве водителей и разнорабочих. Для приезжих компания организовала общежитие. Тем не менее, несмотря на легальность образовавшейся ситуации, жители села не довольны и выступают категорически против данной инициативы. «Я пока работала, ходила по ночам домой. Кого в деревне-то опасаться? Сейчас я так уже не сделаю. Кто знает, что у них там в головах» – заявила жительница села Буланиха Надежда Морозова [5].

Тем не менее, исходя из вышеупомянутых сведений, становится понятно – существующих методов адаптации и интеграции мигрантов недостаточно, что говорит о необходимости разработки и принятия новых более детальных программ на всех уровнях власти, в частности, в Алтайском крае, который, будучи сопредельным регионом, имеет свою специфику в сфере пересечения границ, прибытия и инкорпорации в правовую систему миграционной сферы.

На наш взгляд, органам законодательной власти Алтайского края посредством согласования своих действий с уполномоченными органами в сфере контроля миграционных отношений целесообразно в ближайшее время разработать и принять специальный акт подзаконного характера.

При этом не менее важно отграничить в данной Стратегии «социально-культурную адаптацию» от «социально-культурной интеграции» в целях возможности более комплексного подхода к анализу успешности реализуемых мер. Термин «адаптация» был введен социологами Д. Томсоном и Ф. Знанецким, под которым они рассматривали процесс усвоения личностью социального опыта [6]. Под «интеграцией» понимается также процесс, но в ходе которого анализируется уже не личностное познание реалий общества, а принятие индивида другими членами группы [7]. Иными словами Концепция в своем содержании должна отражать не только мероприятие, направленные на приобщение мигрантов к российскому обществу, но и мероприятия по просвещению граждан РФ в сфере межкультурных взаимодействий для преодоления мигрантофобии, с одной стороны, а также для успешной интеграции иностранных лиц, с другой.

В контексте мер, по адаптации и интеграции мигрантов отдельное внимание заслуживает опыт Франции, где широкое распространение получил ассимиляционный подход к интеграционной политике. Вероятно такой опыт мог быть полезен для отечественных регионов.

Стоит отметить, что в Алтайском крае на базе университетов созданы консультативно-информационные и образовательные центры по приобщению иностранных лиц к русскому языку и культуре: «Образование на русском», «Подготовительное отделение для иностранных обучающихся» и др. Однако участие иностранных лиц в подобных программах не носит обязательный характер, что снижает их эффективность, а вместе с этим успешность политики адаптации и интеграции мигрантов в российское пространство. Заимствование французской программы «Контракт приема и интеграции» может стать одним из ключевых пунктов Стратегии Алтайского края, что позволит юридически контролировать процесс усвоения мигран-

тами русского языка, законодательства Российской Федерации, а также иных значимых аспектов российского общества.

Это позволило бы, во-первых, разгрузить такого типа образовательные центры в принимающих регионах, а, во-вторых, сократило бы риски дезинтеграции иностранных лиц в российское пространство.

С 2016 г. в России успешно функционирует информационный портал «Миграция и мигранты». На базе Алтайского края в помощь мигрантам существует Памятка «Добро пожаловать в Алтайский край!» (далее – Памятка), где представлена выжимка законодательной, культурной и исторической баз для упрощенного ориентирования иностранных лиц в среде региона и более детального его понимания. Тем не менее, по нашему мнению, в упомянутой Памятке не хватает ссылки на портал «Миграция и мигранты», а также перечня основных актов Российской Федерации необходимых для предварительного ознакомления, т. к. одним из пунктов правового аспекта пребывания мигрантов в России является «изучение законодательства РФ», о чём упомянуто в п. 1 Памятки.

Выводы

Таким образом, на сегодняшний день как на федеральном, так и региональном уровнях, в том числе в Алтайском крае, отсутствуют программы по адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. Поэтому очень важно разработать на основе международно-правовых стандартов и федеральных актов региональные правовые положения, а также усовершенствовать уже существующие механизмы региональной миграционной политики в виде – положений Памятки по помощи мигрантам «Добро пожаловать в Алтайский край!» и порядка функционирования образовательных, консультативно-информационных центров. Только комплексное всестороннее урегулирование данных процессов посредством тесного взаимодействия органов государственной власти, в частности, органов в сфере контроля миграционных отношений, граждан РФ и мигрантов непосредственно, сможет привести к прогрессивному формированию безопасного мультикультурного общества в Российской Федерации.

Список источников

1. За неделю на Алтае проверили почти 6000 иностранных граждан без документов // Сетевое издание «Вести Алтай». Версия 2023. Режим доступа: <https://vesti22.tv/news/za-nedelyu-na-altae-zaderzhali-pochti-6000-inostrannykh-grazhdan-bez-dokumentov>
2. Заместитель Генерального прокурора России Дмитрий Демешин провел в городе Иркутске межведомственное совещание по вопросам миграции, противодействия правонарушениям и преступлениям экстремистской направленности // Официальный сайт Управления Генеральной прокуратуры РФ по СФО. Версия 2023. Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_sibfo/mass-media/news?item=83871593
3. Вардомский Л.Б. Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России // Евразийская экономическая интеграция. 2008. № 1 (1). С. 90 – 108.
4. Интервью Председателя СК России информационному агентству «Интерфакс» // Официальный сайт СК РФ. Версия 2023. Режим доступа: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1780279/>
5. И вспыхнула Буланиха. Почему жители села на Алтае восстали против общежития с мигрантами // Сетевое издание «Altapress.ru». Версия 2023. Режим доступа: <https://altapress.ru/zhizn/story/1-vspihnula-bulaniha-pochemu-zhiteli-sela-na-altae-vosstali-protiv-obshchezhitiya-s-migrantami-335205>
6. Алексеева Г.Е., Табитуев Б.Б. Междисциплинарный подход к анализу понятия социальная адаптация: «NOVAINFO» №60 т. 1 2017 // Научно-методический журнал «NOVAINFO». Версия 2017. Режим доступа: <https://novainfo.ru/article/11428>
7. Интеграция: толковый словарь Ожегова // информационная система «GUFO.ME». Версия 2023. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/social/Интеграция социальная>
8. Воронина Н.А. Законодательство Об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83).

References

1. Almost 6,000 foreign citizens without documents were checked in Altai in a week. Vesti Altai online publication. Version 2023. Access mode: <https://vesti22.tv/news/za-nedelyu-na-altae-zaderzhali-pochti-6000-inostrannykh-grazhdan-bez-dokumentov>
2. Deputy Prosecutor General of Russia Dmitry Demeshin held an interdepartmental meeting in the city of Irkutsk on issues of migration, combating offenses and extremist crimes. Official website of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation for the Siberian Federal District. Version 2023. Access mode: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_sibfo/mass-media/news?item=83871593

3. Vardomsky L.B. Cross-border cooperation on the “new and old” borders of Russia. Eurasian Economic Integration. 2008. No. 1 (1). P. 90 – 108.
4. Interview of the Chairman of the Russian Investigative Committee with the Interfax news agency. Official website of the Russian Investigative Committee. Version 2023. Access mode: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1780279/>
5. And Bulanikha burst into flames. Why villagers in Altai rebelled against living in a hostel with migrants. Network publication “Altapress.ru”. Version 2023. Access mode: <https://altapress.ru/zhizn/story/i-vspihnula-bulanika-pochemu-zhiteli-sela-na-altae-vosstali-protiv-obshcheshchitiya-s-migrantami-335205>
6. Alekseeva G.E., Tabituev B.B. Interdisciplinary approach to the analysis of the concept of social adaptation: “NOVAINFO” No. 60 vol. 1 2017. Scientific and methodological journal “NOVAINFO”. Version 2017. Access mode: <https://novainfo.ru/article/11428>
7. Integration: Ozhegov’s explanatory dictionary. information system “GUFO.ME”. Version 2023. Access mode: <https://gufo.me/dict/social/Social integration>
8. Voronina N.A. Legislation on the adaptation and integration of migrants in the Russian Federation: development trends. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (83).

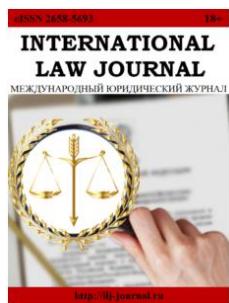
Информация об авторах

Головинов А.В., кандидат философских наук, доцент, Алтайский государственный университет, alex-golovinov@mail.ru

Нефедова Ж.Е., Юридический институт, Алтайский государственный университет, nefedova.janna@mail.ru

Головинова Ю.В., кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, yu.golovinova@mail.ru

© Головинов А.В., Нефедова Ж.Е., Головинова Ю.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.238
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-41-46

Модификации видеоигр: правовые аспекты и проблемы

¹ Овчаров Д.В.,
¹ Ульяновский государственный университет

Аннотация: модификации (моды) видеоигр являются одним из распространенных явлений в индустрии видеоигр. Это изменения или дополнения к существующей игре, созданные игроками или независимыми разработчиками. Моды могут быть самыми разными, от незначительных изменений в игровом процессе до полноценных новых игр, созданных на основе оригинальной. Несмотря на то, что моды могут быть интересными и полезными для игроков, они также могут вызывать ряд правовых проблем. Например, моды могут нарушать авторские права и смежные права на оригинальную игру, а также права на товарные знаки и промышленные образцы. Кроме того, моды могут содержать неприемлемый или незаконный контент. Целью этой статьи является анализ правовых аспектов и проблем, связанных с модификациями видеоигр.

Ключевые слова: интеллектуальное право, видеоигра, компьютерная игра, защита интеллектуальной собственности, авторское право, производное произведение

Для цитирования: Овчаров Д.В. Модификации видеоигр: правовые аспекты и проблемы // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 41 – 46. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-41-46

Поступила в редакцию: 3 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Video game modifications: legal aspects and problems

¹ Ovcharov D.V.,
¹ Ulyanovsk State University

Abstract: modifications (mods) of video games are one of the common phenomena in the video game industry. These are changes or additions to an existing game created by players or independent developers. Mods can be very different, from minor changes in gameplay to full-fledged new games created based on the original one. While mods can be fun and useful for players, they can also pose a number of legal issues. For example, mods may violate copyright and related rights to the original game, as well as rights to trademarks and industrial designs. Additionally, mods may contain inappropriate or illegal content. The purpose of this article is to analyze the legal aspects and problems associated with modifications of video games.

Keywords: intellectual law, video game, computer game, intellectual property protection, copyright, derivative work

For citation: Ovcharov D.V. Video game modifications: legal aspects and problems. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 41 – 46. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-41-46

The article was submitted: May 3, 2024; Approved after reviewing: July 4, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Создание пользовательского контента путем модификации видеоигр может считаться начальным этапом, при котором действия находятся в юридической, моральной и социальной неопределенности, колебляясь на границе законности. В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее - ГК РФ) и в иных нормативных-правовых актах нет определения понятий «дополнение» и «модификация» видеоигр. Согласно п. 9 ст. 1270 ГК РФ, под переработкой (модификацией) программы для ЭВМ или базы данных понимается любые их изменения, в том числе перевод такой программы или базы данных с одного языка на другой, за исключением адаптации, то есть внесения изменений, осуществляемых исключительно в целях функционирования программы для ЭВМ или базы данных на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя [1].

Цель исследования – правовой анализ аспектов и проблем, связанных с модификацией видеоигр.

Задачи – провести теоретическое исследование по основам, формирующим законодательство, регламентирующее правовой анализ аспектов и проблем, связанных с модификацией видеоигр.

Гипотеза – модификации видеоигр находятся в правовой «серой зоне», так как действующее законодательство Российской Федерации не содержит четкого определения и правового регулирования данного явления. Это создает правовую неопределенность и сложности в квалификации модификаций с точки зрения интеллектуального права.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: сравнительный анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научных документов.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная, правовая литература.

Результаты и обсуждения

Модификация видеоигры – это изменение или добавление к уже существующей игре, разработанное пользователями или независимыми разработчиками. Такие изменения могут варьироваться от небольших корректировок игрового процесса до создания полностью новой игры на базе оригинала, которые отличаются друг от друга своими спецификами, поэтому их классифицируют на несколько групп.

Например, Сайфутдинов Б.Л. выделяет следующие виды модификаций: восстановительные; дополняющие; возвращающие; масштабные; самостоятельные [9].

Как отмечают Заплаткин А.В. и Рахматулина Р.Ш., модифицирование видеоигры может быть рассмотрено как производное произведение, которое, согласно п. 2 ст. 1259 ГК РФ, представляет собой творческую переработку другого произведения. В п. 4 ст. 1260 ГК РФ говорится, что производное произведение защищается как самостоятельный объект авторского права. Тем не менее, создание модификации без согласия автора может быть расценено как нарушение согласно ст. 1266 ГК РФ, которая устанавливает право на неприкосновенность произведения. Использование произведения, то есть реализация исключительного права, включает в себя перевод или другую переработку произведения [11].

Другие исследователи, например, Чурилов А.Ю. предлагает рассматривать модификацию видеоигры как изменение или создание файлов игрового движка, позволяющих изменять игровой процесс, графическую составляющую и иные части игры (например, сюжет, модели персонажей и иных игровых объектов) [10].

Согласно п. 87 Постановления Пленума Верховного суда от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», сущность переработки заключается в создании нового произведения на основе уже существующего. В этом контексте стоит отметить, что основу создания модификации составляет использование, например, исходного кода игры или моделей из игры [8].

При рассмотрении юридических аспектов, связанных с модификациями видеоигр, необходимо учитывать два основных вида отношений:

1. Отношения с разработчиком или издателем оригинальной видеоигры. Эти отношения могут регулироваться договором лицензии (end-user license agreement – EULA), который определяет права и обязанности сторон в отношении использования, модификации и распространения оригинальной видеоигры и ее компонентов.

2. Отношения с правообладателями персонажей, локаций, музыки и иных элементов, добавленных в оригиналную видеоигру с помощью модификации. Эти отношения могут регулироваться договорами лицензии или иными соглашениями, которые определяют права и обязанности сторон.

В практике применения норм авторского права к модификациям видеоигр возникает ряд сложностей и противоречий. В частности, возникает вопрос о том, что считать нормальным использованием оригинальной игры и какие критерии применять для определения нарушения или не нарушения авторского права при создании и распространении модификаций.

По российскому законодательству создание модификаций к видеоигре возможно только с согласия правообладателя. Отношения между пользователями видеоигр и правообладателями регулируются лицензионными соглашениями, в которых прописаны условия, разрешающие или запрещающие создание модификаций. Похожая ситуация наблюдается и в правовой системе Соединённых Штатов Америки.

Согласно Закону об авторском праве США (Copyright Law of the United States (Title 17)), производная работа – это произведение, созданное на основе или с использованием одной или более уже существующих работ. Незначительные изменения или небольшие дополнения к существующей работе не квалифицируются как производная работа. Авторским правом охраняются дополнения, изменения или другие новые элементы, которые появляются впервые в произведении [7].

Приведем другой иностранный пример, так в Японии право на сохранение целостности является одной из форм моральных прав автора. Это право позволяет автору защищать свои произведения от изменений, которые происходят без его согласия. Часто вопрос о том, было ли нарушено это право, решается на основе субъективных мнений автора, что делает его достаточно широко интерпретируемым [6].

На сегодняшний день, многие разработчики видеоигр, поддерживают и поощряют создание модификаций их игр сообществом игроков. Однако, они часто включают в соглашения с конечными пользователями определенные условия, которые предоставляют им приоритетное право на использование таких модификаций и запрещают их коммерческое распространение без согласия. Эти меры позволяют компаниям контролировать качество и направление развития модификаций, а также защищать свои коммерческие интересы.

Следовательно, в рамках темы, необходимо рассмотреть подробно регулирование модификаций к видеоиграм в лицензионных соглашениях к ним.

В лицензионном соглашении конечного пользователя (EULA) от Paradox Interactive, разработчиков таких игр, как Hearts of Iron, Europa Universalis, Crusader Kings и Cities: Skylines, четко указаны строгие ограничения на использование игрового контента. В документе подчеркивается, что пользователям запрещается отображать, изменять, воспроизводить и распространять любой контент игры или его части. Такие действия не предоставляют пользователю имущественных прав или прав на интеллектуальную собственность на игровой контент, логотипы, товарные или фирменные знаки Paradox [13].

В EULA для «Skyrim Special Edition» (разработчик Bethesda Game Studios) в Steam условия, касающиеся модификаций (модов), гласят, что игрокам разрешено создавать моды и делиться ими с помощью Skyrim Special Edition: Creation Kit. Creation Kit – это бесплатно загружаемый инструмент, предоставляемый разработчиком, который позволяет игрокам разрабатывать свои собственные моды и делиться ими. Однако любые внесенные изменения должны соответствовать конкретным правилам и не могут использоваться в коммерческих целях [14].

Особое внимание заслуживает компания Bethesda Game Studios и её жёсткая политика в отношении создателей модификаций. К примеру, Bethesda, при содействии юристов, вынудила российского моддера под ником Vasyan777 прекратить работу над ремейком оригинальной игры Doom. В этом крупном проекте предусматривались высококачественные текстуры, новый интерфейс и другие улучшения, не касающиеся механики игры [12].

Когда речь идет о площадках для распространения модов для видеоигр, наиболее популярными на сегодняшний день являются Nexus Mods и Steam Workshop. Эти платформы имеют свои уникальные особенности в регулировании модификаций, а также определенные сходства.

Steam Workshop обеспечивает более тесную интеграцию с играми, что упрощает процесс создания и установки модификаций для пользователей, в то время как Nexus Mods поддерживает широкий спектр игр, но не всегда предлагает такую же степень интеграции. Разработчики игр на Steam Workshop имеют инструменты для модерации контента и удаления неподходящих модификаций, тогда как Nexus Mods использует свои собственные правила и соглашения для модерации, предоставляя пользователям возможность сообщать о нарушениях.

Из этого следует, что регулирование модификаций видеоигр в значительной степени осуществляется разработчиками и пользователями, а не государственным законодательством. Разработчики устанавливают, какие элементы можно изменять, и часто предоставляют инструменты для создания модификаций к видеоиграм.

Другой правовой проблемой, связанной с модификациями видеоигр, является нарушение прав на товарные знаки и промышленные образцы. В соответствии с законодательством России, товарные знаки и промышленные образцы, используемые в видеоиграх, подлежат защите.

Товарные знаки играют важную роль в индустрии видеоигр. Они включают в себя логотипы, названия игр, персонажей и другие элементы, идентифицирующие игру и её создателей. Статья 1477 ГК РФ опреде-

ляет товарный знак как обозначение, служащее для индивидуализации товаров. Незаконное использование зарегистрированных товарных знаков без разрешения правообладателя нарушает их права и может ввести потребителей в заблуждение, заставляя их думать, что модификации одобрены или созданы оригинальными разработчиками игры.

Промышленные образцы также имеют значительную роль в видеоиграх. В соответствии со ст. 1352 ГК РФ, в качестве промышленного образца охраняется решение внешнего вида изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства. В видеоиграх это может касаться дизайна персонажей, игровых объектов, интерфейсов и других визуальных элементов. Нарушение прав на промышленные образцы происходит, когда моддеры копируют или изменяют защищенные дизайны без разрешения правообладателя. Необходимо отметить, что получить патент на видеоигру как на изобретение невозможно, поскольку авторские права на нее не распространяются.

Еще одной правовой проблемой, связанной с модификациями видеоигр, является наличие в них неприемлемого или незаконного контента. В частности, моды могут содержать порнографию, насилие, пропаганду экстремизма или терроризма, либо иной контент, запрещенный законодательством России.

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», видеоигры и их модификации, содержащие сцены насилия, порнографию или иную вредную информацию, могут быть ограничены или запрещены к распространению на территории России. Закон регулирует защиту детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, и устанавливает меры по ограничению доступа детей к такой информации [4].

Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 15.05.2024 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» запрещает распространение материалов, пропагандирующих экстремизм и терроризм. Видеоигры и модификации, содержащие такой контент, подлежат удалению и запрету. Нарушители могут быть привлечены к административной или уголовной ответственности [5].

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает ответственность за распространение порнографических материалов, в том числе через информационно-телекоммуникационные сети, включая Интернет [2].

Статья 242 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное изготовление и оборот порнографических материалов. Видеоигры и модификации, содержащие порнографический контент, могут привести к уголовному преследованию разработчиков и распространителей. Дополнительно, ст. 242.1 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Следующей правовой проблемой, связанной с модификациями видеоигр, является нарушение безопасности и целостности игрового процесса. В частности, модификации могут содержать вирусы, трояны и иной вредоносный код.

По законодательству Российской Федерации создание, использование и распространение вредоносного программного обеспечения является преступлением. Статья 273 УК РФ устанавливает ответственность за такие деяния. Это означает, что любые модификации видеоигр, содержащие вредоносный код, могут послужить основанием для возбуждения уголовного дела против их авторов и распространителей.

Примером практического применения этих норм можно рассмотреть следующий случай. Допустим, пользователь создает мод для популярной игры, который включает новые элементы и уровни, но также содержит вредоносный код, способный нарушить работу персонального компьютера. В этом случае создатель мода может быть привлечен к ответственности по ст. 273 УК РФ за создание и распространение вредоносного ПО.

Вопросы безопасности информации также являются значимыми в контексте модификаций видеоигр. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023 г.) «О персональных данных» регулирует отношения, связанные с обработкой персональных данных, то есть любой информации, относящейся к прямо или косвенно определенному, или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [3].

В контексте модификаций видеоигр, закон о персональных данных может быть применим в следующих случаях:

1. Если модификации предполагают сбор, хранение или обработку персональных данных пользователей игры (например, логины, пароли, игровые профили и т.д.). В этом случае необходимо соблюдать требования закона по обеспечению безопасности персональных данных.

2. Если модификации каким-либо образом раскрывают или распространяют персональные данные пользователей без их согласия. Это может быть расценено как нарушение закона о персональных данных.

3. Если разработчики или распространители модификаций обрабатывают персональные данные пользователей в процессе создания, тестирования или распространения модификаций.

Для предотвращения таких правовых проблем нами рекомендуются следующие шаги: получение разрешения от правообладателей на создание и распространение модификаций, тщательная проверка на наличие вредоносного кода до их распространения и использования, а также информирование пользователей о потенциальных рисках.

Выводы

Проведенный анализ правовых аспектов и проблем, связанных с модификациями видеоигр, позволяет сделать следующие выводы:

1. Модификации видеоигр находятся в правовой «серой зоне», так как действующее законодательство Российской Федерации не содержит четкого определения и правового регулирования данного явления. Это создает правовую неопределенность и сложности в квалификации модификаций с точки зрения интеллектуального права.

2. Основные правовые проблемы, связанные с модификациями видеоигр, включают нарушение авторских и смежных прав, прав на товарные знаки и промышленные образцы, наличие неприемлемого или незаконного контента.

3. Разработчики видеоигр активно используют лицензионные соглашения (EULA) для регулирования создания и распространения модификаций, определяя допустимые условия и ограничения. Это позволяет им контролировать качество и направление развития модификаций, а также защищать свои коммерческие интересы.

В целом, правовое регулирование модификаций видеоигр в Российской Федерации требует дальнейшего развития и уточнения, чтобы отвечать вызовам современной игровой индустрии.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> 30.01.2024.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> 06.03.2024.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023 г.) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> 06.04.2023.
4. Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 28.04.2023 г.) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> 28.04.2023.
5. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 15.05.2024 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> 15.05.2024.
6. Закон «Об авторском праве» (Закон № 48 от 06.05.1970 г. с изменениями, внесенными Законом № 72 от 19.06.2002 г.), Япония // Wipo lex. [Site]. <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2662> (accessed: 15.03.2024)
7. Copyright Law of the United States [Electronic resource] // U.S. Copyright Office. [Site]. URL: <https://www.copyright.gov/title17/index.html> (accessed: 19.02.2024).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. [Сайт]. URL: <https://www.supcourt.ru/documents/own/27773/> (дата обращения: 15.03.2024).
9. Рожкова М.А., Чурилов А.Ю., Махмудова А.Д. и др. Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы: коллективная монография / под науч. ред. М.А. Рожковой, Р.Л. Лукьянова. М.: Развитие правовых систем, 2023. 240 с.
10. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. Москва: Юстицинформ, 2020. 224 с.
11. Заплаткин А.В., Рахматулина Р.Ш. Компьютерная игра как программа для ЭВМ: проблемы определения правовой природы // Образование и право. 2023. № 7. С. 402 – 407.

12. Bethesda запретила распространение мода Doom Remake 4 [Электронный ресурс] // Официальный сайт VK PLAY. [Сайт]. URL: https://media.vkplay.ru/news/2019-06-13/bethesda_zapretila_rasprostranenie_moda_doom_remake_4/ (дата обращения: 15.03.2024)
13. Paradox Interactive EULA [Электронный ресурс] // Официальный сайт Steam. [Сайт]. URL: https://store.steampowered.com/eula/202090_eula_0?eulaLang=russian (дата обращения: 15.03.2024)
14. Skyrim Special Edition EULA [Электронный ресурс] // Официальный сайт Steam. [Сайт]. URL: https://store.steampowered.com/eula/489830_eula_0 (дата обращения: 15.03.2024)

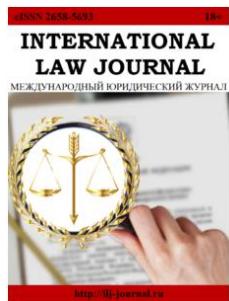
References

1. Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006, No. 230-FZ (as amended on April 30, 2021). Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (1 part). Art. 5496; Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> 01/30/2024.
2. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 6, 2024). Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954; Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> 03/06/2024.
3. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ (as amended on February 6, 2023) "On Personal Data". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (1 part). Art. 3451; Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> 04/06/2023.
4. Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ (as amended on April 28, 2023) "On the protection of children from information harmful to their health and development". Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Art. 48; Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> 04/28/2023.
5. Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ (as amended on May 15, 2024) "On counteracting extremist activities". Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3031; Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> 05/15/2024.
6. Copyright Law (Law No. 48 of May 6, 1970, as amended by Law No. 72 of June 19, 2002), Japan. Wipo lex. [Site]. <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2662> (accessed: 03/15/2024)
7. Copyright Law of the United States [Electronic resource]. U.S. Copyright Office. [Site]. URL: <https://www.copyright.gov/title17/index.html> (accessed: 02/19/2024).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019 No. 10 "On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation" [Electronic resource]. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. [Website]. URL: <https://www.supcourt.ru/documents/own/27773/> (date of access: 03/15/2024).
9. Rozhkova M.A., Churilov A.Yu., Makhmudova A.D. and others. Video games, gaming, cybersports: legal issues: collective monograph. under scientific. ed. M.A. Rozhkova, R.L. Lukyanova. M.: Development of legal systems, 2023. 240 p.
10. Churilov A.Yu. Legal regulation of intellectual property and new technologies: challenges of the 21st century: monograph. Moscow: Justitsinform, 2020. 224 p.
11. Zaplatkin A.V., Rakhmatulina R.Sh. Computer game as a computer program: problems of determining the legal nature. Education and Law. 2023. No. 7. P. 402 – 407.
12. Bethesda has banned the distribution of the Doom Remake 4 mod [Electronic resource]. Official website of VK PLAY. [Website]. URL: https://media.vkplay.ru/news/2019-06-13/bethesda_zapretila_rasprostranenie_moda_doom_remake_4/ (access date: 03/15/2024)
13. Paradox Interactive EULA [Electronic resource]. Official Steam website. [Website]. URL: https://store.steampowered.com/eula/202090_eula_0?eulaLang=russian (access date: 03/15/2024)
14. Skyrim Special Edition EULA [Electronic resource]. Official Steam website. [Website]. URL: https://store.steampowered.com/eula/489830_eula_0 (access date: 03/15/2024)

Информация об авторе

Овчаров Д.В., аспирант, Ульяновский государственный университет, dinex25@yandex.ru

© Овчаров Д.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые цивилистические (юридические науки)
УДК 347.1
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-47-51

О компенсации морального вреда как основного способа защиты нематериальных благ

¹ Самодуров В.О.,
¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: настоящее исследование призвано ответить на вызовы времени, основываясь на углубленном анализе нематериальных благ, чья роль в современном мире непрерывно возрастает. Нематериальные блага являются неотъемлемой частью жизни каждого человека и играют ключевую роль в формировании его личности и социальной позиции. Важность изучаемой области подчеркивается тем, что, хотя нематериальные активы и лишены физической формы, они играют ключевую роль в стимулировании экономического и социального развития. Однако, несмотря на свою значимость, нематериальные блага часто подвергаются нарушению со стороны других лиц или организаций. В связи с этим возникает необходимость в разработке эффективных способов защиты этих благ, основным из которых является компенсация морального вреда. В данной статье исследуются основные проблемы института компенсации морального вреда, в том числе определена дефиниция морального вреда как основного способа защиты нематериальных благ, анализируется процесс определения размера компенсации морального вреда и трудности, возникающие при установлении объема возмещения за нанесенный моральный ущерб. Считается, что дальнейшее теоретическое изучение данной темы будет способствовать разработке универсального взгляда на обсуждаемую в настоящем исследовании проблематику.

Ключевые слова: благо, нематериальное благо, ущерб, нематериальный вред, защита нематериальных благ, компенсация морального вреда

Для цитирования: Самодуров В.О. О компенсации морального вреда как основного способа защиты нематериальных благ // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 47 – 51. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-47-51

Поступила в редакцию: 3 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

On compensation for moral injury as the main way of protecting intangible goods

¹ Samodurov V.O.,
¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: this study is designed to respond to the challenges of the time, based on an in-depth analysis of intangible goods, whose role in the modern world is continuously increasing. Intangible benefits are an integral part of every person's life and play a key role in shaping his personality and social position. The importance of the study area is highlighted by the fact that although intangible assets lack physical form, they play a key role in stimulating economic and social development. However, despite their importance, intangible benefits are often violated by other individuals or organizations. In this regard, there is a need to develop effective ways to protect these benefits, the main of which is compensation for moral damage. This article examines the main problems of the institution of compensation for moral damage, including the definition of moral damage as the main way to protect intangible benefits, analyzes the process of determining the amount of compensation for moral damage and the difficulties

that arise in establishing the amount of compensation for moral damage caused. It is believed that further theoretical study of this topic will contribute to the development of a universal view of the issues discussed in this study.

Keywords: benefit, intangible benefit, damage, intangible harm, protection of intangible benefits, compensation for moral damage

For citation: Samodurov V.O. On compensation for moral injury as the main way of protecting intangible goods. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 47 – 51. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-47-51

The article was submitted: May 3, 2024; Approved after reviewing: July 4, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

В настоящее время, когда происходит прогрессивное развитие информационных технологий, приводящих к глобализации и повсеместной информатизации обществ, наблюдается рост неправомерных действий, затрагивающих нематериальные блага людей. Право на их защиту закреплено в конституционных основах, подчеркивая важность этого аспекта для каждого гражданина [1]. Ст. 12 и ст. 151 ГКР РФ закрепляют возможность компенсации в случае морального ущерба, что является ключевым аспектом защиты прав на нематериальные блага [2].

Целью исследования является углубление научного знания о компенсации морального вреда как основного способа защиты нематериальных благ.

Материалы и методы исследований

Методологической базой исследования являются общенаучные методы (диалектический, логический, анализ и синтез), а также частно-научные методы (историко-правовой, формально-юридический анализ).

Результаты и обсуждения

Понятие морального вреда в рамках гражданского законодательства представляет собой совокупность правовых норм, которые регулируют возмещение нематериальных благ, нарушенных действиями или бездействием, если эти действия затрагивают имущественные или личные неимущественные права, целью которого является восстановление того положения, которое существовало до нарушения прав на нематериальные блага.

Анализ Обзора практики рассмотрения судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденным Верховным Судом РФ подчеркнута важность компенсации морального вреда как центрального элемента защиты прав на нематериальные ценности человека в рамках гражданского права [4].

Право на компенсацию морального вреда возникает при соблюдении определенных условий. Как правило, необходимо установить вину причинителя вреда, однако в некоторых случаях моральный вред компенсируется и без вины (ст. 1100 ГК РФ). Ст. 1101 ГК РФ определяет способ и размер морального вреда.

Важно подчеркнуть, что законодатель устанавливает денежную форму как единственный способ выполнения обязательств по возмещению морального ущерба.

Ввиду сложностей, с которыми сталкиваются истцы при попытке подтвердить объем ущерба, причиненного их благосостоянию, как физическому, так и эмоциональному, судебные органы склонны присуждать лишь минимальные суммы в качестве возмещения за моральные переживания. В ответ на необходимость стандартизации подходов к возмещению морального ущерба, Верховный Суд РФ принял Постановление от 15 ноября 2022 года № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», целью которого является корректировка судебной практики в этой области [5].

Моральный вред компенсируется только в случае, если пострадавший действительно испытал нравственные или физические страдания, и он должен самостоятельно предоставить доказательства того, каким образом они были причинены.

В процессе оценки нравственных и физических ущербов, испытанных пострадавшим, суд принимает во внимание уникальные характеристики лица, подвергшегося вреду, детали, связанные с нанесением ущерба, а также различные специфические аспекты, подтверждающие серьезность испытанных им страданий.

Таким образом, право гражданина на возмещение морального ущерба в случае нарушения его нематериальных благ противоправными действиями, защищается положениями ст. 12, ст. 151, а также ст. 1100-1101 ГК РФ [3], которые регулируют основания, способ и размер компенсации морального вреда.

Для более углубленного исследования важно определиться с ключевыми аспектами, являющимися предметом научных дискуссий, определяющими понятие морального вреда.

Под моральным вредом принято понимать страдания гражданина, связанные с посягательством на его честь, достоинство и деловую репутацию. В.Н. Барсукова подчеркивает, что моральный ущерб вызывает психологические изменения, которые свидетельствуют о непосредственных физических и нравственных страданиях, испытываемых человеком [7].

А.С. Петрова подчеркивает, что негативные переживания, такие как страх, унижение, чувство беспомощности, стыд или разочарование, могут являться проявлениями посягательства на моральных ущерб [9]. В связи с этим, множество современных ученых и исследователей предложили обновить терминологию, предлагая заменить выражение «моральный вред» на более всеобъемлющие определения, такие как «нематериальный ущерб» или «ненеимущественный ущерб». Эти термины предполагают собирают в своем определении не только этические и моральные, но и физические аспекты страданий [8].

В новой редакции Постановления № 33 произошло переосмысление понятия морального вреда, включающего в себя оба аспекта страданий – физические и нравственные. Эти страдания, возникающие в результате действий или бездействий, нарушают основные человеческие права, врожденные или закрепленные законодательно, включая, но не ограничиваясь, право на личное достоинство, свободу, а также на уважение чести и репутации.

В соответствии с последними уточнениями, теперь компенсация морального вреда расширяет свои границы, охватывая также физическое страдания. Это означает, что любые формы физического ущерба, будь то травмы, болезни, возникшие в результате стресса, ограниченная способность к передвижению после получения травм, или прочие болезненные ощущения, теперь признаются основаниями для компенсации морального вреда. Верховный Суд Российской Федерации подчеркивает, что эти страдания, включая те, что связаны с нарушением психического спокойствия и физического здоровья, подлежат компенсации.

Во внимание принимается, что душевный дискомфорт, вызванный различными негативными эмоциями, такими как страх, унижение, беспомощность, стыд, разочарование или чувство собственной неполноценности, особенно когда это состояние спровоцировано травмами, ограничивающими возможности человека, попадает под определение нравственных страданий. Эти страдания могут проистекать не только из физических ограничений, но и из потери близких, утраты возможности работать или участвовать в социальной жизни. Дополнительно, в сферу нравственных страданий входят ситуации, связанные с нарушением личной или профессиональной конфиденциальности, распространением недостоверной информации, затрагивающей честь и достоинство личности или её деловую репутацию, а также ситуации, когда человек временно лишается определенных прав. В результате таких переживаний и страданий возникает необходимость в компенсации морального вреда.

До того, как Верховный Суд РФ внес изменения в юридическое толкование, обзор судебных дел обычно связывал ущерб, причиненный индивиду, с физическими травмами и психологическим стрессом, являющимися результатом травмирующих обстоятельств. Такие события негативно влияют на эмоциональное состояние, общее самочувствие и даже физическое здоровье человека. Стресс, тревожность, страх, горе или чувство стыда, сопутствующие этим переживаниям, могут служить весомыми аргументами в подтверждение того факта, что человек действительно подвергся нравственному или физическому вреду, что обосновывает требование о компенсации морального вреда.

Сложность доказывания факта нанесения морального вреда заставляет многих ученых выступать за внесение в законодательство изменений, закрепляющих принцип «презумпции морального вреда». Эксперты в области права, в том числе Ж.Ю. Юзевович и А.О. Лукашов, подчеркивают, что такой подход значительно облегчит процесс получения компенсации морального вреда для потерпевших [10]. Они считают, что даже незначительные нарушения, не касающиеся материальных аспектов, могут вызвать у человека глубокие переживания, обиду и даже повлиять на его физическое здоровье. Введение принципа презумпции морального вреда упростит процесс урегулирования таких дел в суде, помогая избежать несоответствий между существующими судебными решениями и законодательством.

Е.Е. Алехина выступает с критикой стандартного метода оценки, применяемого судами при определении размера компенсации морального вреда [6]. По мнению автора, ошибочно сосредотачиваться на анализе глубины и характера физической и эмоциональной боли пострадавшего. При вынесении решения о размере компенсации за ущерб чести, суд рассматривает различные факторы, включая потенциальное влияние информации на общественное восприятие и статус заявителя, а также возможность таких данных причинить вред его достоинству и репутации. Важным фактором является и возможное формирование негативного мнения о пострадавшем в обществе. Несмотря на это, Е.Е. Алехина не видит целесообразности в детальном рассмотрении физических и моральных переживаний истца, отмечая недостатки такого подхода. Она приходит к выводу, что попытки установить конкретное соответствие между различными формами

физических и эмоциональных страданий, такими как тошнота, удушье, зуд, головокружение, страх, горе, стыд, и унижение, ни теоретически, ни практически не представляются выполнимыми или даже целесообразными. Следовательно, при определении размера компенсации морального вреда важно сосредоточиться не на типе перенесенных страданий, а на степени вреда, нанесенного нематериальным ценностям человека. В конечном итоге, именно степень значимости этих нематериальных ценностей для человека играет ключевую роль в определении объема морального вреда.

В п. 27 Постановления № 33, Верховный Суд РФ подчеркнул, что при определении объема компенсации морального вреда, суды должны уделять особое внимание не только к общей тяжести и значимости ущерба, нанесенного нематериальным благам пострадавшего, но и к деталям, таким как: степень и длительность негативного воздействия, включая уникальные обстоятельства, при которых произошло нарушение (например, случаи, когда дискредитация чести и достоинства происходит перед детьми пострадавших). Важность придается также оценке объема и силы потери личных прав и благополучия.

Выводы

Таким образом, в процессе проведенного исследования были рассмотрены основные аспекты компенсации морального вреда как основного способа защиты нематериальных благ. Анализ законодательства, судебной практики и научных работ позволил сделать следующие выводы:

1. Моральный вред определяется как явление, при котором нематериальные интересы или права человека подвергаются противоправным нарушениям, приводящим к физическому дискомфорту и эмоциональным страданиям.

2. Компенсация морального вреда является одним из основных способов защиты нематериальных благ, предусмотренных гражданским законодательством.

3. В процессе определения размера компенсации морального вреда, суды руководствуются не только уровнем физического и нравственного ущерба, который был нанесен пострадавшему, но и учитывают, насколько велика была вина того, кто вред причинил. При этом, основными критериями, на которые они опираются, являются принципы разумности и справедливости.

4. В судебной системе наблюдаются трудности при установлении объема возмещения за нанесенный моральный ущерб. Эти сложности возникают из-за неясности в критериях для измерения переживаний жертвы, а также из-за необходимости рассматривать уникальность каждой ситуации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.)] // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения 05.06.2024 г.)
5. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.
6. Алехина Е.Е. Особенности защиты прав граждан при возмещении морального вреда в судебном порядке // Проблемы правоохранительной деятельности. 2021. № 2. С. 22 – 27.
7. Барсукова В.Н. Компенсация морального вреда как способ защиты чести и достоинства личности // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179). С. 90 – 93.
8. Лобан В.Э. Компенсация морального вреда в рамках гражданского права Российской Федерации // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 2 (71). С. 139 – 145.
9. Петрова А.С. Взыскание компенсации морального вреда при рассмотрении гражданских дел мировым судьем // Мировой судья. 2023. № 9. С. 29 – 33.
10. Юзефович Ж.Ю., Лукашов А.О. О компенсации морального вреда в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 77 – 79.

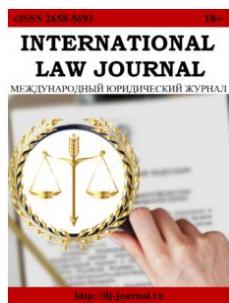
References

1. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)]. Rossiyskaya Gazeta. 1993. 25 Dec. No. 237.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 24, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on October 1, 2023). "Collection of Legislation of the Russian Federation", 05.12.1994, N 32, art. 3301.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 1, 2021, as amended on July 8, 2021). Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 15, 2022 N 33 "On the practice of application by courts of norms on compensation for moral damage." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (accessed 06/05/2024)
5. Review of the practice of courts considering cases on disputes regarding the protection of honor, dignity and business reputation: approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 16, 2016. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 10.
6. Alekhina E.E. Features of protecting the rights of citizens when compensating for moral damage in court. Problems of law enforcement. 2021. No. 2. P. 22 – 27.
7. Barsukova V.N. Compensation for moral damage as a way to protect the honor and dignity of an individual. Law and State: Theory and Practice. 2019. No. 11 (179). P. 90 – 93.
8. Loban V.E. Compensation for moral damage within the framework of civil law of the Russian Federation. Bulletin of Science. 2024. T. 2. No. 2 (71). P. 139 – 145.
9. Petrova A.S. Recovery of compensation for moral damage when considering civil cases by a magistrate. Magistrate Judge. 2023. No. 9. P. 29 – 33.
10. Yuzefovich Zh.Yu., Lukashov A.O. On compensation for moral damage in cases of protection of honor, dignity and business reputation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4. P. 77 – 79.

Информация об авторе

Самодуров В.О., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия,
new.upgrade@mail.ru

© Самодуров В.О., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.951
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-52-57

Субъекты финансирования национальных проектов в Российской Федерации: бюджетно-правовой аспект

¹ Меха В.А.,

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Аннотация: статья посвящена теме субъектного состава финансирования национальных проектов с точки зрения бюджетно-правового регулирования. Эффективная реализация национальных проектов является актуальной темой современной реальности, особенно в условиях внешнего санкционного давления. Особое внимание уделяется эффективности использования выделенных средств. Важно, чтобы деньги были направлены на достижение поставленных целей и приносили реальную пользу гражданам. В связи с этим в статье рассматриваются источники финансирования национальных проектов в России, а также проблемы финансового обеспечения нацпроектов, в том числе вопросы регулирования данного процесса в законах (решениях представительных органов местного самоуправления) о бюджете. В процессе исследования использовались эмпирический, нормативный методы, метод анализа. Проанализированы интернет-ресурсы, рассмотрена федеральная и региональная практики реализации национальных проектов. На примере Омской области рассмотрены ключевые проблемы, возникающие в процессе финансирования реализации нацпроектов. Рассмотрены бюджетное и внебюджетное финансирование нацпроектов, в том числе через частные и международные организации. Сделан вывод о необходимости совершенствования бюджетного планирования, а именно утверждении национальных проектов представительными органами власти в виде отдельных законов, охватывающих все сферы жизнедеятельности.

Ключевые слова: проект, национальный проект, Российская Федерация, федеральный бюджет, финансирование, планирование бюджета, источники финансирования, программа, реализация национальных проектов

Для цитирования: Меха В.А. Субъекты финансирования национальных проектов в Российской Федерации: бюджетно-правовой аспект // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 52 – 57. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-52-57

Поступила в редакцию: 4 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Subjects of financing national projects in the Russian Federation: budgetary and legal aspect

¹ Mekha V.A.,

¹ Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

Abstract: the article is devoted to the topic of the subject composition of the financing of national projects from the point of view of budgetary and legal regulation. The effective implementation of national projects is a pressing topic in modern reality, especially under external sanctions pressure. Particular attention is paid to the efficient use of allocated funds. It is important that the money is used to achieve set goals and bring real benefits to citizens. In this regard, the article examines the sources of financing for national projects in Russia, as well as the problems of financial support for national projects, including issues of regulating this process in laws (decisions of representative bodies of local self-government) on the budget. Empirical, normative, and analysis methods were used in

the research process. Internet resources are analyzed, federal and regional practices in the implementation of national projects are considered. Using the example of the Omsk region, the key problems that arise in the process of financing the implementation of national projects are considered. Budgetary and extra-budgetary financing of national projects, including through private and international organizations, were considered. A conclusion is made about the need to improve budget planning, namely the approval of national projects by representative authorities in the form of separate laws covering all spheres of life.

Keywords: project, national project, Russian Federation, federal budget, financing, budget planning, sources of financing, program, implementation of national projects

For citation: Mekha V.A. Subjects of financing national projects in the Russian Federation: budgetary and legal aspect. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 52 – 57. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-52-57

The article was submitted: May 4, 2024; Approved after reviewing: July 5, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Национальные проекты представляют собой всесторонние программы, целью которых является развитие ключевых отраслей экономики, улучшение жизни населения и укрепление государственной власти. Для успешной реализации подобных проектов необходимы значительные финансовые ресурсы, которые обычно мобилизуются через различные источники финансирования. В данном контексте мы проанализируем эти источники с учетом составления бюджетов на различных уровнях.

Материалы и методы исследований

В процессе исследования использовались эмпирический, нормативный методы, метод анализа. Проанализированы интернет-ресурсы, рассмотрена федеральная и региональная практики реализации национальных проектов. Рассмотрены бюджетное и внебюджетное финансирование нацпроектов.

В процессе исследования рассмотрены официальные интернет-ресурсы, например, официальные сайты органов федеральной системы (Минфин России, МИД России), Правительства Омской области, Администрации города Омска. Также изучены труды таких научных деятелей, как А.М. Аджлуни, А.Ю. Маркус, А.С. Матненко, С.В. Запольский, М.В. Пучкова.

Результаты и обсуждения

Одним из основных источников финансирования является государственный бюджет, в рамках которого выделяется значительный объем средств на реализацию национальных проектов. Например, в 2020 году на реализацию этих проектов планировалось выделить более 2 трлн рублей. В 2024 году, несмотря на сложившуюся политическую и экономическую ситуацию, средства, выделяемые на нацпроекты, также остаются значительными – более 23 миллиардов рублей.

Выделение значительных объемов финансовых ресурсов из казны на реализацию национальных проектов – сложный процесс, включающий несколько ключевых аспектов. Во-первых, важно отметить, что распределение бюджетных средств на национальные проекты обычно осуществляется через несколько генеральных распределителей, что создает дополнительные уровни контроля и управления средствами.

Кроме того, центральная координация деятельности этих дистрибуторов играет ключевую роль в обеспечении эффективного использования средств и достижения поставленных целей национальных проектов. Это означает, что управление финансовыми ресурсами должно быть тщательно спланировано и организовано на различных уровнях.

Еще одним важным аспектом является преобладание межбюджетных трансфертов в структуре расходов на национальные проекты. Это означает, что часть средств может быть перераспределена между разными уровнями бюджетной системы для обеспечения равномерного и эффективного финансирования проектов в разных регионах.

Более того, в процессе реализации национальных проектов необходимо учитывать разнообразные потребности и приоритеты разных отраслей экономики и общества. Это требует тесного взаимодействия государственных органов, бизнес-сообщества и общественных организаций для обеспечения скоординированного подхода к расходованию средств и достижения максимального социально-экономического эффекта от реализации проектов.

Таким образом, выделение финансовых ресурсов на национальные проекты представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий не только эффективного управления бюджетными средствами,

но и стратегического планирования, координации и контроля для достижения поставленных целей и обеспечения устойчивого развития страны [8].

На федеральном уровне реализация национальных проектов характеризуется быстрыми темпами и высокими количественными показателями [3]. Так, реализация нацпроектов в первом полугодии прошлого года составила 1 миллиард 346,8 миллиарда рублей. (45,1% запланированных бюджетных ассигнований) [5].

Однако в некоторых регионах реализация национальных проектов и по сей день характеризуется не самым высоким уровнем использования финансовых ресурсов. Таким образом, анализ результатов реализации индикаторов национальных проектов на 2022-2023 годы в Омске показывает, что национальным проектам, несомненно, уделяется пристальное внимание и в целом работа в этом направлении в городе ведется, но прежде всего говорить о ее эффективности и прорывном характере. Во многом это связано с неэффективным целеполаганием, недостаточностью имеющихся финансовых, материальных и трудовых ресурсов, а также бюрократизацией многих процессов. Например, согласно национальному проекту «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» «продолжение работы в этом направлении» планировалось на 2023 год. При этом конкретное содержание работы в этом направлении и показатели предложенные для достижения планов не предусмотрены.

За первый квартал 2024 года в Омской области процент реализации нацпроекта «Цифровая экономика Российской Федерации» составляет 0,7%, нацпроекта «Производительность труда» – 20,3%. Наиболее значимые результаты реализации показывает нацпроект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» – 50,9%.

В частности, это связано с отсутствием мер по контролю за целевым и эффективным использованием бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов.

Однако следует помнить, что такие проекты отличаются от других форм планирования прежде всего финансовыми источниками. Они основаны на интеграции ресурсов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации. Национальные проекты являются преобладающей формой бюджетного планирования с точки зрения доходов и расходов, охватывая подавляющее большинство государственных программ. Формирование национальных проектов отражается в региональных и муниципальных бюджетах и передается конкретным исполнителям национальных проектов.

По мнению А.С. Матченко, неэффективность программно-целевого бюджетного планирования вызвана отсутствием отлаженного механизма согласования финансовых параметров реализации нацпроектов в регионах и муниципальных образованиях, включая, в том числе, алгоритм их совместных действий, начиная с принятия документов программного планирования [7].

На наш взгляд, наиболее подходящим вариантом видится практика принятия отдельных законов, утверждающих национальные проекты или корректирующих их. Это позволит нам выстроить правильный вектор экономического развития. Кроме того, многие бюджетные акты преследуют именно эту цель. Эту точку зрения разделяет С.В. Запольский [4].

Помимо государственного бюджета, частные компании также обеспечивают финансирование национальных проектов. Они инвестируют в проекты, которые обещают им возврат инвестиций и прибыль. Для привлечения инвестиций Правительство Российской Федерации создает условия, благоприятствующие инвестициям, например, путем предоставления налоговых льгот и инвестиционных программ [9, с. 225]. В Омской области в реализации национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» участвуют два десятка государственных предприятий и 6 акционерных обществ со стопроцентной долей участия Омской области. Данные подрядные организации принимают активное участие в реализации данного национального проекта [2].

При реализации национальных проектов в России концессионные соглашения также играют ключевую роль, обеспечивая эффективное взаимодействие государственных органов и частных инвесторов. Обязательным условием таких соглашений является инвестирование средств в создание нового объекта или качественное улучшение объекта, переданного в концессию.

Примером успешного использования концессионного соглашения в рамках реализации национальных проектов является соглашение между Кызыл-Курагино ТЭК и Росжелдором. Данное соглашение направлено на развитие транспортной инфраструктуры и повышение ее эффективности. Проект Кызыл-Курагино – строительство новой железнодорожной линии в рамках федерального проекта развития транспорта и логистики. Согласно концессионному соглашению, инвестор – ТЭПК – берет на себя строительство, содержание и эксплуатацию этой железнодорожной линии. В свою очередь, Росжелдор контролирует реализацию всех этапов проекта и обеспечивает необходимую поддержку со стороны государства.

Использование концессионных соглашений в национальных проектах приносит значительные экономические выгоды за счет оптимизации затрат, повышения производительности и повышения конкурентоспособности. Государство, в свою очередь, активно поддерживает использование концессионных механизмов, выступая гарантом выполнения обязательств перед инвесторами. Он разрабатывает стратегию привлечения инвестиций, создает необходимую инфраструктуру, обеспечивает правовую защиту инвесторов и контролирует соблюдение условий концессионных соглашений. Здесь важно правильно структурировать финансовые потоки и распределить риски между сторонами соглашения, чтобы обеспечить успешное завершение проекта и его долгосрочную устойчивость. Привлечение частных инвестиций посредством концессионных соглашений позволяет снизить нагрузку на бюджет и оптимизировать затраты на реализацию проектов.

Особенность национальных проектов в том, что их параметры не определяют границы внебюджетного финансирования. Часто бывает, что планируемые объемы такого финансирования значительно превышают объемы бюджетных средств, но не полностью подлежат контролю со стороны властей; принудительное привлечение внебюджетных источников обычно невозможно, что напрямую влияет на реализацию национального проекта в негативном ключе.

Отметим, что отражение только ресурсов, контролируемых государством, позволяет наделить планирование проекта характеристиками объективности, прозрачности и управляемости. Но и внебюджетное финансирование также играет важную роль в достижении общенациональных целей экономического развития.

Международные организации также играют важную роль в финансировании национальных проектов [10]. В России существует множество международных организаций, поддерживающих реализацию национальных проектов, например, Международный банк реконструкции и развития, Европейский банк реконструкции и развития, МВФ и другие. Конечно, в последнее время финансирование национальных проектов сместилось вглубь российского государства, но тем не менее участие международного сообщества в финансировании национальных проектов все еще незначительно. Кроме того, интерес к взаимодействию с Российской Федерацией проявляют страны БРИКС, Северная Корея и Республика Беларусь.

Привлечение внешнего финансирования является неотъемлемой частью финансирования национальных проектов и имеет большое значение. В России это достигается за счет получения международных кредитов, привлечения инвестиций через международные фонды и другие источники.

Международные организации также играют важную роль в финансировании национальных проектов [10]. В России существует множество международных организаций, поддерживающих реализацию национальных проектов, например, Международный банк реконструкции и развития, Европейский банк реконструкции и развития, МВФ и другие. Конечно, в последнее время финансирование национальных проектов сместилось вглубь российского государства, но тем не менее участие международного сообщества в финансировании национальных проектов все еще незначительно. Кроме того, интерес к взаимодействию с Российской Федерацией проявляют страны БРИКС, Северная Корея и Республика Беларусь.

Привлечение внешнего финансирования является неотъемлемой частью финансирования национальных проектов и имеет большое значение. В России это достигается за счет получения международных кредитов, привлечения инвестиций через международные фонды и другие источники.

Выводы

Таким образом, финансирование российских национальных проектов осуществляется за счет бюджета, частных и международных инвестиций. Такое комплексное финансирование обеспечивает качественную реализацию национальных проектов.

При этом, несмотря на принятие программ и стратегий, направленных на поддержку экономики и социальной сферы, недостаток финансирования зачастую становится препятствием для их успешной реализации. Для решения этой проблемы необходимы системные изменения в подходе к проектному финансированию. Например, А.М. Аджлуни придерживается мнения, что для устранения противоречий между финансированием федерального и региональных бюджетов необходимо внести изменения в методику расчета и распределения налоговых доходов между уровнями бюджетной системы страны [1].

Возможно, в будущем будет признано целесообразным принять прямое одобрение национальных проектов представительными органами власти в виде отдельных законов, которые будут охватывать все сферы и отрасли экономики и социальной политики, а также внешнеполитические отношения. Кроме того, существует проблема отсутствия единого закона, регулирующего, в том числе, вопросы финансирования реализации национальных проектов, что также подчеркивается в научной литературе [6]. В связи с этим совокупность правовых актов по утверждению национальных проектов (!) можно назвать документом бюджетного планирования. Ведь все без исключения национальные проекты могут включать в себя не только ме-

роприятия. Ведь все без исключения нацпроекты могут включать не только мероприятия по их реализации, но и их финансовое обеспечение. При этом бюджет будет являться только частью расходов, адекватной лишь наиболее социально значимым целям проекта, при этом не лишены участия будут и частные организации, и международные. Только так можно достичь всех поставленных нацпроектами задач и обеспечить непрерывное и стабильное развитие государства.

Список источников

1. Ажлуни А.М., Борзова Д.А., Петрова А.Н. Национальные проекты России и их финансирование // РСЭУ. 2019. № 2 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-proekty-rossii-i-ih-finansirovaniye> (дата обращения: 18.03.2024)
2. Антон Заев: Программы дорожных работ формировались в соответствии с запросами жителей региона // Дорожное хозяйство. Всероссийский отраслевой журнал. © 2018-2024 URL: <http://www.dorhoz.ru/news/anton-zaev-programmi-dorozhnyih-rabot-formirovalis-v-sootvetstvii-s-zaprosami-zhiteley-regiona.php> (дата обращения: 18.03.2024)
3. Бюджет на национальные проекты в России в 2020 году исполнен на 97,4% [Электронный ресурс] // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1113414/2021-01-19/biudzhet-na-natcionalnye-proekty-v-rossii-v-2020-godu-ispolnen-na-974> (дата обращения: 17.03.2024)
4. Запольский С.В. Финансирование национальных проектов – бюджетный аспект («Финансовое право», 2023, № 3) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации: [сайт]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38584-ispolnenie_raskhodov_federalnogo_byudzheta_na_realizatsiyu_natsionalnykh_proektov (дата обращения: 18.03.2024)
6. Маркус А.Ю., Павлова Г.Г. Правовое обеспечение некоторых приоритетных национальных проектов // Общество, экономика, управление. 2023. № 1. С. 55 – 60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-nekotoryh-prioritetnyh-natsionalnyh-proektov> (дата обращения: 19.03.2024)
7. Матненко А.С. Приоритетные национальные проекты как метод и форма бюджетной деятельности государства. URL: <https://wiselawyer-ru.turbopages.org/wiselawyer.ru/s/poleznoe/21484-prioritetnyenacionalnye-proekty-metod-forma-byudzhetnoj-deyatelnosti> (дата обращения: 17.03.2024)
8. Приказ Минфина России от 24.05.2022 № 82н (ред. от 13.11.2023) «О Порядке формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуре и принципах назначения» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 30.06.2022.
9. Пучкова М.В. Правовое обеспечение системы образовательного кредитования // Правовые проблемы государственного управления экономическим развитием. М., 2018. С. 225.
10. Россия и международные экономические организации [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnopoliticeskoe-dos-e/mezdunarodnye-organizacii-iforumy/rossiya_i_spetsializirovannye_mezhdunarodnye_ekonomicheskie_organizatsii/ (дата обращения: 17.03.2024)

References

1. Azhluni A.M., Borzova D.A., Petrova A.N. National projects of Russia and their financing. RSEU. 2019. No. 2 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-proekty-rossii-i-ih-finansirovaniye> (access date: 03/18/2024)
2. Anton Zaev: Road work programs were formed in accordance with the requests of residents of the region. Road management. All-Russian industry magazine. © 2018-2024 URL: <http://www.dorhoz.ru/news/anton-zaev-programmi-dorozhnyih-rabot-formirovalis-v-sootvetstvii-s-zaprosami-zhiteley-regiona.php> (access date: 03/18/2024)
3. The budget for national projects in Russia in 2020 was fulfilled by 97.4% [Electronic resource]. Izvestia: [website]. URL: <https://iz.ru/1113414/2021-01-19/biudzhet-na-natcionalnye-proekty-v-rossii-v-2020-godu-ispolnen-na-974> (access date: 03/17/2024)
4. Zapsolsky S.V. Financing of national projects - the budgetary aspect (“Financial Law”, 2023, No. 3). SPS “ConsultantPlus”.

5. Execution of federal budget expenditures for the implementation of national projects [Electronic resource]. Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation: [site]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38584-ispolnenie_raskhodov_federalnogo_byudzhetu_na_realizatsiyu_natsionalnykh_proektov (access date: 03/18/2024)

6. Markus A.Yu., Pavlova G.G. Legal support for some priority national projects. Society, economics, management. 2023. No. 1. P. 55 – 60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-obespechenie-nekotoryh-prioritetnyh-natsionalnyh-proektov> (access date: 03/19/2024)

7. Matnenko A.S. Priority national projects as a method and form of state budgetary activity. URL: <https://wiselawyer-ru.turbopages.org/wiselawyer.ru/s/poleznoe/21484-prioritetnyenacionalnye-proekty-metod-forma-byudzhetnoj-deyatelnosti> (access date: 03/17/2024)

8. Order of the Ministry of Finance of Russia dated May 24, 2022 No. 82n (as amended on November 13, 2023) "On the Procedure for the formation and application of budget classification codes of the Russian Federation, their structure and principles of purpose". Official Internet portal of legal information. URL: www.pravo.gov.ru. 06/30/2022.

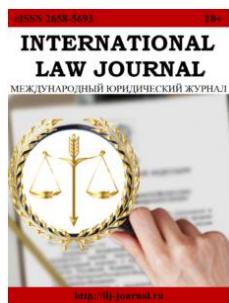
9. Puchkova M.V. Legal support of the educational lending system. Legal problems of state management of economic development. M., 2018. P. 225.

10. Russia and international economic organizations [Electronic resource]. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: [website]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnopoliticskoe-dos-e/mezdunarodnye-organizacii-i-forumy/rossiya_i_spetsializirovannye_mezhdunarodnye_ekonomicheskie_organizatsii/ (date of access: 03/17/2024)

Информация об авторе

Mexa B.A., аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, viktoriya-meha@mail.ru

© Mexa B.A., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 340.5
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-58-63

Правовые особенности и роль Португальской и Датской Ост-Индских компаний в колониальной торговле XVII века

¹ Михалев В.Е.,
¹ Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация: в статье рассматривается эволюция правового регулирования деятельности Испанской и Шведской Ост-Индских компаний. Исследуются исторические и правовые аспекты создания, функционирования и упадка данных компаний в контексте международной торговли и колонизации в период с XVI по XIX века. Анализируются законодательные акты, регулирующие деятельность компаний, их влияние на экономическое развитие метрополий и колоний, а также взаимодействие с другими колониальными державами. Сравнение правовых систем двух стран позволяет выявить сходства и различия в подходах к регулированию коммерческой и колониальной деятельности, а также их последствия для международного права и современной правовой практики.

Ключевые слова: Испанская Ост-Индская компания, Шведская Ост-Индская компания, правовое регулирование, колониальная торговля, колониализм, международное право, сравнительное правоведение

Для цитирования: Михалев В.Е. Правовые особенности и роль Португальской и Датской Ост-Индских компаний в колониальной торговле XVII века // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 58 – 63. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-58-63

Поступила в редакцию: 4 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Legal characteristics and role of the Portuguese and Danish East India companies in colonial trade of the 17th century

¹ Mikhalev V.E.,
¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Abstract: the purpose of this article is to conduct a historical-legal and comparative analysis of the legal regulation, organization, and activities of the Danish and Portuguese East India Companies. The historical conditions and the process of establishing these companies are examined. The legal and historical conditions of their operations are explored, and the historical-legal role of the companies in 17th-century colonial trade is determined. As a result of the comparative study, significant differences in the organization and activities of the Danish and Portuguese East India Companies are identified, providing a deeper understanding of their unique legal and economic strategies within the context of European colonial expansion.

Keywords: Portuguese East India Company, Danish East India Company, colonial trade, Age of Discovery, colonial commerce, history of international law, comparative legal studies

For citation: Mikhalev V.E. Legal characteristics and role of the Portuguese and Danish East India companies in colonial trade of the 17th century. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 58 – 63. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-58-63

The article was submitted: May 4, 2024; Approved after reviewing: July 2, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Актуальность темы исследования определяется необходимостью глубокого понимания правовых и организационных основ деятельности колониальных торговых компаний для изучения эволюции международного права и экономики. Датская и Португальская Ост-Индские компании, будучи важными игроками на сцене колониальной торговли XVII века, предоставляют уникальный материал для анализа. Это тема особенно важна в контексте современного развития транснациональных корпораций, которые являются прямыми наследниками европейских колониальных структур.

Ост-Индские компании (далее – ОИК) представляли собой акционерные общества, акционерами которых были купцы, предприниматели и представители монархических династий. Они сыграли ключевую роль в обеспечении стабильности и устойчивости колониальной торговли, создавая новые правовые и организационные структуры, которые позволяли метрополиям управлять огромными территориями и контролировать торговые маршруты.

В литературе уделяется значительное внимание роли Ост-Индских компаний в колониальной торговле. Л.А. Сапунцов [1-2] анализирует значение Португальской Ост-Индской компании для либерализации отношений с колониальной Азией, в другом струде автор анализирует топологию децентрализованной колонизации, применявшейся Датской Ост-Индской компанией. К. А. Фурсов [3] рассматривает преемственность и различия между Ост-Индскими компаниями и корпорациями «дешевого империализма». Р.В. Чиккулаев [4] исследует исторические предпосылки возникновения и закрепления в праве финансовых инструментов. Важными международными исследованиями являются работы: Ж.Е. Антунеса и Н.П. Торреса [5] по историческим истокам португальского корпоративного права и деятельности первой Португальской Ост-Индской компании, Ж.Н. Кристиан, О. Фельдбёк и К.Ф. Олвинг [7-9] детально рассматривают деятельность португальской датской торговых компаний в XVII и XVIII веках. С. Субрахманьям [10] уделяет внимание торговле Датской Ост-Индской компании на Коромандельском побережье.

Целью настоящего исследования является историко-правовой и сравнительный анализ правового регулирования организации и деятельности Португальской и Датской Ост-Индских компаний в колониальной торговле XVII века.

Задачи исследования включают анализ исторических условий и правовых основ учреждения Португальской и Датской Ост-Индских компаний, исследование правовых механизмов управления и коммерческой деятельности этих компаний, оценку влияния правового регулирования на эффективность и успех их торговых операций, проведение сравнительного анализа правовых особенностей деятельности обеих компаний, а также определение их исторической роли и вклада в развитие колониальной торговли и международного права.

Гипотеза исследования предполагает, что различия в правовом регулировании и организационных структурах Португальской и Датской Ост-Индских компаний оказали существенное влияние на их эффективность и успех в колониальной торговле XVII века. Эти различия могли способствовать тому, что Датская Ост-Индская компания демонстрировала более успешные результаты в торговле, в то время как Португальская компания столкнулась с значительными трудностями и провалами.

Материалы и методы исследований

Исследование основывается на анализе исторических документов, архивных материалов, научных публикаций и статистических данных, связанных с деятельностью Португальской и Датской Ост-Индских компаний. В работе использованы историко-правовой метод для изучения правовых норм и исторических событий, сравнительный метод для сопоставления правовых механизмов и организационных структур, системный анализ для изучения компаний как комплексных систем, количественный анализ для оценки экономической эффективности, и контент-анализ для выявления ключевых правовых и организационных особенностей. Такой подход обеспечивает всестороннее исследование правовых аспектов и роли этих компаний в колониальной торговле XVII века.

Результаты и обсуждения

Результаты проведенного исследования показывают, что различия в правовом регулировании и организационных структурах Португальской и Датской Ост-Индских компаний оказали существенное влияние на их эффективность и успех в колониальной торговле XVII века. В отличие от Португальской компании, Датская компания продемонстрировала более успешные результаты благодаря своей уникальной модели децентрализованной колонизации.

Сравнение результатов с опытом других ученых подтверждает наши выводы. Л.А. Сапунцов [1-2] отмечает, что Датская Ост-Индская компания использовала модель децентрализованной колонизации, что позволило ей успешно функционировать на международных рынках. К.А. Фурсов [3] и Р.В. Чикулаев [4] также подчеркивают, что правовые и организационные различия между различными Ост-Индскими компаниями были ключевыми факторами их успеха или неудачи.

Ж.Е. Антунес и Н.П. Торрес [5] в своих работах указывают на недостаточную адаптацию португальской правовой системы к требованиям колониальной торговли, что привело к менее успешной деятельности Португальской Ост-Индской компании. Напротив, исследования Ж.Н. Кристиан, О. Фельдбёк и К.Ф. Оллинг [7-9] подчеркивают успешное применение датской правовой модели в колониальной торговле, что обеспечило высокую эффективность Датской Ост-Индской компании.

Таким образом, наше исследование подтверждает, что различия в правовом регулировании и организационных структурах оказали значительное влияние на эффективность Португальской и Датской Ост-Индских компаний. Эти различия объясняют, почему Датская компания смогла добиться значительных успехов, тогда как Португальская компания столкнулась с множеством трудностей.

Первая Ост-Индская компания (ОИК) была создана Англией в 1600 году, за ней последовала Голландская Ост-Индская компания в 1602 году. Осознав всю выгоду и необходимость укрепления торговых связей и централизации колониальной торговли, монархи других европейских стран поспешили учредить свои собственные ОИК. Необходимость создания таких компаний – первых прообразов транснациональных корпораций (ТНК), как отмечено в некоторых литературных источниках [3, с. 211], была обусловлена усиливающейся борьбой за новые колонии, стремлением их удержания и извлечением максимальной выгоды от их эксплуатации.

В Дании решение об учреждении Ост-Индской компании было принято в 1616 году, а Португалия последовала этому примеру спустя 12 лет, в 1628 году. Несмотря на то, что и Датская, и Португальская Ост-Индские компании были созданы по образцу Голландской, их правовой статус и роль в колониальной торговле существенно различались [8, р. 207].

Эти различия были обусловлены не только историческими событиями, такими как потеря Португалией суверенитета в течение короткого пятилетнего периода существования своей компании, и не только размерами колониальных империй, но и масштабами их торговых операций. Основное влияние на эти различия оказала государственная экономическая политика каждой страны в области международной торговли.

Правовой статус ОИК в Дании и Португалии был во многом скопирован с Устава Голландской ОИК. Разрозненный частный капитал купцов был объединен в общий капитал [7, р. 144].

Согласно размеру внесенных паев акционерам ОИК выплачивались дивиденды, при этом, крупнейшими акционерами становились их номинальные учредители – королевские дома. Если оперировать современными терминами, ОИК представляла собой сочетание акционерного общества, ТНК и государственно-частного партнерства, поскольку государство брало на себя не только коммерческие, но военные и административные функции. Выполнение этих функций обеспечивалось за счет привлеченного частного капитала.

Несмотря на внешне общие правовые признаки ОИК европейских стран, конкурировать им приходилось в условиях жесткой колониальной борьбы за новые колонии и, следовательно, новые, пока не основные рынки сбыта. Такая борьба часто могла вылиться в военные столкновения между колониальными державами и их сателлитами. Также не нужно забывать про административные расходы по содержанию колониальных чиновников, торговые риски, а также риски от кораблекрушений, природных стихий, неурожаев и т.д., что требовало значительных финансовых вложений.

На начало XVII века приходится, с одной стороны, расцвет Великобритании, как мощной военно-морской державы, с другой стороны, мы должны констатировать упадок испанской и португальской империй, которые раньше англичан смогли захватить большие по территории колонии, но по объективным обстоятельствам не смогли их удержать и эффективно управлять. В это же время Дания вступает в колониальное противостояние, однако действует по иным принципам, чем крупные европейские колониальные державы, поскольку к территориальному разделу колоний была подготовлена не столь успешно в военном и экономическом плане, чем Великобритания и Голландия. [8, р. 211]

Целью датской согласно хартии короля Кристиана IV, стало налаживание торговых отношений с Индией. Уставный капитал датской ОИК на момент ее учреждения составил «180 тыс. риксдолл., из которых 9,4% внес король, 12,5% – братья голландского происхождения Жан и Давид де Виллемы, а остальное – представители датской и норвежской знати, буржуазии Копенгагена и прочие инвесторы» [10, р. 42]. По тем временам это был не столь значительный капитал, однако с учетом дошедших до датского престола

слухов о высокой доходности иных ОИК предполагалось, что данные расходы будут окуплены в короткие сроки.

Правовой основой для Датской ОИК стала королевская хартия. Эта хартия обеспечивала постоянную деятельность ОИК, устанавливала права и обязанности акционеров и директоров, порядок их взаимодействия, органы управления, а также срок их полномочия. Кроме того, Хартией определялись размеры взносов акционеров и получаемые ими дивиденды от осуществления экономических и торговых операций [8, р. 205]. По мнению Р.В. Чикулаева, учреждения первых ОИК стало историко-правовой предпосылкой развития акционерного права [4, с. 34]. По словам исследователя распространение акций ОИК не было публичным, а их размещение происходило между узким кругом лиц, в основном, торговых предприятий и представителей королевских домов.

В отличие от своих европейских конкурентов в колониальной гонке Датское королевство не смогло сравнивать с военной мощью английского флота и территориальным размером испанских и португальских колоний. Была выбрана иная тактика, которая экономически оправдала себя и принесла Дании выгоду, как посреднику в торговых операциях.

Дания стала примером так называемой децентрализованной колонизации, при которой основной упор делался не на территориальное приращение колоний, а на выгодное размещение торговых постов в местах пересечения морских торговых путей [2, с. 98]. В отличие от открытой и часто агрессивной внешней экспансии, демонстрируемой другими колониальными державами, включая Португалию на пике её могущества, политика децентрализованной колонизации позволяла Дании извлекать огромную выгоду из торговых операций при минимальных финансовых вложениях акционеров. Это способствовало развитию собственной промышленности, строительству флота и дорог.

В результате количество акционеров росло, а прибыль делилась между большим числом участников Ост-Индской компании, хотя король оставался основным и самым крупным акционером. Показателем успешного развития Датской Ост-Индской компании стала торговля чаем, объемы которой превосходили импорт этого товара, осуществляемый Британской Ост-Индской компанией. К 1729 году датская ОИК пришла в окончательный упадок по причине военного противостояния в Великобританией и была упразднена. В настоящее время Дания позиционирует себя как «прогрессивное общество достатка, в котором защищаются ценности социальной справедливости и решаются вопросы гуманитарного характера» [9, р. 208].

Иной, чем Дания, колониальной стратегии придерживалась Португалия. Пика своего могущества Португалия достигла в XVI веке, владея обширными по территориями колониями как в Новом Свете, так и Азии. По словам исследователей, «в XVI в. торговля между регионами осуществлялась через португальскую государственную организацию «Casa da india», которая снаряжала «Индийские армады» и на этом рынке была наделена монопольными правами. Отличительной чертой участия Португалии в колониальной экспансии стран Европы было прямое участие королевских органов государственного управления в снаряжении заморских экспедиций, основании поселений в колониях и формировании военно-морских и армейских частей для защиты зарубежных завоеваний, в том числе от европейцев-конкурентов» [1, с. 47].

Для защиты своих владений и содержания колониальных администраций Португалии требовались значительные финансовые средства. Но в уже в начале XVII века Португалия столкнулась с внутриполитическими кризисом и была фактически лишена государственного суверенитета. Ослабление позиции Португалии на международной арене потребовали от португальских властей принятия экстренных мер. В качестве такого «антикризисного плана» стало учреждение в 1628 году Португальской ОИК.

При создании Португальской ОИК планировалось формировать ее капитал за счет средств частных инвесторов, купцов, а также королевской казны, средств муниципалитетов и иных акционеров. Правовой основой ее создания стал королевская Хартия об ее учреждении 1628 года, положения которой во многом повторяли статьи Устава Голландской ОИК.

Между тем, уже в первые годы своего существования Португальская ОИК столкнулась с финансовыми трудностями. Король не выполнил своих финансовых обязательств, а представители частного капитала не стремились стать ее акционерами. Причина была достаточно банальной и простой: объединение финансовых активов имело добровольно-принудительный характер, а государство не гарантировало защиты капитала и не предоставляло никаких преференций частным инвесторам во внешней торговле, как это, например, практиковалось в Великобритании и Голландии.

В колониальной администрации господствовала бюрократия, а содержание ее обходилось слишком дорого. Для назначения управляющих колониями были предусмотрены сложные согласительные процедуры, которые замедляли процесс принятия управленческих решений и связь между колониями и метрополией [7,

р. 145]. На военные нужды и защиты торговых кораблей от пиратов требовалось существенные финансовые средства, которых не хватало. Затем последовали неудачи и иного плана. В результате постоянных и частых кораблекрушений большая часть торгового флота вышла из строя. За все время своего существования Португальской ОИК было организовано лишь 18 торговых рейсов между Гоа и Лиссабоном, причем, некоторые из них завершились кораблекрушением [5, р. 160].

Хартия об учреждении Португальской ОИК предоставила ей явно перечисленные широкие права и полномочия, поскольку она подчинялась только короне, а также освобождалась от какого-либо вмешательства со стороны бюрократических инстанций. ОИК были предоставлены эксклюзивные права на организацию торгового мореплавания между Португалией и её колониями в Азии. Под управление ОИК перешли «Casa da india» и Королевская верфь, которые были заняты перегрузкой, таможенной очисткой и реализацией товарами, а также строительством и снаряжением судов [6, р. 74].

В реальности положение Португальской ОИК оказалось не столь автономным, как это планировалось изначально. Из Совета по торговле регулярно поступали указания о применении способов закупки перца в Индии. Нередкими были распоряжения о перевозки отдельных лиц в качестве пассажиров на галеонах ОИК.

С учетом убыточности Португальской ОИК, она прекратилась свое существование спустя пять после учреждения (1633 год). Не достигнув планируемых целей, Португальская ОИК продемонстрировала всему миру негативный опыт организации внешней торговли с колониями.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Историко-правовой и сравнительный анализ Португальской и Датской Ост-Индских компаний позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, Датская ОИК была образована на добровольных началах и давала ее акционерам широкие преференции во внешней торговле. Несмотря на то, что король был основным и самым крупным акционером Датской ОИК, королевская администрация не вмешивалась в ее деятельность, не контролировало процесс распределения прибыли между многочисленными акционерами, а свои финансовые обязательства корона исполняла регулярно. Португальская ОИК, несмотря на заявленные принципы добровольного сотрудничества при привлечении частного капитала, была организована по добровольно-принудительному принципу. В частности, это касалось лично короля Португалии, который являлся основным держателем акций. [5, р. 167]

Во-вторых, организационные формы и правовая структура сравниваемых ОИК существенно различались. Португальская ОИК была тесно связана с государственными структурами и функционировала в рамках централизованной бюрократической системы. Датская ОИК, напротив, была полноценным акционерным обществом, а каждый из ее акционеров обладал равными правами и получал возможность на равных с другими акционерами участвовать в ее торговой деятельности.

В-третьих, Датская ОИК функционировала в условиях децентрализованной колонизации, когда территориальная экспансия была ограниченной, а выгода от торговых операций извлекалась посредством создания торговых постов в местах пересечения морских торговых путей. Ошибки организационно-финансового характера, допущенные при создании Португальской ОИК оказались на ее крахе. Со временем Португалия утратила свое влияние как колониальная держава.

В заключении сравнительного анализа можно сделать общий вывод об исторической значительности деятельности Датской и Португальской Ост-Индских компаний. Пример Датской Ост-Индской компании продемонстрировал успешные действия в колониальной торговле, подтверждая эффективность их правовых и организационных стратегий. В отличие от этого, проект Португальской Ост-Индской компании оказался провальным и неудачным, что свидетельствует о недостатках в правовом регулировании и управлении.

Проведенное историко-правовое исследование может оказаться полезным для деятельности современных транснациональных корпораций, которые являются, по большому счету, наследниками европейских Ост-Индских компаний XVII века. Опыт и уроки, извлеченные из анализа правовых и организационных структур этих исторических компаний, могут способствовать улучшению стратегий и методов управления современных корпораций. В частности, понимание причин успехов и неудач исторических компаний поможет современным организациям избежать аналогичных ошибок и укрепить свои позиции на глобальных рынках.

Список источников

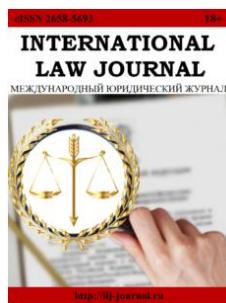
1. Сапунцов А.Л. Значение Португальской Ост-Индской компании для либерализации отношений с колониальной Азией // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 45 – 55.
2. Сапунцов А.Л. Топология децентрализованной колонизации в деятельности Датской Ост-Индской компании // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 89 – 100.
3. Фурсов К.А. Ост-Индские компании и корпорации «дешевого империализма»: преемственность и различия // Экономика в переломные эпохи. История мировой экономики, вып. 6. // Сборник статей. М.: ИЭ РАН, 2017. С. 209 – 246.
4. Чикулаев Р.В. Исторические предпосылки возникновения и закрепления в праве финансовых инструментов // Ex jure. 2023. № 1. С. 131 – 139.
5. Antunes J.E., Torres N.P. On the Historical Origins of Portuguese Company Law. The First Portuguese East India Company (1628-1633) // VOC 1602-2002 K 400 Years of Company Law. Series Law of Business Finance VI / E. Gepken-Jager, G. Van Solinge, L. Timmerman Eds. Deventer: Kluwer Legal Publishers, 2005. P. 159 – 186.
6. Castro F. In Search of Unique Iberian Design Concepts // Historical Archeology. 2008. Vol. 24. No. 2. P. 63 – 87.
7. Christian J.L. Portuguese India and its Historical Records // Hispanic American Historic Review. 1945. Vol. 25. No. 1. P. 140 – 151.
8. Feldbæk O. The Danish Trading Companies of the Seventeenth and Eighteenth Centuries // Scandinavian Economic History Review. 1986. Vol. 34, I. 3. P. 204 – 218.
9. Olwing K.F. Narrating Deglobalization: Danish Perceptions of a Lost Empire. In: Global Networks. 2003. Vol. 3. I. 3. P. 207 – 222.
10. Subrahmanyam S. The Coromandel Trade of the Danish East India Company, 1618-1649 // Scandinavian Economic History Review. 1989. Vol. 37. I. 1. P. 41 – 56.

References

1. Sapuntsov A.L. The importance of the Portuguese East India Company for the liberalization of relations with colonial Asia. Genesis: historical studies. 2018. No. 11. P. 45 – 55.
2. Sapuntsov A.L. Topology of decentralized colonization in the activities of the Danish East India Company. Bulletin of the State University of Education. Series: History and political sciences. 2018. No. 5. P. 89 – 100.
3. Fursov K.A. East India companies and corporations of “cheap imperialism”: continuity and differences. Economy in turning points. History of the World Economy, vol. 6. Collection of articles. M.: Institute of Economics RAS, 2017. pp. 209 – 246.
4. Chikulaev R.V. Historical prerequisites for the emergence and consolidation of financial instruments in the law. Ex jure. 2023. No. 1. P. 131 – 139.
5. Antunes J.E., Torres N.P. On the Historical Origins of Portuguese Company Law. The First Portuguese East India Company (1628-1633). VOC 1602-2002 Towards 400 Years of Company Law. Series Law of Business Finance VI / E. Gepken-Jager, G. Van Solinge, L. Timmerman Eds. Deventer: Kluwer Legal Publishers, 2005. P. 159 – 186.
6. Castro F. In Search of Unique Iberian Design Concepts. Historical Archeology. 2008. Vol. 24. No. 2. P. 63 – 87.
7. Christian J.L. Portuguese India and its Historical Records. Hispanic American Historical Review. 1945. Vol. 25. No. 1. P. 140 – 151.
8. Feldbæk O. The Danish Trading Companies of the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Scandinavian Economic History Review. 1986. Vol. 34, I. 3. P. 204 – 218.
9. Olwing K.F. Narrating Deglobalization: Danish Perceptions of a Lost Empire. In: Global Networks. 2003. Vol. 3. I. 3. P. 207 – 222.
10. Subrahmanyam S. The Coromandel Trade of the Danish East India Company, 1618-1649. Scandinavian Economic History Review. 1989. Vol. 37. I. 1. P. 41 – 56.

Информация об авторе

Михалев В.Е., Институт бизнес-права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), SPIN-код (Author ID): 6732-0435, vladimirm.mihalev77@yandex.ru

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.34
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-64-70

Об общественной опасности деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии

¹ Николаев И.С.,
¹ Нижегородская академия МВД России

Аннотация: статья посвящена общественной опасности и степени влияния лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, не только на криминальные процессы, происходящие в России, но и на другие сферы жизнедеятельности, такие как: культура, общественная нравственность, экономика и т.д. Занимая лидирующие позиции в структуре организованной преступности, рассматриваемая категория лиц, наносит наибольший урон, как государству в целом, так и отдельным его гражданам, в частности. Особое внимание уделяется пагубному влиянию криминальной субкультуры на подростков и молодежь. «Романтизация» в средствах массовой информации организованной преступности негативно сказывается на процессы воспитания детей и формирования в их среде правоподобного поведения. Главными идеологами и «хранителями» криминальной субкультуры выступают именно лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии. Сделан вывод: установлена ведущая роль лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в структуре организованной преступности, в посягательстве на экономическую безопасность, в сохранении преступной субкультуры и т.п. Деятельность указанных лиц направлена на получение преступных доходов, оказание влияния на принятие решений органами государственной власти (то есть установление неформальной системы управления в государстве), на насилие криминальных правил поведения и противопоставление их общепринятым нормам. На государственном уровне прослеживается тенденция, направленная на противодействие лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Однако, данный вопрос требует дальнейшей проработки, в том числе в законодательной сфере.

Ключевые слова: общественная опасность, организованная преступность, высшее положение, преступная иерархия, вор в законе, криминальная субкультура, экономическая безопасность, общественная нравственность

Для цитирования: Николаев И.С. Об общественной опасности деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 64 – 70. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-64-70

Поступила в редакцию: 5 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

On the social danger of the activities of persons occupying the highest position in the criminal hierarchy

¹ Nikolaev I.S.,
¹ Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: the article is devoted to the social danger and the degree of influence of persons occupying the highest position in the criminal hierarchy, not only on criminal processes taking place in Russia, but also on other spheres of life, such as culture, public morality, economics, etc. Occupying a leading position in the structure of organized crime, the category of persons in question causes the greatest damage, both the state as a whole and its

individual citizens in particular. Special attention is paid to the harmful influence of the criminal subculture on teenagers and young people. The “romanticization” of organized crime in the media has a negative impact on the processes of raising children and forming law-abiding behavior in their environment. The main ideologues and “guardians” of the criminal subculture are precisely those who occupy the highest position in the criminal hierarchy. The conclusion is made: the leading role of persons occupying the highest position in the criminal hierarchy, in the structure of organized crime, in encroaching on economic security, in preserving the criminal subculture, etc. has been established. The activities of these persons are aimed at obtaining criminal proceeds, influencing decision-making by public authorities (that is, establishing an informal management system in the state), imposing criminal rules of conduct and contrasting them with generally accepted norms. At the state level, there is a tendency aimed at countering persons occupying the highest position in the criminal hierarchy. However, this issue requires further study, including in the legislative sphere.

Keywords: public danger, organized crime, higher status, criminal hierarchy, thief in law, criminal subculture, economic security, public morality

For citation: Nikolaev I.S. On the social danger of the activities of persons occupying the highest position in the criminal hierarchy. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 64 – 70. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-64-70

The article was submitted: May 5, 2024; Approved after reviewing: July 5, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

В России началом уголовно-правового противодействия лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, можно считать введение в 2009 году в состав статьи 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» Уголовного кодекса Российской Федерации части 4, согласно которой устанавливалась уголовная ответственность за деяния, предусмотренные частями 1 и 1.1 настоящей статьи, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Вместе с тем, за время своего действия данная норма показала свою низкую эффективность, так как с 2009 года по ч. 4 ст. 210 УК РФ осуждено лишь одно лицо (Алтайским краевым судом) [14, с. 100].

Общественная опасность и значимость указанных лиц в координации и развитии организованной преступности в России не стала меньше, поэтому законодатель продолжил работу в данном направлении и в 2019 году ввел в УК РФ статью 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» [11].

Несмотря на имеющиеся сложности применения указанной нормы, очевидно проявление государственной воли, направленной на противодействие криминальным лидерам, о чем свидетельствует наличие как возбужденных уголовных дел, так и обвинительных приговоров суда по ст. 210.1 УК РФ [8].

В представленной работе проводится анализ общественной опасности рассматриваемой категории лиц, на основе которого возможно судить о достаточности принимаемых мер со стороны государства.

Материалы и методы исследований

В исследовании использовались диалектические методы (анализ, синтез), логические методы (дедукция, индукция), культурологический, статистический метод (изучена статистика возбужденных уголовных дел и приговоров суда), а также контент анализ опубликованных в средствах массовой информации материалов по рассматриваемой тематике. Также использованы специальные методы: формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты и обсуждения

В пояснительной записке к проекту Федерального закона, вводившего в УК РФ статью 210.1, было сказано, что именно организованными преступными сообществами совершаются самые тяжкие преступления. Также акцентировано внимание на ключевую роль лидеров указанных формирований, представляющих наибольшую общественную опасность, но редко привлекаемых к уголовной ответственности в силу имеющегося у них высшего статуса в преступной иерархии [9].

Появление в УК РФ вышеназванной статьи свидетельствует о расширении уголовно-правового значения общественной опасности лица, совершившего указанное преступление, так как основанием уголовной ответственности законодатель предлагает считать социальный статус лица [14, с. 98].

Статья 210.1 расположена в главе 24 УК РФ и заключает в себе особо тяжкие преступления, посягающие на общественную безопасность.

Занятие высшего положения в преступной иерархии оказывает негативное влияние на различные аспекты жизни общества и государства, такие как: экономика, культура, здоровье, нравственные устои, нормальное функционирование органов государственной власти и местного самоуправления, права и свободы граждан и т.д.

О признаках, указывающих на общественную опасность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, говорится в Постановлении Пленума Верховного Суда от 10 июня 2010 г. №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». Так, «о лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п» [7]. Тем самым признается масштаб преступной деятельности рассматриваемой категории лиц и ее всеохватывающий характер.

В 1987 году Гуров А.И. высказался по вопросу наличия организованной преступности в СССР: «Если мы и дальше станем скрывать от общества эту «блатную» опухоль, то здесь, на трибуне, будет стоять мафиози» [4, с. 3].

Предполагается, что и в настоящее время степень влияния лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (прежде всего так называемых «воров в законе»), на нормальное функционирование органов государственной власти и местного самоуправления значительна.

Так, в силу использования преступных методов (коррупционные связи, применение морального и физического давления и т.п.), указанная категория лиц способна лоббировать интересы организованной преступности в политической и экономической сферах на различных уровнях власти.

В отдельных муниципальных образованиях преступные сообщества сформировали аналоги легальных органов управления. В качестве примера можно привести станицу Кущёвскую Краснодарского края, где бандитская группировка фактически выполняла функции официальной власти [12].

Наиболее показательно и отчетливо проявляется влияние «воров в законе» на деятельность исполнительных органов власти в местах лишения свободы.

Указанные лица возглавляют так называемое сообщество «блатных», которое представляет серьезную оппозицию официальной власти в пенитенциарных учреждениях. Противодействие администрации мест лишения свободы является показателем авторитета данной категории лиц, а криминальная идеология насаждается среди других категорий осужденных, в том числе и среди тех, которые изначально нейтрально относились к представителям власти.

Вербовка «блатными» других осужденных и вовлечение их в свою идеологию происходит в большинстве случаев с использованием информации о недостатках уголовно-исполнительной системы [1, с. 11].

Проводится систематическая работа, провоцирующая подачу жалоб в различные инстанции лицами, отбывающими наказание. Целью данных действий является дестабилизация ситуации в уголовно-исправительном учреждении, давление на его администрацию, установление своих «правил игры», получение необоснованных послаблений режима отбывания наказания и т.п.

Одним из показателей высокой общественной опасности рассматриваемой категории преступлений также является то обстоятельство, что по ст. 210.1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ не предусмотрена процедура освобождения от уголовной ответственности. Вместе с тем, в примечаниях отдельных статей, также расположенных в главе 24 УК РФ, в том числе террористической направленности (статьи 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5), а также в статье 206 «Захват заложника» подобная процедура предусмотрена. К примеру, лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта, если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления [11].

Кроме того, общественная опасность преступлений, указанных в ст.210.1 УК РФ, заключается в создании благоприятных условий для совершения других тяжких и особо тяжких преступлений корыстно-насильственной направленности. Похожей позиции придерживаются Бурлаков В.Н. и Щепельков В.Ф., которые считают, что на фоне рассматриваемого преступления и благодаря ему совершаются иные преступления [2, с. 474].

Данные лица, как и организованная преступность в целом, выступают в качестве консолидирующего, мотивирующего и контролирующего фактора профессиональной преступности. Деятельность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, является важнейшей и определяющей составляющей организованной преступности.

Нельзя исключать возможность оказания давления (как психологического, так и физического) со стороны рассматриваемой категории лиц на участников уголовного судопроизводства (свидетелей, понятых, экспертов, специалистов и других).

Стукалова Т.В. считает, что при рассмотрении данной категории дел судом присяжных, у подсудимого появлялась реальная возможность избежать уголовной ответственности [10, с. 71].

Одной из основных целей стороны защиты по рассматриваемой категории преступлений было убеждение присяжных в добродорядочности подсудимого и уменьшении степени общественной опасности преступления. По отдельным уголовным делам данная цель достигалась и выносился оправдательный приговор.

В связи с этим Федеральным законом от 13.06.2023 № 216-ФЗ из компетенции суда присяжных исключены уголовные дела по ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ, что лишний раз подтверждает общественную опасность субъектов данных составов преступлений [13].

Следует рассмотреть влияние лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, на экономику.

Так, в отдельных приговорах суда в качестве основных критериев общественной опасности рассматриваемой категории лиц указывались подрыв безопасности государства и нарушение единства экономического пространства Российской Федерации [8].

Гуров А.И. относит к отличительным признакам организованной преступности коррупцию, сращивание с органами власти и накопление капитала посредством теневой экономики [4, с. 42,71].

На высокий уровень криминализации российской экономики наибольшее влияние оказывает, прежде всего, деятельность преступных сообществ (преступных организаций), которые согласно п.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 №12 отличаются от иных видов преступных групп более сложной внутренней структурой, наличием цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды [7]

Курдюков С.И. считает, что отдельные общеуголовные преступления в сфере экономики, несмотря на свою общественную опасность, экономической безопасности государства, как правило, не угрожают. Другое дело, когда речь идет о системных противоправных деяниях, совершаемых организованными криминальными формированиями, которые наряду с материальными обладают серьезными административными ресурсами, выраженными в коррупционных связях во всех ветвях власти. В такого рода случаях вред причиняется не только потерпевшим, но и, как правило, отдельным социальным группам или целым отраслям экономики. Типичными последствиями деятельности организованных преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций) служит имущественное расслоение общества, ухудшение конкурентной среды, необоснованное увеличение бюджетных расходов, устранение добросовестных субъектов экономической деятельности, а также причинение вреда иным категориям, имеющим экономическое значение [5].

огласно п.24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12, решая вопрос о субъекте преступления, указанного в части 4 статьи 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать в том числе: в чем конкретно выражались действия такого лица по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов [7]. Из данных положений прямо следует, что деятельность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, тесно связана со сферой экономики. Экономическая составляющая является базисом любой организации, в том числе и преступной. Авторитет «воров в законе» основывается на их возможностях организовать постоянное пополнение криминальной кассы («общака») для осуществления преступной деятельности, передачи необходимых вещей в места лишения свободы, а также в целях материальной поддержки семей осужденных.

Нельзя не уделить внимание вопросу роли лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии в формировании, сохранении и распространении преступной идеологии. При этом негативное влияние криминальной субкультуры не ограничивается рамками преступного мира, а затрагивает широкие массы населения.

Героизация лидеров криминального мира, как и в целом преступников, в кинофильмах, музыке, литературе и т.д. искажает и должно трактует их реальную общественную опасность. Наиболее пагубно такое влияние оказывается на детях и молодежи, которые воспитываются в подобной информационной среде.

Число подростков, вовлеченных в криминальную субкультуру, значительно возрастает с каждым днем. Именно этот возраст наиболее важен для коррекции антисоциального поведения [3, с. 36].

Подростки имеют ряд возрастных особенностей, таких как: несформированность собственного мировоззрения, высокая эмоциональность, зависимость от мнения сверстников, низкая способность к критическому анализу своих действий [3, с. 38].

Кроме того, их нравственный мир формируется в условиях общедоступности информации, вседозволенности, а также отсутствия положительных ценностных ориентиров.

Образовавшуюся пустоту занимает «привлекательная» криминальная субкультура, где поощряются низменные инстинкты, агрессивное и циничное поведение, паразитизм, вандализм, половая распущенность и т.п.

Насаждается позиция получения «легких» денег преступным путем, что идет в разрез с осуществлением общественно полезной деятельности и приводит к нарушению общепринятых норм, негативному отношению к правоохранительным органам.

Избегая изоляции и одиночества в силу возрастных причин, подростки ищут неформальные группы, в которых чувствовали бы себя равными, испытывали психологический комфорт и снижали уровень стресса [3, с. 37]. Семья не во всех случаях способна решить данную проблему.

После упразднения пионерских организаций на их смену не было сформировано достойного аналога. Организованные групповые места проведения досуга для детей практически отсутствовали.

В свою очередь, криминальная субкультура обладает рядом привлекательных черт для подростков, таких как: возможность самоутверждения, компенсация неудач, таинственность, ложная романтика, отсутствие моральных ограничений и запретов, обеспечение защиты от агрессии извне [6].

Приобщение к данным правилам поведения и нравственным ценностям провоцирует зарождение в молодежной среде антисоциального поведения, а в перспективе – к совершению преступлений.

Выводы

В представленном исследовании проведено обоснование высокой степени общественной опасности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Данные лица распространяют свое управляемое влияние не только внутри возглавляемой ими преступной системе, но также и на широкий круг лиц, входящих в сферу их преступных интересов.

В первом случае, они объединяют, активизируют и контролируют уголовные элементы, способствуют росту тяжких и особо тяжких корыстно-насильственных деяний.

Во втором случае, они негативно влияют на криминогенную обстановку, культуры и экономику в стране.

Кроме того, в целях исключения уголовной ответственности указанные лица способны оказывать давление на участников уголовного судопроизводства.

Требует комплексного решения вопрос негативного влияния криминальной субкультуры на антисоциальное поведение среди подростков. Необходимо ограничение пропаганды в средствах массовой информации преступности, в том числе организованной, а также большее освещение героических подвигов как сотрудников правоохранительных органов, так и военнослужащих.

Основной мерой профилактики преступности среди несовершеннолетних, по нашему мнению, может являться создание условий, препятствующих совершению правонарушений, а именно организация государственными и муниципальными органами группового досуга для молодого поколения, а также возрождение всероссийских сообществ для детей, имеющих понятную идеологию, основанную на положительных социальных ценностях.

Предполагается, что одной из форм подобной организации детей станет появившееся в 2022 году Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение первых».

Список источников

1. Бондаренко С.В. Влияние так называемых «Воров в законе» на криминологическую ситуацию в пенитенциарных учреждениях // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 2 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tak-nazyvaemyh-vorov-v-zakone-na-kriminologicheskuyu-situatsiyu-v-penitentsiarnykh-uchrezhdeniyah> (дата обращения: 29.01.2024)
2. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание уголовной ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 465 – 476.

3. Гомцян О.А. Криминальная субкультура: специфика, причины привлекательности и влияние на подростков и молодежь // Социология. 2021. № 2. С. 2636 – 40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnaya-subkultura-spetsifika-prichiny-privlekatelnosti-i-vliyanie-na-podrostkov-i-molodezh> (дата обращения: 30.01.2024)
4. Гуров А.И. Красная мафия. М.: Самоцвет, 1995. 352 с.
5. Курдюков С.И. Организованная преступность как угроза экономической безопасности России // Сайт «ЮрФак: изучение права онлайн». URL <https://urfac.ru/?p=2323> (дата обращения: 14.03.2024)
6. Пирожков В. Ф. О психологических причинах воспроизведения подростковой преступности // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 178 – 182.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Официальное опубликование информации. URL: <https://base.garant.ru/1795384/> (дата обращения: 30.03.2024)
8. Сайт Нижегородского областного суда [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_deilo&srv_num=2 (дата обращения: 08.03.2024)
9. Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (дата обращения: 07.36.2024)
10. Стукалова Т.В. Расследование дел в отношении криминальных авторитетов. На что обратить внимание // Уголовный процесс. 2022. № 4. С. 62 – 71.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальное опубликование информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 30.06.2024).
12. Ужас Кущёвской. История банды, ставшей властью в отдельно взятой станице // AIF.RU: [сайт]. 2015. URL: https://aif.ru/society/law/uzhas_kushchevskoy_istoriya_bandy_stavshay_vlastyu_v_otdelno_vzyatoy_stanice (дата обращения: 30.03.2024)
13. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 13.06.2023 № 216-ФЗ // Официальное опубликование информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449369/ (дата обращения: 30.03.2024)
14. Федотова А.В. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии: признаки лидерства и пребывания в статусе // Научный портал МВД России. 2022. № 2 (58). С. 97 – 102.

References

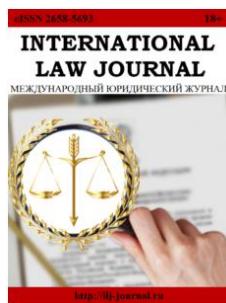
1. Bondarenko S.V. The influence of the so-called “Thieves in Law” on the criminological situation in penitentiary institutions. Bulletin of the Samara Legal Institute. 2020. No. 2 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tak-nazyvaemyh-vorov-v-zakone-na-kriminologicheskuyu-situatsiyu-v-penitentsiarnykh-uchrezhdeniyah> (access date: 01/29/2024)
2. Burlakov V.N., Shchepelkov V.F. The leader of the criminal community and the basis of criminal liability: postmodernism in criminal law. All-Russian Criminological Journal. 2019. T. 13. No. 3. P. 465 – 476.
3. Gomtsyan O.A. Criminal subculture: specifics, reasons for attractiveness and influence on adolescents and youth. Sociology. 2021. No. 2. P. 2636 – 40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnaya-subkultura-spetsifika-prichiny-privlekatelnosti-i-vliyanie-na-podrostkov-i-molodezh> (access date: 01/30/2024)
4. Gurov A.I. Red Mafia. M.: Samotsvet, 1995. 352 p.
5. Kurdyukov S.I. Organized crime as a threat to the economic security of Russia. Website “LawFak: studying law online”. URL <https://urfac.ru/?p=2323> (access date: 03/14/2024)
6. Pirozhkov V.F. On the psychological reasons for the reproduction of teenage crime. Psychological Journal. 1995. T. 16. No. 2. P. 178 – 182.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 10, 2010 No. 12 “On the judicial practice of considering criminal cases about the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (it)”. Official publication of information. URL: <https://base.garant.ru/1795384/> (access date: 03/30/2024)
8. Website of the Nizhny Novgorod Regional Court [Electronic resource]. URL: https://oblsud-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_deilo&srv_num=2 (access date: 03/08/2024)
9. System for supporting legislative activities [Electronic resource]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (access date: 07.36.2024)
10. Stukalova T.V. Investigation of cases against criminal authorities. What to pay attention to. Criminal proceedings. 2022. No. 4. P. 62 – 71.

11. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ. Official publication of information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 06/30/2024).
12. The horror of Kushchevskaya. The story of a gang that became power in a single village. AIF.RU: [website]. 2015. URL: https://aif.ru/society/law/uzhas_kushchevskoy_istoriya_bandy_stavshchey_vlastyu_v_otdelno_vzyatoy_stanice (date of access: 03/30/2024)
13. Federal Law “On Amendments to Article 30 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” dated June 13, 2023 No. 216-FZ. Official publication of information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449369/ (access date: 03/30/2024)
14. Fedotova A.V. A person occupying a higher position in the criminal hierarchy: signs of leadership and status. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (58). P. 97 – 102.

Информация об авторе

Николаев И.С., Нижегородская академия МВД России, iv.nikolaev2015@yandex.ru

© Николаев И.С. 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.34
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-71-77

Особенности тактики обыска на местности

¹Чупров А.С., ²Ворожцов А.М., ³Моисеенко А.А.,

¹ Волгоградская академия Министерства Внутренних Дел России,

² Восточно-Сибирский институт Министерства Внутренних Дел России,

³ Барнаульский юридический институт Министерства Внутренних Дел России

Аннотация: в рамках данной статьи предпринимается анализ процедуры проведения обыска на местности. Анализируются этапы производства обыска на местности. Проводится характеристика основных методов производства обыска на местности. На практике необходимость в производстве обыска участков местности возникает, когда такие участки находятся в чьем-то владении или пользовании. К ним относят, в частности, огородные земельные участки, приусадебные участки, садовые и дачные участки и т.п. Обследование таких объектов представляет собой вторжение в сферу интересов их владельцев. Во всех остальных случаях проводить обыск на местности нет необходимости, так как такое следственное действие будет оформляться как следственный осмотр, например, как осмотр места происшествия. Исследуются тактические особенности и психологические факторы, связанные с правовым производством обыска на местности. В ходе производства обыска на местности рекомендуется территорию разбить на отдельные участки (сектора или квадраты) с обозначением соответствующих ориентиров. Такая разбивка осуществляется с учетом того, чтобы просматривалась вся местность, а также расположенные на ней объекты. Рекомендуется обыск осуществлять линейным методом, как при осмотре местности, который заключается в постепенном переходе от одной границы сектора к другой. Таким образом, с одной стороны возможно контролировать действия всех участников поиска, с другой – избежать пропуска обследования того или иного намеченного квадрата. В заключение делается вывод о важности не только правильного применения тактических приемов, но и знаний в области психологии.

Ключевые слова: обыск, следственное действие, открытая местность, тактика обыска

Для цитирования: Чупров А.С., Ворожцов А.М., Моисеенко А.А. Особенности тактики обыска на местности // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 71 – 77. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-71-77

Поступила в редакцию: 5 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Features of local search tactics

¹Chuprov A.S., ²Vorozhtsov A.M., ³Moiseenko A.A.,
¹Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
²East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
³Barnaul Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: within the framework of this article, an analysis of the procedure for conducting a search on the ground is undertaken. The stages of conducting a search on the ground are analyzed. The main methods of conducting a search on the ground are characterized. In practice, the need to conduct a search of areas of the area arises when such areas are in someone's possession or use. These include, in particular, garden plots of land, personal plots, garden and summer cottage plots, etc. The inspection of such objects represents an intrusion into the sphere of interests of their owners.

In all other cases, there is no need to conduct a search on the ground, since such an investigative action will be formalized as an investigative inspection, for example, as an inspection of the crime scene. The tactical features and psychological factors associated with the legal conduct of a search on the ground are explored. During a search on the ground, it is recommended to divide the territory into separate sections (sectors or squares) with the designation of the corresponding landmarks. This breakdown is carried out taking into account that the entire terrain, as well as the objects located on it, are visible. It is recommended to carry out the search using a linear method, as when inspecting an area, which consists of a gradual transition from one sector boundary to another. Thus, on the one hand, it is possible to control the actions of all search participants, on the other hand, to avoid missing the survey of one or another intended square. In conclusion, a conclusion is drawn about the importance of not only the correct use of tactical techniques, but also knowledge in the field of psychology.

Keywords: search, investigative action, open area, search tactics

For citation: Chuprov A.S., Vorozhtsov A.M., Moiseenko A.A. Features of local search tactics. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 71 – 77. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-71-77

The article was submitted: May 5, 2024; Approved after reviewing: July 6, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Проведение обыска на местности является одним из основных следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие вещественных доказательств, значимых для расследования преступлений. Успех этой процедуры во многом зависит от тщательного планирования и строгого соблюдения установленных тактических приемов.

Материалы и методы исследований

Работа базируется на анализе Конституции Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также научных статей по данной теме. В работе применялись формально-юридический метод и метод анализа.

Результаты и обсуждения

Обыск определяется как следственное действие, включающее принудительный осмотр помещений, местности, личности, одежды и иных предметов с целью обнаружения и изъятия доказательств, а также поиска разыскиваемых лиц, тел умерших или информации об их местонахождении.

Общепризнанным является тот факт, что одиночный обыск часто бывает неэффективен, особенно когда речь идет о больших помещениях или территориях. Для повышения эффективности поисковой группы следует включать несколько человек, как минимум, двух участников.

Объекты поиска при обыске могут быть разнообразными и с течением времени могут изменяться. В целом к ним можно отнести:

- предметы или ценности, которые обладают признаками доказательства, например, это могут быть орудия совершения преступления или средства его совершения, это могут быть и иные предметы, на которых оставлены следы совершения преступления, сюда же можно отнести предметы и ценности, которые добыты посредством совершения преступления;

- предметы и ценности, которые в соответствии с действующим законодательством полностью изъяты из гражданского оборота и не могут быть в собственности или распоряжении обыскиваемого лица, если они находятся у него без соответствующего на то разрешения. Например, это может быть оружие, взрывчатка, радиоактивные и прочие вещества и предметы;

- ценности, на которые, к примеру, наложен арест с целью дальнейшего возмещения ущерба, который был нанесен преступлением, а также это могут быть предметы или документы, которые указывают на место, где находятся такие ценности;

- документы, которые имеют то или иное значение для розыска лица, совершившего преступление и которые могут охарактеризовать его личность;

- разыскиваемые лица и трупы.

Объекты обыска многообразны и в целом зависят от цели и задач обыска. В целом же к объектам обыска следует относить различные предметы, ценности и документы, которые могут стать в уголовном деле доказательственной базой, а также разыскиваемые лица и трупы.

Основания производства обыска делят на:

- фактические;

- юридические [6, с. 93].

Фактическим основанием для проведения обыска является совокупность имеющих место доказательств.

Юридические основания проведения обыска четко установлены уголовно-процессуальным законодательством. В то же время в отношении отдельных категорий лиц, законодательство устанавливает отдельные требования в отношении возможности проведения у них обыска, в частности, к таким лицам, например, относятся депутаты Федерального Собрания РФ, депутаты Государственной думы, судьи и прочие категории. Однако по нашему мнению Конституция РФ [1] четко указывает на то, что все граждане равны перед законом из чего следует сделать вывод, что отдельное регулирование обыска в отношении определенных должностных лиц не соответствует Конституции РФ и является дискриминационным, представляется возможным установить единые правила проведения обыска по основаниям и в порядке, установленном ст. 182 УПК РФ [2], в том числе и в отношении указанных лиц.

Правила проведения обыска, изложенные в статье 182 УПК РФ, предусматривают следующие этапы подготовки к этому следственному действию:

- принятие решения о целесообразности и необходимости обыска;
- издание распоряжения о проведении обыска или получение судебного разрешения на обыск в жилим помещении;
- подготовка видео-, фотосъемочной и другой необходимой аппаратуры для проведения обыска;
- приглашение понятых, специалистов и иных лиц, которым следователь обязан разъяснить их права и обязанности, предупредить о неразглашении данных обыска;
- предъявление постановления о проведении обыска обыскиваемому лицу, что должно быть подтверждено его подписью.
- рассматривается возможность присутствия адвоката при обыске;
- обыскиваемому предлагаются добровольно выдать искомое

О подготовительном этапе обыска говорится в частях 4 и 5 ст. 182 УПК РФ. Именно в данных частях речь идет о подготовительном этапе, то есть о том, что именно должно предшествовать обыску. Именно на этом этапе обыскиваемому лицу предъявляется постановление о проведении обыска или соответствующее судебное решение, а также предлагается добровольно выдать искомые вещи или документы или иные предметы, которые могут иметь значение для дела [7, с. 151].

После того как было сделано предложение о выдаче таких предметов или документов следователь или дознаватель имеют право приступить к обыску если со стороны обыскиваемого не поступило согласия.

Рабочий этап обыска можно разделить на две взаимосвязанные между собой стадии:

- обзорная (общий обзор объекта, который подлежит обыску); - детальная (детальное исследование и поиск) [10, с. 17].

Обзорная стадия состоит в том, что следователь или иное лицо, которому надлежит провести обыск обходит место обыска, выясняет, где располагаются те или иные хранилища, выделяются более вероятные места хранения искомых объектов и участки, на которых следует провести самые трудоемкие процессы обыска. Одновременно надлежит уточнить план дальнейших действий, пересматриваются обязанности всех участников обыска, уточняется его последовательность и тактика поведения².

Самой сложной и довольно трудоемкой является детальная стадия обыска, в ходе именно данной стадии осуществляется непосредственный поиск. При этом применению подлежат разные методы и способы поиска.

1. Последовательное (выборочное) обследование. В процессе детального обследования следователь должен двигаться последовательно, тщательно проверяя каждую часть помещения или территории, в том числе все находящиеся на его пути объекты. Необходимо отметить, что при применении выборочного метода осмотра изучаются только те участки, которые, по мнению лица, проводящего обыск, наиболее вероятны для нахождения искомых объектов, то есть происходит целенаправленный поиск.

На данной рабочей стадии следователю необходимо каждый раз обращать внимание понятых на обнаруженные предметы, которые впоследствии подлежат изъятию. Такие предметы, понятые должны осмотреть, обращая внимание на место их обнаружения и способ.

По нашему мнению, поведение выборочного обыска нецелесообразно. Выборочный обыск не позволяет в полной мере охватить все помещение, искомое может быть, и не найдено, что может зависеть от субъективных факторов, например, может иметь место недостаточность образования следователя, его минимальный стаж работы из-за чего многое он просто может упустить из виду. Представляется, что выборочное обследование должно иметь место только в том случае, если точно установлено, что именно в данном конкретном помещении находятся искомые предметы или документы, субъекты или труп. Тем самым применяя выборочный прием и не найдя искомого, но точно зная, что оно находится в помещении следователь дальше продолжает поиск, в противном случае все будет зависеть от следователя проверит он или нет тот или иной участок помещения, а это, по нашему мнению, носит и значительные коррупционные риски.

2. Одиночный или групповой поиск. Общеизвестно, что одиночный обыск часто оказывается неэффективным, особенно при обыске больших помещений или территорий. Для повышения эффективности поисковой группы рекомендуется включать несколько человек, как минимум двух участников.

3. Сравнение однородных объектов. Данный метод применяется в том случае, если необходимо определить различие, необходимо учитывать толщину стенок шкафов и глубину выдвижных элементов, под которыми может скрываться секретное отделение. Сравнительный анализ может выявить различия в оттенках окрашивания стен или в состоянии растительности на одной грядке, где поврежденное растение может указывать на скрытый предмет под ним. Внимание следует уделить и гвоздям, поскольку те, что были забиты недавно, не будут иметь признаков коррозии.

3. Измерение. Этот метод позволяет выявить несоответствия в размерах и объемах объектов, что может свидетельствовать о наличии скрытых пространств.

4. Микрообыск. Этот метод предполагает детальное исследование подозрительных участков и объектов с использованием увеличительного стекла для выявления изменений, указывающих на возможное присутствие искомых предметов.

Следует подчеркнуть, что в процессе обыска может быть осуществлено вскрытие помещений, если собственник отказывается их открыть добровольно. В таких случаях допустимо не только нарушение целостности, но и разрушение объектов, что требует определенных оснований. При этом всегда следует помнить, что ст. 182 УПК РФ призывает лиц, проводящих обыск избегать повреждения имущества, если в этом нет необходимости, равно как нельзя оглашать результаты личной жизни обыскиваемого, его личных и семейных тайн.

Что именно и каким образом обыскивать определяют лица, которые проводят обыск. Они могут применять метод простукивания, прокалывать, например, сидения автомобиля или диваны протыкаются длинной иглой, может применяться промеривание.

Заключительный этап включает в себя фиксацию результатов обыска. От тщательности и непредвзятости этого процесса зависит убедительность доказательств, полученных в ходе следствия [9, с. 115].

На данной стадии:

- составляется протокол обыска;
- составляются списки вещей и предметов, которые подлежат изъятию;
- фотографируются изъятые вещи и места их обнаружения;
- производится вычерчивание графического плана места обыска [5, с. 619].

В случае когда во время обыска изъятию подлежит электронный носитель информации, такое действие возможно предпринять исключительно с участием специалиста. Кроме того, если владелец заявляет ходатайство, специалист в присутствии понятых обязан с изымаемых электронных носителей снять копии. В то же время закон прямо запрещает копирование любой информации, если это может повлечь за собой воспрепятствование расследованию уголовного дела или может повлечь за собой утрату информации, если на

это указывает социалист. Копии подлежат передаче владельцу носителя электронной информации. О таких действиях в обязательном порядке следователь должен указать в протоколе.

По нашему мнению, если есть такая возможность, копии электронной информации следует снимать в любом случае, так как в процессе хранения или транспортировки тот или иной носитель может повредиться. Предлагается закрепить правило в п. 9.1 ст. 182 УПК РФ о том, что специалист обязан снять копии с носителей информации, одна из которых передается обыскиваемому, вторая хранится в материалах дела, а третья передается на хранение в социальное подразделение как вещественное доказательство, что позволит даже при потере одного из носителей, не потерять всей информации.

Завершающий этап обыска характеризуется необходимость составления протокола обыска, с указанием в нем всех предметов, которые были обнаружены, с их описанием, в протоколе отражаются Ф.И.О., места проживания и телефоны понятых и лиц, принимающих участие в обыске. Протокол обязательно составляется в трех экземплярах, один из которых надлежит хранить в деле, второй выдается обыскиваемому, а третий с обнаруженными предметами или ценностями передается на хранение в соответствующее подразделение МВД РФ.

Мы предлагаем внести изменения в п. 9.1 ст. 182 УПК РФ в той части, что специалист, если есть такая возможность обязан снять копии с носителей информации, одна из которых передается обыскиваемому, вторая хранится в материалах дела, а третья передается на хранение в социальное подразделение как вещественное доказательство, что позволит даже при потере одного из носителей, не потерять всей информации.

Успех любого следственного действия, не составляет исключения, и обыск определяется определенными психологическими факторами, знание которых должно быть у следователя [4, с. 25].

Прежде всего, следователю необходимо верить в то, что обыск закончится положительным исходом, в противном случае довольно значительно может снижаться не только его работоспособность, но и внимание в целом.

Уверенность в положительном исходе обыска может определяться:

- тем, что следователь, изучив материалы уголовного дела и обладая полной информации о месте проведения обыска, хорошо подготовил, спланировал и вовремя начал его;
- на месте производства обыска присутствует сам обыскиваемый или совершеннолетние члены его семьи;
- имеются все необходимые технические средства для производства обыска;
- у следователя есть достаточная подготовка и опыт для проведения рассматриваемого следственного действия;
- следователь умеет не реагировать на признаки, которые показывают, что обыск может закончиться неудачей;
- у следователя не должно быть боязни перед проведением значительного объема работы [8, с. 72].

Выводы

При проведении обыска важное значение имеет не только правильное применение тактических приемов, но и правильное применение знаний психологии. При этом во внимание следует принимать не только психологию человека, но и психологию животного, если обыск проводится в помещении где присутствуют животные. Для этого следователь должен обладать соответствующими знаниями. В то же время при изучении юриспруденции в вузах психологии уделяется очень мало времени, что может стать причиной того, что многие моменты при обыске следователь просит не примет во внимание. Представляется целесообразным усилить подготовку в вузах МВД посредством углубленного изучения психологии личности и не только, что впоследствии, безусловно, окажет положительное влияние на работу всего следственного аппарата.

Таким образом, успешное проведение следственных действий зависит не только от профессионализма следователя, но и от его гибкости, самодисциплины, настойчивости, способности сохранять самообладание, умения справляться с длительным стрессом при преодолении трудностей, интеллектуальных способностей и психологической подготовленности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

3. Бондарь К.А. Обыск на местности // Проблемы науки. 2020. № 6 (54). С. 73 – 74.
4. Зимина Н.А., Лушавина И.П. Психология обыска // Студенческий. 2023. № 16-6 (228). С. 23 – 26.
5. Кременская Н.Е. О некоторых сходствах «обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» и «обыска» // Молодежь, наука и цивилизация. 2021. С. 617 – 620.
6. Осипов А.В. Структура фактических оснований производства обыска // Криминалистъ. 2022. № 4 (41). С. 92 – 97.
7. Пацкевич А.П. Тактические особенности подготовительного этапа производства обыска участков местности // III Минские криминалистические чтения. 2023. С. 149 – 153.
8. Тайбинова А.Н. Отдельные проблемы возникающие при производстве обыска на открытой местности // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования. 2019. С. 65 – 72.
9. Трегубов А.В., Дорофеев В.С. Обучение специалистов-кинологов методике дрессировки служебных собак к обыску местности // Наука и практика кинологической деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации. 2023. С. 114 – 117.
10. Хайновский А.В., Голдырев А.А. Методика приучения служебных собак к обыску объектов на местности: учебно-методическое пособие. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. 32 с.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2 -FKZ, dated 07/01/2020 No. 11-FKZ). Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on April 22, 2024). Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. Art. 4921.
3. Bondar K.A. Local search. Problems of science. 2020. No. 6 (54). P. 73 – 74.
4. Zimina N.A., Lushavina I.P. Psychology of search. Student. 2023. No. 16-6 (228). P. 23 – 26.
5. Kremenskaya N.E. On some similarities between “inspection of premises, buildings, structures, areas and vehicles” and “search”. Youth, Science and Civilization. 2021. P. 617 – 620.
6. Osipov A.V. Structure of the factual grounds for conducting a search. Criminalist. 2022. No. 4 (41). P. 92 – 97.
7. Patskevich A.P. Tactical features of the preparatory stage of conducting a search of areas. III Minsk Forensic Readings. 2023. P. 149 – 153.
8. Taibinova A.N. Selected problems that arise during a search in open areas. Scientific community of students. Interdisciplinary research. 2019. P. 65 – 72.
9. Tregubov A.V., Dorofeev V.S. Training of canine specialists in the methods of training service dogs to search the area. Science and practice of canine activity of the troops of the National Guard of the Russian Federation. 2023. P. 114 – 117.
10. Khainovsky A.V., Goldyrev A.A. Methods of training service dogs to search objects on the ground: a training manual. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2022. 32 p.

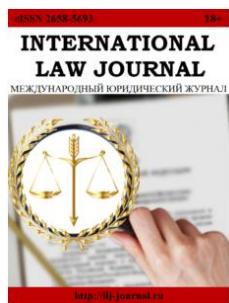
Информация об авторах

Чупров А.С., преподаватель, Волгоградская академия Министерства Внутренних Дел России,
a.tchuprov2017@yandex.ru

Ворожцов А.М., кандидат социологических наук, доцент, врио начальника кафедры огневой подготовки,
Восточно-Сибирский институт Министерства Внутренних Дел России

Моисеенко А.А., старший преподаватель, Барнаульский юридический институт Министерства Внутренних
Дел России

© Чупров А.С., Ворожцов А.М., Моисеенко А.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.9
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-78-84

Использование систем видеоконференцсвязи в судопроизводстве современной России: действительное состояние и тенденции развития

¹ Вронская М.В., ¹ Щёлкин К.А.,
¹ Владивостокский государственный университет

Аннотация: в статье исследуется вопрос использования систем видеоконференцсвязи в судопроизводстве России как одного из элементов электронного правосудия. Авторы рассматривают теоретические и практические аспекты применения видеоконференцсвязи на различных стадиях и формах судебного процесса, таких как, подготовка к судебному разбирательству, судебное заседание, исполнение судебных решений и другие. Особое внимание уделяется анализу правового регулирования и технических требований к системам видеоконференцсвязи, а также оценке их влияния на права и интересы участников судебного процесса и иных лиц, таких как подозреваемые, обвиняемые, свидетели, потерпевшие, адвокаты, судьи и другие. На основе анализа опыта России, авторы делают выводы о преимуществах и недостатках использования систем видеоконференцсвязи в судопроизводстве, а также о перспективах их развития и совершенствования в рамках электронного правосудия.

Ключевые слова: электронное правосудие; судебные заседания; зарубежные страны; электронные атрибуты; процессуальное право

Для цитирования: Вронская М.В., Щёлкин К.А. Использование систем видеоконференцсвязи в судопроизводстве современной России: действительное состояние и тенденции развития // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 78 – 84. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-78-84

Поступила в редакцию: 2 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

The use of videoconferencing systems in the legal proceedings of modern Russia: the actual state and development trends

¹ Vronskaya M.V., ¹ Shchelkin K.A.,
¹ Vladivostok State University

Abstract: the article explores the use of videoconferencing systems in Russian judicial proceedings as one of the elements of electronic justice. The author examines the theoretical and practical aspects of the use of videoconferencing in various stages and forms of the judicial process, such as preparation for trial, court session, execution of court decisions and others. Particular attention is paid to the analysis of legal regulation and technical requirements for videoconferencing systems, as well as to the assessment of their impact on the rights and interests of participants in the trial, such as suspects, accused, witnesses, victims, lawyers, judges and others. Based on the comparison of the experience of Russia and foreign countries, the author draws conclusions about the advantages and disadvantages of using videoconferencing systems in court proceedings, as well as about the prospects for their development and improvement in the framework of electronic justice.

Keywords: electronic justice; court sessions; foreign countries; electronic attributes; procedural law

For citation: Vronskaya M.V., Shchelkin K.A. The use of videoconferencing systems in the legal proceedings of modern Russia: the actual state and development trends. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 78 – 84. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-78-84

The article was submitted: May 2, 2024; Approved after reviewing: July 1, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Появление и использование систем видеоконференцсвязи (далее – ВКС) в судопроизводстве обусловлено стремительным развитием информационных технологий и их интеграцией в различные сферы общественной жизни, включая судебную систему. В условиях глобализации и цифровизации, внедрение ВКС в судебные процессы становится не только возможностью, но и необходимостью для обеспечения оперативности, доступности и эффективности правосудия. Данная тема приобретает особую значимость в контексте прошедшей пандемии COVID-19, которая продемонстрировала важность дистанционных технологий для поддержания функционирования судебной системы в условиях ограничений.

Изучая правовые и организационные аспекты использования систем ВКС в судебных процессах, можно оценить, как они влияют на эффективность и качество судебных разбирательств, которые проводятся в настоящее время. В рамках достижения данной цели необходимо проанализировать нормативно-правовую базу данного инструмента и в сопоставлении с практическим опытом применения видеоконференцсвязи выявить положительные и отрицательные аспекты, а также оценить перспективы его надобности и функционирования в дальнейшем.

Практическая значимость исследования проявляется в том, что оно предлагает объективный анализ того, как устроена и работает данная система и позволяет через призму рекомендаций и замечаний внести свой вклад в совершенствование электронного правосудия в России. Оно может быть полезно для адвокатов, граждан, представителей органов государственной власти и других участников судебного процесса, которые хотят использовать весь спектр возможностей, который предоставляет им технологический прогресс, в своей работе, с целью оптимизации своего времени и ресурсов и при этом, они смогут лучше понять, с чем столкнуться при реализации данного права в условиях российской правовой системы.

Материалы и методы исследований

Подготовка научной статьи осуществлена при помощи общих и специальных средств юридической науки и техники, метод обобщения и анализа позволил определить круг проблемного поля, а догматические методы позволили определить генезис развития цифровой трансформации системы судопроизводства, выявить причины и действительное состояние, сформулировать рекомендации и тенденции дальнейшего совершенствования электронного правосудия в России.

Результаты и обсуждения

При изучении различных механизмов осуществления электронного правосудия, каким является система ВКС, необходимо обратиться к доктринальным истокам данного понятия, которое не имеет легального закрепления в действующем российском законодательстве.

Так, А.В. Аносов предлагает рассматривать электронное правосудие как способ осуществления правосудия с использованием информационных технологий, которые позволяют всем участникам судебного процесса обмениваться информацией в цифровизированном виде, избегая применения физических носителей информации [1]. Данную правовую трактовку в своих научных работах поддерживают и другие учёные, такие как А.А. Максуров [2] С.В. Василькова [3], И.Н. Лукьянова [4].

Не разделяя столь буквального, во многом, простого понимания юридической сущности электронного правосудия, С.В. Романенкова, детализирует и формулирует два подхода к пониманию дефиниции электронного правосудия в правовой системе: широкий и узкий. В широком смысле под электронным правосудием понимается система программного обеспечения, целью которой является возможность в электронном виде отслеживать и ознакамливаться с материалами дела, направлять документы и вести дела, как со стороны суда, так и со стороны участников дела и их представителей, а также своевременно получать судебные акты, не дожидаясь пока они дойдут до адресата по почте. Однако, здесь делается пометка о том, что такая система является лишь дополнением к классическим методам введения судебного процесса и не исключает обязанности, например, помимо электронного варианта документов, надлежащим образом направлять документы письмом через почту или ознакомиться с материалами дела в их физическом варианте в здании суда.

В узком смысле электронное правосудие представляет собой использование современных технологических средств (например: компьютер, веб-камера, база данных суда и т.д.) для реализации процессуальных прав и обязанностей, куда входят своевременная подача документов в суд в электронном виде, возможность участия в судебном заседании с использованием системы веб-конференции или видео-конференцсвязи, определить надлежащим образом подсудность дела и узнать о дате и времени судебного заседания [5].

Обобщая научно-теоретические взгляды относительно понимания электронного правосудия как правового явления определим то, что электронное правосудие представляет собой совокупность правовых, а также организационно технических способов и методов, направленных на использование технических средств в судебной деятельности и задачей которых является сделать более доступными, понятными и эффективными судебные механизмы. Электронное правосудие охватывает различные этапы судебного процесса, такие как подача и обработка документов, уведомление и связь с участниками, проведение судебных заседаний, принятие и исполнение судебных решений и другие. Одним из важных элементов электронного правосудия является использование систем видеоконференцсвязи в судопроизводстве, которое позволяет осуществлять удаленное участие в судебном процессе без необходимости личного присутствия в здании суда.

Видеоконференцсвязь – это телекоммуникационная технология, позволяющая нескольким абонентам взаимодействовать друг с другом в режиме онлайн, используя удалённую передачу и обработку данных [6]. С помощью ВКС лица, участвующие в судебном разбирательстве, а также другие заинтересованные стороны могут присутствовать на слушании дела в судебном процессе, при условии содействия принимающего суда. Для того, чтобы воспользоваться этим элементом системы электронного правосудия, необходимо подать в суд, рассматривающий дело, ходатайство о проведении видеоконференцсвязи, в котором не обязательно указывать причины отсутствия на судебном заседании. При этом, ходатайство может быть удовлетворено в случае, если в суде есть техническая возможность организовать такой вид связи.

Ю.В. Миронова выделила обстоятельства, которые послужили основанием для удовлетворения со стороны суда ходатайств о предоставлении возможности участия и представления в судебном заседании интересов при помощи системы ВКС, а именно, территориально-географические факторы: участник процесса может находиться в дату и время судебного заседания в другом городе или стране. В судебной практике довольно часто встречается ситуация, когда интересы физического или юридического лица представляют юристы с других городов и чтобы не повышать судебные расходы на билеты на самолет или поезд, они прибегают к подобному способу участия в процессе.

Помимо вышесказанного, участник дела может быть физически ограничен в передвижении, находиться в местах лишения свободы или в медицинских учреждениях, но рассмотрение дела без его участия может нарушить его права. Также следует учитывать, что использование ВКС может быть обусловлено необходимостью обеспечения безопасности участников процесса, а также экономией времени и ресурсов, связанных с транспортировкой и организацией личного присутствия в суде [7].

Россия стала амбассадором в области использования систем ВКС в уголовном судопроизводстве по прямому назначению. Это было сделано вопреки значительному отставанию нашей страны от других развитых стран в вопросах применения электронных технологий в судебной деятельности. Первый опыт использования ВКС в суде состоялся 18 ноября 1999 г. в Челябинском областном суде, где рассматривалась кассационная жалоба осужденного Муртазина [8]. Подобный правовой прецедент показал, что разработка и совершенствование с последующим внедрением в суды различных инстанций данной технологии, помогает сэкономить процессуальное время иенным образом выслушать позицию сторон. Также это стало фундаментом для внесения дополнительных статей и изменений в уже существующие с целью регулирования использования ВКС в судопроизводстве и данный опыт даже перенимался другими странами. Однако в зарубежных странах система ВКС до сих пор применяется в судопроизводстве в ограниченном объеме и в особых случаях, например, для общения осужденных с адвокатами и для допроса свидетелей. Между тем такая форма судебного заседания имеет ряд преимуществ, таких как:

- 1) экономия времени и денежных средств на транспортировку и этапировку участников процесса, особенно в случае территориальной удаленности суда или места нахождения участников процесса;
- 2) обеспечение безопасности участников процесса, в том числе свидетелей, экспертов, потерпевших, подсудимых, а также судей и судебных работников, в случае рассмотрения дел с повышенным риском;
- 3) упрощение доступа к правосудию для лиц с ограниченными физическими возможностями, нетрудоспособных, находящихся в местах отбывания наказания в виде лишения свободы, а также для лиц, проживающих в отдаленных и труднодоступных регионах;

4) повышение качества и объективности судебных решений за счет возможности привлечения к участию в судебном заседании квалифицированных специалистов, экспертов, переводчиков, а также за счет возможности использования аудио- и видеозаписи судебного заседания в качестве доказательств.

Наряду с вышеизложенным, эффективность применения ВКС требует устранения ряда недостатков процедурного и правового характера. Как отмечается в научной работе А.В. Кружаловой, при практической реализации арбитражными судами обязанности по вынесению определения о проведении ВКС, в случае наличия соответствующего ходатайства, есть два возможных пути [9]. В первом случае выносится судебный акт, в котором сразу указывается дата, место и время проведения ВКС, и отдельным пунктом указывается суд, на который возлагается обязанность по исполнению данного решения. Во втором случае суд выносит два документа, в первом информирует стороны о том, что ходатайство о проведении ВКС удовлетворено и они могут воспользоваться данной возможностью, а вторым является судебное поручение для суда, который обязан принять участников дела в определенное, в данном поручении, время. Выбирается суд исходя из территориального местоположения лица, которое подало ходатайство, а также разницы в часовых поясах в разных регионах страны, чтобы ВКС было назначено на рабочее время данного суда и имелись технические возможности его провести. Данный фактор показывает, что нет унифицированной формализованной формы определения об удовлетворении или отказе в проведении ВКС, что оставляет для судей определенный спектр для создания собственного устоявшегося подхода к реализации данного нормативного предписания.

В связи с принятыми в определенный период правовыми актами разного уровня, дистанционно-удаленные формы общественной и деловой активности стали широко использоваться для поддержания основных форм социальной деятельности, которые в основном организованы по месту проживания, нахождения или работы физических и юридических лиц. В подобной ситуации Верховный суд РФ в своем Постановлении Президиума от 29.04.2020 № 822 настоятельно рекомендовал судам, при поступлении ходатайств сторон об участии в судебном заседании с использования веб- или видеоконференцсвязи и при наличии технической возможности, предоставлять данную возможность [10].

Отследить насколько правильно и добросовестно арбитражные суды, и суды общей юрисдикции обеспечивают проведение ВКС довольно сложно в силу отсутствия на сайтах судов статистических данных, записей заседаний в открытом доступе, а также того, что определение о назначении ВКС не является актом, который подлежат обязательному опубликованию на странице дела. Однако, по данному поводу имеется исследование М.П. Вейнгольда, где он, проанализировав состояние судов различных инстанций, пришел к выводу, что арбитражные суды гораздо более оснащенные и имеют больше технических возможностей для проведения ВКС, в отличие от судов общей юрисдикции, которые значительно им уступают. Также уточняется, что присутствует определенный процент отказа в удовлетворении ходатайств о проведении ВКС, однако наблюдается положительная тенденция к тому, чтобы данных случаев становилось меньше, что определенно свидетельствует о поступательном развитии цифровых технологий с судопроизводством.

С учетом современного развития цифровых технологий в государственной сфере, ВКС не является единственным способом дистанционного участия в судебном заседании в системе электронного правосудия. Еще одна система дистанционного судопроизводства, которая является удобной альтернативой для участников процесса, - это технология веб-конференций.

Часто ВКС и веб-конференцию считают одной и той же технологией, имеющими формально различающиеся названиями. Однако они имеют существенные отличия, которые порождают разные вопросы при их применении в судопроизводстве. Эти вопросы требуют глубокого анализа.

Веб-конференция отличается от видеоконференцсвязи (ВКС) тем, что для участия всегда требуется веб-браузер и ссылка на сайте суда в разделе дела, по которому было подано ходатайство. Приложение может быть как самим браузером, так и другими программами, которые автоматически подключаются к мероприятию после установки. Веб-конференции удобны в использовании, так как не требуют авторизации и могут быть запущены через браузер. Участник может находиться дома или на работе, и ему достаточно знать ссылку на мероприятие и ввести свое имя, которое не проверяется, поскольку администратор не создает учетные записи для участников заранее. В отличие от этого, ВКС требует содействия другого суда, помимо того, в производстве которого находится дело.

Дополнительно, веб-конференции обеспечивают большую гибкость и доступность для участников, так как не требуют специального оборудования или программного обеспечения, кроме стандартного веб-браузера. Это делает их более удобными для использования в различных условиях и ситуациях. В то время как ВКС, как правило, требует более сложной настройки и координации между судами, что может включать в себя:

чать в себя использование специализированного оборудования и программного обеспечения для обеспечения безопасности и конфиденциальности судебных заседаний.

Для проведения судебного заседания в формате ВКС необходимо наличие двух судов: один из них рассматривает дело, а другой обеспечивает техническую возможность участия в заседании участников процесса, находящихся в другом месте.

Практика судебного процесса показывает, что при осуществлении видеоконференцсвязи судья перед заседанием проверяет документы, которые удостоверяют личность и полномочия участника процесса, а после подключения суда, который направил судебное поручение, оглашает данную информацию им, с проговариваем дат и номеров документов, для веерного отражения их в протоколе. После этого он удаляется из зала, а судебное заседание ведет председательствующий судья, в чьем ведении находится дела. После заседания секретарь изготавливает протокол, записывает аудио-протокол и вместе с определением суда об исполнении поручения суда, направляет в другой суд для приобщения к материалам дела.

Аргументируя отказ в назначении судебного заседания, суд руководствуется следующим:

а) недостаток технических средств у суда для организации судебного заседания с использованием систем видеоконференцсвязи (п. 1 ч. 1 ст. 153.1 АПК РФ) [12].

Здесь можно обратиться к Постановлению Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12 (ред. от 27.06.2017), где подчеркивается, что техническая возможность включает не только наличие исправной системы видеоконференцсвязи (ВКС) в суде, но и объективную возможность проведения судебного заседания таким способом [13].

Для использования системы ВКС необходимо учитывать не только технические аспекты, но и организационные, то есть возможность применения системы ВКС в рамках временных ограничений, связанных с рассмотрением дела. Таким образом, отсутствие технической возможности применения ВКС в судах, а также перегруженность залов судебных заседаний, оснащенных системами ВКС, являются основными причинами недостаточного использования ВКС в судебных процессах.

Кроме того, следует учитывать, что для эффективного применения ВКС необходимо наличие квалифицированного персонала, способного обеспечить бесперебойную работу системы, а также соответствующее программное обеспечение и инфраструктуру. Важно также учитывать правовые и процедурные аспекты, такие как обеспечение конфиденциальности и безопасности данных, передаваемых через ВКС, а также соблюдение процессуальных норм и правил.

б) проведение судебного разбирательства в закрытом режиме, в соответствии с ч. 6 ст. 10 ГПК РФ [14], ч. 6 ст. 11 АПК РФ;

в) сложность согласования времени проведения заседания по делу в данном суде, учитывая разницу во времени между судами на территории РФ, территориальную удалённость участников процесса и большое количество дел, которые должны быть рассмотрены в зале, оборудованном системой видеоконференцсвязи.

Помимо всего вышесказанного, стоит также отметить и такую косвенную причину, что не все суды обладают необходимыми техническими знаниями для самостоятельного использования технологий ВКС. В связи с этим, целесообразно привлекать квалифицированных специалистов, которые будут отвечать за проведение данных сеансов, что может занимать достаточно много времени, которое многие суды субъективно считают нецелесообразно потраченным [15].

Выводы

В заключении предлагается ряд рекомендаций по улучшению законодательства и практики по использованию систем ВКС в судопроизводстве России, а также по расширению области их применения в рамках электронного правосудия, а именно:

1) Установить единые технические требования к системам видеоконференцсвязи, которые будут использоваться в судах разных уровней и юрисдикций, а также в учреждениях ФСИН, адвокатских кабинетах и других местах, откуда могут подключаться участники судебного процесса.

2) Разработать список рекомендаций по использованию участниками процесса оборудования и интернет-соединения с определенными характеристиками, позволяющими обеспечить приемлемое качество связи, изображения и звука.

3) Уточнить и расширить законодательное регулирование применения видеоконференцсвязи в разных видах судопроизводства, учитывая специфику каждого из них, а также права и интересы участников процесса. В частности, определить случаи, когда использование видеоконференцсвязи является обязательным, допустимым или недопустимым; установить порядок подачи и рассмотрения ходатайств об организации видеоконференции; регламентировать процедуру проведения судебного заседания с использованием видеоконференцсвязи, в том числе вопросы о гласности, доказывании, обеспечении безопасности и т.д.

4) Обеспечить единообразие судебной практики по применению видеоконференцсвязи, анализируя и обобщая опыт судов разных регионов и инстанций, выявляя и устранивая противоречия и коллизии, разъясняя спорные и сложные вопросы.

5) Повысить квалификацию и компетенцию судей и других участников судебного процесса в области использования видеоконференцсвязи, организуя специальные курсы, семинары, тренинги, вебинары и т.д.

6) Проводить мониторинг и оценку эффективности и качества работы системы видеоконференцсвязи в системе электронного правосудия, собирая и анализируя статистические данные, отзывы и предложения участников процесса, выявляя и устранивая недостатки и проблемы.

Несмотря на очевидные преимущества, использование систем видеоконференцсвязи в судопроизводстве требует тщательной проработки нормативно-правовой базы и обеспечения технической безопасности, но уже сейчас можно утверждать, что система видеоконференцсвязи является неотъемлемой частью электронного правосудия в современной России.

Список источников

1. Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации. Москва, 2016. 25 с.
2. Максуров А.А. Электронное правосудие (гражданское судопроизводство). Москва, 2024. № 7. 98 с.
3. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе. СПб., 2024. 161 с.
4. Лукьянова И.Н. Доказательства в гражданских делах в эпоху правосудия / Всероссийская академия внешней торговли, 2018. 7 с.
5. Романенкова С.В. Становление и развитие электронного правосудия в Российской Федерации. Москва, 2013. № 10. С. 61 – 67.
6. Миронов А.Н. Миронова Ю.В. Использованием систем видео-конференц-связи в судебной деятельности. Саратов, 2019. № 7. С, 22 – 26. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=123669&dst=100030&demo=1> (дата обращения: 10.03.2024)
7. Миронова Ю.М. Реализация принципов гражданского процессуального права при использовании систем видеоконференц-связи. Саратов, 2021. 239 с.
8. Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. Режим доступа: http://www.vsrif.m/vscourt_detale.php?id=49 (дата обращения: 10.03.2024)
9. Кружалова А.В. Видеоконференц-связь в арбитражном суде РФ: определение об удовлетворении в отказе. Москва, 2017. № 1. С. 73 – 77.
10. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 № 822 // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351604/ (дата обращения: 15.03.2024)
11. Вайнгольд М.П. Перспективы использования видеоконференц-связи в гражданском процессе. Евразийский союз ученых. 2015. № 1-2. С. 154 – 155.
12. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 15.03.2024)
13. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 N 12 (ред. от 27.06.2017) "О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 N 228-ФЗ "О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111644/ (дата обращения: 15.03.2024)
14. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 05.01.2024)
15. Лейба А. Видеоконференцсвязи: недостатки и неполадки. Москва, 2015. № 27. С. 6 – 10.

References

1. Anosov A.V. Information and legal issues of the formation of electronic justice in the Russian Federation. Moscow, 2016. 25 p.
2. Maksurov A.A. Electronic justice (civil proceedings). Moscow, 2024. No. 7. 98 p.
3. Vasilkova S.V. Electronic justice in the civil process. St. Petersburg, 2024. 161 p.

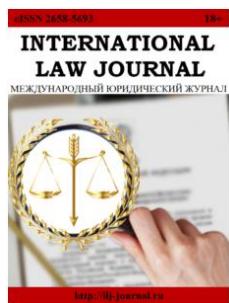
4. Lukyanova I.N. Evidence in civil cases in the era of justice. All-Russian Academy of Foreign Trade, 2018. 7 p.
5. Romanenkova S.V. Formation and development of electronic justice in the Russian Federation. Moscow, 2013. No. 10. P. 61 – 67.
6. Mironov A.N. Mironova Yu.V. Using video conferencing systems in judicial activities. Saratov, 2019. No. 7. P., 22 – 26. [Electronic resource]. Access mode: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=123669&dst=100030&demo=1> (date of access: 10.03.2024)
7. Mironova Yu.M. Implementation of the principles of civil procedural law when using video conferencing systems. Saratov, 2021. 239 p.
8. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. Access mode: http://www.vscr.m/vscourt_detaile.php?id=49 (date of access: 10.03.2024)
9. Kruzhalova A.V. Videoconferencing in the Arbitration Court of the Russian Federation: determination to satisfy the refusal. Moscow, 2017. No. 1. P. 73 – 77.
10. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation dated 29.04.2020 No. 822. SPS "Consultant Plus" [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351604/ (date of access: 15.03.2024)
11. Weingold M.P. Prospects for using videoconferencing in civil proceedings. Eurasian Union of Scientists. 2015. No. 1-2. P. 154 – 155.
12. "Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" dated 24.07.2002 N 95-FZ (as amended on 25.12.2023). SPS "Consultant Plus" [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (date of access: 15.03.2024)
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 17.02.2011 N 12 (as amended on 27.06.2017) "On Certain Issues of Application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation as amended by Federal Law of 27.07.2010 N 228-FZ "On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation". SPS "Consultant Plus" [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111644/ (date of access: 15.03.2024)
14. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 11/14/2002 N 138-FZ (as amended on 12/25/2023). SPS "Consultant Plus" [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (date of access: 01/05/2024)
15. Leyba A. Videoconferencing: shortcomings and malfunctions. Moscow, 2015. No. 27. P. 6 – 10.

Информация об авторах

Вронская М.В., кандидат юридических наук, доцент, Институт права, Владивостокский государственный университет, m.vronskaya@mail.ru

Щёлкин К.А., Владивостокский государственный университет

© Вронская М.В., Щёлкин К.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.41
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-85-90

К вопросу о значении конституционного закрепления семейных ценностей в Российской Федерации

¹ Тронина Е.Г.,

¹ Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Аннотация: в статье обосновывается ключевое значение для развития общества государственной политики, направленной на укрепление и защиту семейных ценностей как духовно-нравственных ориентиров и смыслов, традиций, приоритетов и норм, определяющих цели, процесс формирования, характер взаимоотношений, уклад и образ жизнедеятельности семьи как базового социального института.

Проводится мысль об особой роли конституционного регулирования вопросов, связанных с формированием и поддержкой ценностных основ семейных отношений; подчеркивается роль Конституции РФ как правового фундамента общества в укреплении духовно-нравственных основ нации, что является важным условием ее благополучия и успешного развития в современном динамичном мире.

Делается вывод о необходимости эффективной государственно-общественной деятельности, направленной на поддержку семейных ценностей, что напрямую влияет на результативность решения проблем демографии, охраны материнства, отцовства и детства, воспитания юных поколений, укрепления государственности и национально-культурной идентичности России.

Ключевые слова: Конституция, конституционные ценности, семья, семейные ценности, традиции, государственная семейная политика

Для цитирования: Тронина Е.Г. К вопросу о значении конституционного закрепления семейных ценностей в Российской Федерации // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 85 – 90. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-85-90

Поступила в редакцию: 1 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

On the question of the importance of the constitutional consolidation of family values in the Russian Federation

¹ Tronina E.G.,
¹ Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract: the article substantiates the key importance for the development of society of the state policy aimed at strengthening and protecting family values as spiritual and moral guidelines and meanings, traditions, priorities and norms that determine the goals, the process of formation, the nature of relationships, the way and way of life of the family as a basic social institution.

The author suggests the special role of constitutional regulation of issues related to the formation and support of the value foundations of family relations; emphasizes the role of the Constitution of the Russian Federation as the legal foundation of society in strengthening the spiritual and moral foundations of the nation, which is an important condition for its well-being and successful development in a modern dynamic world.

The conclusion is made about the need for effective state and public activities aimed at supporting family values, which directly affects the effectiveness of solving problems of demography, protection of motherhood, father-

hood and childhood, education of young generations, strengthening of statehood and national and cultural identity of Russia.

Keywords: Constitution, constitutional values, family, family values, traditions, state family policy

For citation: Tronina E.G. On the question of the importance of the constitutional consolidation of family values in the Russian Federation. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 85 – 90. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-85-90

The article was submitted: May 1, 2024; Approved after reviewing: July 1, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Эффективное решение наиболее актуальных проблем современного российского государства и общества, а также успешное достижение ими ключевых целей национального развития напрямую связано с вопросами демографии, в первую очередь, снижением показателей убыли населения и преодолением негативных тенденций его сокращения, их изменением в сторону естественного прироста, увеличения продолжительности и качества жизни людей.

Всесторонняя и действенная государственная поддержка институтов семьи, материнства, отцовства и детства, духовно-нравственное воспитание юных поколений, содействие формированию их жизненных ориентиров, основанных на уважительном и бережном отношении к историческому наследию и культуре многонационального народа России, всемерное противодействие коррупции со стороны государства и гражданского общества закладывают потенциал движения по пути преодоления глубокого демографического кризиса.

Приоритетный характер задач, связанных с укреплением и защитой института семьи и семейных ценностей как основы общества, подчеркивается в процессе деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также закрепляется в содержании целого ряда нормативно-правовых актов, прежде всего программного характера, поскольку они отражают стратегические приоритеты настоящего и будущего развития России, ее тенденции и возможности в современном мире. В частности, речь идет об Указе Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации", Указе Президента РФ от 07.05.2024 N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года", Указе Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей", Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, Указе Президента РФ от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» и др.

В ходе Послания Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 г. Президент РФ В.В. Путин объявил о запуске с 1 января 2025 г. национального проекта «Семья», отметив необходимость «постоянной работы, направленной на повышение качества жизни семей с детьми, поддержку рождаемости». Особое внимание было уделено необходимости преодоления одной из наиболее острых проблем – бедности, уровень которой среди многодетных семей отличается высокими показателями. Поддержку института семьи глава государства определил в качестве «нашего фундаментального нравственного выбора». Президент РФ выразил уверенность в том, что большая многодетная семья должна стать нормой, философией жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии» [1].

Значительная часть массива норм, внесенных поправками к Конституции РФ в 2020 г., акцентирует внимание на созидательной роли семьи как основы нации, развитии идеологического и материального базиса для крепких и здоровых семейных отношений, упрочении семейных ценностей, укреплении духовно-нравственного фундамента благополучия и процветания России. С целью оптимизации деятельности в этом направлении вопросы защиты семьи, материнства, отцовства и детства, а также института брака в его традиционном для российской культуры понимании, создания условий для достойного воспитания детей и реализации уже совершенолетними детьми своей обязанности заботиться о родителях, нормы Конституции относят к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. ж.1 ч.1 ст. 72) [2]. Конструктивная работа в вышеуказанных областях требует слаженного взаимодействия и плодотворных усилий органов власти всех уровней, сбалансированности полномочий федеральных и региональных органов государственной власти.

Материалы и методы исследований

Содержание рассматриваемой темы обуславливает необходимость многостороннего взгляда на исследуемые в ее контексте вопросы. Это определяет разнообразие методологического инструментария, используемого при работе с нормативно-правовыми актами, решениями Конституционного Суда РФ, эмпирической базой исследования, современными научными источниками. Помимо целесообразного применения всего арсенала общелогических методов познания, речь идет также о возможностях диалектического, аксиологического, сравнительно-правового методов, применяемых в русле комплексного подхода. Необходимым представляется осуществление системного и структурно-функционального анализа при раскрытии предмета исследования.

Результаты и обсуждения

Одним из результатов проведенной в 2020 г. в России конституционной реформы стало существенное укрепление системы норм Основного закона, направленных на обеспечение приоритетов государственной семейной политики, защиту отечественной культуры и самобытных традиций всех народов нашей страны. Применение аксиологического подхода в процессе исследования природы и значения норм Конституции РФ «как ядра, квинтэссенции всей национальной правовой системы» позволяет лучше понять их ключевую роль в правовой защите ценностных основ общественной жизни и влияние на воспитательную политику государства, формирование главного вектора материального и духовного развития российской цивилизации [3].

Представляя собой «нормативную суть всей правовой системы страны», Конституция России закрепляет систему ценностей, под которыми понимают основополагающие, наиболее значимые для жизнедеятельности общества и государства смыслы и идеалы, подкрепленные его многовековым историческим опытом и социальной практикой. Выражая базовые идейные основы и сохраняя, несмотря на все исторические перипетии, опору в индивидуальном и коллективном сознании, ценности аккумулируются в традициях как основе преемственного, поступательного и стабильного развития на фундаменте многовекового опыта поколений, являются основой формирования единого культурного пространства нашей страны, единства, сплочения и будущего развития многонационального народа России.

Важное значение для укрепления национально-культурной идентичности России и защиты ее государственного суверенитета имеет бережное сохранение и гармоничное встраивание в современную реальность традиций как «коллективного осмысленного исторически сложившегося опыта, знаний, передающихся другим поколениям и оказывающих воздействие на все сферы общественной жизни». Выражая правовые ценности и закрепляясь в правосознании граждан, устойчивые правовые традиции способны оказывать решающее влияние на «практику регулирования общественных отношений» [4].

Закрепляя социально-правовые идеалы и определяя стратегические цели развития общества, нормы Конституции РФ имеют не только политико-юридическое, но и, безусловно, идеологическое значение, направлены на противостояние деструктивным факторам развития общества, в том числе на преодоление кризисных явлений в его различных сферах. К сожалению, радикальные изменения, экономические и социально-политические катаклизмы, сотрясавшие Россию после распада СССР, сопровождались крайне болезненной трансформацией всех сфер, способствовали кризису онтологических основ российской государственности, в том числе института семьи в ее традиционном понимании.

В свою очередь, это пагубным образом влияло на состояние всего общества, в том числе духовно-нравственное и физическое здоровье людей, качество и продолжительность их жизни, искажало смыслы, обесценивало идеалы, разрушало ценностные ориентации как «связующее звено между культурой, личностью и социальными системами». В научном дискурсе отчетливо прослеживается мысль о связи семейной проблематики с формированием ценностей подрастающего поколения, с ролью семьи как ключевого социализирующего фактора детей и молодежи. Отмечается сложный, противоречивый характер эволюции семейных отношений под влиянием развития общества и современных общественициализационных тенденций, зачастую способствующих разрушению традиционных семейно-брачных отношений, состояние «противоречивости и многослойности» ценностного мира современной семьи[5].

В работах авторов рассматриваются процессы изменения ценностной структуры и образа семьи в сознании современных молодых людей, наиболее высоко оценивающих «эмоциональную, психологическую защищенность и динамику семьи», возможность расти и развиваться вместе с нею. При этом, однако, несмотря на тенденции свободного самовыражения, гедонизма, «индивидуализации и ориентированности на личностные достижения и успехи», базовые семейные ценности демонстрируют свое непреходящее значение[6]. Так, согласно официальным данным, доминирующее значение в структуре ценностных ориентаций российской молодежи имеют семейные ценности, прежде всего, здоровье и безопасность членов семьи,

теплые отношения, основанные на любви, доверии и взаимной заботе. С возрастом, судя по данным социологического исследования, тенденция укрепления значимости крепкой семьи в системе ценностных координат жителей России только усиливается и рассматривается респондентами не только как ведущая ценность, но и жизненная цель, а всемерная поддержка культуры материнства и отцовства, защиты детства, преемственность семейных традиций как основа благополучия общества [7].

Конституция РФ как фундамент правовой системы отражает состояние и насущные потребности государственно-общественного развития. В том числе речь идет о его естественной защитной реакции на постоянные динамичные изменения в современном мире, стремлении к балансу новаций и традиций, защите национально-культурной самобытности в глобальном социокультурном пространстве современного мира. Целый ряд конституционных норм формирует правовой базис семейных отношений, закладывает не только юридические, но и нравственные основы «благополучия всего общества и национальной безопасности страны», сохранения и передачи «духовно-нравственных ценностей русской культуры, основ воспитания новых поколений, формирования социальных норм и поведенческих стереотипов», «развития любви к своему народу и благополучию Родины» [8].

Можно говорить о тесном взаимовлиянии семьи и государства, характер которого особым образом проявляется в конкретном историческом контексте. В нормах Конституции РФ подчеркивается приоритетное значение института семьи и семейных ценностей, под которыми можно понимать духовно-нравственные ориентиры и смыслы, традиции, приоритеты и нормы, определяющие цели, процесс формирования, характер взаимоотношений, уклад и образ жизнедеятельности семьи в ее индивидуальном и общественном значении как базового социального института. Взгляд на семью сквозь призму ценностного подхода позволяет выйти за пределы ее узкого законодательного определения как совокупности «лиц, связанных родством и (или) свойством, совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство» [9]. Возможным становится многоаспектное понимание семьи как сложного феномена, «исходной модели и опорного института социального жизнеустройства» [10]. Конституционное закрепление и защита традиционных семейных ценностей имеют определяющее значение не только в контексте понимания семьи как союза мужчины и женщины [11], но и теплых родительско-детских отношений, взаимной заботы членов семьи друг о друге, уважения старших, бережного отношения к опыту поколений, формирования духовно-нравственных основ личности. Конституционная защита семейных ценностей закладывает каркас всей системы правовых норм, направленных на обеспечение базиса семейного благополучия, охраны материнства, отцовства и детства, создает основу духовного и материального благополучия народа России, успешной реализации его великолепного потенциала в будущем.

Выводы

Таким образом, Конституция РФ, живя и развиваясь вместе с обществом, задает импульс и главный вектор его развития в соответствии с экзистенциальными интересами многонационального народа России. Подчеркивая авторитет и приоритетное значение традиционных семейных ценностей, конституционные нормы формируют правовой базис государственной семейной политики, направленной на поддержку и охрану материнства, отцовства и детства, защиту старости, воспитание юных поколений в соответствии с духовно-нравственными идеалами и традициями нашего народа. Актуальное значение имеет эффективная реализация заложенных Конституцией РФ принципов, направленных на укрепление семьи как основы благополучия общества и государства, их будущего успешного развития.

Список источников

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 "Послание Президента Федеральному Собранию" [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/?ysclid=ly7bkkqkpt49013742
2. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&ysclid=ly9w6psuyz80394370>
3. В.Д. Зорькин. Под знаком обновленной Конституции (выступление Председателя КС РФ 11.12.2023 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96>
4. Клубенко В.С. Этические основы Конституции Российской Федерации // Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов научной конференции, Симферополь, 27-28 мая 2021 года. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. С. 121 – 134.

5. Часовская Л.А. Семья как фактор формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения: дис. ... канд. соц. наук. М., 2004. 210 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.dissertcat.com/content/semya-kak-faktor-formirovaniya-tsennostnykh-orientatsii-podrastayushchego-pokoleniya?ysclid=lyhfdf9ro5828377218>

6. Селезнева Е.А. Анализ понятий семья и семейные ценности // Проблемы современного образования. 2021. № 5. С. 270 – 280. DOI 10.31862/2218-8711-2021-5-270-280. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47305012>

7. Семья как ценность. Данные результатов опроса ВЦИОМ, проведенного по заказу Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semya-kak-cennost?ysclid=lymz527lqe590595829>

8. Колесов В.И., Архиповская Е.П. Роль семьи в развитии государства и общества // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: Сборник материалов V Всероссийского симпозиума (с международным участием), посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, 11-12 апреля 2024 года. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 727 – 731. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67186390>

9. Федеральный закон от 24.10.1997 N 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020, с изм. от 05.12.2022) "О прожиточном минимуме в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/?ysclid=lyo5i62r4b416852778

10. Мадышева Ш.И., Токтобаева Э.М., Кулдышева Г.К. О правовом определении понятия семьи // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 7-2 (77). С. 142 – 145. [Электронный ресурс]. доступа. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46461298>

11. Концепция государственной семейной политики до 2025 года [Электронный ресурс]. доступа. URL: <https://rg.ru/documents/2014/08/29/semya-site-dok.html?ysclid=lyn84g72p342162257>

References

1. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 29.02.2024 "Address of the President to the Federal Assembly" [Electronic resource]. Access mode. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/?ysclid=ly7bkkqkpt49013742
2. The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [Electronic resource]. Access mode. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&ysclid=ly9w6psuyz80394370>
3. V.D. Zorkin. Under the Sign of the Updated Constitution (speech by the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation on 11.12.2023) [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96>
4. Klubenko V.S. Ethical Foundations of the Constitution of the Russian Federation. Practical Philosophy: Status and Prospects: Collection of Materials of a Scientific Conference, Simferopol, May 27-28, 2021. Simferopol: Limited Liability Company "Arial Printing House", 2021. P. 121 – 134.
5. Chasovskaya L.A. Family as a Factor in the Formation of Value Orientations of the Younger Generation: Dis. ... Cand. Social Sciences. Moscow, 2004. 210 p. [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://www.dissertcat.com/content/semya-kak-faktor-formirovaniya-tsennostnykh-orientatsii-podrastayushchego-pokoleniya?ysclid=lyhfdf9ro5828377218>
6. Selezneva E.A. Analysis of the concepts of family and family values. Problems of modern education. 2021. No. 5. P. 270 – 280. DOI 10.31862/2218-8711-2021-5-270-280. [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47305012>
7. Family as a value. Data from the results of the VTsIOM survey, conducted by order of the Expert Institute for Social Research (EISI) [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semya-kak-cennost?ysclid=lymz527lqe590595829>
8. Kolesov V.I., Arkhipovskaya E.P. The role of the family in the development of the state and society. Psychology of the XXI century: challenges, searches, development vectors: Collection of materials of the V All-Russian symposium (with international participation) dedicated to the 145th anniversary of the penal system and the 90th anniversary of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, April 11-12, 2024. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2024. P. 727 – 731. [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67186390>

9. Federal Law of 24.10.1997 N 134-FZ (as amended on 29.12.2020, as amended on 05.12.2022) "On the Subsistence Minimum in the Russian Federation" [Electronic resource]. Access mode. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/?ysclid=lyo5i62r4b416852778

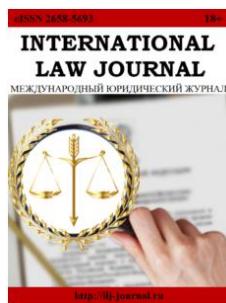
10. Madysheva Sh.I., Toktobaeva E.M., Kuldysheva G.K. On the legal definition of the concept of family. Eurasian Scientific Association. 2021. No. 7-2 (77). P. 142 – 145. [Electronic resource]. access. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46461298>

11. The concept of state family policy until 2025 [Electronic resource]. access. URL: <https://rg.ru/documents/2014/08/29/semya-site-dok.html?ysclid=lyn84g72p342162257>

Информация об авторе

Тронина Е.Г., кандидат политических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, elisaveta.t2007@yandex.ru

© Тронина Е.Г., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 34.096
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-91-95

Правовые проблемы обработки персональных данных при использовании облачных CRM платформ

¹ Давымока С.В.,
¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: широкое распространение облачных вычислительных технологий поднимает ряд правовых вопросов, связанных с обработкой и защитой персональных данных, решение которых является актуальной задачей для дальнейшего развития общества знаний и цифровой экономики в Российской Федерации. В статье проведен глубокий анализ современных публикаций, выявляющих основные правовые проблемы в этой сфере. Обобщена обширная правоприменительная практика на основе судебных решений и рекомендаций Роскомнадзора и Банка России. Дается развернутое определение облачным CRM (Customer Relationship Management) – платформам, раскрывающее их ключевые характеристики. Особое внимание уделяется практической реализации требований законодательства при получении и оформлении согласия на обработку и передачу персональных данных третьим лицам – владельцам CRM-платформ. В работе выдвигаются конкретные предложения по совершенствованию законодательной базы, а именно: наделение владельцев облачных платформ специальным правовым статусом, при котором передача персональных данных субъекта, в технически аттестованную ФСТЭК России, облачную CRM-платформу, вне зависимости от того, получает владелец платформы доступ к данным или нет, не требовала бы получения дополнительного согласия субъекта персональных данных.

Ключевые слова: персональные данные, облачные платформы, аутсорсинг облачных услуг, трансграничная передача данных, согласие на обработку и передачу персональных данных, права субъектов персональных данных

Для цитирования: Давымока С.В. Правовые проблемы обработки персональных данных при использовании облачных CRM платформ // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 91 – 95. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-91-95

Поступила в редакцию: 5 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Legal problems of personal data processing when using cloud CRM platforms

¹ Davymoka S.V.,
¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the widespread use of cloud computing technologies raises a number of legal issues related to the processing and protection of personal data, the solution of which is an urgent task for the further development of the knowledge society and the digital economy in the Russian Federation. The article provides an in-depth analysis of modern publications that identify the main legal problems in this area. The extensive law enforcement practice based on court decisions and recommendations of Roskomnadzor and the Bank of Russia is summarized. A detailed definition of cloud CRM (Customer Relationship Management) platforms is given, revealing their key characteristics. Special attention is paid to the practical implementation of legal requirements when obtaining and processing consent for the processing and transfer of personal data to third parties – owners of CRM platforms. The paper

puts forward specific proposals to improve the legislative framework, namely: giving owners of cloud platforms a special legal status, in which the transfer of personal data of a subject to a technically certified FSTEC of Russia cloud CRM platform, regardless of whether the owner of the platform gets access to data or not, would not require additional consent of the subject personal data.

Keywords: personal data, cloud platforms, outsourcing of cloud services, cross-border data transfer, consent to the processing and transfer of personal data, the rights of personal data subjects

For citation: Davymoka S.V. Legal problems of personal data processing when using cloud CRM platforms. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 91 – 95. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-91-95

The article was submitted: May 5, 2024; Approved after reviewing: July 3, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Облачные технологии активно внедряются в различные сферы бизнеса, в том числе в управление взаимоотношениями с клиентами (Customer Relationship Management, CRM). Использование облачных CRM-платформ позволяет компаниям оптимизировать процессы взаимодействия с потребителями, повысить эффективность маркетинга и продаж. Однако такой подход сопряжен с определенными правовыми рисками, прежде всего, в области обеспечения защиты персональных данных.

Правовое регулирование обработки персональных данных в Российской Федерации осуществляется специальным Федеральным законом "О персональных данных", в соответствии с которым обработка личной информации граждан должна осуществляться с соблюдением ряда принципов и требований, в связи с чем использование облачных технологий порождает ряд правовых проблем решение которых является актуальной задачей для дальнейшего развития общества знаний и цифровой экономики.

Материалы и методы исследований

Анализ современных публикаций показывает, что основные правовые проблемы при использовании облачных систем включают:

1. Определение территориальной юрисдикции и трансграничной передачи данных. Облачные провайдеры часто имеют серверы, расположенные в разных странах, что может приводить к неопределенности в отношении применимого законодательства и ответственности сторон [1, 2].
2. Несколько в определении ролей и обязанностей. В облачной модели не всегда четко распределены функции между поставщиком облачных услуг и клиентом в отношении обработки данных, что затрудняет соблюдение требований законодательства [3, 4].
3. Соблюдением требований к получению согласия субъекта персональных данных, форме данного согласия и полномочий на передачу персональных данных между пользователем и поставщиком систем [5, 6, 7, 8].

Именно получение согласия субъекта персональных данных на передачу его данных третьему лицу – владельцу платформы, является самой значимой правовой проблемой при применении облачных технологий. Для более глубокого понимания проблематики вопроса и технологий работы облачных CRM платформ дадим определение и характеристику рассматриваемому решению и на основе метода правового моделирования приведем пример ситуации, в которой действие законодательства о персональных данных не позволяет применять современные технологические решения.

Результаты и обсуждения

Как отмечает продуктовый эксперт CRM и Service Андрей Латыкин, облачная CRM система – это сервис для управления бизнес-процессами, доступ к которому клиент может получить из любой точки мира, где есть интернет, и с любого устройства. Она не требует установки: достаточно подключиться к сети, открыть браузер, зайти в личный кабинет и начать работу. Этот факт является колоссальным преимуществом «облака», поскольку обеспечивает быстрый старт работы. При этом программное обеспечение размещается не на сервере компании, а на сервере разработчика. Он полностью берет на себя его обслуживание, обновление, обеспечивает безопасность хранения данных и помогает с настройкой [9]. Указанное определение довольно точно описывает применяемую технологию, его стоит дополнить лишь тем, что зачастую разработчик также обеспечивает интеграцию CRM-системы с сервисами третьих лиц, что позволяет получать и обмениваться нужной информацией с клиентами, партнерами или государственными органами. В западной литературе предоставление готовых облачных решений также называют Software as a Service (SaaS), что переводится, как «программное обеспечение как услуга».

Как видно из приведенной характеристики основным преимуществом облачной CRM-системы является то, что сервис уже создан третьим лицом-ее разработчиком, которое также поддерживает работоспособность системы. Вместе с тем очевидное экономическое достоинство одновременно является также очевидным правовым недостатком, так как разработчик сервиса осуществляя его администрирование в большинстве случаев, получает доступ к персональным данным, которые загружаются в такую систему пользователем, что сопряжено с необходимостью получения и оформления согласия субъекта персональных данных.

С первого взгляда требования законодательства довольно просто формально выполнить получением, при установлении первичных взаимоотношений (приема на работу или заключением договора), согласия субъекта персональных данных, но изменение первоначальных обстоятельств в совокупности с требованиями законодательства и правоприменительной практикой в некоторых ситуациях делает невозможным или противозаконным применение данной технологии.

Примером может быть ситуация, когда организация решает перейти на облачную CRM систему уже имея достаточный объем данных клиентов или работников, которые ранее обрабатывались в локальной системе или организация решает изменить провайдера облачной системы.

В соответствии со ст. 7, ст. 9 Закона операторы обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, согласие субъекта персональных данных должно быть "конкретным, информированным, сознательным и однозначным". Так, как в случае возникновения спора доказать получение согласия на обработку персональных данных должен оператор (ч. 3 ст. 9 Закона о персональных данных), многие компании сразу предпочитают оформлять согласие письменно, а в некоторых случаях письменная форма согласия прямо предусмотрена законом (ч. 4 ст. 9 Закона о персональных данных). Например, письменное согласие требуется когда речь идет о персональных данных работника и работодатель планирует передавать такие данные третьим лицам (абз. 2 ст. 88 ТК РФ).

При этом перечень третьих лиц, которым будут передаваться персональные данные, должен быть конкретным. В спорах банков с управлениями Роспотребнадзора апелляционные суды заняли одинаковую позицию: в тексте согласия на обработку персональных данных необходимо указать лиц, которым оператор вправе их передавать [10, 11, 12]. Кроме того, стоит отметить, что положения части 3 статьи 6 Закона о персональных данных, устанавливающие правовые основания поручения третьему лицу действий по обработке персональных данных, содержат формулировку о необходимости получения оператором согласия, предусматривающего возможность осуществления обработки персональных данных конкретным третьим лицом, что также исключает возможность получения согласия, содержание которого сформулировано по групповому признаку [13]. Банк России в согласованной позиции с Роскомнадзором отмечает, что наилучшей практикой при передаче персональных данных третьим лицам, будет являться получением согласия на поручение обработки персональных данных каждому другому лицу посредством оформления отдельного документа применительно к каждому лицу [14].

Таким образом перед использованием «облачной» технологии, в случаях, когда речь идет о работе с данными физических лиц (клиентов, работников компаний) необходимо наличие отдельного согласие субъекта персональных данных на передачу его данных третьему лицу – владельцу CRM платформы. Использование облачной CRM системы или изменения провайдера, в рассматриваемом в указанном примере случае, организации потребуется получить новое согласие всех субъектов персональных данных сведения, о которых предполагается загружать в такую систему. И если речь идет о десятках, сотнях или тысячах персон и возможной труднодоступностью части из них вопрос выбора современного удобного и относительно недорогого решения делается невозможным или ложится на противоположную чашу весов с принятием риска нарушения законодательства.

Выводы

Принимая во внимание цели формирования в Российской Федерации общества знаний, развитие цифровой экономики, построение электронного государства на основе требований информационной безопасности [15], очевидным видится необходимость совершенствования законодательства о персональных данных в отношении облачных технологий. Одним из таких решений могло бы стать наделение владельцев облачных платформ специальным правовым статусом, при котором передача персональных данных субъекта в технически аттестованную ФСТЭК России облачную платформу CRM вне зависимости от того получает владелец платформы доступ к данным или нет не требовало бы получение дополнительного согласия субъекта, с одновременным повышением ответственности владельцев таких платформ. В Российском законодательстве такие примеры уже существуют, в частности не требует согласия субъекта персональных данных передача сведений между кредитором и коллекторским агентством (часть 5 ст. 6 Закона О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задол-

женности и о внесении изменений в Федеральный закон "О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях").

И в заключении хотелось бы отметить, что в настоящее время финансовые организации уже предпринимают попытку либерализации аутсорсинга информационных технологий и облачных услуг, группой депутатов Государственной Думы Российской Федерации (А.Г. Аксаков, А.Н. Свистунов, О.В. Савченко, О.Д. Димов, А.В. Терентьев, В.С. Макаров, И.Н. Бабич; Сенаторы Российской Федерации Н.А. Журавлев, М.М. Ульбашев, С.Н. Рябухин, А.Д. Артамонов, Д.И. Оюн, Т.А. Сахарова) внесен законопроект № 404786-8 [16], который позволит финансовым организациям оптимизировать и повысить эффективность деятельности, сделать использование облачных технологий более доступным, но к сожалению указанный законопроект относится только к деятельности финансовых организаций и не учитывает потребности других участников рынка.

Список источников

1. Воробьев Д.В. Правовые проблемы трансграничной передачи персональных данных в рамках использования облачных технологий // Право и экономика. 2019. № 5. С. 45 – 53.
2. Иванов И.И. Правовые режимы трансграничной передачи данных в облачных вычислениях // Инновации в сфере информационных технологий: Сборник трудов конференции. 2020. С. 78 – 84.
3. Арстанов С.Р. Распределение ответственности между участниками облачных услуг // Информационное право. 2020. № 3. С. 12 – 17.
4. Петрова А.И. Технические аспекты защиты персональных данных в облачных вычислениях // Информационная безопасность. 2021. № 2. С. 34 – 41.
5. Кузнецова Е.В. Проблемы получения согласия на обработку данных в облачной среде // Правовая информатика. 2022. № 1. С. 17 – 24.
6. Смирнов А.Г. Особенности получения согласия в облачных технологиях // Актуальные вопросы цифрового права: Сборник статей. 2021. С. 78 – 85.
7. Соколов Д.В. Требования к форме согласия на обработку персональных данных в облачных сервисах // Правовые вызовы цифровизации: Сборник трудов конференции. 2022. С. 45 – 52.
8. Орлова Л.А. Актуальные вопросы формы согласия на обработку персональных данных в облачных системах // Информационное право. 2021. № 4. С. 27 – 33.
9. Особенности облачных CRM [Электронный ресурс] // Elma365. URL: <https://elma365.com/ru/articles/osobennosti-oblachnyh-crm/> (дата обращения: 01.03.2023)
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 января 2018 г. N 09АП-66369/2017 по делу N A40-155310/17 [Электронный ресурс] // СПС "КонсультантПлюс".
11. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 апреля 2018 г. N 11АП-4544/2018 по делу N A65-35933/2017 [Электронный ресурс] // СПС "КонсультантПлюс".
12. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 февраля 2018 г. N 13АП-34099/2017 по делу N A56-56720/2017 [Электронный ресурс] // СПС "КонсультантПлюс".
13. Письмо Банка России от 19.09.2022 N 59-3-2/40817.
14. Информационное письмо Банка России N ИН-06-59/57, Роскомнадзора N 08ЛА-48666 от 29.07.2021 "О согласии заемщиков на обработку их персональных данных".
15. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // «Собрание законодательства РФ». 15.05.2017. № 20. ст. 2901.
16. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 404786-8 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 01.03.2023).
17. Алимов Э.В., Алимова Д.Р., Гаджиев Х.И. и др. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2020. 176 с.

References

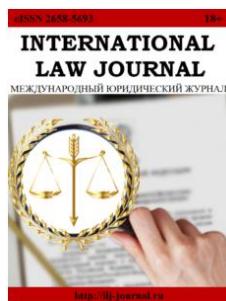
1. Vorobyov D.V. Legal issues of cross-border transfer of personal data in the framework of the use of cloud technologies. Law and Economics. 2019. No. 5. P. 45 – 53.
2. Ivanov I.I. Legal regimes of cross-border data transfer in cloud computing. Innovations in information technology: Collection of conference papers. 2020. P. 78 – 84.

3. Arstanov S.R. Distribution of responsibility between participants in cloud services. Information law. 2020. No. 3. P. 12 – 17.
4. Petrova A.I. Technical aspects of personal data protection in cloud computing. Information security. 2021. No. 2. P. 34 – 41.
5. Kuznetsova E.V. Problems of obtaining consent to data processing in a cloud environment. Legal informatics. 2022. No. 1. P. 17 – 24.
6. Smirnov A.G. Features of obtaining consent in cloud technologies. Current issues of digital law: Collection of articles. 2021. P. 78 – 85.
7. Sokolov D.V. Requirements for the form of consent to the processing of personal data in cloud services. Legal challenges of digitalization: Collection of conference papers. 2022. P. 45 – 52.
8. Orlova L.A. Current issues of the form of consent to the processing of personal data in cloud systems. Information law. 2021. No. 4. P. 27 – 33.
9. Features of cloud CRM [Electronic resource]. Elma365. URL: <https://elma365.com/ru/articles/osobennosti-oblachnyh-crm/> (date accessed: 01.03.2023)
10. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated January 22, 2018 No. 09AP-66369/2017 in case No. A40-155310/17 [Electronic resource]. SPS "ConsultantPlus".
11. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated April 28, 2018 No. 11AP-4544/2018 in case No. A65-35933/2017 [Electronic resource]. SPS "ConsultantPlus".
12. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated February 20, 2018 No. 13AP-34099/2017 in case No. A56-56720/2017 [Electronic resource]. SPS "ConsultantPlus".
13. Letter of the Bank of Russia dated September 19, 2022 No. 59-3-2/40817.
14. Information letter of the Bank of Russia No. IN-06-59/57, Roskomnadzor No. 08LA-48666 dated July 29, 2021 "On the consent of borrowers to the processing of their personal data".
15. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030". "Collection of Legislation of the Russian Federation". 15.05.2017. No. 20. Art. 2901.
16. Draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" No. 404786-8 [Electronic resource]. System for Ensuring Legislative Activity. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (date accessed: 01.03.2023).
17. Alimov E.V., Alimova D.R., Gadzhiev H.I. et al. Data Protection: Scientific and Practical Commentary on Judicial Practice. ed. V.V. Lazarev, H.I. Gadzhiev. M.: IZiSP, CONTRACT, 2020. 176 p.

Информация об авторе

Давыдова С.В., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия,
davymoka@gmail.com

© Давыдова С.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.132
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-96-100

Сравнение уголовного процесса в России и США

¹ Зудаева В.В., ¹ Штылев Н.С., ² Ербаева Л.Л.,
¹ Восточно-Сибирский институт МВД России,
² Иркутский национальный исследовательский технический университет

Аннотация: данная статья посвящена сравнительно-правовому анализу уголовного законодательства в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки. Цель исследования – выявить основные различия уголовного процесса в Соединенных Штатах Америки и России. Актуальность работы обусловлена необходимостью понимания ключевых различий в уголовных процессах стран-соперников для выявления сильных и слабых сторон каждой из систем, а также для определения возможных путей совершенствования законодательства Российской Федерации. В ходе исследования подробно рассматриваются задачи и цели законодательства, а также проблематика в законодательстве обеих стран. Особое внимание уделяется следующим аспектам: механизмам расследования преступления, а также участникам уголовного процесса, включающих в себя судей, адвокатов, прокуроров и следователей. Анализируется влияние исторических и культурных факторов на формирование и развитие уголовного процесса в каждой из стран. Подробно рассматриваются ключевые этапы уголовного судопроизводства в Соединенных Штатах Америки и России, начиная с момента возбуждения уголовного дела, заканчивая вынесением судебного решения. Проводится сравнительная характеристика уголовного законодательства России и Соединенных Штатов Америки. Автором статьи делается вывод о необходимости единого нормативного акта, снижающего правовые коллизии и способствующего более эффективному правоприменению.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный процесс, законодательство, анализ, суд, ответственность

Для цитирования: Зудаева В.В., Штылев Н.С., Ербаева Л.Л. Сравнение уголовного процесса в России и США // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 96 – 100. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-96-100

Поступила в редакцию: 8 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Comparison of criminal procedure in Russia and the United States

¹ Zudaeva V.V., ¹ Shtylev N.S., ² Erbaeva L.L.,
¹ East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
² Irkutsk National Research Technical University

Abstract: this article is devoted to a comparative legal analysis of criminal legislation in the Russian Federation and the United States of America. The purpose of the study is to identify the main differences in the criminal process in the United States of America and Russia. The relevance of the work is due to the need to understand the key differences in the criminal processes of the rival countries to identify the strengths and weaknesses of each system, as well as to identify possible ways to improve the legislation of the Russian Federation. The study examines in detail the tasks and goals of legislation, as well as the problems in the legislation of both countries. Particular attention is paid to the following aspects: the mechanisms of investigation of an offence, as well as the participants in the criminal process, including judges, lawyers, prosecutors and investigators. The influence of historical and

cultural factors on the formation and development of criminal procedure in each country is analysed. The key stages of criminal proceedings in the United States and Russia are examined in detail, from the initiation of a criminal case to the delivery of a judgement. A comparative characteristic of the criminal legislation of Russia and the United States of America is carried out. The author of the article concludes that there is a need for a unified normative act that reduces legal conflicts and promotes more effective law enforcement.

Keywords: criminal law, criminal procedure, legislation, analysis, court, responsibility

For citation: Zudaeva V.V., Shtylev N.S., Erbaeva L.L. Comparison of criminal procedure in Russia and the United States. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 96 – 100. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-96-100

The article was submitted: May 8, 2024; Approved after reviewing: July 10, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Человек, совершивший преступление, должен нести за это ответственность. Российское законодательство для решения вопроса об ответственности за данные преступные деяния создало Уголовный кодекс, в котором дают перечень преступных деяний и виды, и сроки ответственности, а также Уголовно-процессуальный кодекс, который устанавливает порядок привлечения к уголовной ответственности, не противоречащий Конституции. Правительство США для решения этого вопроса не устанавливает единого нормативно-правового акта, распространённого на всю территорию США, наоборот к источникам уголовного права относятся Конституция США 1787 года, с помощью которой конгресс определяет является ли действие лица преступным, Титул 18 Свода законов США от 1948 года, представляющего из себя общую часть уголовного права, и еще одним нормативно-правовым актом, который не действует, но служит для наглядности, с его помощью можно будет вести уголовное дело по образцу, называется Примерный уголовный кодекс 1962 года, Билль о правах человека и Уголовные кодексы штатов, в каждом штате действует свое уголовное законодательство [8]. Большое количество источников уголовного права создает проблему в классификации преступления и действия закона в пространстве. Стоит начать сравнение уголовного законодательства с понятия «преступление». Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания [9], законодательство США в свою очередь разъяснения о понятии не дает.

Материалы и методы исследований

Законодательные органы штатов вместе с Конгрессом США принимают и устанавливают правовые нормы, тем самым образуя статутное право, которое является особым для американского права, определяемое и применяемое судами. В окружные суды США существуют федеральные правила уголовного процесса, занимающие особо важное место в системе права и учитывающие возможность коллизии процессуального права, дающие определенную свободу судьям [7, 110]. Законодательные органы на основе делегируемых полномочий существенно подняли роль административного права. Также не менее существенную роль в уголовно-процессуальной системе занимает обычай, созданные в силу сложившейся судебной практики. Институты права справедливости, появившиеся в Англии для того, чтобы решать вопросы, к которым нет необходимой нормы. Придумали суд справедливости, и до сих пор он играет роль источника уголовно-процессуального права.

Результаты и обсуждения

Рассматривая вопрос об источниках уголовно-процессуального права в США, определённых на федеральном уровне, относятся законодательство, судебный прецедент, а также административные нормы, обычаи судебной практики и институт справедливости, но несмотря на всю обобщенность права, не существует единой правовой системы, только федеральная и система пятидесяти штатов, в каждом из которых есть своя Конституция, регламентирующая вопросы уголовного права, а также иные законодательные акты, регламентирующие определенно-точные вопросы уголовного судопроизводства.

Что касается российской системы уголовного судопроизводства, то тут дела обстоят ненамного проще, в уголовно-процессуальном кодексе статья 1 гласит о том, что порядок уголовного судопроизводства устанавливается Настоящим Кодексом и действующий территории Российской Федерации, опирающийся на Конституцию страны. Так же к источникам уголовного процесса относятся международные договоры и нормы с общепризнанными принципами, которые так же регулируют уголовное право и являются составной частью. И ко всему этому, это еще не исчерпывающий перечень нормативных источников, так же включаются нормы подзаконных нормативно-правовых актов от Президента России, Правительства Рос-

сийской Федерации, Следственного Комитета России, Министерства Внутренних Дел России, Федеральной Службы Безопасности России, Министерства юстиции и Генеральной прокуратуры России. Вопрос о включении права подзаконных нормативных актов в систему источников уголовно-процессуального права носит дискуссионный характер и много ученые пока не сходятся в мнении на этот счет. Еще одним нерешенным вопросом юридического статуса являются решения Конституционного Суда Российской Федерации и постановления Пленума Верховного Суда, но несмотря на это и опираясь на судебную практику при решение уголовных дел, многие суды опираются на эти источники, так как они дают расшифровку и определение тех или иных вопросов, тем самым регулируя процесс судопроизводства.

К органам, осуществляющим уголовное судопроизводство в США, относятся:

1) полиция – федеральные правоохранительные органы, полиция штата, округа и муниципальная полиция. В этой четырехуровневой системе отсутствует иерархическая связь, так как у каждого уровня имеет определенные пределы полномочий и ограничена территориально [4, с. 105].

2) органом, контролирующим работу полиции и занимающим обвинением является Королевская служба преследования.

3) органом, руководящим и контролирующим службу преследования, занимается высшее должностное лицо- Генеральная атторнея.

4) должностным лицом, назначенное местным самоуправлением является Коронер.

5) суд магистрата рассматривается в качестве суда первой инстанции по незначительным преступным действиям.

6) окружные суды рассматривают дела, которые до этого рассматривали магистраты о преступлениях и осуществляющие апелляционное производство по делам.

7) повторные судебные разбирательства осуществляет. Апелляционный суд по тем процесса, который раньше рассмотрел окружной суд.

8) высшей судебной инстанцией, которая принимает итоговое решение по делам, прошедший предыдущие инстанции завершает Верховный Суд Соединенных Штатов Америки.

В российском уголовном судопроизводстве согласно уголовно-процессуальному законодательству участниками выступают следующие лица:

1) основным является непосредственно суд любой общей юрисдикции, который рассматривает дело по существу и выносит решения согласно уголовному законодательству Российской Федерации, только он правомочен признать лицо виновным и применить к нему принудительные меры наказания [10].

2) к участникам со стороны обвинения относятся: прокурор, следователь и его руководитель, органы дознания, начальник подразделения и органа дознания, сам дознаватель, потерпевший так же выступает на стороне обвинения, частный обвинитель, гражданский истец, и представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя [5, с.42].

3) сторона защиты включает в себя обвиняемого, подсудимого, защитник, гражданский ответчик и представители вышеупомянутых лиц [2, с.98].

4) помимо трех вершин уголовного процесса так же существуют иные участники уголовного процесса, которые служат источником для доказательства информации или же привлекаются для оказания помощи, такими лицами выступают свидетель, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, эксперт, специалист, переводчик и понятой.

5) несмотря на исчерпывающий перечень участников уголовного процесса, в уголовно-процессуальном кодексе с учетом состязательности сторон, выделяются в науке иные участники, с учетом законодательной регламентации более 100 участников, например: государственный обвинитель (п. 6 ст. 5 ч. 2 ст. 246), судебный пристав (ч.7 ст. 113), близкие лица (п. 3 ст. 5), психолог (ст. 191), адвокат свидетеля (п. 5 ч. 4, ст. 56) , поручитель (ч. 3, ст. 103) и др.

Рассматривая уголовно-процессуальное право, следует выделить основные этапы, которые включают в себя:

1) предварительное расследование, в котором следователь или дознаватель собирают доказательства, опрашивают свидетелей, осуществляют следственные действия, оперативно –розыскные мероприятия для выяснения обстоятельств уголовного дела [6].

2) если следователь уверен, что доказательств для предъявления достаточно, то дело предъявляется обвинение и материалы направляются в суд [3].

3) на судебном заседании выставляются аргументы стороны защиты и обвинения, приглашаются и допрашиваются свидетели, суд рассматривает доказательства, по всему этому принимает решение и определяет виновность подсудимого, вынося ему приговор.

4) вынесенное судебное решение может быть оправдательным или обвинительным.

5) после вынесения приговора, судебное решение может быть обжаловано сторонами защиты и обвинения в суде вышестоящих инстанциях [1].

Судебный процесс в США схож с процессом в России, подозреваемое лицо задерживают полиция, ФБР или АНБ, временно лишают его свободы до предъявления официального обвинения, добросовестное признание может быть получено в течении шести часов, после истечения времени вопрос о добросовестности можно поставить под сомнения. После ареста как было упомянуто выше, лицо уведомляют о предъявляемых ему обвинениях в присутствии судьи. Проводиться заседание большого жюри присяжных, где выносится решение о том, достаточно оснований для судебного процесса. Если достаточно, то проводиться судебный процесс с выступлением сторон защиты и обвинения перед судом, если обвиняемый хочет, то можно назначить присяжных. Следующим этапом, вынесение вердикта присяжными или судьей, и определяются меры наказания, если решение было обвинительного характера. Приговоренный имеет право на апелляцию в вышестоящем суде.

Выводы

Подводя итоги, сделаем вывод о том, что уголовно-процессуальное законодательство различных стран, можно прийти к выводу, что законодательство США и России имеется большая сильная нормативная база, имеется исчерпывающий перечень участников уголовного процесса, у которых есть свои права и обязанности, свои принципы уголовного процесса, а также регламентация этапов уголовного процесса. Существует значительные различия уголовного законодательства, такие как в России уголовное судопроизводство регламентировано единым нормативным актом – Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации, в США же дела обстоят по - другому и существует у них множество нормативно-правовых актов не только на федеральном уровне, но и на уровне штатов, что создает проблему правового регулирования, то, что в одном штате считается незаконным становиться легально в соседнем штате. Или же если рассматривать то, что в США заседание большого жюри исполняется в обязательном порядке, а также наличие присяжных, то российском законодательстве присяжные заседатели участвуют в уголовном судопроизводстве лишь при желании обвиняемого.

Исходя из этого обосновывается, что целесообразной необходимости нет во внедрении этих фактов в российское законодательство, так как для снижения уровня преступности и его регулирования необходим единый правовой акт, обладающий юридической силой на всей территории страны, а также раскрывающий и дающий четкие определения и классификации преступного деяния.

Список источников

1. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024.1008 с.
2. Каблуков И.В. Актуальные вопросы обеспечения достаточности доказательств и иных данных в уголовном процессе: дис. ...канд. юр. наук. Челябинск, 2023. 258 с.
3. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А.В. Смирнова. М.: КНОРУС, 2007. 992 с.
4. Курлович П.Н. Полиция в правоохранительной системе США // Вестник казанского юридического института МВД России. 2013. № 2 (12). С. 104 – 110.
5. Мельников В.Ю. Современные вопросы уголовного судопроизводства: моногр. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2021. 514 с.
6. Правоведение: сборник студенческих работ / ред. Ю. Крохина. Москва: Студенческая наука, 2012. Часть 2. 2121 с. (Вузовская наука в помощь студенту). Режим доступа: по подписке. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=214512> (дата обращения: 11.07.2024). ISBN 978-5-906419-80-4
7. Пешков М.А. Источники уголовно-процессуального права США// Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2000. № 1. С. 108 – 111.
8. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты: пер. с англ. / Сост. В.И. Лафитский; под ред. и со вступ. ст. О.А. Жидкова. М: Прогресс: Универс, 1993. 765 с.
9. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (УК РФ)
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024)

References

1. Lupinskaya P.A. Criminal Procedure Law of the Russian Federation: textbook. Ed. P.A. Lupinskaya, L.A. Voskobitova. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024.1008 p.
2. Kablukov I.V. Actual issues of ensuring sufficiency of evidence and other data in criminal proceedings: dis. ... candidate of legal sciences. Chelyabinsk, 2023. 258 p.
3. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Article-by-article. Under the general editorship of A.V. Smirnov. Moscow: KNORUS, 2007. 992 p.
4. Kurlovich P.N. Police in the US Law Enforcement System. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 2 (12). P. 104 – 110.
5. Melnikov V.Yu. Modern issues of criminal proceedings: monograph. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Science and Education Fund", 2021. 514 p.
6. Jurisprudence: collection of student works. ed. Yu. Krokhina. Moscow: Student Science, 2012. Part 2. 2121 p. (University science to help students). Access mode: by subscription. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=214512> (accessed: 11.07.2024). ISBN 978-5-906419-80-4
7. Peshkov M.A. Sources of Criminal Procedure Law of the USA. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2000. No. 1. P. 108 – 111.
8. The United States of America. Constitution and Legislative Acts: trans. from English. Comp. V.I. Lafitsky; edited and with introduction by O.A. Zhidkov. Moscow: Progress: Univers, 1993. 765 p.
9. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ (CC RF)
10. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 N 174-FZ (as amended on February 14, 2024)

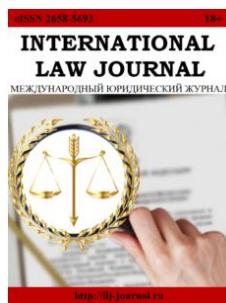
Информация об авторе

Зудаева В.В., старший преподаватель, Восточно-Сибирский институт МВД России, veronikaz2007@mail.ru

Штылев Н.С., Восточно-Сибирский институт МВД России

Ербаева Л.Л., старший преподаватель, Иркутский национальный исследовательский технический университет

© Зудаева В.В., Штылев Н.С., Ербаева Л.Л., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.122
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-101-105

Свобода договора в цифровом пространстве

¹ Латынин А.О.,
¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в данной статье рассматривается понятие свободы. Несмотря на то, что свобода является абсолютной ценностью и каждый человек обладает свободой по праву рождения, государство имеет в распоряжении некоторое количество инструментов, при помощи которых свобода человека может быть ограничена. Анализ современных источников литературы позволил сделать вывод о том, что с каждым годом правоотношения субъектов усложняются, что связано с их постепенным переносом в цифровую среду. Основная сложность заключается в том, что в цифровые правоотношения вмешиваются трети участники. Третьими лицами могут быть операторы связи, поставщики услуг и другие лица. С недавнего времени юридическая конструкция «правоотношение» была расширена. Изменения связаны с ускоренным развитием инновационных технологий и цифровизацией. Благодаря цифровизации появились новые формы взаимодействия между субъектами права (в настоящее время в цифровой среде могут быть подписаны различные виды договоров, в т. ч. дарения, купли-продажи и т.д.). Однако, одновременно, данный процесс определил возникновение большого количества неразрешенных вопросов, которые связаны с правовым регулированием цифровых правоотношений. На данный момент ни наука, ни государство не готовы дать однозначного ответа на большинство данных вопросов. Благодаря принципу свободы договора субъекты права имеют возможность самостоятельно определять содержание договора и подписывать договоры по собственной инициативе. Однако на законодательном уровне определено, что форма и содержание договора не могут противоречить установленным требованиям.

Ключевые слова: гражданское право; принцип свободы договора, гражданско-правовой договор, цифровое пространство, цифровизация, принцип частного права цифровой эпохи

Для цитирования: Латынин А.О. Свобода договора в цифровом пространстве // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 101 – 105. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-101-105

Поступила в редакцию: 8 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Freedom of contract in the digital space

¹ Latynin A.O.,
¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: this article examines the concept of freedom. Despite the fact that freedom is an absolute value and every person has freedom by birthright, the state has at its disposal a number of tools with which human freedom can be limited. An analysis of modern literature sources led to the conclusion that every year the legal relations of subjects become more complicated, which is associated with their gradual transfer to the digital environment. The main difficulty is that third parties interfere in digital legal relations. Third parties may include telecom operators, service providers and others. Recently, the legal construction of “legal relationship” has been expanded. The changes are associated with the accelerated development of innovative technologies and digitalization. Thanks to digitalization, new forms of interaction between legal entities have emerged (currently, various types of contracts can be signed in the digital environment, including donations, sales, etc.). However, at the same

time, this process has determined the emergence of a large number of unresolved issues that are related to the legal regulation of digital legal relations. At the moment, neither science nor the government is ready to give an unambiguous answer to most of these questions. Thanks to the principle of freedom of contract, subjects of law have the opportunity to independently determine the content of the contract and sign contracts on their own initiative. However, at the legislative level it is determined that the form and content of the agreement cannot contradict the established requirements.

Keywords: civil law; the principle of freedom of contract, civil law contract, digital space, digitalization, the principle of private law of the digital age

For citation: Latynin A.O. Freedom of contract in the digital space. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 101 – 105. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-101-105

The article was submitted: May 8, 2024; Approved after reviewing: July 11, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово «свобода».

III. Монтескье

Введение

Понятие свободы является многосложным, так как может использоваться для обозначения различных аспектов жизни индивида: экономического, личного, социального и политического. Каждое из перечисленных направлений включает несколько вторичных элементов [1].

Цифровые технологии прочно укоренились в большинстве сфер жизнедеятельности общества и играют важную роль в повышении качества жизни людей. В настоящее время благодаря цифровым технологиям удалось отказаться от большого количества рутинных обязанностей, а также обеспечить стабильный рост экономики. В современном мире мы сталкиваемся с наличием инновационной технологической среды, в рамках которой также используется правовая система. По мере развития цифровых технологий сформировались принципиально новые условия, которые определили необходимости адаптации правовых институтов, в том числе и института договорных отношений.

Материалы и методы исследований

Учитывая распространенное мнение, можно сказать, что основным регулятором общественных отношений является именно право. Соответственно, урегулированной нормами права социальной свободой является правовая свобода. Благодаря правовой свободе очерчиваются границы позитивного поведения индивида в рамках общественных правоотношений [2, с. 5].

Согласно позиции А.И. Казамирова, свобода может быть представлена такими аспектами, как:

1. Внутренний аспект представлен свободой совести, которая может проявляться в виде свободы личного убеждения. Данный вид свободы приобретается посредством осуществления индивидом интеллектуальной деятельности. К данному аспекту также относят свободу чувств, выражения мнения, проявления симпатий относительно различных вопросов;

2. Внешний аспект проявляется в виде свободы личных интересов, предпочтений, выбора профессиональной деятельности. Внешний аспект ограничен возможностью причинения вреда и неудобств другим лицам [3, с. 20].

Переходя к рассмотрению вопроса развития института свободы в нашей стране, необходимо указать на то, что основные этапы развития в рамках философии и права приходятся на девятнадцатое столетие. В этот период времени начинается активное экономическое развитие. Только что сформированная система капиталистических взаимоотношений вступает в противоречие с институтом крепостного права. Увеличение давления на крестьянское сословие обусловило возникновение восстаний. Данные обстоятельства определили новую тенденцию – стремление критически оценить состояние крестьянского сословия в научной среде и среди дворянства. Инновационные идеи рождались среди умов, которые не были одержимы идеей самодержавия. В то же время государство активно стремилось предотвратить развитие общественной мысли. Концепция просвещенного абсолютизма начинает развиваться в условиях приспособления естественного права к сложившейся государственной системе управления [1].

Исследование мировых исторических источников позволяет сделать вывод о том, что свобода издавна рассматривается в качестве неотъемлемого права человека. В западных государствах понятие свободы

было интегрировано в систему право несколько раньше, нежели в России. Достаточно привести в качестве иллюстративных примеров такие нормативно-правовые акты, как: Билль о правах Великобритании (1689), Декларацию независимости США (1776) и т.д. С середины двадцатого столетия издается большое количество международных документов, в которых также подчеркивается значимость свободы человека (Устав ООН, 1945; Всеобщая Декларация прав человека, 1948 и т.д.).

Анализируя такие понятия, как «свобода» и «право», делаем заключение о том, что в научной литературе нет единой позиции исследователей относительно того, являются ли данные понятия синонимичными или нет.

Исследователь Е.А. Лукашев указывает на то, что изучение юридической природы позволяет установить тождественность между данными понятиями. Они могут быть представлены в виде социальных возможностей индивида, которые обеспечиваются государством. Данные возможности могут быть использованы в различных сферах общественной жизни [4, с. 132]. Схожая позиция обнаруживается в трудах цивилистов Е.И. Козловой, О.Е. Кутафина. Авторы считают, что исследуемые понятия используются для обозначения признанной юридической точки зрения возможности субъектов самостоятельно выбирать модель поведения [5, с. 215].

Противоположной позиции придерживается О.В. Волкова. Автор считает, что свобода является более широким понятием. Дело в том, что возможности индивида, обозначаемые свободой, являются гораздо более объемными. В то же время правовая система конкретизирует и ограничивает свободу действия индивида [6, с. 6].

В рамках данного обзора представляется необходимым согласиться с позицией цивилистов, которые указывают на сложность разграничения исследуемых понятий. Дело в том, что оба эти понятия должны рассматриваться в качестве противостоящих понятию обязанности [1].

Анализируя литературные данные, можно сделать вывод о том, что понятие свободы используется для обозначения естественного блага человека. Такое благо не может иметь каких-либо иных ограничений, помимо законодательных ограничений и прав иных лиц. Обладая свободой, индивид имеет возможность самостоятельно выбирать собственное местонахождение, вероисповедание, позицию и т.д.

Перед тем, как приступить к анализу понятия свободы в цифровой среде, необходимо обратиться к проблеме правового регулирования цифровизации. Под цифровизацией необходимо понимать некий процесс, который опосредован использованием инновационных технологий. Данные технологии прочно укоренились в большинстве сфер жизнедеятельности общества. Они были необходимы с целью повышения качества жизни людей. В настоящее время благодаря цифровым технологиям удалось отказаться от большого количества рутинных обязанностей, а также обеспечить стабильный рост экономики [7, 8].

Цифровизация невозможна без использования Интернет-технологий. Именно глобальная сеть Интернет является основным условием существования всех правоотношений, которые складываются в цифровой среде. По сути, пользователи ЭВМ вступают в правоотношения друг с другом, что влечет за собой наступление неких правовых последствий. В настоящее время субъекты права имеют возможность осуществлять коммуникативное взаимодействие не только с частными субъектами, но и с государственными органами. По мере развития технологий часть правоотношений между государственными институтами и частными субъектами полностью была перенесена в Интернет-среду. Соответственно, отдельные виды цифровых правоотношений приобрели статус обязательных [8].

Со стороны государства было принято решение внедрить ряд цифровых технологий в экономическую деятельность. Например, одним из современных решений становится интеграция так называемого цифрового рубля. Представляется, что по истечении некоторого времени цифровой рубль будет повсеместно использоваться наравне с наличной и безналичной валютой. Учитывая особенности договорной деятельности, технология цифрового рубля позволит добиться ряда преимуществ, а именно: быстрое совершение транзакций; сокращение оборота наличных денежных средств; укрепление экономической безопасности; обеспечение прозрачности совершаемых операций; сокращение стоимости услуг банковско-кредитных учреждений [9, с. 5].

Для процесса цифровизации, который протекает в рамках системы договорного регулирования, характерно наличие ряда положительных и отрицательных моментов. К категории преимуществ можно отнести, например, исключение ошибок, допускаемых по причине наличия человеческого фактора. С другой стороны, существует также большое количество угроз: сложность отслеживания транзакций, проводимых при использовании криптовалюты, кибермошенничество и т.д. [10, с. 6-7]

Одним из основных принципов гражданского права является принцип свободы договора. Этот принцип регламентирован содержанием п. 2 ст. 1 ГК РФ.

Понятие свободы договора основано на таких базовых элементах, как:

- 1) субъекты права имеют возможность вступать в договорные отношения по собственной инициативе. Любые случаи принуждения обусловлены содержанием законодательных положений или наличием соответствующих обязательств, которые ранее были приняты субъектом на добровольных началах;
- 2) субъекты права имеют возможность включать в содержание договора любые положения при условии, что последние не противоречат требованиям законодательных норм;
- 3) субъекты права имеют возможность подписывать любые договоры при условии отсутствия противоречий с законодательными требованиями [11].

Законодателем также были разработаны отдельные правовые инструменты, которые ориентированы на обеспечение реализации принципа свободы договора. Одним из таких инструментов является ст. 179 ГК РФ, в соответствии с которой любые сделки могут быть признаны недействительными в том случае, если они были совершены обманным способом или при других неблагоприятных условиях.

На сегодняшний день некоторые субъекты правоотношений испытывают объективную необходимость использовать цифровые технологии с целью вступления в договорные отношения. Следует говорить о том, что некоторые виды правоотношений, существующих в рамках цифрового пространства, приобретают статус обязательных.

Результаты и обсуждения

Принимая во внимание информацию, которая представлена выше, можно сделать вывод о том, что основная проблематика правоотношений, которые формируются и существуют в рамках цифровой среды, заключается в наличии третьего субъекта. Таким третьим субъектом может являться, например, оператор связи, администратор и т.д. Третий субъект принимает на себя роль посредника в правоотношениях [8].

Благодаря цифровым технология была сформирована новая реальность, которая имеет большое количество отличий от реального мира. В современном мире мы сталкиваемся с наличием инновационной технологической среды, в рамках которой также используется правовая система. По мере развития цифровых технологий сформировались принципиально новые условия, которые определили необходимости адаптации правовых институтов. Институт договорных отношений не является исключением [12, с. 28].

С недавнего времени юридическая конструкция «правоотношение» была расширена. Изменения связаны с ускоренным развитием инновационных технологий и цифровизации. Благодаря цифровизации появились новые формы взаимодействия между субъектами права (в настоящее время в цифровой среде могут быть подписаны различные виды договоров, в т.ч. дарения, купли-продажи и т.д.). Однако, одновременно, данный процесс определил возникновение большого количества неразрешенных вопросов, которые связаны с правовым регулированием цифровых правоотношений. На данный момент ни наука, ни государство не готовы дать однозначного ответа на большинство данных вопросов.

Выводы

Подводя итоги, укажем, что свобода договора определяет возможности субъектам права ориентироваться на собственные стремления и потребности в момент подписания гражданско-правового договора. Такой договор может иметь оригинальное содержание, которое не может противоречить существующим требованиям законодательства.

Список источников

1. Строганова Н.И. Свобода человека: философская и правовая категория // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 297 – 301. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-cheloveka-filosofskaya-i-pravovaya-kategoriya> (дата обращения: 24.03.2024)
2. Волкова О.В. Личная свобода как объект уголовно-правовой охраны // Российский следователь. 2009. № 16. С. 5.
3. Казамиров А.И. Уголовно-правовая защита права человека на свободу: дис. ... канд. юрид. наук. Р., 2003. С. 20.
4. Права человека: учебник / Под ред. Е.А. Лукашева. М., 2001. С. 132.
5. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 1998. С. 215.
6. Волкова О.В. Личная свобода как объект уголовно-правовой охраны // Российский следователь. 2009. № 16. С. 6.
7. Дементьев Б.П. Цифровое пространство: проблемы и перспективы // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-prostranstvo-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 24.03.2024)

8. Провалинский Д.И. Правоотношения в условиях цифрового пространства // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravootnosheniya-v-usloviyah-tsifrovogo-prostranstva> (дата обращения: 24.03.2024)
9. Кучеров И.И. Отдельные вопросы финансово-правового регулирования цифровой экономики: цифровая валюта // Финансовое право. 2021. № 4. С. 5.
10. Авдеева И.Л. Цифровая трансформация экономических процессов: возможности и угрозы // Финансовый бизнес. 2020. № 1. С. 6 – 7.
11. Солонецкая Е.М. Принцип свободы договора // Наука, образование и культура. 2021. № 4 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora> (дата обращения: 25.03.2024)
12. Карцхия А.А. Цифровое право как будущее российской цивилистики // Право будущего: Интеллектуальная собственность, Инновации, Интернет: ежегодник / Отв. ред. Е.Г. Афанасьева. М.: ИНИОН РАН, 2018. Т. 1. С. 26 – 40.

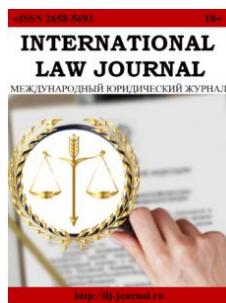
References

1. Stroganova N.I. Human freedom: a philosophical and legal category. Gaps in Russian legislation. 2012. No. 3. P. 297 – 301. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-cheloveka-filosofskaya-i-pravovaya-kategoriya> (date of access: 03/24/2024)
2. Volkova O.V. Personal freedom as an object of criminal-legal protection. Russian investigator. 2009. No. 16. P. 5.
3. Kazamirov A.I. Criminal-legal protection of the human right to freedom: dis. ... Cand. of Law. R., 2003. P. 20.
4. Human rights: textbook. Ed. E.A. Lukashev. M., 2001. P. 132.
5. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Constitutional law of Russia: textbook. M.: Prospect, 1998. P. 215.
6. Volkova O.V. Personal freedom as an object of criminal-legal protection. Russian investigator. 2009. No. 16. S. 6.
7. Dementyev B.P. Digital space: problems and prospects. Russia: trends and prospects of development. 2022. No. 17-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-prostranstvo-problemy-i-perspektivy> (date of access: 03/24/2024)
8. Provalinsky D.I. Legal relations in the digital space. Law and state: theory and practice. 2022. No. 12 (216). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravootnosheniya-v-usloviyah-tsifrovogo-prostranstva> (date accessed: 24.03.2024)
9. Kucherov I.I. Certain issues of financial and legal regulation of the digital economy: digital currency. Financial law. 2021. No. 4. P. 5.
10. Avdeeva I.L. Digital transformation of economic processes: opportunities and threats. Financial business. 2020. No. 1. P. 6 – 7.
11. Solonetskaya E.M. Principle of freedom of contract. Science, education and culture. 2021. No. 4 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora> (date accessed: 25.03.2024)
12. Kartskhia A.A. Digital law as the future of Russian civilistics. Law of the future: Intellectual property, Innovations, Internet: yearbook. Responsible. ed. E.G. Afanasyeva. Moscow: INION RAS, 2018. Vol. 1. P. 26 – 40.

Информация об авторе

Латынин А.О., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

© Латынин А.О., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.4
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-106-111

К вопросу об отличительных особенностях правоотношений по поводу доверительного управления имуществом закрытого паевого инвестиционного фонда

¹Горин Д.В.,
¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу правоотношений по поводу доверительного управления имуществом закрытого паевого инвестиционного фонда, направленному на выявление отличительных черт данных правоотношений от классического доверительного управления, осуществляемого за рамками конструкции паевого инвестиционного фонда. Автором способытся правовое регулирование и теоретические изыскания в отношении доверительного управления закрытым паевым инвестиционным фондом и классического доверительного управления имуществом, по результатам чего формулируются выводы о наличии различий в структуре правоотношений по поводу доверительного управления между указанными правовыми конструкциями. В работе аргументируется содержание данных различий, а также предлагаются их классификация в зависимости от определенного признака (аспекта) правоотношений по поводу доверительного управления имуществом.

Ключевые слова: паевой инвестиционный фонд, закрытый паевой фонд, доверительное управление, управляющая компания, пайщики, особенности паевых фондов, классическое доверительное управление, структура доверительного управления

Для цитирования: Горин Д.В. К вопросу об отличительных особенностях правоотношений по поводу доверительного управления имуществом закрытого паевого инвестиционного фонда // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 106 – 111. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-106-111

Поступила в редакцию: 8 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

On the issue of the distinctive features of legal relations regarding the trust management of the property of a closed-end mutual investment fund

¹Gorin D.V.,
¹Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of legal relations regarding the trust management of the property of a closed mutual investment fund, aimed at identifying the distinctive features of these legal relations from the classical trust management carried out outside the framework of the design of a mutual investment fund. The author provides legal regulation and theoretical research in relation to the trust management of a closed-end mutual investment fund and classical trust management of property, as a result of which conclusions are formulated about the presence of differences in the structure of legal relations regarding trust management between these legal structures. The paper argues for the content of these differences, and also suggests their classification depending on a certain feature (aspect) of legal relations regarding the trust management of property.

Keywords: mutual investment fund, closed-end mutual fund, trust management, management company, shareholders, features of mutual funds, classical trust management, structure of trust management

For citation: Gorin D.V. On the issue of the distinctive features of legal relations regarding the trust management of the property of a closed-end mutual investment fund. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 106 – 111. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-106-111

The article was submitted: May 8, 2024; Approved after reviewing: July 12, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Цель исследования – определить отличия доверительного управления имуществом закрытого паевого инвестиционного фонда от стандартного доверительного управления имуществом, осуществляемого за рамках конструкции закрытого паевого инвестиционного фонда.

Задачи – проанализировать законодательство и научную литературу в целях установления наличия и существа отличительных особенностей правоотношений по поводу доверительного управления имуществом в рамках закрытого паевого инвестиционного фонда от правоотношений по поводу ординарного доверительного управления, вне рамках конструкции паевого инвестиционного фонда.

Гипотеза – особенности законодательного регулирования деятельности закрытого паевого инвестиционного фонда и существование складывающихся в рамках данной правовой конструкции правоотношений позволяет судить о наличии ряда различий между содержанием правоотношений по поводу доверительного управления имуществом закрытого паевого инвестиционного фонда от классического доверительного управления. Такие различия заключаются в особенностях объекта доверительного управления, особенностях заключения и определения условий договора доверительного управления, особенностях субъектного состава правоотношений по поводу доверительного управления, а также особенностях определения дополнительной ответственности по обязательствам, вытекающим из деятельности по поводу доверительного управления имуществом.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы и законодательства.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, и научная литература.

Результаты и обсуждения

Современный экономический оборот предполагает участие в нем свободных собственников принадлежащего им имущества, которыми принимаются на себя риски, связанные с возможностью лишения либо уменьшения размера такого имущества в связи с неисполнением либо неналежащим исполнением обязательств [1]. Нивелирование подобного риска предполагает грамотное структурирование схемы владения активами со стороны представителей бизнеса, в том числе с помощью конструкции закрытого паевого инвестиционного фонда (далее также – ЗПИФ), за счет чего может быть исключен или значительно снижен уровень имущественной ответственности по обязательствам, связанным с использованием имущества в коммерческой деятельности, а также повышаться общий уровень юридической защищенности имущества от возможных неправомерных посягательствах на него.

В то же время перспективность конструкции закрытого паевого инвестиционного фонда во многом основывается на эффективном использовании договора доверительного управления, предполагающего наделение профессионального участника рынка – управляющей компании паевым инвестиционным фондом – полномочиями по владению, пользованию и распоряжению имуществом, переданным в управление, что является отечественным прототипом конструкции расщепленной собственности, известной англоамериканским правопорядком под термином «траст» (англ. trust – доверие) [2].

Несмотря на то, что доверительное управление является более общим гражданско-правовым институтом, регулируемым главой 53 ГК РФ [3], использование данного договорного механизма в периметре правоотношений по поводу функционирования закрытого паевого инвестиционного фонда, влечет возникновение определенных отличительных особенностей в структуре договорных правоотношений между учредителем доверительного управления (бенефициаром), управляющим и третьими лицами.

Настоящая работа направлена на выявление и классификацию основных аспектов, отличающих доверительное управление имуществом в рамках конструкции ЗПИФ от ординарного доверительного управления. Представляется, что такие отличительные черты могут быть поделены на группы, среди которых:

- 1) особенности объекта доверительного управления;
- 2) особенности заключения договора доверительного управления и его условий;
- 3) особенности субъектного состава договорных отношений по поводу доверительного управления;

4) особенности ответственности доверительного управляющего по обязательствам, возникшим в связи с управлением имуществом.

Так, рассматривая первую группу особенностей, следует отметить, что положения гражданского законодательства, а именно ст. 1013 ГК РФ, устанавливают общее правило о том, что объектом доверительного управления не могут быть денежные средства. Многие авторы, поддерживающие данную идею, указывают на отсутствие у денежных средств непосредственных полезных потребительских свойств, а также на фактическую передачу права собственности на деньги путем их вверения доверительному управляющему, что следует из правовой природы денег [4].

В то же время данные доктринальские соображения полностью опровергаются положениями Закона об инвестиционных фондах [5], статья 13 которого прямо указывает на возможность передачи денежных средств в доверительное управление фонда, что наиболее распространено на практике.

Говоря об особенностях самого договора доверительного управления при его применении в рамках конструкции ЗПИФ или за рамками таковой, также можно судить о наличии некоторых отличительных особенностях данных механизмов, что следует из существа отношений по функционированию паевого инвестиционного фонда.

Прежде всего, договор об управлении имуществом в структуре закрытого паевого инвестиционного фонда может быть заключены только особым образом – путем присоединения к разработанной управляющей компанией фонда стандартной (типовой) договорной формы, без возможности внесения каких-либо изменений в неё, что следует из ч. 1 ст. 11 Закона об инвестиционных фондах. По этой причине договор доверительного управления имуществом паевого инвестиционного фонда квалифицируется в качестве договора присоединения (ст. 430 ГК РФ) [6].

Помимо особенностей способа заключения, ч. 6 ст. 11 Закона об инвестиционных фондах также предусматривает ряд специальных условий, которые обязательно должны содержаться в договоре доверительного управления имуществом паевого инвестиционного фонда. Применительно к ЗПИФ, это условие об отсутствии у учредителя долевого управления права требовать досрочного прекращения действия договора доверительного управления.

Очевидно, что за рамками ЗПИФ оформление договорных отношений по поводу доверительного управления имуществом и само содержание договора доверительного управления, напротив, лишено подобных свойств и требований – в силу общего принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ) стороны могут любым способом заключить договор, свободно определив его условия, а также согласовать право учредителя доверительного управления на отказ (расторжение) данного договора в любой момент времени, как это предусмотрено абз. 6 п. 1 ст. 1024 ГК РФ.

Не менее яркой и позитивной особенностью правоотношений по поводу доверительного управления в рамках ЗПИФ и за его рамками, является особенность субъектного состава данных правоотношений, а также содержания некоторых прав и обязанностей его сторон.

В первую очередь, следует признать наличие особого правового положения учредителей доверительного управления в рамках конструкции ЗПИФ, что объясняется как способом формальной объективизации их статуса, так и набором правомочий последних, чего не наблюдается у учредителей долевого управления за рамками механизма ЗПИФ [7].

Так, передавая имущество в доверительное управление управляющей компании ЗПИФ, учредитель управления не просто приобретает договорную позицию (ряд прав и обязанностей) по отношению к управляющей компании, но и также получает особый статус владельца ценной бумаги в виде пая, становясь соответственно пайщиком закрытого паевого инвестиционного фонда.

Иными словами, передача имущества в доверительное управление ЗПИФ в силу особенностей его конструкции возможна только путем осуществления своего рода «обмена» данного имущества на получение пая, то есть положения лица, обладающего набором прав, вытекающим из ценной бумаги. Иной способ правовой фиксации статуса учредителей доверительного управления имуществом ЗПИФ закон не предлагает, в связи с чем следует отметить эксклюзивность подобного оформления правоотношений.

Продолжая анализ особенностей правоотношений в рамках ЗПИФ, связанных с приобретением паев, следует отметить, что на стороне учредителей доверительного управления в рамках ЗПИФ, как правило, имеет место множественность лиц, что объясняется преобладающей практикой применения ЗПИФ как эффективного института коллективного инвестирования.

При этом, следует отметить, что появление множественности на стороне учредителей доверительного управления, то есть множественности пайщиков, передавших свое имущество в доверительное управление ЗПИФ, влечет возникновение таких специфических правовых последствий, как объединение (смешение)

имущества всех учредителей доверительного управления, а также формирование гражданско-правового сообщества пайщиков закрытого паевого инвестиционного фонда [8].

Так, первая особенность, касающаяся обединения имущества пайщиков, заключается в том, что, несмотря на общее обособление имущества, переданного в управление ЗПИФ, от третьих лиц, внутри самого закрытого паевого инвестиционного фонда данное имущество никак не обособляется, а скорее смешивается друг с другом, образуя единую имущественную массу без установления принадлежности конкретного объекта конкретному пайщику, который имеет право только на долю во всем абстрактном имуществе ЗПИФ.

Иными словами, пайщик, внесший вклад в имущество ЗПИФ в виде денежных средств и пайщий, внесший принадлежащую ему недвижимость, отныне перестают быть непосредственными собственниками данных объектов на 100%, а лишь признаются долевыми собственниками всего имущественного комплекса ЗПИФ пропорционально стоимости внесенных ими вкладов. Такое положение вещей не свойственно для классического доверительного управления, не осложненного механизмом ЗПИФ, поскольку обычно доверительный управляющий заключает отдельные договоры с различными учредителями управления, соответственно не объединяя их имущество в единый имущественный пул.

Далее, следует отметить, что вступление пайщиков в правоотношения по поводу приобретения паев ЗПИФ неминуемо влечет возникновение ряда правоотношений корпоративного свойства. Это объясняется тем, что при приобретении паев ЗПИФ различными лицами, между последними образуется определенная общность интересов, в силу которой закон признает всех пайщиков гражданско-правовым сообществом, способным принимать определенные управленческие решения, обязательные для всех иных членов такого сообщества [9].

Так, ст. 18 Закона об инвестиционных фондах прямо предусматривает возможность проведения собрания пайщиков ЗПИФ в целях решения ряда вопросов, касающихся управления имуществом, составляющим ЗПИФ – например, утверждать или изменять единые для всех пайщиков правила доверительного управления, разрешать вопросы о прекращении действия либо о продлении срока действия закрытого паевого инвестиционного фонда и так далее. Как было отмечено ранее, для ординарного доверительного управления передача имущества происходит только стороне по соответствующему договору доверительного управления, что предполагает возникновение относительных договорных правоотношений, не осложненных наличием статуса гражданско-правового сообщества на стороне учредителей управления.

Завершая анализ особенностей субъектного состава правоотношений по поводу доверительного управления имуществом ЗПИФ, следует отметить, что Закон об инвестиционных фондах устанавливает ряд особых (квалифицирующих) требования к фигуре доверительного управляющего фондом.

Прежде всего, согласно ст. 38 Закона об инвестиционных фондах управляющим паевого инвестиционного фонда может быть только юридическое лицо в организационно-правовой форме акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью, в то время как общие нормы ст. 1015 ГК РФ устанавливают общее правило о том, что роль доверительного управляющего может выполнять индивидуальный предприниматель.

Кроме того, нормы главы VIII Закона об инвестиционных фондах устанавливают ряд требований к самой управляющей компании, составу её имущества, ограничениям и требованиям к учредителям такой компании, ограничениям и требованиям к совершению сделок с долями (акциями) управляющей компании и так далее. Применительно к стандартному доверительному управлению, наличие подобных ограничений ни ГК РФ, ни иными нормативными актами, не установлено.

Наконец, последним отличительным признаком конструкции доверительного управления имуществом ЗПИФ от обычного доверительного управления является установление законом различной степени ответственности доверительного управляющего по обязательствам, возникшим в связи с управлением имуществом, что непосредственно влияет как на эффективность и надежность данной договорной конструкции для учредителя управления, так и на соблюдения прав и интересов третьих лиц.

Так, общее правило п. 3 ст. 1022 ГК РФ устанавливает, что долги по обязательствам, возникшим из доверительного управления имуществом, полагаются за счет такого имущества, затем, при недостаточности такого имущества – за счет личного имущества доверительного управляющего, а уже при отсутствии имущества последнего – за счет любого иного имущества учредителя доверительного управления, даже не переданного в доверительное управление.

Иными словами, в ординарном доверительном управлении имуществом модель ответственности по обязательствам строится по следующей цепочке: «имущество, переданное в управление – доверительный управляющий – учредитель управление», что во многом лишает эффективности данный инструмент, поз-

воляя всем третьим лицам (контрагентам) в любом случае претендовать на личное имущество учредителя доверительного управления.

В отличие от этого, Закон об инвестиционных фондах в п. 2 ст. 16 устанавливает, что при недостаточности имущества паевого инвестиционного фонда для погашения задолженности в связи с его деятельностью, такие долги погашаются за счет личного имущества управляющей компании фондом, не предусматривая при этом возможности обратить взыскание на имущество учредителя доверительного управления (пайщика). Такое регулирование объясняется наличием, как было указано ранее, значительных требований и ограничения для управляющей компании паевым инвестиционным фондом и её деятельности, что направлено на поддержание её собственной платежеспособности и, следовательно, возможности удовлетворения требований кредиторов по непокрытым обязательствам ЗПИФ.

Таким образом, можно утверждать о наличии ряда отличительных особенностей в системе отношений по поводу доверительного управления имуществом ЗПИФ по сравнению с общим доверительным управлением имуществом на договорных началах между учредителем управления и доверительным управляющим.

Выходы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Установлено, что конструкция доверительного управления имуществом в рамках ЗПИФ существенно отличается по ряду признаков от обыкновенного доверительного управления имуществом, регулируемым положениями главы 53 ГК РФ.

Предложена классификация разновидностей отличий доверительного управления имуществом ЗПИФ от классического доверительного управления по следующим группам признаков:

- 1) особенности объекта доверительного управления;
- 2) особенности заключения договора доверительного управления и его условий;
- 3) особенности субъектного состава договорных отношений по поводу доверительного управления;
- 4) особенности ответственности доверительного управляющего по обязательствам, возникшим в связи с управлением имуществом.

Продемонстрировано, что конструкция ЗПИФ позволяет передавать в управление имущество, недоступное для классического доверительного управления – например, денежные средства.

Обосновано, что договор доверительного управления имуществом в рамках ЗПИФ обладает особенностями его заключения – только в порядке присоединения к стандартной форме, а также особенностями содержания условий такого договора – закон устанавливает ряд требований к содержанию условий такого договора, которые не свойственным для классического доверительного управления имуществом.

Аргументировано наличие особенностей субъектного состава в правоотношениях по поводу доверительного управления имуществом в рамках ЗПИФ, отличающих данную конструкцию от обычного доверительного управления. Во-первых, это появление гражданско-правового сообщества в виде множества учредителей доверительного управления, получающих права на ценные бумаги (паи), имущество которых объединяется в единый имущественный комплекс (фонд). Во-вторых, закон устанавливает особые требования для доверительного управляющего (управляющей компании) ЗПИФ – требования к собственному капиталу, ограничения и требования к учредителям, к порядку совершения сделок с долями (акциями) управляющей компании и так далее.

Констатировано существенное различие между объемом и степенью ответственности по обязательствам в рамках классического доверительного управления и в рамках управления имуществом ЗПИФ. В первом случае недостаточность имущества, переданного в управление вкупе с недостаточностью собственного имущества доверительного управляющего, приводит к возложению ответственности на учредителя доверительного управления, в то время как в рамках ЗПИФ учредитель управления не выступает конечным ответственным лицом, которым во всех случаях является управляющая компания, как правило, обладающая значительным собственным капиталом для погашения требований кредиторов фонда.

Список источников

1. Суханов Е.А. Предприятие и юридическое лицо // Хозяйство и право. 2004. № 7. С. 3 – 11.
2. Беневоленская З.Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства: монография. М. Проспект. 2017. С. 134-135.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. N 5. ст. 410.
4. Фокина Н.А. Деньги и денежные средства как объекты доверительного управления: проблемы правового регулирования // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 4. С. 366 – 368.

5. Федеральный закон от 29.11.2001 N 156-ФЗ "Об инвестиционных фондах" // Парламентская газета. N 228. 04.12.2001.
6. Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений // Екб. Налоги и финансовое право. 2005. С. 177.
7. Зайцев О.Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом. М. Статут. 2007. С. 363 – 365.
8. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М. Проспект, 2019. С. 212.
9. Габов А.В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М. 2011. С. 301.

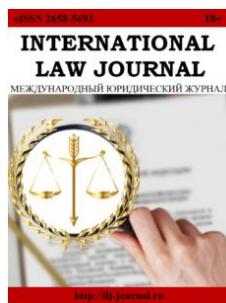
References

1. Sukhanov E.A. Enterprise and legal entity. Business and law. 2004. No. 7. P. 3 – 11.
2. Benevolenskaya Z.E. Trust management of property in the sphere of entrepreneurship: monograph. M. Prospect. 2017. Pp. 134-135.
3. Civil Code of the Russian Federation (part two) of 01/26/1996 N 14-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 01/29/1996. N 5. Art. 410.
4. Fokina N.A. Money and monetary resources as objects of trust management: problems of legal regulation. Problems of Economics and Legal Practice. 2007. No. 4. P. 366 – 368.
5. Federal Law of November 29, 2001 N 156-FZ "On Investment Funds". Parliamentary Newspaper. N 228. December 4, 2001.
6. Pakhomova N.N. Civilistic Theory of Corporate Relations. Ekb. Taxes and Financial Law. 2005. P. 177.
7. Zaitsev O.R. Trust Agreement for a Mutual Investment Fund. M. Statut. 2007. P. 363 – 365.
8. Laptev V.A. Corporate Law: Legal Organization of Corporate Systems: Monograph. M. Prospect, 2019. P. 212.
9. Gabov A.V. Securities: Issues of Theory and Legal Regulation of the Market. M. 2011. P. 301.

Информация об авторе

Горин Д.В., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия,
dvgorin31@rambler.ru

© Горин Д.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.01
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-112-120

Дискуссионные вопросы уголовной ответственности юридических лиц

¹ Ершова К.А.,
¹ Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Аннотация: в статье исследуется понятие, признаки уголовной ответственности юридических, ее место в системе социальной ответственности и иных видов правовой ответственности. Теоретическое осмысление понятия, признаков и оснований уголовной ответственности юридических лиц позволит обогатить теорию права, понимание межотраслевых связей уголовного права, создаст перспективы для дальнейшего развития законодательства. Объектом исследования настоящей статьи выступают нормы гражданского и уголовного законодательства, устанавливающие понятие и признаки юридического лица, понятие преступления, основания уголовной ответственности. В работе исследованы нормы уголовного и гражданского права, работы по общей теории права. Проведен анализ понятия уголовной ответственности. Исследовано правовое поведение юридического лица. Предложены пути совершенствования действующего уголовного законодательства. Автор предлагает признаки, на основании которых возможно провести разграничение между преступлением, совершенным физическим и юридическим лицами. Помимо этого, предлагается определение состава преступления юридического лица. Обосновывается авторское понимание уголовной ответственности юридических лиц как комплексного межотраслевого института. Автор доказывает, что уголовная ответственность юридических лиц обладает динамикой, то есть способностью поэтапной реализации. В итоге автор статьи приходит к выводу о том, что уголовная ответственность юридических лиц является частным случаем социальной и правовой ответственности.

Ключевые слова: юридические лица, уголовная ответственность, межотраслевые связи, комплексный институт, общественно опасное деяние, состав преступления

Для цитирования: Ершова К.А. Дискуссионные вопросы уголовной ответственности юридических лиц // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 112 – 120. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-112-120

Поступила в редакцию: 10 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Controversial issues of criminal liability of legal entities

¹ Yershova K.A.,
¹ Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Abstract: the article examines the concept, signs of legal criminal liability, its place within social responsibility and other types of legal liability. Theoretical understanding of the concept, features and grounds of criminal liability of legal entities will enrich the theory of law, understanding the interbranch connections of criminal law, and create prospects for the further development of legislation. The object of study of this article is the norms of civil and criminal legislation that establish the concept and characteristics of a legal entity, the concept of a crime, and the grounds of criminal liability. The work examines the norms of criminal and civil law, works on the general theory of law. The concept of criminal liability is analyzed. The legal behavior of a legal entity has been studied. Ways to improve the current criminal legislation are proposed. The author offers signs on the basis of which it is possible to distinguish

between a crime committed by individuals and legal entities. In addition, a definition of the corpus delicti of a legal entity is proposed. The author's understanding of the criminal liability of legal entities as a complex intersectoral institution is substantiated. The author proves that the criminal liability of legal entities has dynamics, that is, the ability to be implemented step by step. As a result, the author of the article comes to the conclusion that criminal liability of legal entities is a special case of social and legal liability.

Keywords: legal entities; criminal liability; intersectoral connections; comprehensive institute; socially dangerous act; Corpus delicti

For citation: Yershova K.A. Controversial issues of criminal liability of legal entities. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 112 – 120. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-112-120

The article was submitted: May 10, 2024; Approved after reviewing: July 7, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Возможность и целесообразность ответственности юридических лиц в уголовном праве исследуется в нашей стране более тридцати лет. В одних научных работах отстаивается необходимость введения института уголовной ответственности юридических лиц [8 с. 5], в других - нецелесообразность подобных изменений российского уголовного права [10 с. 204].

В работах, обосновывающих необходимость признания юридического лица субъектом преступления и (или) уголовной ответственности, приводятся аргументы за введение указанного института в уголовное законодательство России, анализируется опыт зарубежного правотворчества и правоприменения. Колossalный объем работы по изучению и систематизации иностранного законодательства, посвященного вопросам уголовной ответственности юридических лиц, проведен А.В. Федоровым [13]. Помимо этого, немало работ посвящено предпосылкам ответственности юридического лица [16], вине [6], системе наказаний, адаптированных для юридических лиц [5 с. 112-113].

Вместе с тем, недостаточно изучен один из фундаментальных вопросов – вопрос уголовной ответственности юридических лиц: понятие, признаки, связь с другими формами ответственности, отличие от уголовной ответственности физического лица.

Цель исследования – конструирование понятия и признаков уголовной ответственности юридических лиц.

Задачи – проследить развитие ответственности коллективных образований на территории России, выявить основные признаки уголовной ответственности юридических лиц, проанализировать ее межотраслевой характер, изучить состав преступления и общественно опасное деяние юридического лица как предпосылки его уголовной ответственности.

Гипотеза – возможность правового поведения юридического лица обуславливает его правовую ответственность.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция; эмпирические методы: анализ источников законодательства и научной литературы.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература.

Результаты и обсуждения

Уголовная ответственность коллективных образований как форма социальной ответственности существовала на территории современной Российской Федерации в течении длительного времени. Чаще всего авторами работ, посвященных вопросам уголовной ответственности юридических лиц в России, указывается на немногочисленные нормы русского дореволюционного права XIX – начала XX вв., закрепляющие уголовную ответственность юридических лиц [19]. При этом авторы указанных исследований, как правило, не фокусируются на ранних этапах развития российского права.

Выводы относительно норм древнейшего обычного права можно сделать по первым писанным источникам русского права, дошедшим до настоящего времени. В древнейших памятниках русского права – договорах Руси с Византией и Русской Правде Ярослава [11 с. 11-12, 121-131] устанавливается уголовная ответственность коллективного образования – крестьянской общины. Разумеется, говорить об уголовной ответственности юридических лиц относительно первых памятников русского права не корректно – в этот период времени еще не сформировались ни социально-экономические, ни правовые предпосылки для появления юридического лица как социальной и экономической категории. В то же время, крестьянская

община (вервь) как субъект социальных и правовых отношений отвечала запросам своего времени и как участник указанных отношений привлекалась к ответственности в случаях гонения следа и дикой виры.

В дальнейшем, по мере централизации государства, развития социальных отношений и государственного аппарата, преступление из категории дела частного обвинения, «обиды», переходит в разряд деяний, посягающих на интересы государства. Смена социальных отношений, нравственных и религиозных представлений выводит на первый план идею личной ответственности. Как итог к XVII в. коллективная ответственность полностью замещается личной [12 с. 417].

Новый этап уголовной ответственности коллективных образований в русском дореволюционном праве связан с развитием предпринимательской деятельности и ростом влияния юридических лиц на экономику страны в середине XIX в. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. закреплялись отдельные нормы, устанавливающие ответственность юридических лиц [14 с. 262, 295]. В дореволюционной науке уголовного права велись дискуссии о возможности и целесообразности уголовной ответственности юридических лиц, хотя большинство исследователей, включая Н.С. Таганцева, были сторонниками уголовной ответственности исключительно физических лиц [15 с. 165-166].

Данный небольшой исторический экскурс, на наш взгляд, позволяет лучше понять социальную обусловленность уголовной ответственности юридических лиц: коллективные субъекты, будучи основой социальных отношений, оказывают на эти отношения существенной влияние. Причем влияние может быть как положительным, когда объединение людей и капиталов позволяет достичь результатов в различных сферах деятельности, недоступных отдельным физическим лицам, например масштабное строительство, так и отрицательным, когда юридические лица в погоне за сверхприбылью причиняют вред позитивным социальным отношениям.

Уголовная ответственность юридических лиц – социальная ответственность. С точки зрения формальной логики может быть выстроена следующая последовательность: социальная ответственность->правовая ответственность->уголовная ответственность, что означает мысленное движение от самого широкого понятия, обладающего наименьшим количеством признаков к самому узкому с наибольшим количеством признаков. Таким образом как социальная и правовая ответственность, уголовная ответственность юридических лиц обладает всеми значимыми признаками этих категорий.

Как социальная ответственность уголовная ответственность юридических обладает следующими признаками: данная ответственность может существовать в обществе, это элемент объективной социальной, но не физической действительности. Следующим значимым признаком уголовной ответственности юридических лиц как социальной ответственности является факт социального порицания, негативной оценки определенного поведения юридического лица. Всеми этими признаками обладает любая правовая ответственность, в том числе и уголовная ответственность физических лиц.

Как правовая ответственность уголовная ответственность обладает дополнительным признаком – установленность правом. С одной стороны этот признак позволяет ограничить ответственность, установленную любой отраслью права от социальной, моральной, религиозной ответственности. С другой стороны, установленность правом с позиции теории права, является признаком правоотношения [17 с. 336-355]. Это позволяет добавить следующий признак уголовной ответственности – правоотношение, то есть отношение между субъектами права, установленное и регулируемое нормами права.

Сказанное в полной мере справедливо для любой правовой ответственности, не только для уголовной. В тоже время, в предлагаемом нами определении, содержится такой признак как «поведение», наличие которого нередко используется противниками института уголовной ответственности юридических лиц как аргумент о невозможности признания юридического лица субъектом преступления.

Действительно, поведение чаще всего определяется как сознательная, волевая, целенаправленная деятельность субъекта [7 с. 58-59]. В биологическом и психологическом смысле воли и сознания у юридического лица быть не может, что, в свою очередь исключает возможность установления противоправного поведения юридического лица в буквальном смысле этого слова. С данными очевидными выводами мы безусловно согласны. Тем не менее, детальное исследование правового поведения как теоретико правового понятия позволяет утверждать отнюдь не бесспорность выводов о невозможности правового поведения юридического лица и, как следствие, деяния юридического лица.

С позиции общей теории права, правовым поведением обладают все субъекты права, как индивидуальные, так и коллективные. Возможность правового поведения юридического лица, включая деликтное, закрепляется всеми отраслями российского права, кроме уголовного. И здесь усматривается определенная непоследовательность законодателя, не предусмотревшего возможность привлечения юридического лица к уголовной ответственности. Если юридическое лицо обладает правосубъектность,

правоспособностью и деликтоспособностью, значит способно осуществлять правовое поведение, то есть социальную значимую, волевую, осознанную и целенаправленную деятельность. На упущение законодателя, установившего все виды ответственности юридических лиц за исключением уголовной, справедливо указывает А. В. Федоров [18. с. 204].

Сравнение правомерного и противоправного поведения с позиции теории права позволяет увидеть сходство и различие этих видов поведения. Сходными признаками правомерного и противоправного поведения являются следующие: существование исключительно в обществе, влияние на субъектов социума, их права и обязанности, связи между ними; предусмотрность правом; осознанный, целенаправленный волевой характер.

Отличие правомерного и противоправного поведения заключается в том, что либо причиняется вред социальным интересам, защищаемым нормами различных отраслей права либо такого вреда нет. Иными словами, при правомерном поведении субъектов совершаются действия (бездействия) предписанные либо допускаемые правом и социальным представлениям о поощряемом либо допустимом поведении. Законные права и интересы третьих лиц не страдают. В случае противоправного поведения субъект не выполняет те действия, которые обязан выполнить (пассивное поведение) либо совершает действия, совершать которые не имеет права (активное поведение). Тем самым лицо посягает на установленные правовые запреты, допускает социально порицаемое поведение и причиняет вред правам и законным интересам третьих лиц. При этом, как правило, необоснованно улучшает свое собственное положение – защищает антиправовые интересы, приобретает блага, на которые не могло рассчитывать при соблюдении правовых предписаний и запретов.

В итоге, когда речь заходит о правомерном поведении юридических лиц, их правосубъектность не оспаривается, в то время как возможность противоправного поведения, тем более в уголовно-правовой сфере, остается дискуссионной. При том что отличие правомерного и противоправного поведения обусловлено вектором социальной направленности, иные признаки остаются не изменены. Это позволяет сделать определенный вывод: либо юридические лица могут быть субъектами правового поведения и, как следствие, обладать правосубъектностью, либо, не обладая волей, целеполаганием и проч., не могут быть субъектами права. Тем не менее, субъектами права юридических лиц признают как теория права так и отраслевое законодательство. Мы с этим согласны и полагаем, что правовым поведением юридическое лицо обладать способно.

Правовое поведение социально, так как может существовать только в обществе, следовательно, субъект нарушающий нормы социума, может подлежать социальному осуждению. Это справедливо для всех субъектов правоотношений. Юридическое лицо не обладает биологическими характеристиками физического лица. Оно субъект социальной реальности. И как субъект социальной реальности имеет правовые, экономические, имущественные, репутационные интересы, целеполагание, что следует из анализа норм ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Действуя в социальной, экономической сферах, юридическое лицо совершает действия, направленные на изменения экономических и социальных отношений. Все это указывает на возможность юридического лица совершать социально и право значимые действия, как следствие, возможность обладать правовым поведением.

А если юридическое лицо обладает правовым поведением, которое может быть как социально полезным, так и социально вредным, остается последний шаг для установления уголовной ответственности юридических лиц – законодательное закрепление.

Уголовная ответственность как правовая и социальная ответственность обладает основными признаками указанных понятий. Вместе с тем, для формирование теоретического представления об уголовной ответственности юридических лиц, необходимо предложить ее понимание как формы правовой ответственности.

Уголовная ответственность юридических лиц – это не только социальная и правовая ответственность, это ответственность, формирующаяся внутри самой репрессивной отрасли права. В этой связи для уголовной ответственности юридических лиц могут быть выделены следующие характеристики: это правоотношение, возникающее между государством и лицом, совершившим преступление [3 с. 51], это мера государственного принуждения [4 с. 149], мера ответственности за допущенное нарушение [20]. Всеми указанными свойствами обладает уголовная ответственность физических лиц. Аналогичные признаки, на наш взгляд справедливы и в случае признания субъектом уголовного права юридического лица. Отличием уголовной ответственности физических и юридических лиц будет межотраслевой характер указанной ответственности. Понятие, признаки, пределы правоспособности юридического лица установлены гражданским правом. Указанные нормы гражданского законодательства необходимо

учитывать при определении уголовной ответственности юридических лиц.

Теория права делит ответственность на перспективную и ретроспективную [3 с. 41-42]. На наш взгляд, уголовная ответственность юридических лиц должна рассматриваться как ретроспективная ответственность. Такое предположение соответствует как общей теории права, так и особенностям уголовной ответственности как отрасли права. С позиции теории права за любое правонарушение, вне зависимости от отрасли права, может следовать лишь ретроспективна ответственность.

В ст. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2], установлено, что «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим кодексом». Из анализа нормы, закрепленной в ст. 8 УК РФ следует, что пока лицо не совершило деяние, оснований для привлечения к ответственности нет. То есть уголовное право как отрасль права направлена на оценку совершенного. Сначала следует опасное поведение, потом его оценка, взгляд исследователя направлен в прошлое, но не наоборот. В этой связи мы солидарны с позицией В.Д. Филимонова об исключительно ретроспективном характере уголовной ответственности [20 с. 57-77].

Указанные признаки применимы и для теоретического осмыслиения уголовной ответственности юридических лиц. Мы полагаем правильным распространить норму ст. 8 УК РФ на возможную уголовную ответственность юридических лиц. А сходные основания ответственности подразумевают и сходство самой ответственности. Таким образом, говоря об уголовной ответственности юридических лиц, методологически правильным будет отнесение ее к ретроспективному виду ответственности.

Уголовная ответственность юридических лиц – это динамическое правоотношение [9 с. 21]. Она не может быть статичной, а должна проходить этапы реализации, установленные законодательством.

Признавая безусловную значимость всех ранее проведенных исследований, укажем, что момент создания уголовно-правовой нормы, запрещающей определенное поведение, является нулевым этапом уголовной ответственности. Это связано с тем, что законодатель уведомляет неопределенный круг лиц, обладающих признаками субъекта преступления, о том, что с определенного момента времени указанная форма поведения повлечет уголовную ответственность. Безусловно, этап формирования запрета крайне важен, ибо без него отсутствует формально-юридическая предпосылка уголовной ответственности – запрещенность правом. Вместе с тем, законодательный запрет носит превентивный характер. Пока отдельные злоумышленники не посягают на позитивные социальные отношения, охраняемые нормами уголовного закона, уголовная ответственность не может перейти в стадию реализации ввиду отсутствия материальной предпосылки – общественно опасного деяния.

С момента совершения субъектом общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, появляется потенциальная уголовная ответственности. Это не нулевой этап уголовной ответственности, так как реализованы и фактическая, и юридическая предпосылка уголовной ответственности. Вместе с тем, уголовно-правое отношение не может быть реализовано до тех пор, пока уполномоченным правоохранительным органам не станет известно о совершенном деянии. С момента возбуждения уголовного дела начинается реализация реальной уголовной ответственности. Здесь следует указать на коллизию, возникающую между теоретической конструкцией уголовного правоотношения и конституционным принципом, устанавливающим презумпцию невиновности. В этой связи мы солидарны с исследователями, указывающими на возникновение уголовной ответственности как отношения с момента возбуждения уголовного дела [22] в связи с тем, что именно с этого момента возникают взаимообусловленные права и обязанности субъектов, появляется особый правовой статус подозреваемого и обвиняемого. Признаваемым всеми исследователями этапом реализации уголовной ответственности является вынесение обвинительного приговора суда и вступление его в законную силу. На этом этапе теория уголовного права приходит в соответствие с конституционными принципами, появляется установленное законом основание для ограничения прав и законных интересов виновного лица в связи с совершенным преступлением. В отношении судимости мы солидарны с позицией профессора И.Я. Козаченко [9], аргументировавшего, что она является правовым последствием привлечения к уголовной ответственности, а не этапом ее реализации. На стадии судимости обязанности виновного лица подвергнутся негативным правовым последствиям в связи с совершенным преступлением окончены, что позволяет говорить об окончании правоотношения.

Все указанные нами этапы справедливы и для юридических лиц в случае признания их субъектами уголовной ответственности. Разумеется, как физические, так и юридические лица не всегда проходят все перечисленные этапы реализации уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности и наказания означает прекращение правоотношений, возникших между государством в лице уполномоченных органов и виновным лицом на более ранних этапах реализации уголовной ответственности.

Возвращаясь к основаниям уголовной ответственности, закрепленным в ст. 8 УК РФ, следует кратко рассмотреть фактическое и юридическое основание уголовной ответственности – общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом и состав преступления юридического лица.

Такая формулировка приводит нас к выводу, что отношения, возникающие в рамках уголовной ответственности, возникают по поводу (в связи) с совершением общественно опасного деяния – преступления. О возможности совершения юридическим лицом деяний мы указали ранее. Подчеркнем, что для установления признаков уголовно-наказуемого деяния в поведении юридического лица, необходимо учитывать межотраслевые связи гражданского, уголовного и иных отраслей права. Общественно опасное деяние юридического лица как материальная предпосылка уголовной ответственности должно иметь генетическую связь с гражданским правом либо иными отраслями права, субъектом регулятивных отношений которых выступает юридическое лицо.

Здесь следует указать, что субъекты различных отраслей права реализуют свои законные права и интересы в рамках и пределах, установленных регулятивными отраслями права. Если субъекты допускают незначительные нарушения предписаний этих отраслей права, то подвергаются ответственности, предусмотренной указанными отраслями права. По мере роста опасности нарушения привлекаются административное деликтное и уголовное право как охранительные отрасли российского права. Вместе с тем, основу отношений, требующих охраны от посягательств, составляют отношения, урегулированные конкретной отраслью права. Юридическое лицо в силу своей правовой природы не может вторгнуться в сферу исключительно уголовных отношений, например, совершив кражу или убийство. А вот довести нарушение нормы гражданского, экологического, налогового права до степени общественной опасности преступления может. Например путем осуществления деятельности без лицензии или без очистных сооружений. Изначально деяние охватывается иной отраслью права. Но нарушение доходит до степени опасности преступления, что требует вмешательства уголовного права.

Следующим признаком деяния юридического лица должна стать заинтересованность в результатах деяния. Путем совершения преступления юридическое лицо получает прямо или косвенно материальную или иную выгоду, которую не получило бы при соблюдении норм регулятивных отраслей права. Если юридическое лицо не получает выгоды, а тем более ущемляется в правах и законных интересах, оно должно рассматриваться не как субъект, а как потерпевший от преступления либо средство совершения преступления.

Юридической предпосылкой уголовной ответственности является совершение деяния, запрещенного уголовным законом, то есть наличие правовой нормы, описывающей поведение, признанное преступлением, запрещенным конкретной нормой Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Иными словами – наличие состава преступления. Состав преступления юридического лица – идеальная конструкция, модель, созданная законодателем путем абстрагирования – вычленения наиболее значимых но при этом типичных признаков реальных общественно опасных деяний [21, с. 237]. Такое понимание состава преступления, равно как и наличие всех четырех элементов, выделяемых для физических лиц, на наш взгляд, справедливо и для состава преступления юридического лица.

Выводы

Подводя итог отметим, что уголовная ответственность юридических лиц исторически и социально обусловленный институт. Уголовная ответственность юридических лиц есть комплексный институт, охватывающийся нормами и принципами как минимум четырех отраслей права: гражданского права, уголовного права, уголовно-процессуального права и уголовно-исполнительного права. Обязательным признаком остается применение судебного порядка реализации уголовной ответственности в форме наказания. Отличием уголовной ответственности от иных форм правовой ответственности является осуществление ей охранительной функции в качестве основной. Таким образом, уголовную ответственность юридических лиц можно определить как правоотношение, складывающееся между государством и виновным юридическим лицом, совершившим общественно опасное деяние, запрещенное уголовном законом.

Фактическим основанием уголовной ответственности юридического лица является общественно опасное деяние юридического лица – действие или бездействие, соответствующее правовой природе юридического лица, генетически связанное с нормами иных отраслей права и направленное на реализацию интересов юридического лица. Юридическим основанием уголовной ответственности юридических лиц выступает состав преступления юридического лица – идеальная модель, полученная путем логического приема абстрагирования и находящаяся с преступлением в отношении соответствия.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13. 06. 1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
3. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2023. 432 с.
4. Дворецкий М.Ю. Реализация уголовной ответственности в контексте эффективности уголовно-правового воздействия. Уголовно-правовое воздействие как специальная целенаправленная деятельность государства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), г. Тольятти, 26 ноября 2021 г. / редкол.: В.К. Дуюнов, Р.В. Закомолдин. Самара: САМАРАМАМА, 2021. 220 с.
5. Дворецкий М.Ю. Формы уголовной ответственности и их виды: проблемы теории и правоприменительной практики // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 5. С. 112 – 115.
6. Егорова Н. Об уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Трудовое право. 2003. № 8. С. 81 – 83.
7. Ермакова О.В. Концептуальные основы отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2023. 551 с.
8. Кобзеева Е.В., Ситник В.Н. Перспективы установления уголовной ответственности юридических лиц в условиях развития сферы автономного транспорта // Вестник Саратовской государственной академии. 2022. № 2 (145). С. 184 – 192.
9. Козаченко И.Я. Уголовная ответственность: мера и форма выражения. Свердловск 1987.42 с.
10. Кузнецова Н.И., Урда М. Н. И снова об уголовной ответственности юридических лиц: два взгляда на проблему (на примере экологических преступлений) // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 6. С. 567 – 576.
11. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X-XII вв. / Сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. 287 с.
12. Памятники русского права. Вып. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII в. / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1963. 510 с.
13. Публикации Федорова Александра Вячеславовича об уголовной ответственности юридических лиц (по состоянию на 1 ноября 2023 года): библиографический указатель / сост. С.Б. Гусынина; под ред. В.А. Елистратовой; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Изд- во Сарат. гос. юрид. акад., 2024. 44 с.
14. Российское Законодательство т. 6. Законодательство первой половины XIX века «Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных» 1845 / Под общей ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. Лит., 1988. 431 с. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва :Норма: ИНФРА-М, 2024. 552 с.
15. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: в 2 ч. Ч. 1. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 414 с. (Антология мысли).
16. Тарханов И.А., Чельышев М.Ю., Хасанов Р.А. Гражданко-правовые конструкции в механизме квалификации преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 72 – 80.
17. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. 552 с.
18. Федоров А В. Правовое обеспечение сотрудничества правоохранительных органов государств – участников СНГ в противодействии торговле людьми: уголовная ответственность юридических лиц. Вопросы сотрудничества правоохранительных органов государств – участников СНГ в противодействии торговле людьми: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 31 марта 2023 года) / Под общ. ред. Доктора юрид. наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации А.И. Бастрыкина. М.: Московская академия Следственного комитета, 2023. 314 с.

19. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц: от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и его влияние на современный уголовный процесс (Памяти Николая Андреевича Буцковского (1811-1873): материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 16 ноября 2023 года), М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. 187 с.
20. Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. М.:НОУ Институт Актуального образования «ЮрИнфоР-МГУ», 2008. 249 с.
21. Черданцев А.Ф. Логикоязыковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма: ИНФРАМ, 2016. 320 с.
22. Чистяков А.А. Современные проблемы учения об уголовной ответственности в российском праве // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1 (68). С. 74 – 80.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 11.03.2024). Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32, Art. 3301.
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 12.06.2024). Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25, Art. 2954.
3. Vitruk N.V. General Theory of Legal Liability: monograph. 2nd ed., corr. and add. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. 432 p.
4. Dvoretsky M.Yu. Implementation of criminal liability in the context of the effectiveness of criminal-legal impact. Criminal-legal impact as a special targeted activity of the state: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation), Tolyatti, November 26, 2021. editorial board: V.K. Duyunov, R.V. Zakomoldin. Samara: SAMARAMAMA, 2021. 220 p.
5. Dvoretsky M.Yu. Forms of criminal liability and their types: problems of theory and law enforcement practice. Business in law. Economic and legal journal. 2016. No. 5. P. 112 – 115.
6. Egorova N. On the criminal liability of legal entities for corruption crimes. Labor law. 2003. No. 8. P. 81 – 83.
7. Ermakova O.V. Conceptual foundations of reflection of a socially dangerous act and the mechanism of its commission in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: dis. ... Doctor of Law. Barnaul, 2023. 551 p.
8. Kobzeva E.V., Sitnik V.N. Prospects for establishing criminal liability of legal entities in the context of the development of the autonomous transport sphere. Bulletin of the Saratov State Academy. 2022. No. 2 (145). P. 184 – 192.
9. Kozachenko I.Ya. Criminal liability: measure and form of expression. Sverdlovsk 1987. 42 p.
10. Kuznetsova N.I., Urda M.N. And again about the criminal liability of legal entities: two views on the problem (on the example of environmental crimes). All-Russian Criminological Journal. 2023. Vol. 17, No. 6. P. 567 – 576.
11. Monuments of Russian law. Issue. 1. Monuments of the law of the Kiev state. 10th-12th centuries. Comp. A.A. Zimin; edited by S.V. Yushkov. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1952. 287 p.
12. Monuments of Russian law. Issue. 7. Monuments of the law of the period of the creation of the absolute monarchy. The second half of the 17th century. Ed. L.V. Cherepnin. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1963. 510 p.
13. Publications by Aleksandr Vyacheslavovich Fedorov on the criminal liability of legal entities (as of November 1, 2023): bibliographic index. compiled by S. B. Gusynina; edited by V.A. Elistratova; Saratov State Law Academy. Saratov: Publishing House of the Saratov State Legal Academy, 2024. 44 p. 14. Russian Legislation, Vol. 6. Legislation of the first half of the 19th century, "Code of Criminal and Executive Punishments", 1845. General editor O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature, 1988. 431 p. Theory of State and Law: textbook. edited by V.D. Perevalov. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. 552 p.
15. Tagantsev N.S. Russian criminal law: in 2 parts. Part 1. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 414 p. (Anthology of Thought).
16. Tarkhanov I.A., Chelyshev M.Yu., Khasanov R.A. Civil law structures in the mechanism of qualification of crimes. Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2013. No. 4. P. 72 – 80.
17. Theory of state and law: textbook. ed. V.D. Perevalov. 5th ed., revised. and add. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. 552 p.

18. Fedorov A. V. Legal support for cooperation between law enforcement agencies of the CIS member states in combating human trafficking: criminal liability of legal entities. Issues of cooperation between law enforcement agencies of the CIS member states in combating human trafficking: materials of the international scientific and practical conference (Moscow, March 31, 2023). Under the general editorship of Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation A.I. Bastrykin. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee, 2023. 314 p.

19. Fedorov A. V. Criminal liability of legal entities: from the Charter of Criminal Procedure of 1864 to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The Charter of Criminal Procedure of 1864 and its influence on modern criminal proceedings (In memory of Nikolai Andreevich Butskovsky (1811-1873): materials of the All-Russian scientific and practical conference (Moscow, November 16, 2023), M.: Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, 2024. 187 p.

20. Filimonov V.D. Criminal liability under Russian legislation. M.: NOU Institute of Actual Education "YurInfor-MSU", 2008. 249 p.

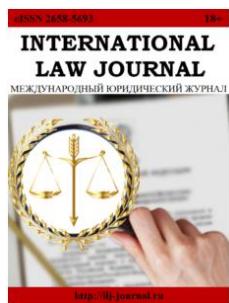
21. Cherdantsev A.F. Logical and linguistic phenomena in jurisprudence: monograph. M.: Norma: INFRAM, 2016. 320 p.

22. Chistyakov A.A. Modern problems of the doctrine of criminal liability in Russian law. Man: Crime and Punishment. 2010. No. 1 (68). P. 74 – 80.

Информация об авторе

Ершова К.А., преподаватель, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

© Ершова К.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 34.349
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-121-126

Проблемные аспекты реализации обязательств по договору страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в новых реалиях развития национального страхового рынка

¹ Побережная И.Ю., ¹ Побережный С.Г., ¹ Перепелица В.Е.,
¹ Белгородский университет кооперации, экономики и права

Аннотация: обязательное страхование автогражданской ответственности (ОСАГО) в России было введено в 2003 году и с тех пор стало неотъемлемой частью правового регулирования дорожного движения. Тем не менее, несмотря на многолетний опыт применения, институт ОСАГО сталкивается с множеством правовых проблем, которые требуют детального анализа и совершенствования нормативно-правовой базы. В данной статье рассматриваются некоторые ключевые правовые проблемы, возникающие при применении договора ОСАГО в 2024 году, а также предлагаются пути их решения.

Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) играет ключевую роль в обеспечении финансовой защиты участников дорожного движения. Однако современные экономические и социальные реалии требуют адаптации правовых механизмов, в том числе и в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Одним из таких механизмов является краткосрочный договор страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств сроком от 1 до 3 дней. В данной статье рассматриваются правовые проблемы, возникающие при применении такого договора в 2024 году, анализируются законодательные изменения и предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: страховщик, страхователь, ОСАГО, резервный фонд, страховое возмещение, краткий договор страхования, страховая сумма, срок договора

Для цитирования: Побережная И.Ю., Побережный С.Г., Перепелица В.Е. Проблемные аспекты реализации обязательств по договору страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в новых реалиях развития национального страхового рынка // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 121 – 126. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-121-126

Поступила в редакцию: 7 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Problematic aspects of the implementation of obligations under the contract of civil liability insurance of vehicle owners in the new realities of the development of the national insurance market

¹ Poberezhnaya I.Yu, ¹ Poberezhny S.G., ¹ Perepelitsa V.E.,
¹ Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Abstract: compulsory insurance of civil liability of vehicle owners (CTP) in Russia was introduced in 2003 and since then has become an integral part of the legal regulation of traffic. Nevertheless, despite many years of experience in the application, the CTP institute faces many legal problems that require detailed analysis and improvement of the regulatory framework. This article examines some of the key legal problems that arise when applying the CTP agreement in 2024, and also suggests ways to solve them.

Compulsory insurance of civil liability of vehicle owners (CTP) plays a key role in ensuring financial protection of road users. However, modern economic and social realities require the adaptation of legal mechanisms, includ-

ing in the field of compulsory insurance of civil liability of vehicle owners. One of these mechanisms is a short-term contract of civil liability insurance for vehicle owners for a period of 1 to 3 days. This article examines the legal problems that arise when applying such an agreement in 2024, analyzes legislative changes and suggests ways to solve the identified problems.

Keywords: insurer, policyholder, CTP, reserve fund, insurance indemnity, short insurance contract, insurance amount, term of the contract

For citation: Poberezhnaya I.Yu, Poberezhny S.G., Perepelitsa V.E. Problematic aspects of the implementation of obligations under the contract of civil liability insurance of vehicle owners in the new realities of the development of the national insurance market. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 121 – 126. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-121-126

The article was submitted: May 7, 2024; Approved after reviewing: July 8, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Цель исследования – исследовать проблемы правоприменения норм законодательства об ОСАГО в рамках современных тенденций развития национального страхового рынка.

Задачи исследования – выявить и провести анализ основных проблем в страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств, предложить пути их решения.

Гипотеза – изменение некоторых норм страхового и гражданского законодательства с учетом сохранения интересов каждого из субъектов страховых правоотношений, может помочь достичь наиболее высокого уровня законности в исследуемой сфере.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования выступили научные статьи и нормативно правовые акты, содержащие нормы, регулирующие страховые правоотношения.

Методологической основой исследования явились как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение), так и специально-юридические подходы (формально-юридический, системный анализ, интерпретация норм права).

Результаты и обсуждения

Одной из самых острых проблем ОСАГО является недостаточный размер страховых выплат, что особенно актуально в условиях роста цен на ремонт транспортных средств и медицинские услуги. В соответствии с Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» № 40-ФЗ от 25 апреля 2002 года, максимальный размер страховой выплаты за вред, причиненный жизни или здоровью одного потерпевшего, составляет 500 тысяч рублей, а за вред имуществу – 400 тысяч рублей.[1] Однако, в современных экономических условиях эти суммы часто не покрывают реальный ущерб [2].

Как правило, данный факт приводит к необходимости оспаривания суммы со страховщиком или же к взысканию убытков с виновника дорожно-транспортного происшествия [3]. Данные действия хоть и находятся в правовом поле, однако значимость ОСАГО как компенсационного механизма нивелируют достаточно серьезно. В некотором смысле обязательства по ОСАГО не учитывают многие аспекты, связанные с ежедневной жизнью страхователей, занятостью, работой, отсутствие финансовой возможности нанимать адвоката для судебных процессов и многое другое. Идеальная формула ОСАГО – факт ДТП – просчет убытков – выплата страхового возмещения, которое в полном объеме покрывает ущерб в течение нескольких дней. Однако, реальный страховой рынок ОСАГО далек от идеальной формулы потребителя.

Для обеспечения адекватной компенсации ущерба необходимо пересмотреть лимиты страховых выплат. Важно провести экономическое обоснование и установить новые лимиты, учитывающие инфляцию и текущие рыночные цены на ремонт и медицинские услуги. Например, увеличить лимит страховых выплат за вред имуществу до 600 тысяч рублей, а за вред жизни или здоровью – до 1 миллиона рублей. К слову сказать, указанные цифры могут быть различными на усмотрение любого ученого или же практика. Формирование страховых сумм является одним из сложнейших методик, поскольку должно учитывать, как интересы страховых компаний и не превратить их деятельность в убыточную, так интересы страхователей, которым установленных сумм в большинстве своем не хватает на проведения ремонтных работ.

В данном случае, представляется целесообразным указанные в Законе страховые суммы пересматривать и вносить изменения, согласно измененной политической, экономической сферы страны, а также непосред-

ственno резко изменившегося автомобильного рынка. В современных реалиях, когда автомобильный рынок переформатируется достаточно в жестких условиях, необходимо провести градацию авторынка учитывая отечественный и зарубежный сегмент. Ценовая категория этих сегментов разительно отличается, как со стороны покупки нового и поддержанного авто, так и покупки комплектующих и запчастей на их ремонт. Также следует обратить внимание, что срок доставки отечественных запчастей будет намного короче, чем ждать подобные для иномарок.

В настоящее время страховщики рассчитывают стоимость убытков, учитывая аналоговые запасные части (если нет оригиналов) [4], тогда как страхователь может изъявить желание ставить только оригинальные. В данном случае, на лицо подтверждение статуса страхователя как поставленного в невыгодное положение, что идет в разрез с законодательством. Вместе с тем, следует учитывать возможности рынка автозапчастей и огромные трудности в предоставлении на этот рынок именно оригинального сегмента.

Все представленные факты достаточно серьезно влияют на рынок ОСАГО и удержаться в «достойном положении» достаточно трудно, а порой и просто невозможно.

Предлагая пути решения, вернемся к сегментраному разделению полисов ОСАГО для отечественных автолюбителей, имеющих автомобиль российского производства и автолюбителей, имеющих иностранный автомобиль. Учитывая вышеотмеченные факты, следует отметить, что и страховая сумма полиса ОСАГО для этих категорий должна быть различной. Оговоримся, что речь идет именно об имущественном ущербе, который составляет на данный момент 400 тыс. руб.

Специалисты при определении данной суммы должны осуществлять просчет отдельно убытков для одного сегмента и отдельно для другого по своим специальным методикам. Полагаем, что конечная сумма в среднем будет различной, а соответственно, что и норма статьи 7 закона Об ОСАГО должна претерпеть изменения. Конечно следствием изменения страховой суммы, станет конечная стоимость страхового продукта, то есть полиса ОСАГО, за счет добавления нового коэффициента (страна производитель автомобиля) в установленную Центробанком РФ формулу [5]. В целом, для собственника автомобиля появится возможность получить такое страховое возмещение, которое позволит в полном или в большем объеме в кратчайшие сроки восстановить свой автомобиль за счет страховой выплаты, избегая при этом судебных процессов.

Однако, следует учитывать, что данные изменения будут влиять на финансовую устойчивость страховых компаний, в частности уже достаточно продолжительный период сегмент ОСАГО для страховщиков является убыточным [6]. Поэтому, возможные изменения следует рассматривать через призму основных правовых принципов – равенство сторон при заключении сделки, а также в отсутствии у стороны возможности формировать условия, которые заведомо будут ставить контрагента в худшие условия [7].

Далее, рассматривая перспективы развития рынка ОСАГО следует отметить, что достаточно долгое время обсуждался вопрос о возможности заключения краткосрочных договоров ОСАГО. В 2024 году были внесены изменения в законодательство, касающиеся возможности заключения краткосрочных договоров ОСАГО на срок от 1 до 3 дней [8]. Важным моментом для страхователей является начало действия таких договоров. В законе предусмотрено начало действия полиса через 3 дня после подачи соответствующих документов в страховую компанию, но по соглашению сторон срок может быть сокращен.

Краткосрочные договоры ОСАГО предоставляют возможность временного страхования транспортных средств, что актуально для владельцев, использующих автомобили нерегулярно или временно. Это позволяет снизить затраты на страхование, однако вызывает ряд правовых и практических вопросов.

Одной из ключевых проблем является идентификация и проверка страхователей при заключении краткосрочных договоров. Из-за кратковременности действия полиса страховые компании могут столкнуться с трудностями в проверке добросовестности клиентов, что увеличивает риск мошенничества.

Для эффективного контроля за исполнением обязательств по краткосрочным договорам ОСАГО необходимо создание и поддержание специальной системы учета. Вопросы интеграции этой системы с государственными реестрами и базами данных также требуют детального правового урегулирования.

Интересным фактом является некая непоследовательность принятия соответствующих изменений в закон об ОСАГО, но отсутствие проработки алгоритма просчета стоимости таких полисов. Автостраховщики приняли общее решение, что при расчете краткосрочных полисов ОСАГО будут браться за основу понижающие коэффициенты [9], однако сам механизм расчета разработан не был. Принимая во внимание специфичность нового страхового продукта и высокие риски страховщика как предпринимателя, можно сделать вывод, что сумма страховой премии будет значительно выше за краткосрочный полис, чем при расчете 1/365.

С момента принятия соответствующих поправок и началом реализации краткосрочных полисов ОСАГО на практике, можно будет столкнуться с некоторыми проблемами, например, связанными с урегулированием убытков.

Процесс урегулирования убытков по краткосрочным договорам ОСАГО может быть осложнен коротким сроком действия полиса. Возникают вопросы, связанные с выявлением и подтверждением страховых случаев, произошедших в период действия краткосрочного договора.

Анализируя нововведение важно понимать, что применение краткосрочных полисов ОСАГО может всколыхнуть новую волну мошенничества в сфере страхования. Ранее в научных статьях нами было акцентировано внимание на такой проблеме как отсутствие желания автолюбителей заключать договора ОСАГО. Мы рассмотрели несколько причин такого поведения водителей [10]. Гражданин, желающий воспользоваться машиной на несколько дней в году практически никогда не заботился о заключении договора ОСАГО. Таким образом, водители осознанно принимали на себя ответственность за риск возмещения убытков при ДТП за счет собственных денежных средств [11, 12].

Теперь же имея возможность заключить краткосрочный договор, граждане вполне могут купить соответствующий полис и снизить свои собственные риски.

Однако существует достаточно большой риск покупки полиса недобросовестными автовладельцами в день ДТП. Тем более страховые компании разработали удобный интерфейс для покупки онлайн. Принимая во внимание время оформления ДТП и приезда уполномоченных лиц, купить полис будет достаточно легко. Пытаясь разрешить указанную проблему, был установлен срок, начала действия полиса – 3 дня. Для решения данной конкретной проблемы это было бы выходом. Но в законе есть оговорка, что срок можно сократить по соглашению сторон. Ни оснований для сокращения срока, ни на какой период его можно сократить в законе не сказано.

Полагаем, что данная оговорка без законом определенных оснований и сроков сокращения является прекрасным механизмом для возникновения мошеннических действий в данной сфере. В свете сказанного, норму статьи 10 п. 3.1. Закона об ОСАГО следует доработать в указанном нами направлении, учитывая при этом интересы как страховщика, так и страхователя.

Далее, законом запрещена пролонгация подобного рода договора. Это решение имеет положительные отклики и является вполне логичным. Рынок ОСАГО в течение года претерпевает изменения и договоры должны заключаться с учетом тех параметров, которые действуют на день его заключения. Если же говорить о пролонгации краткосрочных договоров, то на практике это будет вызывать достаточно серьезные проблемы с перерасчетом стоимости и тому подобные факторы, которые могут отличаться от первоначальных тарифов, действующих в день подачи первоначальных документов. Таким образом, запрет на пролонгацию срок полиса ОСАГО обоснован и логичен в страховых правоотношениях.

Выводы

Подводя итог анализа некоторых актуальных проблем российского рынка ОСАГО, можно отметить некоторые моменты.

Данный сегмент страхового рынка достаточно интенсивно развивается и пытается соответствовать современным подходам к формированию клиентской базы, а также политической и экономической обстановке в стране. Вместе с тем, нельзя не отметить и некоторые проблемы, с которыми сталкиваются ежедневно страхователи при реализации своего права на получение страхового возмещения по договору. Нами критически оценены суммы максимального страхового покрытия и предложены пути совершенствования данной области.

К положительным моментам развития исследуемого рынка страхования следует отнести принятие и внедрение в специальное законодательство краткосрочных договоров ОСАГО. В целом, полагаем, что данная инициатива имеет достаточно хорошие перспективы, однако с учетом устранения некоторых достаточно серьезных промахов со стороны инициативной законодательной группы.

Список источников

1. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 25.12.20) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.
2. Авалян Р. ОСАГО: топ-4 проблем потерпевших в ДТП // Юридический справочник руководителя. 2022. № 5. 74 – 84.
3. Что делать, если страховая компания занимала стоимость ремонта автомобиля? // Азбука права: электрон. журн. 2024.

4. Расчет выплаты по ОСАГО: новые правила // Банк России: официальный сайт. 2022. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 02.09.2022)
5. Слесарев С.А. Вопрос-ответ // СПС КонсультантПлюс. 2024.
6. Казарян Л. Оправданные реформы системы ОСАГО // <https://cyberleninka.ru/article/n/opravdannye-reformy-sistemy-osago>
7. Савенко Н.Е. Гражданско-правовой договор в классическом и современном понимании // Юрист. 2022. № 5. С. 40 – 46.
8. Новости для юриста с 7 по 11 августа 2023 года // СПС КонсультантПлюс. 2023.
9. Беньяминова З.Я., Побережная И.Ю., Посокрова Т.В. Страховые тарифы в договоре обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств: новеллы в законодательстве // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 2 (53). С. 81 – 84.
10. Побережная И.Ю., Побережный С.Г., Перепелица В.Е. К вопросу о проблемах реализации обязательств по договору страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в новых регионах Российской Федерации // International Law Journal. 2024. Т. 7. № 1. С. 48 – 51.
11. Как возместить имущественный вред от ДТП, если у виновника нет полиса ОСАГО, он не вписан в полис или страховой выплаты недостаточно // СПС КонсультантПлюс. 2024.
12. Архипова А.Г. Безрассудное поведение (moral hazard) в страховании: классификация и способы контроля // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 6. С. 55 – 85.

References

1. Federal Law of 25.04.2002 No. 40-FZ (as amended on 25.12.20) "On Compulsory Civil Liability Insurance of Vehicle Owners". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 18. Art. 1720.
2. Avelyan R. OSAGO: top 4 problems of accident victims. Legal reference book of the manager. 2022. No. 5. 74 - 84.
3. What to do if the insurance company has underestimated the cost of car repairs? ABC of Law: electronic journal. 2024.
4. Calculation of payment under OSAGO: new rules. Bank of Russia: official website. 2022. URL: <http://www.cbr.ru> (date of access: 02.09.2022)
5. Slesarev S.A. Question and answer. SPS ConsultantPlus. 2024.
6. Kazaryan L. Justified reforms of the OSAGO system. <https://cyberleninka.ru/article/n/opravdannye-reformy-sistemy-osago>
7. Savenko N.E. Civil law contract in the classical and modern understanding. Jurist. 2022. No. 5. Pp. 40 - 46.
8. News for a lawyer from August 7 to 11, 2023. SPS ConsultantPlus. 2023.
9. Benyaminova Z.Ya., Poberezhnaya I.Yu., Posokhova T.V. Insurance rates in the contract of compulsory insurance of civil liability of vehicle owners: innovations in legislation. Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary. 2019. No. 2 (53). P. 81 – 84.
10. Poberezhnaya I.Yu., Poberezhny S.G., Perepelitsa V.E. On the Issue of Implementation of Obligations under the Contract of Civil Liability Insurance of Vehicle Owners in New Regions of the Russian Federation. International Law Journal. 2024. Vol. 7. No. 1. P. 48 – 51.
11. How to Compensate for Property Damage from an Accident if the Culprit Does Not Have an MTPL Policy, He is Not Included in the Policy, or the Insurance Payment is Insufficient. SPS ConsultantPlus. 2024.
12. Arkhipova A.G. Reckless Behavior (Moral Hazard) in Insurance: Classification and Control Methods. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 6. P. 55 – 85.

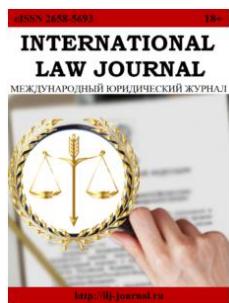
Информация об авторах

Побережная И.Ю., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права, pobereznay@mail.ru

Побережный С.Г., кандидат юридических наук, Белгородский университет кооперации, экономики и права, serge-poberezhny@yandex.ru

Перепелица В.Е., аспирант, Белгородский университет кооперации, экономики и права, perepelitsavladyslav@yandex.ru

© Побережная И.Ю., Побережный С.Г., Перепелица В.Е., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.415
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-127-133

Конституционные основы государственной поддержки материнства в России

¹ Тронина Е.Г.,
¹ Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Аннотация: в статье определяется значение конституционно-правовых основ государственной семейной политики, важнейшим направлением которой является всесторонняя поддержка и защита института материнства как первоосновы жизненного существования и воспроизведения поколений, благополучия детей и, следовательно, будущего нашей страны. Подчеркивается, что достижение национальных целей развития России, предполагающее приоритетное решение проблем демографии, напрямую определяется эффективностью системы мер, направленных на комплексное обеспечение здорового и счастливого материнства.

Проводится мысль о важности практической реализации в России конституционных основ правового механизма защиты семейных ценностей с учетом характера и динамики развития современного мира. Конструктивная государственная политика, направленная на укрепление института семьи, поддержание высокого социального статуса материнства, отцовства и детства, на их действенную финансовую и организационную поддержку является в условиях внутренних и внешних вызовов важнейшим фактором успешного развития России.

Ключевые слова: Конституция, конституционная ценность, материнство, отцовство, детство, государственная семейная политика

Для цитирования: Тронина Е.Г. Конституционные основы государственной поддержки материнства в России // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 127 – 133. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-127-133

Поступила в редакцию: 7 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Constitutional foundations of state support for motherhood in Russia

¹ Tronina E.G.,
¹ Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract: the article defines the importance of the constitutional and legal foundations of the state family policy, the most important direction of which is the comprehensive support and protection of the institution of motherhood as the primary basis of the life existence and reproduction of generations, the well-being of children and, consequently, the future of our country. It is emphasized that the achievement of Russia's national development goals, which presupposes a priority solution to demographic problems, is directly determined by the effectiveness of a system of measures aimed at comprehensively ensuring healthy and happy motherhood.

The author suggests the importance of practical implementation in Russia of the constitutional foundations of the legal mechanism for the protection of family values, taking into account the nature and dynamics of the development of the modern world. A constructive state policy aimed at strengthening the institution of the family, maintaining the high social status of motherhood, fatherhood and childhood, and their effective financial and organiza-

tional support is the most important factor in the successful development of Russia in the context of internal and external challenges.

Keywords: Constitution, constitutional value, motherhood, fatherhood, childhood, state family policy

For citation: Tronina E.G. Constitutional foundations of state support for motherhood in Russia. Constitutional foundations of state support for motherhood in Russia. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 127 – 133. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-127-133

The article was submitted: May 7, 2024; Approved after reviewing: July 8, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Системообразующая функция Конституции Российской Федерации как Основного закона государства проявляется в определяющем воздействии ее норм на развитие всех сфер общества, в том числе на эффективное достижение стоящих перед ним приоритетных целей. В значительной степени это напрямую связано с решением проблем демографии, в первую очередь – с жизненной необходимостью обеспечения роста рождаемости в нашей стране, а следовательно, всемерной и действенной поддержкой семейных ценностей, института семьи, материнства, отцовства и детства.

Так, в частности, достижение национальной цели сохранения народа России предполагает рост суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 году и до 1,8 к 2036 году, а также ежегодную положительную динамику рождения третьих и последующих детей [1]. В Год семьи подчеркивается необходимость реализации эффективной системы мер, направленных на поддержку данного института как основы благополучия общества и государства, их преемственного развития и стабильности в динамично меняющемся мире. Так, созданию благоприятных условий для формирования и сохранения крепких и гармоничных отношений, обеспечению конституционного права на достойную жизнь в российских семьях должен содействовать потенциал национального проекта «Семья», о запуске которого заявил Президент РФ В.В. Путин в ходе Послания Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 г.

Безусловно, во все времена, а сегодня, с учетом сложного и противоречивого характера современного развития человечества, в условиях обострения внутренних и внешних вызовов актуализирована потребность создания благоприятных условий для эффективного решения в России не только социально-экономических и военно-политических задач, но и проблем, связанных с укреплением духовно-культурных основ нации. Особое значение имеет воспитание юных поколений граждан нашей страны, знающих родную историю и гордящихся ее славными страницами, наделенных чувством сопричастности судьбе своей Родины и пониманием собственной социальной ответственности. В этом смысле трудно переоценить значение семьи как базового фактора влияния на жизнь и судьбу человека, общества и государства, и, безусловно, ключевую роль института материнства, необходимого для жизненного существования и воспроизводства поколений, благополучия детей и семьи. Признание его непреходящей ценности и всемерная государственно-общественная поддержка института семьи должны стать лейтмотивом развития системы правового обеспечения государственной семейной политики в России, защиты материнства как высоко оцениваемой обществом миссии женщины.

Материалы и методы исследований

В ходе научного исследования осуществляется комплексный подход, что, в частности, предполагает использование диалектического метода познания исследуемых процессов, их интерпретацию с позиций аксиологического метода, необходимость применения метода юридической герменевтики и сравнительно-правового анализа. Важное значение имеет структурно-функциональный анализ нормативно-правовых актов, материалов судебной практики, в первую очередь решений Конституционного Суда РФ, анализ и обобщение позиций авторов научных трудов в исследуемой области, а также системно-структурный метод изучения правовых институтов.

Результаты и обсуждения

Отражением многогранного характера природы материнства является разнообразие его научных определений, при формулировании которых в большинстве случаев авторами подчеркивается необходимость сочетания естественных, физиологических, а также социально-психологических и духовно-нравственных факторов. Такой системный подход позволяет рассматривать материнство не только в контексте особого биологического статуса, связанного с вынашиванием и рождением ребенка, но и через призму «глубоко эмоционального состояния», выраженного в заботе и переживании о нем, в защите и воспитании потом-

ства, поддержании теплой эмоциональной связи с детьми любого возраста, в способности к самопожертвованию: «Это самое высокое духовное чувство: чем выше духовность женщины, тем богаче и разностороннее материнство» [2]. Очевидно, что в русле такого подхода данный статус не ограничивается сугубо рамками репродуктивной функции женщины, а тесно сопряжен с пониманием экзистенциальных ценностей и охватывает сферу жизнедеятельности, связанную с полноценной реализацией родительских, материнских обязанностей, заботой о детях и защитой их прав, что, безусловно, относится не только к биологическим, но и к приемным мамам. Применениеialectического метода при изучении феномена материнства, обобщение данных социологических, философских, психологических, педагогических и медицинских трудов позволяет авторам рассматривать значение термина «материнство» через синтез естественного («как основной биологической функции женского организма, направленной на воспроизведение рода человеческого») и социального компонентов («как важной социальной роли женщины, являющейся частью социального института родительства») [3].

Качественная реализация созидающего потенциала норм Конституции РФ, направленных на поддержание и защиту семейных ценностей, неизменно предполагает всестороннюю поддержку детей, женщин, отцовства, пожилых граждан, общественное и государственное признание родительского труда и, безусловно, высокого статуса материнства как первоосновы жизни семьи и непреходящей, конституционно защищаемой ценности. Само понятие конституционной ценности отражает наиболее значимые, утвердившиеся в ходе многовекового исторического развития государства и общества смысловые ориентиры и доминанты, идеалы и жизненные приоритеты. Они оказывают первостепенное влияние на жизнь и судьбу многонационального народа России, определение магистрального пути развития ее уникальной государственности.

В научном дискурсе справедливо подчеркивается, что защита семьи, материнства, отцовства и детства предполагает реализацию комплекса «правовых, экономических, организационных и иных мер, выступающих частью планомерной последовательной политики государства, направленной на поддержание статуса семьи как основы общества» [4]. Можно говорить о стройной системе конституционных норм, направленных на обеспечение правового базиса защиты семейных ценностей, уважения достоинства и прав матерей, признания их высокого статуса в российском обществе. Исследователи отмечают особую роль конституционной реформы 2020 г., приведшей к существенному укреплению гарантий государственной защиты института семьи, материнства, отцовства, брака, что отнесено к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (п. «ж» ч. 1 ст. 72), финансовой и организационной помощи женщинам, родившим или усыновившим (удочерившим) ребенка [5].

Показательно, что бюджетные средства, направляемые на реализацию дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей, носят наименование «материнского (семейного) капитала», несмотря на то, что в ряде законодательно определенных ситуаций указанное право может принадлежать не только материам, но и отцам (усыновителям) детей, а также самим детям [6]. Однако это связано с производным характером прав указанных субъектов от права матери, которое по общему правилу принадлежит ей в приоритетном порядке, однако в силу тех или иных обстоятельств было ею утрачено. Можно согласиться с тем, что правовая защита материнства является неотъемлемым условием решения вопросов семьи «как составной части социальной политики любого государства, осознающего важность и значимость молодого поколения для своего будущего, для чего оно разрабатывает и проводит конституционную правовую политику по защите семьи и сохранению семейных ценностей» [7].

Конституционное закрепление приоритета прав и свобод человека как высшей ценности (ст. 2), а также реализация относящихся к основам конституционного строя принципов правового (ст. 1 ч. 1) и социального государства (ст. 7) предполагают необходимость создания системы действенных гарантий государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства (ст. 38 ч. 1) [8]. Буквально воспроизводя смысл данных конституционных положений, Семейный кодекс РФ в приоритетном порядке относит их к основным начальникам семейного законодательства (ст. 1). В контексте определения материнства как происхождения ребенка от матери нормами ст. 48 СК РФ закрепляются основания его установления в случаях рождения ребенка матерью в медицинской организации или вне ее, а также без оказания медицинской помощи. Продолжением данной логики правового регулирования является закрепление прав суррогатной матери как родившей ребенка женщины, чье согласие является необходимым условием записи его родителями лиц, указанных в законе и давших свое письменное согласие на имплантацию ей эмбриона в целях вынашивания и рождения ребенка (ст. 51 СК РФ).

Одной из ключевых задач, несомненно, является создание благоприятных финансовых и организационных условий для поддержки материнства и детства. Согласно неоднократно подтверждавшейся позиции

Конституционного Суда РФ, «в современной социально-демографической ситуации в Российской Федерации институт материнства и детства приобретает повышенную публичную значимость», что обуславливает необходимость создания федеральным законодателем адекватной системы социальной защиты, включая социальное обеспечение работающих женщин в связи с беременностью и родами, наиболее полным образом гарантирующей реализацию ими прав, закрепленных в указанных статьях Конституции Российской Федерации» [9].

Конституционное закрепление возможности свободного распоряжения каждого своими способностями к труду (ст. 37 ч. 1), а также принципа равноправия мужчин и женщин (ст. 19 ч. 3) находят выражение в трудовых правоотношениях, при этом комплекс норм Трудового кодекса РФ устанавливает ряд особенностей регулирования труда женщин и лиц с семейными обязанностями. Во многом это продиктовано необходимостью обеспечения сбалансированности профессиональных и материнских обязанностей, социальной защиты женщины в трудовых правоотношениях, поддержания благоприятных условий для воспитания детей, заботы о родственниках, сохранения качества жизни и здоровья женщины, защиты прав и интересов ребенка, поддержания условий для его полноценного развития. Действие целого ряда норм главы 41 ТК РФ должно обеспечить реализацию дополнительных правовых гарантий в сфере труда беременным, родившим или усыновившим (удочерившим) ребенка женщинам, работающим матерям малолетних, несовершеннолетних детей, одиноким матерям.

Так, универсальный характер действия защитного правового механизма подчеркивается Конституционным Судом РФ, указавшим, в частности, на недопустимость лишения действующих государственных гарантий при увольнении по инициативе представителя нанимателя проходящих государственную гражданскую службу одиноких матерей, воспитывающих детей в возрасте до 14 лет, равно, как и женщин, проходящих военную или правоохранительную службу. Подчеркивается, что данная практика «нарушает конституционные принципы равенства, справедливости и соразмерности и не имеет разумного и объективного оправдания и не основано на особенностях государственной гражданской службы» [10].

Стремясь к балансу при распределении предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти, Конституция РФ в ст. 72 относит вопросы защиты семьи, материнства, отцовства и детства к их совместному ведению, что должно отражаться позитивно на различных аспектах гарантированной защиты прав матерей. В том числе речь идет о реализации комплексных мер материальной поддержки женщин, готовящихся стать мамами, родивших и воспитывающих детей, прежде всего – о функционировании системы государственных пособий гражданам, имеющим детей, в связи с их рождением, усыновлением (удочерением) и воспитанием [11].

Между тем, существует целый ряд серьезных ряд проблем, связанных, в частности, с практической реализацией мер поддержки женщин, воспитывающих детей самостоятельно, а также многодетных мам. Так, согласно данным Федерации независимых профсоюзов России, полученным в ходе социологического онлайн опроса, примерно 23% одиноких матерей одного ребенка и более трети женщин, самостоятельно воспитывающих двоих детей, получают доход при расчете на каждого члена семьи меньше 15 тысяч рублей; еще ниже показатели среднедушевых доходов в многодетных семьях с одной мамой. Все это является болезненным симптомом социального неблагополучия женщин, приводящим к усугублению целого ряда проблем, в том числе финансовой зависимости женщин, рискам их нахождения в ситуациях домашнего насилия, нарушения их трудовых прав [12].

Также к числу актуальных проблем авторы относят существующую в ряде регионов недоступность качественных медицинских услуг для беременных женщин и маленьких детей, проблемы в сфере здравоохранения. Отмечается отсутствие эффективной социальной защиты, в том числе «индивидуального подхода к субъектам в контексте определения их правового статуса», вследствие чего осуществление ряда мер, например, ежемесячных выплат семьям, имеющим детей, зависит от материального положения семьи и является симптомом, а зачастую и стимулом ее социального неблагополучия.

Авторы подчеркивают необходимость комплексного адресного подхода, при котором возможен не только формат финансовой помощи, но и, в частности, эффективная психологическая и организационная поддержка женщин и семей независимо от их доходов, увеличение размера существующих выплат, и в целом повышение эффективности мер защиты материнства, отцовства и детства [13]. Кроме того, в работах справедливо подчеркивается необходимость защиты трудовых прав беременных женщин и молодых матерей, в том числе предоставления им законных гарантий и льгот, обеспечения социальной поддержки и защиты [14]. Нельзя не признать наличие серьезных проблем, связанных с наличием в общественном сознании, прежде всего среди молодежи, ценностного восприятия материнства как важнейшего предназначения женщины. Авторы отмечают негативное влияние современного мирового социально-экономического и во-

енно-политического кризиса на развитие института материнства, что сопровождается «изменением отношения общества к деторождению и детности в сторону снижения репродуктивной активности населения и сокращения количества детей в семье». В той или иной степени существует определенная деформация образа матери в российской ментальности, например, понятие «многодетная мать» часто ассоциируется с такими негативными характеристиками, как «нищета», «неблагополучие» и тому подобное» [15].

Выводы

Таким образом, нормы Конституции РФ закладывают надежный правовой базис для осуществления всесторонней государственной поддержки института материнства в России, его защиты и успешного развития. Требуется эффективная работа государственно-правового механизма, направленная на полноценную реализацию заложенного в конституционных нормах созидательного потенциала и способствующая тем самым достижению положительных демографических тенденций в российском обществе, что является на данный период жизненной необходимостью. Актуальной задачей является устранение существующих барьеров, мешающих успешному решению данных задач, всемерное укрепление института семьи, действенная поддержка материнства, отцовства и детства, а также воспитание в юных поколениях уважительного отношения к семейным ценностям.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=lwadzg9b3g299069805>
2. Безрукова В.В. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000. 937 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://didacts.ru/slovari/osnovy-duhovnoi-kultury-enciklopedicheskii-slovar-pedagoga.html?ysclid=lx03oninul386718733>
3. Лушина Е.А. Философский анализ понятия "материнство" // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 4-4 (118). С. 70 – 81.
4. Савченко М.С., Кириченко Е.В., Калустова А.А. Содержание конституционно-правового регулирования защиты семьи, материнства, отцовства и детства // Власть Закона. 2024. № 1 (57). С. 81 – 90.
5. Иванова С.Л. Конституционно-правовое закрепление защиты института семьи, материнства, отцовства и детства в России и в зарубежных странах // Приоритеты конституционного развития России и стран Содружества независимых государств: сборник научных трудов, к 30-летию Конституции Российской Федерации. Москва: Издательство "Саратовский источник", 2023. С. 139 – 144.
6. Федеральный закон от 29.12.2006 N 256-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/87119687f6485f84c98a194ed9fb2b0be648a9f8/#dst100024
7. Дородонова Н.В. Конституционно-правовая политика стран СНГ в сфере защиты семьи и семейных ценностей // Приоритеты конституционного развития России и стран Содружества независимых государств: сборник научных трудов, к 30-летию Конституции Российской Федерации. Москва: Издательство "Саратовский источник", 2023. С. 119 – 129.
8. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>
9. Определение Конституционного Суда РФ от 7 июня 2011 г. N 840-О-О "По жалобе гражданки Кирьяновой С.Е. на нарушение ее конституционных прав положениями пункта 1 статьи 12.1 и статьи 22 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение ее конституционных прав данными положениями" [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102598/?ysclid=ly3389ya70541713745>
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.11.2011 N 25-П "По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 31, пункта 6 части 1 статьи 33 и статьи 37 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки В.Ю. Боровик" [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122452/

11. Федеральный закон "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей" от 19.05.1995 N 81-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Режим доступа.https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/?ysclid=ly3ib1tgjg309712703
12. Профсоюзы рассказали о доходах работающих россиянок [Электронный ресурс]. Режим доступа.<https://tass.ru/obschestvo/18669449?ysclid=ly4tdqmy44853093524>
13. Кузнецов А.А., Кедык Д.А. Охрана материнства и детства в РФ: конституционно-правовые проблемы теории и практики // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 97-5. С. 157 – 160.
14. Макеева И.О., Тарасова Д.А., Тищенко Е.А. Защита прав беременных женщин и молодых матерей в трудовом законодательстве: анализ и перспективы развития // Социально-гуманитарное знание как фактор модернизации общества и государства: отечественный и зарубежный опыт: Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Курск, 30 ноября 2023 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2023. С. 36 – 39.
15. Лушина Е.А., Яковleva B.B. Сравнительный анализ понятия "материнство" в России и в Китае // Научный вектор в АТР: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, Чита, 10-11 ноября 2022 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Забайкальский государственный университет. Том Часть 2. Чита: ИП Непомнящих С.Я., 2022. С. 275 – 280.

References

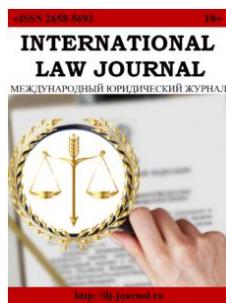
1. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 N 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" [Electronic resource]. Access mode. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=lwadzg9b3g299069805>
2. Bezrukova V.V. Fundamentals of spiritual culture (encyclopedic dictionary of a teacher). Ekaterinburg, 2000. 937 p. [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://didacts.ru/slovare/osnovy-duhovnoi-kultury-enciklopedicheskii-slovar-pedagoga.html?ysclid=lx03oninul386718733>
3. Lushina E.A. Philosophical analysis of the concept of "motherhood". International Research Journal. 2022. No. 4-4 (118). P. 70 – 81.
4. Savchenko M.S., Kirichenko E.V., Kalustova A.A. The content of constitutional and legal regulation of the protection of family, motherhood, fatherhood and childhood. Power of Law. 2024. No. 1 (57). P. 81 – 90.
5. Ivanova S.L. Constitutional and legal consolidation of the protection of the institution of family, motherhood, fatherhood and childhood in Russia and in foreign countries. Priorities of constitutional development of Russia and the Commonwealth of Independent States: collection of scientific papers, for the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. Moscow: Saratov Source Publishing House, 2023. P. 139 – 144.
6. Federal Law of 29.12.2006 N 256-FZ (as amended on 25.12.2023) "On additional measures of state support for families with children" (as amended and supplemented, entered into force on 05.01.2024) [Electronic resource]. Access mode. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/87119687f6485f84c98a194ed9fb2b0be648a9f8/#dst100024
7. Dorodonova N.V. Constitutional and legal policy of the CIS countries in the field of protection of family and family values. Priorities of constitutional development of Russia and the countries of the Commonwealth of Independent States: collection of scientific papers, for the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. Moscow: Saratovsky Istochnik Publishing House, 2023. P. 119 – 129.
8. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [Electronic resource]. Access mode. <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>
9. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 7, 2011 N 840-O-O "On the complaint of citizen S.E. Kiryanova about the violation of her constitutional rights by the provisions of paragraph 1 of Article 12.1 and Article 22 of the Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation" and the complaint of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation about the violation of her constitutional rights by these provisions" [Electronic resource]. Access mode. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102598/?ysclid=ly3389ya70541713745>
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 22.11.2011 N 25-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Part 4 of Article 31, paragraph 6 of Part 1 of Article 33 and Article 37 of the Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen V.Yu. Borovik" [Electronic resource]. Access mode. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122452/

11. Federal Law "On state benefits to citizens with children" dated 19.05.1995 N 81-FZ (latest revision) [Electronic resource]. Access mode.
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/?ysclid=ly3ib1tgjg309712703
12. Trade unions reported on the incomes of working Russian women [Electronic resource]. Access mode.
<https://tass.ru/obschestvo/18669449?ysclid=ly4tdqmy44853093524>
13. Kuznetsov A.A., Kedyk D.A. Protection of motherhood and childhood in the Russian Federation: constitutional and legal problems of theory and practice. Trends in the development of science and education. 2023. No. 97-5. P. 157 – 160.
14. Makeeva I.O., Tarasova D.A., Tishchenko E.A. Protection of the rights of pregnant women and young mothers in labor legislation: analysis and development prospects. Social and humanitarian knowledge as a factor in the modernization of society and the state: domestic and foreign experience: Collection of scientific articles of the International scientific and practical conference, Kursk, November 30, 2023. Kursk: South-West State University, 2023. P. 36 – 39.
15. Lushina E.A., Yakovleva V.V. Comparative analysis of the concept of "motherhood" in Russia and China. Scientific vector in the Asia-Pacific region: materials of the international scientific and practical conference of young scientists, Chita, November 10-11, 2022. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; Transbaikal State University. Volume Part 2. Chita: IP Nepomnyashchikh S.Ya., 2022. P. 275 – 280.

Информация об авторе

Тронина Е.Г., кандидат политических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, elisaveta.t2007@yandex.ru

© Тронина Е.Г., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.451
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-134-140

О новых законотворческих инициативах, направленных на возможность более эффективной защиты прав продавцов товаров и услуг и потребителей

¹ Внукова В.А.,¹ Кальмук С.А.,
¹ Белгородский университет кооперации, экономики и права

Аннотация: обсуждаются законодательные инициативы, внесенные на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации, призванные совершенствовать законодательство при осуществлении электронной коммерции, направленные на регулирование отношений между продавцами и маркетплейсами, маркетплейсами и пунктами выдачи заказов. Ставится вопрос об отсутствии четкой правовой модели отношений между указанными субъектами, что ведет к возможному ущемлению прав продавцов. Рассматривается необходимость доведения до потребителей услуг маркетплейсов информации о продавце товаров. Авторами отстаивается точка зрения о том, что до потребителя должна доводиться информация о продавце товара. Это позволит продавцам оставаться самостоятельными хозяйствующими субъектами.

Анализируется законотворческая инициатива относительно необходимости введения в стране рекуррентных платежей, обращается внимание на отсутствие правового регулирования платных цифровых подписок, обсуждаются способы защиты прав потребителей, со счетов которых осуществляется списание денежных средств на основании подписки. На основании обсуждения проекта Федерального закона о внесении изменений в Закон РФ о защите прав потребителей авторы отмечают целесообразность его принятия и своевременность. Тем не менее, сделаны замечания по тексту законопроекта. Так, предлагается указать, что рекуррентные платежи могут осуществляться на основании заключения абонентского договора, при условии обязательного предварительного уведомления потребителя о дате списания платежа, предлагается устранить фактическую ошибку, допущенную авторами законопроекта при его формулировании: периодические платежи не являются формой безналичных расчетов. Эту формулировку предложено исключить из проекта закона. Авторами предложено устранить фактическую ошибку, содержащуюся в тексте проекта закона, которая заключается в том, что определен орган исполнительной власти, осуществляющий «функции по контролю и надзору в сфере информационных технологий и связи.» Полагаем, что такой орган должен определяться Правительством РФ и не должен указываться в тексте закона.

Ключевые слова: защита прав потребителей, купля-продажа товаров, рекуррентные платежи, банковская карта, маркетплейс, Интернет-торговля, агрегатор, продавец

Для цитирования: Внукова В.А., Кальмук С.А. О новых законотворческих инициативах, направленных на возможность более эффективной защиты прав продавцов товаров и услуг и потребителей // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 134 – 140. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-134-140

Поступила в редакцию: 10 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

On new legislative initiatives aimed at more effective protection of the rights of sellers of goods, services and consumers

¹Vnukova V.A., ¹Kal'muk S.A.,
¹Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Abstract: legislative initiatives submitted to the State Duma of the Russian Federation are discussed, designed to improve legislation in the implementation of e-commerce, aimed at regulating relations between sellers and marketplaces, marketplaces and order delivery points. The question is raised about the lack of a clear legal model of relations between these entities, which leads to a possible infringement of the rights of sellers. The need to communicate information about the seller of goods to consumers of marketplace services is considered. The authors argue that providing consumers with clear information about sellers enhances transparency and helps maintain their independence as business entities. They analyze a legislative proposal concerning recurring payments, highlighting the current absence of legal frameworks for paid digital subscriptions.

The paper discusses potential measures to safeguard consumer rights, particularly regarding automatic deductions from accounts for subscription services. After reviewing the draft Federal Law on Amendments to the Law of the Russian Federation on Consumer Rights Protection, the authors conclude that its adoption is both necessary and timely, emphasizing the importance of protecting consumers in the evolving digital marketplace. However, comments were made on the text of the bill. Thus, it is proposed to indicate that recurring payments can be made on the basis of the conclusion of a subscription agreement, subject to mandatory prior notification of the consumer about the date of debiting the payment, it is proposed to eliminate the factual error made by the authors of the bill when formulating it: periodic payments are not a form of non-cash payments. It is proposed to exclude this wording from the draft law. The authors proposed to eliminate the factual error contained in the text of the draft law, which lies in the fact that an executive body has been identified that carries out "functions of control and supervision in the field of information technology and communications." We believe that such a body should be determined by the Government of the Russian Federation and should not be indicated in the text of the law.

Keywords: consumer protection, purchase and sale of goods, recurring payments, bank card, marketplace, Internet commerce, aggregator, seller

For citation: Vnukova V.A., Kal'muk S.A. On new legislative initiatives aimed at more effective protection of the rights of sellers of goods, services and consumers. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 134 – 140. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-134-140

The article was submitted: May 10, 2024; Approved after reviewing: July 11, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

В ст. 17 Конституции Российской Федерации [1] закреплено, что в стране признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина. Известно, что одним из важных гражданских прав человека является возможность совершения сделок, а самой часто встречающейся сделкой является купля-продажа [2].

Поэтому одним из первых законом после распада СССР стал Закон РФ «О защите прав потребителей» [3] (далее Закон РФ «О ЗПП»), принятый в начале 1992 года. За прошедшие 32 года наша жизнь очень изменилась, в неё надежно вошли информационные технологии, которые применяются во многих сферах, включая заключение самых обычных сделок: договоров купли-продажи. Зачастую дорогие и ежедневно необходимые товары, и даже продукты питания сегодня покупаются нами на маркетплейсах.

Законодательство и право призваны защищать права наименее защищенной стороны, поэтому в последние годы активно вносятся предложения об изменении законодательства о защите прав потребителей [4]. В связи с расширением Интернет-торговли в последнее время появились предложения о необходимости принятия нового закона, регулирующего этот вопрос.

Законодатели активно занимаются реформированием, «осовремениванием» действующего законодательства, внося предложения об изменениях действующих нормативных актов.

Материалы и методы исследований

На рассмотрении в Государственной Думе находится три Проекта Закона о защите прав потребителей, внесенные группами депутатов. Речь идет:

1. О проекте Федерального закона № 405607-8 от 19.07.2023 года [5] «О внесении изменений в Закон

РФ «О ЗПП»».

2. О проекте Федерального закона № 445923-8 от 23.10.2023 [6] «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности ...» и в статьи 12 и 18 Закона РФ «О ЗПП»».

3. О проекте Федерального закона № 353469-8 от 04.05.2023 года [7] «О внесении изменений в Закон РФ «О ЗПП»».

Такая активность со стороны законодателей объясняется актуальностью вопроса. Нормы законов «О ЗПП» и «Об основах государственного регулирования торговой деятельности» во многом устарели и уже не вполне соответствуют потребностям сегодняшнего дня, поэтому законодатели, исследователи и владельцы маркетплейсов [8] активно обсуждают грядущие изменения.

В настоящей статье рассмотрим основные положения проекта ФЗ РФ №445923-8 от 23.10.2023 [6] «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности» и в статьи 12 и 18 Закона РФ «О защите прав потребителей»», а так же проанализируем вопрос о рекуррентных платежах, обсуждаемый в проекте поправок [5] к этому закону.

Постараемся разобраться в планируемых нововведениях.

Результаты и обсуждения

Дистанционная торговля предполагает существование целого ряда отношений:

- между продавцами и владельцами агрегаторов;
- между владельцами агрегаторов и владельцами пунктов выдачи заказов;
- между агрегаторами и потребителями;
- между потребителями и продавцами.

Очевидно, что все перечисленные выше отношения должны быть официально урегулированы. В настоящее время действуют акты саморегулирования: Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов [9] и Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с продавцами товаров [10]. Но поскольку установление правовых основ единого рынка согласно п. «ж» статьи 71 Конституции Российской Федерации находится в ведении Российской Федерации, то считаем, что в силу прямого указания в Конституции РФ эти отношения должны регулироваться не соглашениями и актами саморегулирования, а федеральным законом.

Полагаем, что продавец должен иметь возможность оставаться самостоятельным хозяйствующим субъектом, а для этого у потребителя должна быть возможность получить информацию о том, кто реально является продавцом товара, и у продавца должна быть возможность в случае необходимости довести дополнительную информацию до покупателя. Только в этом случае продавец реально останется продавцом.

Далее рассмотрим, какие наиболее важные положения предлагается урегулировать в законодательном порядке и то, насколько предлагаемые в Закон поправки обоснованы.

Многие термины, такие как «торговый агрегатор», «маркетплейс», «продавец товаров на маркетплейсе», «пункт выдачи заказов маркетплейсов» (далее ПВЗ), личный кабинет владельца пункта выдачи заказов или вендора (продавца товаров на маркетплейсе) и т.д., не смотря на свое иностранное происхождение, надежно вошли в нашу повседневную жизнь. Считаем, что определения этих и некоторых других часто употребляемых терминов должны быть размещены не в Законе РФ «О ЗПП», а в ст. 2 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности...».

1. Разработчиками проекта Федерального закона № 445923-8 предлагается внести в действующий ФЗ РФ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности...» определение термина «владелец маркетплейса» или по-другому: агрегатора информации о товарах (услугах). Значение терминов, полагают авторы законопроекта, имеют одинаковое значение.

Однако, в действующем Законе «О ЗПП» определение того же содержания, что предлагается авторами законопроекта, уже дано термину «владелец агрегатора информации о товарах (услугах) или владелец агрегатора». Таким образом, абсолютно идентичные определения предлагается разместить в разных нормативных актах и дать эти определения в отношении разных терминов.

Возникает два вопроса:

- какова необходимость в разных законах размещать определения одного содержания?
- как термины, имеющие одинаковое смысловое наполнение, размещенные в законах, регулирующих отношения в сфере торгового оборота, могут носить разное название?

Полагаем, что такое определение должно быть размещено в ФЗ РФ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности», из текста Закона РФ «О ЗПП» его необходимо исключить.

2. В статье 11 ФЗ РФ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности» предлагается указать, что отношения между всеми участниками интернет-торговли регулируются в гражданском правовом порядке, основанном на действующих законах, Правилах взаимодействия владельцев маркетплейсов, продавцов товаров и владельцев ПВЗ, утвержденных Правительством Российской Федерации. Действующие на сегодняшний день Стандарты взаимодействия являются актом саморегулирования, согласованным владельцами маркетплейсов и продавцами, владельцами маркетплейсов и пунктов выдачи заказов. То есть, остается нерешенным вопрос: все-таки вопросы взаимодействия должны определяться на условиях саморегулирования или определение условий, подлежащих согласованию, определение принципов, на которых основываются отношения между сторонами, должны определяться Правительством РФ? Мы полагаем, что основы торговой деятельности должны регулироваться нормативными актами, принимаемыми государственными органами.

3. Представляет интерес предлагаемая редакция ч. 3 ст. 11 ФЗ РФ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности...», где указано, что условия договоров между владельцем маркетплейса и владельцем ПВЗ, а также между владельцем маркетплейса и продавцом «могут пересматриваться по соглашению сторон в сроки, предусмотренные договором, но не чаще одного раза в год». Далее авторы законопроекта указывают, что указанный срок не может быть сокращен даже по договоренности между сторонами. Мы полагаем, что такое ограничение на пересмотр условий договора нарушает принцип свободы договора, являющийся основой гражданского-правовых отношений. Кроме того, известно, что законы в нашей стране часто меняются.

4. Законопроектом предлагается в пункте 5 ст. 11 ФЗ РФ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности...» предусмотреть запрет для владельца маркетплейса «ограничить доступ к личному кабинету продавца товара на маркетплейсе и (или) владельца ПВЗ, за исключением случаев неправомерного доступа третьих лиц к личному кабинету продавца товара и (или) владельца ПВЗ.» Вряд ли такой запрет будет способствовать защите интересов потребителей, так как у владельца маркетплейса не будет возможности быстро среагировать в случае выявления недобросовестных продавцов и возникновения риска мошенничества с их стороны. Такой запрет делает невозможным агрегаторам реагировать на жалобы покупателей, например, по поводу контрафактных товаров.

5. Очень странно звучит содержание п. 7 ст. 11 Проекта закона, в которой предусмотрен запрет для владельца маркетплейса, который имеет выручку более 150 млрд. руб., продавать товары на своем маркетплейсе. Полагаем, что такой запрет ограничивает конкуренцию и может быть расценен как запрет для маркетплейсов заниматься торговой деятельностью. Вряд ли это будет способствовать защите прав потребителей товаров.

6. В анализируемом проекте федерального закона обосновано важное внимание уделяется вопросу ответственности владельца маркетплейса. Известно, что в действующем законодательстве речь об ответственности за обнаруженные недостатки товара идет в ст.18 Закона РФ «О ЗПП». Авторы законопроекта предложили возложить ответственность за обнаруженные недостатки товара и на владельца маркетплейса. Однако, последний не выступает в качестве стороны в сделке купли-продажи товара. Договор заключается между продавцом и потребителем, товар владельцу маркетплейса не принадлежит. Как он должен нести ответственность? Реализовать это положение возможно только в том случае, если торговый агрегатор будет проверять качество всего товара, который выставляется на интернет-площадке. Но это противоречит самой сути маркетплейсов. Тогда речь должна идти уже о создании интернет-магазинов.

Таким образом, за прошедшие годы существования Закона РФ «О ЗПП» и ФЗ РФ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности...» многое изменилось, нуждается в дополнении, однако, необходимо оценить целесообразность подобных дополнений, которые не являются комплексными, не отвечают требованиям сегодняшнего дня, не рассматривают, например, правовое регулирование с участием агрегатора услуг. Мы полагаем, что подобного рода законопроекты вносят неразбериху и противоречивость в сложный вопрос регулирования отношений по продаже товаров и услуг. Поэтому, полагаем, что принятие самостоятельного закона об интернет-торговле было бы сегодня более целесообразно.

Далее рассмотрим то, каким образом, изменилась жизнь граждан страны в связи с тем, что в нашу жизнь вошли «рекуррентные платежи». Даже если многие граждане не знают значение этого термина, то сталкивались с такими платежами многие. Рассмотрим, каково содержание этого термина.

Рекуррентные платежи – повторяющиеся платежи, платежи по подписке или, по-другому, автоплатежи. Они совершаются без необходимости потребителю каждый раз заново вводить данные банковской карты. Потребителю необходимо единоразово оформить подписку:

- оформить подписку;

- выбрать сумму платежа;
- установить периодичность платежа.

После этого деньги с банковской карты начнут списываться автоматически.

Термин «рекуррентные платежи» происходит от английского слова: «recurrent», что в переводе означает периодический, повторяющийся.

Зачастую рекуррентные платежи используются в случае оформления настройки автоплатежей за интернет или мобильную связь, при подписках на онлайн-кинотеатры, электронные библиотеки, при оплате жилищно-коммунальных или образовательных услуг, иной цифровой контент.

На первый взгляд – очень удобная для потребителей форма расчетов, так как не требуется каждый раз вводить банковские реквизиты, следить за тем, чтобы не пропустить срок платежа.

Однако, как многие современные технологии, применение рекуррентных платежей несет в себе потенциальную опасность для граждан. Например, Е. Ушкова указала, что граждане, которые берут микрозайм, при заполнении анкеты вводят данные своей банковской карты, а позднее с нее начинают списываться платежи даже без уведомления. Оказалось, что при регистрации граждане соглашались с применением рекуррентных платежей [11].

Какое-либо правовое регулирование платных цифровых подписок сегодня отсутствует. Тем не менее потребители, оформившие их могут столкнуться с рядом проблем, в частности:

- с возможностью отслеживания платных подписок;
- с несоответствием сервиса по подписке, который ранее был заявлен продавцом, тем услугам, которые получает потребитель;
- с возможностью одностороннего изменения продавцами условий подписки без предварительного уведомления потребителей [12];
- с автоматическим продлением платных подписок даже без предварительного подтверждения согласия потребителя;
- с ситуацией, когда списание денежных средств за подписку осуществляется без предварительного уведомления клиента;
- со сложностями, с которыми сталкиваются клиенты, решившие отказаться от подписки или отменить ее.

Таким образом, очевидной стала необходимость вмешаться государству в вопросы правового регулирования платных цифровых подписок. Группой депутатов были разработаны поправки в Закон РФ «О ЗПП» и внесены на рассмотрение Государственной Думы РФ [5].

Законопроектом предлагается дополнить Закон РФ «О ЗПП» некоторыми положениями. Рассмотрим их с точки зрения действующего законодательства. Все изменения предлагается внести в ст. 16.1, регулирующую формы и порядок оплаты при продаже товаров:

- предлагается закрепить возможность заключать абонентский договор в случае реализации возможности регулярно получать конкретные услуги или иметь регулярный доступ к товарам на сайте в сети Интернет. Заключение такого договора может допускать осуществление периодических платежей только при условии предварительного уведомления в электронной форме потребителя о дате списания платежа.

В этой части дважды употребляется слово «регулярно»: «регулярно получать услуги», «иметь регулярный доступ к товарам». Полагаем, что необходимо конкретизировать его из-за правовой неопределенности и возможности различного толкования.

- фактической ошибкой, допущенной авторами законопроекта, является то, что периодические платежи названы формой безналичных расчетов. Однако, все формы безналичных расчетов названы в с.862 ГК РФ и среди них такая форма отсутствует;

- считаем, что следует обратить внимание на содержание п.8 ст. 16.1 проекта Закона РФ «О ЗПП», в котором предлагается закрепить, какой орган осуществляет «контроль за соблюдением продавцом (исполнителем) требований по направлению потребителям» предварительных уведомлений о периодических платежах. В проекте указано, что это федеральный орган исполнительной власти, «осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере информационных технологий и связи» [4].

Полагаем, что это положение не соответствует содержанию ст.40 действующей редакции Закона РФ «О ЗПП» [3], где указано, что такой орган определяется Правительством РФ. Мы полагаем, что этот пункт должен быть исключен из редакции Закона.

Выводы

За последнее время в связи с появлением дистанционной торговли многое в экономической жизни общества изменилось. Поэтому Закон РФ «О защите прав потребителей» и ФЗ РФ «Об основах государствен-

ного регулирования торговой деятельности...» нуждаются в дополнении. В частности, проект закона о введении рекуррентных платежей является важным и своевременным, так как он направлен на защиту прав граждан, которые столкнутся со списанием денежных средств по абонентскому договору. Следует отметить, что документ нуждается в доработке из-за правовой неопределенности и возможности различного толкования.

В то же время, попытка внести в действующие Законы «О защите прав потребителей» и «Об основах государственного регулирования торговой деятельности» положений о правовом регулировании Интернет-торговли во многом ведет к появлению противоречивых норм, так как в рамках одного закона урегулировать столь отличные и зачастую непохожие сделки невозможно. Мы полагаем, что подобного рода законопроекты вносят неразбериху и противоречивость в сложный вопрос регулирования отношений по продаже товаров и услуг. Поэтому, полагаем, что принятие самостоятельного закона об интернет-торговле было бы сегодня более целесообразно.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система / Компания «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.03.2024)
2. Внукова В.А. Договор розничной купли-продажи лекарственных средств: специальность 12.00.03 Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кубанский государственный аграрный университет. Краснодар, 2007. 19 с.
3. О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 февр. 1992 г. № 2300-1 (ред. от 14.07.2022) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система / Компания «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.07.2024).
4. Внукова В.А., Сушкова Н.Н. К вопросу об отказе потребителя от исполнения договора купли-продажи / В.А. Внукова, // Юриспруденция: вопросы истории, теории и практики: материалы III международной научно-практической и научно-методической конференции. Белгород : БУКЭП, 2021. С. 140 – 146.
5. Проект Федерального закона № 405607-8 от 19.07.2023 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» (о правилах списания периодических платежей и денежных средств потребителей при расчётах в сети «Интернет»)» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система / Компания «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.03.2024)
6. Проект Федерального закона № 445923-8 от 23.10.2023 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система / Компания «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.03.2024)
7. Проект Федерального закона № 353469-8 от 04.05.2023 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» (о предоставлении потребителю ссылки на запись в реестре выданных сертификатов соответствия и зарегистрированных деклараций о соответствии товаров (продукции) требованиям, установленным техническими регламентами и (или) обязательным требованием)» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система / Компания «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.03.2024)
8. Ткаченко Е. Маркетплейсы под угрозой: юристы оценили поправки об онлайн-торговле. URL: <https://pravo.ru/story/249748> (дата обращения: 09.03.2024)
9. Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов (утв. Комиссией по созданию условий саморегулирования в электронной торговле в Российской Федерации, Протокол от 03.10.2023 N 15-381) (подписаны 10.10.2023) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система / Компания «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.03.2024)
10. Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с продавцами товаров: подписаны // КонсультантПлюс: справочно-правовая система / Компания «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.03.2024)
11. Ушкова Е. Что такое рекуррентные платежи и чем они опасны. URL: <https://www.sravnii.ru/q/chto-takoe-rekurrentnye-platezhi-i-chem-oni-opasny-55885/> (дата обращения: 09.03.2024)
12. Внукова В.А., Хамская Ю.В. Существенные условия договора возмездного оказания услуг // Юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: материалы V национальной (Всероссийской) научно-практической конференции. Белгород : БУКЭП, 2022. С. 99 – 103.

References

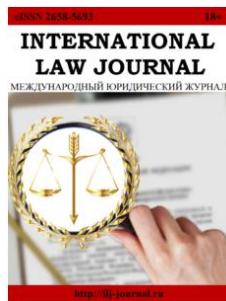
1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). ConsultantPlus: reference and legal system. ConsultantPlus Company (date of access: 09.03.2024)
2. Vnukova V.A. Retail sale and purchase agreement for medicines: specialty 12.00.03 Civil law, business law, family law, international private law: abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Kuban State Agrarian University. Krasnodar, 2007. 19 p.
3. On the protection of consumer rights: Law of the Russian Federation of February 7, 1992, No. 2300-1 (as amended on 14.07.2022). ConsultantPlus: reference and legal system. ConsultantPlus Company (date of access: 09.07.2024).
4. Vnukova V.A., Sushkova N.N. On the issue of the consumer's refusal to perform the purchase and sale agreement. Jurisprudence: issues of history, theory and practice: materials of the III international scientific-practical and scientific-methodical conference. Belgorod: BUKEP, 2021. P. 140 – 146.
5. Draft Federal Law No. 405607-8 of July 19, 2023 "On Amendments to the Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-1 "On the Protection of Consumer Rights" (on the rules for writing off periodic payments and consumer funds when making payments on the Internet)". ConsultantPlus: reference and legal system. ConsultantPlus Company (date of access: March 9, 2024)
6. Draft Federal Law No. 445923-8 of October 23, 2023 "On Amendments to the Federal Law "On the Fundamentals of State Regulation of Trade Activities in the Russian Federation" and to Articles 12 and 18 of the Law of the Russian Federation "On the Protection of Rights consumers"". ConsultantPlus: reference and legal system. ConsultantPlus Company (date of access: 03/09/2024)
7. Draft Federal Law No. 353469-8 of 05/04/2023 "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights" (on providing the consumer with a link to an entry in the register of issued certificates of conformity and registered declarations of conformity of goods (products) with the requirements established by technical regulations and (or) mandatory requirements)". ConsultantPlus: reference and legal system. ConsultantPlus Company (date of access: 03/09/2024)
8. Tkachenko E. Marketplaces under threat: lawyers assessed the amendments on online trading. URL: <https://pravo.ru/story/249748> (date of access: 09.03.2024)
9. Standards for interaction between marketplaces and owners of order pick-up points (approved by the Commission for the creation of conditions for self-regulation in electronic commerce in the Russian Federation, Protocol dated 03.10.2023 N 15-381) (signed on 10.10.2023). ConsultantPlus: reference and legal system. ConsultantPlus Company (date of access: 09.03.2024)
10. Standards for interaction between marketplaces and sellers of goods: signed. ConsultantPlus: reference and legal system. ConsultantPlus Company (date of access: 09.03.2024)
11. Ushkova E. What are recurring payments and how dangerous they are. URL: <https://www.sravni.ru/q/chtotakoe-rekurrentnye-platezhi-i-chem-oni-opasny-55885/> (date of access: 03/09/2024)
12. Vnukova V.A., Khamskaya Yu.V. Essential terms of the contract for the provision of paid services. Jurisprudence: current issues, achievements and innovations: materials of the V national (All-Russian) scientific and practical conference. Belgorod: BUKEP, 2022. P. 99 – 103.

Информация об авторах

Внукова В.А., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права, 308023 Белгород, Садовая 116А, vavnukova@rambler.ru

Кальмук С.А., аспирант, Белгородский университет кооперации, экономики и права, 308023 Белгород, Садовая 116А, kaf-gp@bukep.ru

© Внукова В.А., Кальмук С.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.122
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-141-146

Некоторые вопросы систематизации объектов гражданских прав

¹ Кожахметова Д.А.,

¹ ООО «Юридическая компания «Народное право»

Аннотация: цель исследования состоит в рассмотрении норм гражданского законодательства, определяющих закрепление системы объектов гражданских прав и определение их правового режима. Поскольку система объектов гражданских прав представляется одним из основных институтов гражданского права, с развитием технологий и общественных отношений, складывающихся в связи с ними, актуальным становится пересмотр системообразующих признаков, позволяющих отнести то или иное явление к объектам гражданских прав. В качестве основного метода исследования был выбран метод анализа, который позволил рассмотреть систему объектов гражданских прав с позиции правовой природы каждого из входящих в ее состав объекта. В качестве результата исследования предложены некоторые рекомендации по пересмотру существующей системы объектов гражданских прав и перегруппированию элементов системы. В частности, предложения касаются распределения объектов на группы имущественных и неимущественных благ и включения в указанные группы соответствующих объектов. Статья выполнена на основе научно-теоретических разработок в области системы объектов гражданских прав, и полученные выводы могут быть использованы как в ходе законотворчества, так и в рамках правоприменимской практики, а также могут быть положены в основу дальнейшей проработки теоретической концепции системы объектов гражданских прав.

Ключевые слова: объект, система, критерий, блага, имущество, систематизация

Для цитирования: Кожахметова Д.А. Некоторые вопросы систематизации объектов гражданских прав // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 141 – 146. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-141-146

Поступила в редакцию: 11 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Some issues of systematization of objects of civil rights

¹ Kozhakhmetova D.A.,

¹ LLC “Narodnoe Pravo Law Company”

Abstract: the purpose of the study is to consider the norms of civil legislation that mediate the consolidation of the system of objects of civil rights and the definition of their legal regime. Since the system of objects of civil rights appears to be one of the main institutions of civil law, with the development of technologies and public relations that develop in connection with them, it becomes urgent to review the system-forming features that make it possible to attribute a particular phenomenon to objects of civil rights. The analysis method was chosen as the main research method, which allowed us to consider the system of objects of civil rights from the perspective of the legal nature of each of its constituent objects. As a result of the study, some recommendations are proposed for the revision of the existing system of objects of civil rights and the rearrangement of elements of the system. In particular, the proposals relate to the distribution of objects into groups of property and non-property benefits and the inclusion of relevant objects in these groups. The article is based on scientific and theoretical developments in the field of the system of objects of civil rights, and the conclusions can be used both in the course of lawmaking and in the

framework of law enforcement practice, and can also be used as the basis for further elaboration of the theoretical concept of the system of objects of civil rights.

Keywords: object, system, criterion, benefits, property, systematization

For citation: Kozhakhmetova D.A. Some issues of systematization of objects of civil rights. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 141 – 146. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-141-146

The article was submitted: May 11, 2024; Approved after reviewing: July 11, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

В качестве объектов гражданских прав современный Гражданский кодекс Российской Федерации называет вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Объединение столь различных по своей правовой природе явлений и предметов в перечень объектов гражданских прав не является в сущности систематизацией, поскольку никакого системообразующего критерия гражданское законодательство не предлагает.

Материалы и методы исследований

Нужно отметить, что позиция, транслируемая законодателем в соответствующей норме Гражданского кодекса, не является бесспорной. Разные ученые выдвигают зачастую антагонистические по содержанию концепции отнесения к объектам гражданских прав того или иного явления или предмета. К примеру, М.М. Агарков под объектом гражданских прав понимал только вещь [1, с. 179]. Некоторые авторы классифицируют объекты на вещи и иные ценности, действия и воздержание от действий [5, с. 43]. Отдельные ученые выдвигали идею о том, что содержанием правоотношения является право одного субъекта на действия другого [8, с. 174].

Таким образом, понимание объекта гражданских прав можно свести к трем концепциям: под объектом понимается исключительно овеществленный предмет, исключительно действие, как вещь, так и действие. Законодательство стран СНГ идет по пути признания объектом как вещей, то есть объективированных предметов материального мира, имеющих материальную форму товара, так и отдельных действий субъектов. Как любой компромисс, подход, объединяющий под понятием объекта гражданских прав столь не похожие друг на друга по материальной и правовой природе явления, вызывает к жизни многие теоретические вопросы и проблемы практического свойства.

В.А. Лапач систему объектов гражданских прав предлагает воспринимать в следующем виде:

- имущественные блага (имущество);
- имущественно-неимущественные блага;
- связанные с личностью неимущественные права [7, с. 202].

При этом к имущественным благам или имуществу относятся вещи, деньги, ценные бумаги, имущественные права. К имущественно-неимущественным благам относятся работы и услуги, объекты интеллектуальной собственности, информация, в том числе, коммерческая и служебная тайна. К неимущественным благам относятся так называемые нетоварные блага, связанные с личностью их носителя, в том числе, жизнь, здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь, доброе имя и так далее [7, с. 202].

Следует отметить, что вышеуказанная классификация в науке гражданского права признана одной из наиболее удачных, стройной и обоснованной как с теоретической, так и практической точек зрения [3, с. 248]. В целом, вопрос о классификации объектов гражданских прав является весьма значимым не только для науки гражданского права, но и для правоприменительной практики, поэтому нельзя недооценивать его значение в контексте понимания основ правового режима отдельных объектов и принципов правового регулирования всей системы в целом.

Комментируя подход, предложенный В.А. Лапач, можно отметить, что он является относительно традиционным, ведь разделение объектов на имущественные и неимущественные блага существует в течение длительного времени и является общепринятым.

Также, рассматривая имеющиеся в цивилистике принципы классификации объектов гражданских прав, нельзя не отметить, что авторы, исследующие договорные обязательства (М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Ю.В. Романец), формируют представление об объектах обязательственного правоотношения как о двухуровневой системе и выделяют так называемые объекты первого рода и объекты второго рода, руководствуясь общей направленностью смежных договорных отношений. К примеру, в качестве объекта первого рода в обязательствах по передаче имущества в собственность (сделках, направленных на переход права собственности), указываются действия обязанных сторон обязательства по передаче и принятию соответствующего имущества, а в качестве объекта второго рода указывается непосредственно такое имущество [4, с. 4].

Нужно отметить, что рассматриваемое вычленение объектов двух родов или двух уровней видится нам не совсем обоснованным. В каждом обязательственном правоотношении имеются предусмотренные договором обязанности лиц совершить какие-либо действия. Чаще всего, такие действия направлены на конкретный объект, обусловлены им и зависят от него. Однако, рассматривать такие действия в качестве объекта кажется нам теоретически неверным и логически некорректным. Объект по своей сути – это и есть то, на что направлены действия уполномоченных или обязанных лиц. Если за действием признать качества объекта, то произойдет, с нашей точки зрения, смешение субъекта и объекта в рамках одного общественного отношения. Действие есть неотъемлемая часть, принадлежность субъекта, оно порождается волей и сознанием субъекта, вытекает из него, и по сути именно волевое действие является признаком, отличающим субъекта правоотношения от его объекта, то есть от того, на что направлено действие. Любое действие рассматривается как совокупность двигательных реакций, основанных на соответствующих когнитивных процессах и сопряженных с некоторыми эмоциональными переживаниями. Действие – это, прежде всего, волевой акт, которым субъект привносит изменения в окружающий его реальный мир. Признавая за действием качества объекта, мы, тем самым, внутренние, интрапсихические процессы субъекта, приводящие его к соответствующему волевому акту, превращаем в объект, по сути, таких же внутренних процессов. В результате мы имеем дело с объектом в объекте, что, как минимум, на наш взгляд, является некорректным с методологической точки зрения.

Если мы не можем согласиться с двухуровневой системой объектов по вышеуказанным соображениям, вернемся к классификации, обоснованной В.А. Лапач, где речь идет о едином уровне объектов, линейно расположенных в соответствующей системе. Но и в этой классификации мы усматриваем ряд недостатков. Рассмотрим их подробнее.

Итак, линейная классификация объектов гражданских прав подразумевает вычленение как минимум трех групп в зависимости от характеристики элементов, их составляющих – имущественные блага, имущественно-неимущественные и неимущественные.

Имущественные блага представляют собой самую распространенную категорию объектов гражданских прав. Под имущественными благами понимаются собственно вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, а также имущественные права. К иному имуществу, прямо не указанному в соответствующей статье, но имеющему соответствующую правовую природу, можно отнести самые разнообразные виды материальных благ, например, земельный участок, недра, животных. К имущественным правам относятся безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права. Обратим внимание на то, что сам термин «имущество» выступал предметом неоднократной критики со стороны ученых-цивилистов с позиции его закрепления в перечне объектов гражданских прав, и В.И. Казанцев отмечал: «соглашаясь с тем, что термин «имущество» имеет многоплановое значение, следует констатировать неудачность его введения в законодательство наравне с термином «вещь» [6, с. 7-8].

В подмножестве имущества, которое может выступать объектом гражданских прав, можно выделить собственно вещи, имущественные права, в том числе, деньги и ценные бумаги, а также иное имущество. При этом под иным имуществом следует понимать любой предмет материального мира либо любое имущественное право или обязательство, которое может участвовать в гражданском обороте, то есть быть предметом гражданско-правовых сделок. Что касается вещей, то в рамках данного исследования мы не будем подробно останавливаться на правовой природе вещей и их разновидностях: движимые и недвижимые, индивидуально определенные и определяемые родовыми признаками, делимые и неделимые, потребляемые и непотребляемые и так далее. Мы полагаем, что каждая из перечисленных разновидностей вещей, а также конкретные вещи, с которыми сталкивается современный гражданский оборот, могут выступать отдельным самостоятельным объектом для научного исследования.

Отметим, что из всего вышеперечисленного на сегодняшний день только вещь не вызывает сомнений в ее имущественной природе. Безналичные и цифровые деньги, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права, иное имущество, которое не является вещью в традиционном понимании этого слова, например, имущественный комплекс, а также имущественные права требования делают категорию имущественных благ как объектов гражданских прав весьма размытой.

Активное развитие безналичных форм расчетов приводит к тому, что деньги и ценные бумаги фактически утратили связь с собственным материальным субстратом – бумажной купюрой или документом. Их имущественная природа проявляется в большей степени в характерных для них признаках. То есть безналичные деньги и бездокументарные ценные бумаги, существующие в виде информационной записи, хранящейся на сервере, к примеру, в коммерческом банке, имеют не больше материальной природы, чем любая другая информация, которая к имущественным благам традиционно не относится. Вместе с тем, очевидно, что и деньги, и ценные бумаги, в какой бы форме они ни существовали, безусловно, направлены на удовлетворение имущественных потребностей их владельца. Именно это свойство позволяет отнести их к имущественным благам. При этом возникает обоснованный вопрос, о том, можно ли их относить к вещам в традиционной интерпретации как объектам материального мира, имеющим экономическую форму товара. Мы полагаем, что ответ в данном случае будет однозначно отрицательным. Деньги в традиционном смысле не являются вещью, выступая унифицированным средством меры стоимости вещей. Они не имеют товарной формы, поскольку сами выступают товарообразующим фактором в отношении всех прочих объектов материального мира. Возможность сформировать денежный эквивалент есть один из признаков товарности той или иной вещи. Очевидно, что сами деньги при этом не могут выступать эквивалентом самим себе. Таким образом, мы считаем, что деньги, независимо от их формы, не являются вещью, однако, традиционная форма наличных денег, безусловно, имеет имущественную природу, так как привязана к материальному носителю. Таким образом, определять наличные деньги как разновидность вещей видится нам не совсем удачным с теоретической точки зрения.

На сегодняшний день деньги как разновидность вещей, пожалуй, претерпели наибольшие изменения. Не успела современная цивилистика адаптироваться к появлению безналичных денег, как в дополнение к ним появились и активно используются в гражданском обороте так называемые электронные деньги, на сегодняшний день активно используется категория «цифровой валюты», новым объектом гражданских прав стали цифровые права, также отнесенные законодателем к категории имущественных прав. По поводу правовой природы безналичных, электронных и цифровых денег в науке гражданского права единого мнения нет. Что касается законодательного регулирования, то, скорее всего, законодатель использует констатирующий подход, называя и описывая различные виды денег, регламентируя порядок их эмиссии и использования, не решая при этом вопрос о том, к какой категории объектов гражданских прав они относятся, и относятся ли вообще к таковым.

Основной вопрос, который возникает при рассмотрении категории денег как объекта гражданских прав, – все ли формы денег являются объектом субъективного гражданского права? Если ответ на данный вопрос будет положительным, возникает следующий вопрос – все ли формы денег имеют имущественную природу и могут быть отнесены к материальным благам? Если да, то на каком основании?

Здесь законодатель, как нам кажется, создал дополнительные трудности в понимании и определении классификационной группы денег, указав, что безналичные денежные средства включают в себя цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права. Очевидно, что бездокументарные ценные бумаги является самостоятельной разновидностью имущественных прав в составе системы объектов гражданских прав, вопрос о соотношении правовой природы безналичных денег и цифровых рублей, является открытым, а принадлежность цифровых прав как нового объекта гражданских прав категории безналичных денежных средств как минимум вызывает сомнение. Также не совсем понятно, что произошло с категорией электронных денег, и почему электронные деньги не были причислены к компонентам безналичных денежных средств.

Результаты и обсуждения

Таким образом, мы предлагаем несколько пересмотреть подход к формированию классификационного подмножества так называемых имущественных благ:

- во-первых, выделить вещи без дальнейшего указания на их возможные разновидности и признать за вещами таким образом те качества и свойства, которыми они наделялись со временем римского права; то есть вещи считать именно вещами в их традиционном понимании – предметы материального мира, имеющие экономическую форму товара; подобный подход позволяет отнести к вещам любые предметы, имею-

щие овеществленную форму, а классификация вещей, к примеру, на простые и сложные, позволяет отнести к ним, к примеру, имущественные комплексы;

- во-вторых, выделить деньги в отдельную группу объектов, отнеся к ним наличные, безналичные, электронные деньги и цифровые рубли, признавая, тем самым, за деньгами качество платежного средства, которое дает возможность объединить их в один класс и отделить от иных объектов гражданских прав; это позволит безболезненно разрешить вопрос о правовой природе денег, не углубляясь при этом в дискуссии относительно их места в системе вещей, тем более, что вещами как минимум безналичные деньги не являются;

- в-третьих выделить ценные бумаги в отдельную группу объектов, отнеся к ним документарные и бездокументарные ценные бумаги; в данном случае можно обеспечить целостность классификационной единицы, при которой, как и в предыдущем случае, под цennыми бумагами будут пониматься некие более менее специализированные объекты гражданских прав, обладающие, безусловно, имущественной природой;

- в-четвертых, выделить отдельную группу – имущественные права, к которым отнести цифровые права; при этом такой элемент имущества, как имущественные обязанности, объектом гражданских прав не выступает, поэтому мы можем смело отказаться от категории «имущество» в пользу категорий «вещь» и «имущественные права».

Вопрос о систематизации объектов гражданских прав не исчерпывается приведенными выше умозаключениями, поскольку система объектов постоянно видоизменяется, трансформируется, будучи всецело зависимой от фактических общественных отношений и возникающих на их основе правоотношений по поводу того или иного объекта.

Выводы

Указанный подход, безусловно, является дискуссионным и должен пройти некую апробацию на практике правоприменения. Однако, с нашей точки зрения, он позволяет выстроить лаконичную и достаточно цельную систему объектов гражданских прав, которая будет практически применима и теоретически обоснованна.

Список источников

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. 192 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права (курс лекций): учеб. пос. Вып. 2: Нормы права и правоотношения. Свердловск, 1964. 226 с.
3. Андреева Е.Ю. Проблемы оборота объектов гражданских прав в современной юридической практике // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. С. 245 – 255.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: «Статут», 2002. 1038 с.
5. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940. 304 с.
6. Казанцев В.И. Правовые алогизмы при классификации объектов в гражданском праве // Цивилист. 2006. № 4. С. 7 – 8.
7. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический Центр ПРЕСС, 2002. 544 с.
8. Магазинер Я.М. Советское хозяйственное право. Л., 1928. 278 с.
9. Шимон С.И. О гражданско-правовой природе электронных денег [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Государство. 2013. № 3. 11 с. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-grazhdansko-pravovoy-prirode-elektronnyh-deneg>
10. Суслова С.И., Филатова У.Б. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России // Пролог: журнал о праве. 2019. № 2. С. 8 – 15.

References

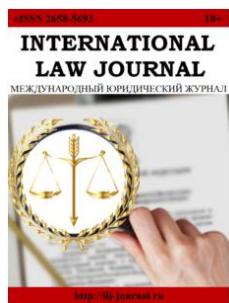
1. Agarkov M.M. Obligation under Soviet civil law. Moscow, 1940. 192 p.
2. Alekseev S.S. General theory of socialist law (lecture course): textbook. pos. Issue 2: Legal norms and legal relations. Sverdlovsk, 1964. 226 p.
3. Andreeva E.Yu. Problems of circulation of objects of civil rights in modern legal practice. Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2011. P. 245 – 255.
4. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book three: Agreements on the performance of work and the provision of services. Moscow: "Statut", 2002. 1038 p.

5. Golunsky S.A., Strogovich M.S. Theory of state and law. M., 1940. 304 p.
6. Kazantsev V.I. Legal alogisms in the classification of objects in civil law. Tsivilist. 2006. No. 4. P. 7 – 8.
7. Lapach V.A. The system of objects of civil rights: theory and judicial practice. St. Petersburg: Legal Center PRESS, 2002. 544 p.
8. Magaziner Ya.M. Soviet economic law. L., 1928. 278 p.
9. Shimon S.I. On the civil-legal nature of electronic money [Electronic resource]. Science. Society. State. 2013. No. 3. 11 p. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-grazhdansko-pravovoy-prirode-elektronnyh-deneg>
10. Suslova S.I., Filatova U.B. Objects of civil rights in the context of the formation of the information space of Russia. Prologue: journal on law. 2019. No. 2. P. 8 – 15.

Информация об авторе

Кожахметова Д.А., соискатель степени кандидата юридических наук, ООО «Юридическая компания «Народное право»

© Кожахметова Д.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.951:34.038.2
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-147-157

Правовые проблемы использования беспилотных воздушных судов в условиях административных ограничений, вводимых в 2022-2024 гг.

¹ Черных Г.С., ¹ Акулов А.О.,
¹ Кемеровский государственный университет

Аннотация: развитие беспилотной авиации является одной из стратегических целей России. Однако в 2022-2024 гг. большинство регионов ввели запреты, ограничения на использование беспилотных воздушных судов (БВС). Цель исследования – анализ правовых норм регионального уровня, вводящих ограничения и запреты на полеты БВС, практики их применения, разработка на этой основе прикладных рекомендаций по изменению регулирования операторов беспилотной авиации в современных условиях. В исследовании показано, что запреты и ограничения на использование БВС, введенные регионам, препятствуют реализации решений федерального центра о стратегическом развитии беспилотной авиации, не соответствуют букве и духу федеральных правовых норм. Предложено исключить запреты и ограничения на использование БВС в регионах, где установлен режим базовой готовности, который не устанавливает ограничений на движение транспортных средств, включая Кемеровскую область – Кузбасс. Проанализирована процедура выдачи разрешения на полеты БВС органами местного самоуправления, показано, что она не может рассматриваться как муниципальная услуга. Это создает правовую неопределенность, ущемляет права и законные интересы беспилотной авиации. Предложены конкретные варианты правовой регламентации выдачи данного разрешения с учетом разного уровня рисков.

Ключевые слова: обязательные требования, уровни реагирования, административное право, органы местного самоуправления, муниципальные услуги, регулирование беспилотной авиации

Для цитирования: Черных Г.С., Акулов А.О. Правовые проблемы использования беспилотных воздушных судов в условиях административных ограничений, вводимых в 2022-2024 гг. // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 147 – 157. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-147-157

Поступила в редакцию: 11 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Legal problems of using unmanned aerial vehicles in the context of administrative restrictions introduced in 2022-2024

¹ Chernyh G.S., ¹ Akulov A.O.,
¹ Kemerovo State University

Abstract: the development of unmanned aircraft is one of Russia's strategic goals. However, in 2022-2024, most regions introduced bans and restrictions on the use of unmanned aerial vehicles (UAVs). The purpose of the study is to analyze legal norms at the regional level that introduce restrictions and prohibitions on the use of UAVs, the practice of their application, and, on this basis, develop applied recommendations for changing the regulation of unmanned aircraft operators in modern conditions. The study shows that bans and restrictions on the use of UAVs imposed on the regions impede the implementation of decisions of the federal center on the strategic development of unmanned aircraft and do not correspond to the letter and spirit of federal legal norms. It is proposed to exclude bans and restrictions on the use of UAVs in regions where a basic readiness regime has been established, which

does not establish restrictions on the movement of vehicles, including the Kemerovo region – Kuzbass. The procedure for issuing permission for UAV flights by local authorities is analyzed, and it is shown that it cannot be considered as a municipal service. This creates legal uncertainty and infringes on the rights and legitimate interests of unmanned aircraft. Specific options for legal regulation of issuing this permit are proposed, taking into account different levels of risks.

Keywords: mandatory requirements, response levels, administrative law, local governments, municipal services, regulation of unmanned aircraft

For citation: Chernyh G.S., Akulov A.O. Legal problems of using unmanned aerial vehicles in the context of administrative restrictions introduced in 2022-2024. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 147 – 157. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-147-157

The article was submitted: May 11, 2024; Approved after reviewing: July 13, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Беспилотные воздушные суда (БВС) все более активно используются для решения различных задач экономической деятельности, обеспечения безопасности, проведения научных исследований в таких сферах как сельское хозяйство, природопользование, горная промышленность, строительство, кадастровые работы, мониторинг объектов, управление городским хозяйством и др. О важности данной сферы для нашей страны говорят принятие Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации (РФ) на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года [1], запуск национального проекта «Беспилотные инновационные системы» [2] и другие значимые решения федерального центра, регионов, хозяйствующих субъектов.

Быстрое развитие беспилотной авиации предполагает своевременную разработку и совершенствование правовых норм по регулированию этой сферы. В соответствии с Федеральным законом «Об обязательных требованиях...», необходимо обеспечение определенного баланса между защитой от потенциальных угроз, возникающих при использовании БВС, и созданием благоприятных возможностей для деятельности беспилотной авиации, поскольку «при установлении обязательных требований оцениваются затраты ... на их исполнение. Указанные затраты должны быть соразмерны рискам, предотвращаемым этими обязательными требованиями» [3, ст. 9, п. 1]. Иными словами, законодатель устанавливает, что обязательные требования, ограничения, обременения для операторов БВС, которые необходимы для защиты законных прав и интересов третьих лиц, не должны быть избыточными, чрезмерными.

Анализ научной литературы показывает, что вопросы правового регулирования и правоприменения в сфере использования БВС изучены недостаточно, нуждаются в дальнейших исследованиях. Как указывает Е.В. Вавилин, «со всей очевидностью возникла проблема совершенствования действующих, а также формирования новых нормативно-правовых актов, регулирующих отношения по использованию беспилотных транспортных средств» [4, с. 3]. Однако большинство исследователей рассматривает данный вопрос с позиции рисков, угроз охраняемым законом правам и интересам, возникающих при использовании БВС.

Так, А.И. Быковым предлагается, в частности, введение института специального обучения управлению БВС с получением соответствующих прав, напоминающего процедуру выдачи водительского удостоверения, причем сроком только на 2 года [5]. А.И. Коробеев, А.И. Чучаев рассматривают беспилотные транспортные средства как источник угроз общественной безопасности, предлагают ряд новаций по введению ответственности за нарушение правил, причинение вреда в этой сфере [6]. Близкая позиция представлена в исследованиях Е.Н. Алешиной-Алексеевой [7], Е.Г. Александровой [8] и др. Значительное число публикаций ученых-юристов посвящено использованию БВС в качестве орудий совершения преступлений и ответственности в связи с этим [9, 10, 11, 12].

Отдельные исследования рассматривают проблемы правового регулирования использования БВС в целом. Г.А. Грищенко справедливо отмечает необходимость как законодательного закрепления норм использования БВС, так и создания механизмов их применения [13]. Л.В. Зарапина, Н.Ю. Белокопытова считают целесообразным разработать единый нормативно-правовой акт, основанный на пандектной системе, который бы системно регулировал общественные отношения в сфере беспилотной авиации [14]. Согласно Д.А. Полетыкину, принципиально возможно использовать три подхода в этой сфере:

- распространение тех же норм, что применяются в традиционной пилотируемой авиации;
- создание отдельной системы регулирования, учитывающей глубокие различия между беспилотной и пилотируемой авиацией по различным признакам;

– комбинирование двух указанных выше подходов [15, с. 143], что, на наш взгляд наиболее обоснованно.

Также исследователями предлагается использование института экспериментальных правовых режимов, «регулятивных песочниц» для выработки наиболее рациональных подходов с учетом фактического опыта [16, 17], интеграция БВС, беспилотной авиации в единое воздушное пространство [18], отмечается ряд избыточных требований и обременений, существующих в настоящее время [19]. Вместе с тем, в вопросах правового регулирования использования БВС, как уже частично отмечалось выше, остается немало пробелов. Комплексные представления о системе права в сфере применения беспилотной авиации пока не сложилось. Кроме того, сложность, динамичность правоотношений в указанной сфере постоянно генерирует новые вызовы для юридической науки.

В частности, с 2022 г. большинство субъектов Российской Федерации вводили прямые административные запреты и (или) ограничения на полеты БВС со ссылкой на два Указа Президента РФ [20, 21], модифицировали их далее в сторону смягчения или ужесточения. По мнению авторов, этот институт требует научного правового анализа, оценки с точки зрения соотношения соображений обеспечения безопасности, сложности исполнения обязательных требований, а также возможностей развития беспилотной авиации.

Вместе с тем, как показал библиографический поиск в Российском индексе научного цитирования, на момент выполнения данного исследования институт административных запретов использования БВС субъектами РФ практически не подвергался юридическим исследованиям. Исходя из сказанного, **целью** статьи является анализ правовых норм регионального уровня, вводящих ограничения и запреты на использование БВС, практики их применения, разработка на этой основе прикладных рекомендаций по изменению регулирования операторов беспилотной авиации в современных условиях. Отметим, что в исследовании рассматриваются исключительно вопросы легального применения БВС в гражданской сфере.

Материалы и методы исследований

В исследовании использованы системный подход, дескриптивный анализ, логико-структурный анализ, формально-юридический метод познания. Были проанализированы законы, другие нормативно-правовые акты федерального, регионального, муниципального уровней, судебная практика по вопросам административных ограничений на полеты БВС за 2022-2024 гг. Также использованы материалы, собранные лично авторами в ходе исследований, профессиональной деятельности в области использования беспилотной авиации.

Результаты и обсуждение

В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона «О военном положении», «в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии» на территории всей РФ или отдельных ее местностей вводится военное положение, являющееся особым правовым режимом [22]. Согласно п. 4 ст. 1 указанного закона «В период действия военного положения ... могут ... ограничиваться права и свободы граждан Российской Федерации ..., деятельность организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, права их должностных лиц. На граждан, организации и их должностных лиц могут возлагаться дополнительные обязанности» [22].

Ст. 7 данного закона устанавливает конкретный перечень мер, которые применяются на территории, где введено военное положение, в том числе усиление охраны важнейших государственных, военных, инфраструктурных объектов, ограничение движения транспортных средств [22]. Отметим также, что ограничения в период военного положения могут вводиться именно «в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства» [22, ст. 1, п. 4], то есть законодательно установлена определенная пропорциональность между необходимостью достижения цели введения военного положения и тяжестью ограничений, обременений, дополнительных затрат для граждан и организаций.

Далее, военное положение не является единственным особым правовым режимом, который может быть установлен на территории страны или ее части. Ст. 4.1 Федерального закона «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» предусматривает режимы и уровни реагирования на чрезвычайную ситуацию, включая режим повышенной готовности [23]. Хорошо известен опыт практического применения этого режима в период распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 в 2021 г.

Как известно, п. 1 Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. №756 было предписано «Ввести 20 октября 2022 г. с ноля часов на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей военное положение» [20]. При этом компетентные федеральные органы исполнительной власти обязывались конкретизировать перечень мер, применяемых в связи с введением военного положения. Далее, в Указе Президента РФ от 19 октября 2022 г. №757 были детализированы особенности правовых режимов на различных территориях, а именно [21]:

1. На территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей – режим (максимальный уровень реагирования), при котором органы власти осуществляют полномочия, предусмотренные Федеральным конституционным законом «О военном положении», проводят ряд других мер. Разумеется, на физических лиц и организации на указанной территории возлагается наибольшее число ограничений и запретов.

2. На территориях Республики Крым, Краснодарского края, Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской областей и г. Севастополя – режим (средний уровень реагирования), при котором для органов власти по смыслу Указа не предполагается реализация полномочий, предусмотренных Федеральным конституционным законом «О военном положении» с введением всего спектра соответствующих ограничений для организаций и граждан. Однако в тоже время органы власти указанных регионов осуществляют полномочия по проведению мобилизационных мероприятий в сфере экономики, в органах власти, местного самоуправления, а также по гражданской обороне, защите населения и территорий.

В данной группе регионов установлено в общей сложности шесть видов мер, связанных с определенными ограничениями для юридических и физических лиц, включая: «усиление охраны ... военных, важных государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики», а также «ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра» [21].

3. На территориях субъектов РФ Центрального и Южного федеральных округов (за исключением указанных выше) введен режим (уровень повышенной готовности), при котором органы власти «осуществляют полномочия по принятию решений о проведении отдельных мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне, мероприятий по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [21]. Здесь предусматривается четыре группы мер, также связанные с охраной и эксплуатацией важнейших объектов, ограничением движения транспортных средств.

4. На территории всех остальных субъектов РФ действует режим (уровень базовой готовности), при котором органы власти «осуществляют полномочия по принятию решений о проведении мероприятий по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [21]. Предусмотрена реализация двух видов мер, связанных с охраной важнейших объектов и особым режимом их работы. Подчеркнем, что никаких ограничений движения транспортных средств для данной группы регионов Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 в принципе не предусматривается.

Анализ норм Указов Президента РФ от 19 октября 2022 г. №№ 756, 757 показывает, что наибольшее количество ограничений для физических, юридических лиц, максимальная их строгость и обременительность характерны для территорий, где введен максимальный уровень реагирования, военное положение, что объективно обусловлено сложившейся обстановкой. Но по мере отдаления от этих территорий ограничения должны постепенно смягчаться, что позволяет обеспечить соответствие, сбалансированность между целями обеспечения безопасности и ограничениями, обременениями, дополнительными затратами, возлагаемыми на граждан, организации. В частности, на большей части территории страны не предполагается введение ограничений на движение транспортных средств.

Однако с октября 2022 г. значительное количество субъектов РФ начали вводить запреты и ограничения на полеты БВС. Первый запрет такого рода был введен в Нижегородской области Указом Губернатора от 28.10.2022 г. №231. В нем со ссылкой на Указы Президента РФ от 19 октября 2022 г. №№756, 757 содержится норма «Запретить использование беспилотных воздушных судов на территории Нижегородской области, за исключением беспилотных воздушных судов, используемых органами государственной власти, подведомственными им организациями, иными предприятиями и организациями по договору с органами государственной власти и подведомственными им организациями...» [24]. При этом Нижегородская область, находящаяся в составе Приволжского федерального округа, входит в четвертую группу регионов, где установлен уровень базовой готовности.

На момент выполнения исследования около 60 субъектов РФ, в том числе в Дальневосточном, Сибирском, Уральском федеральных округах, весьма отдаленных от территории, где действует военное положение, ввели ограничения и запреты на использование БВС. Они в большинстве случаев не распространяются на государственные организации, органы власти. Еще в ряде субъектов РФ такие решения de facto принимались (например, оперативными штабами), но не оформлялись и не публиковались в порядке, установленном для обнародования региональных нормативных актов. В частности, были случаи размещения новостных сообщений о запретах, ограничениях на полеты БВС на сайте областной администрации или ее канале в телеграмм, что не соответствует установленному порядку публикации нормативных документов (отметим,

что создать подложный, «фейковый» телеграмм-канал от имени любого лица или организации сейчас не составляет труда, а добиться его удаления от администрации мессенджера сложно).

Разумеется, административные ограничения, принятые субъектами РФ, самым существенным образом затрудняют развитие беспилотной авиации. Это в определенной мере диссонирует с документами стратегического планирования федерального уровня, а также, на наш взгляд, с Указами Президента РФ от 19 октября 2022 г. №№ 756, 757, которые предполагают смягчение ограничений в соответствии со степенью удаленности от территорий, где введены максимальный и средний уровни реагирования. Кроме того, после принятия региональных нормативных актов, существенно затруднилось получение разрешений на полеты БВС, использование воздушного пространства даже для государственных организаций.

Как установлено Приказами Министерства транспорта РФ, организатор полета БВС должен представить план полета, получить разрешение на установление временного, местного режима или кратковременных ограничений от органов Единой системы организации воздушного движения в установленных для них зонах и районах обслуживания [25, 26]. Однако, в соответствии с п. 49 Федеральных правил использования воздушного пространства РФ при выполнении полетов БВС массой более 0,25 кг над населенными пунктами также требуется получить разрешение органов местного самоуправления [27].

После введения ограничений и запретов на использование БВС в различных субъектах РФ выдача таких разрешений существенно затруднена даже для организаций, подведомственных органам государственной власти. Рассмотрим практический опыт Института цифры ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (КемГУ), который активно использует беспилотную авиацию для выполнения различных работ в интересах народного хозяйства страны и региона. В Кемеровской области – Кузбассе действует распоряжение Губернатора о запрете полетов БВС с 10 мая 2023 г., за исключением «используемых в установленном законодательством порядке органами государственной власти и подведомственными им организациями... в рамках возложенных на них функций» [28], а также некоторых других случаев.

Учредителем КемГУ является федеральный орган исполнительной власти (Министерство науки и высшего образования РФ), следовательно, по смыслу распоряжения Губернатора Кемеровской области – Кузбасса на него не должен распространяться запрет на использование БВС. Однако на практике органы местного самоуправления муниципальных образований Кемеровской области – Кузбасса затягивают выдачу разрешений, предусмотренных Постановлением Правительства РФ от 11.03.2010 г. № 138 (в ред. от 21.06.2023 г. № 1016) [27] либо, по сути дела, отказывают с формулировками, не соответствующими действующей нормативно-правовой базе, включая Указы Президента РФ и распоряжение Губернатора.

В частности, органы местного самоуправления предлагали КемГУ «согласовать с промышленными предприятиями на территории муниципалитета» (чего не предусматривает ни одна действующая правовая норма), «предоставить документы, подтверждающие полномочия организации» (даже без указания, какие именно), «предоставить документ, что Минобрнауки знает, что запускаются БВС» (такое информирование также не предусмотрено ни одним подзаконным актом, это отношения учредителя и подведомственной организации, к которым органы местного самоуправления не имеют никакого отношения). Обычно согласование все же удается получить, но это приводит к излишним затратам времени, задержкам в проведении работ, что наносит ущерб заказчикам, КемГУ, в целом народному хозяйству и науке.

Далее, часть муниципальных образований Кемеровской области – Кузбасса, например, Осинниковский городской округ [29], разработали административные регламенты по выдаче разрешения на полеты БВС над населенными пунктами. Этот подход, на наш взгляд, противоречит действующему законодательству. В соответствии со ст. 2 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», муниципальная услуга может быть предоставлена только и исключительно «в пределах полномочий органа, предоставляющего муниципальные услуги, по решению вопросов местного значения... а также в пределах предусмотренных ... прав органов местного самоуправления на решение вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения, прав органов местного самоуправления на участие в осуществлении иных государственных полномочий ... если это участие предусмотрено федеральными законами» [30]. Иными словами, органам местного самоуправления прямо запрещено оказывать муниципальные услуги по вопросам, не отнесенными федеральными законами к их компетенции.

В свою очередь, закрытый перечень вопросов местного значения установлен Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», и выдача разрешений на полеты БВС в них не входит [31]. Кроме того, институт наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в данном случае также не применим, поскольку оно возможно только на основании федерального или регионального законодательства. Следовательно, выдача разреше-

ний на полеты БВС над населенными пунктами, предусмотренная п. 49 Федеральных правил использования воздушного пространства РФ [27], не может быть муниципальной услугой.

Данная позиция подтверждается судебной практикой. Так, Междуреченский городской суд Кемеровской области – Кузбасса отказал Новокузнецкому транспортному прокурору в искомом заявлении о признании незаконным бездействия администрации Междуреченского городского округа. Оно, по мнению истца, выразилось в непринятии административного регламента по предоставлению муниципальной услуги, предусмотренной, как указывалось в иске, п. 49 Федеральных правил использования воздушного пространства РФ. В решении по делу определено, что эти правила являются подзаконным нормативным актом, который не может наделять органы местного самоуправления отдельными государственными полномочиями [32].

Таким образом, наблюдается правовая коллизия, точнее «серая зона» регулирования, когда подзаконный нормативный акт предусматривает выдачу определенного официального разрешения органом местного самоуправления. Однако эту процедуру по закону невозможно рассматривать как муниципальную услугу. Соответственно, данная процедура с точки зрения требований, сроков, условий для заявителя фактически не имеет правовой регламентации. Даже без учета действующих запретов, ограничений на полеты БВС, сложившаяся ситуация нормативного вакуума создает угрозу реализации прав, законных интересов юридических и физических лиц, связанных с беспилотной авиацией. Фактически, руководствуясь какими-либо собственными мотивами (например, чрезмерная осторожность и «перестраховка», нежелание принимать на себя какую бы то ни было ответственность), органы местного самоуправления могут отказывать в выдаче разрешений на полеты БВС.

Таким образом, введенные в большинстве субъектов РФ, в том числе весьма отдаленных от территории, где установлено военное положение, максимальный уровень реагирования, запреты и ограничения на использование БВС создают стратегические риски развитию беспилотной авиации, генерируют угрозы невыполнения решений федерального центра в этой сфере. Наряду с этим, правовая неопределенность, фактическое отсутствие регламентации процедуры выдачи разрешения на полеты органами местного самоуправления также крайне негативно сказывается на эксплуатантах БВС, на народном хозяйстве в целом. Сложилось определенное противоречие между установками федерального центра на всемерное развитие БВС и избыточными ограничительными мерами регионального и местного уровней.

По мнению авторов, для субъектов РФ, где действует уровень базовой готовности, запрет на использование БВС негосударственными организациями, физическими лицами избыточен, поскольку в данном случае Указ Президента РФ от 19.10.2022 г. №757 не предусматривает ограничений на движение транспортных средств. Невозможно, конечно, не согласиться с обеспокоенностью по поводу возможностей широкого применения беспилотной авиации для совершения преступлений, включая такие тяжкие, как диверсии, террористические акты. Однако преступники активно использовали, используют, по-видимому, будут использовать почти все базовые инновации, в частности, автомобили, мобильную связь, социальные сети, Интернет, сильнодействующие медицинские препараты и др. Проблемы защиты общества, экономики от преступлений с применением технических средств, на наш взгляд, исключительно важны, но все же не имеют прямого отношения к правовому режиму регулирования их легального использования.

Дело в том, что лицо или группа, планирующая диверсию, террористический акт или иное преступление, безусловно, проигнорируют любые официальные «правила игры», какими бы они ни были. Так, изменение норм законного оборота оружия, наркотических средств, как показывает практика, практически не влияет на оборот нелегальный. Поэтому вопросы защиты от преступных посягательств с применением БВС, как представляется авторам, лежат скорее в плоскости оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, своевременного выявления, пресечения подготовки преступлений (и чисто технических средств защиты, основанных на цифровых технологиях), а не ужесточения норм легального оборота.

Что касается необходимой регламентации процедуры выдачи разрешения на полеты БВС органами местного самоуправления, то авторы считают возможным предложить к обсуждению и рассмотрению несколько вариантов. Первый и наиболее простой – расширить перечень вопросов местного значения за счет выдачи разрешений на полеты БВС над муниципальными образованиями с соответствующими изменениями Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Это позволит сформировать нормативно-правовую определенность процедуры выдачи таких разрешений.

Второй, более радикальный вариант – в принципе исключить из Федеральных авиационных правил норму о необходимости согласовывать полеты БВС с органами местного самоуправления. Однако он представляется чрезмерно рискованным, по крайней мере, когда речь идет о полетах сравнительно крупных коммерческих БВС (с максимальной взлетной массой 15, 25 или 30 кг) над плотной городской застройкой, местами

массового скопления граждан. Поэтому наиболее рациональным авторы считают сохранение института выдачи разрешений органами местного самоуправления для полетов над селитебными территориями, где при аварии БВС может возникать некоторый риск травмирования людей, с учетом также максимальной взлетной массы аппарата.

Выводы

В 2022-2024 гг. более 60 субъектов РФ ввели административные запреты и ограничения на использование БВС, что существенно затрудняет деятельность в сфере беспилотной авиации, создает риски невыполнения стратегических решений федерального центра по развитию данной сферы. В работе показано, что для регионов, где установлен уровень базовой готовности (а это вся территория России за исключением Центрального и Южного федеральных округов) данные запреты и ограничения являются избыточными, чрезвычайно обременительными, диссонируют с буквой и духом многих правовых норм федерального уровня. Кроме того, ужесточение норм легального использования БВС, создание препятствий для работы законопослушных юридических и физических лиц, практически не влияет на преступную деятельность, поскольку злоумышленники по определению игнорируют официальные правила. Предлагается минимизировать ограничения на использование БВС в регионах, где предусмотрен базовый уровень готовности, включая Кемеровскую область – Кузбасс. Также целесообразно доработать правовой институт выдачи разрешений на полеты БВС органами местного самоуправления, обеспечив его четкую нормативную регламентацию с учетом баланса интересов развития беспилотной авиации и рисков для третьих лиц.

Список источников

1. Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года; плана мероприятий по реализации Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года: Распоряжение Правительства РФ от 21.06.2023 г. №1630-р // СПС «КонсультантПлюс».
2. О реализации пилотного проекта по созданию системы непрерывной подготовки специалистов в сфере разработки и производства беспилотных авиационных систем и (или) их элементов, а также в сфере эксплуатации беспилотных воздушных судов с максимальной взлетной массой 30 килограммов и менее, и контроля за уровнем квалификации указанных специалистов: Постановление Правительства РФ от 21.03.2024 г. №348 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 31.07.2020 №247-ФЗ (ред. от 24.09.2022 №371-ФЗ) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Вавилин Е.В. Беспилотные транспортные средства: от терминологии к новым правовым режимам // Хозяйство и право. 2023. № 8. С. 3 – 21.
5. Быков А.И. К некоторым вопросам правового регулирования полетов беспилотных летательных аппаратов на территории Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4. С. 194 – 199.
6. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 2. С. 9 – 28.
7. Алешина-Алексеева Е.Н. Беспилотные летательные аппараты: их роль при административном правонарушении и преступлении // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2021. № 1. С. 21 – 23.
8. Александрова Е.Г. Беспилотные летательные аппараты: попытки реализации безопасного полета на территории Российской Федерации // Российское правосудие. 2022. № 1. С. 39 – 43.
9. Рудик М.В., Торопов С.А. Беспилотные средства доставки взрывчатых веществ как орудие преступления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 3. С. 175 – 180.
10. Варданян А.В., Андреев А.С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 785 – 794.
11. Гребенкина И.А., Гребенкина С.А. Беспилотные транспортные средства: гражданско-правовые аспекты деликтной ответственности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 2. С. 84 – 87.
12. Кызим Е.Р., Белоусова Ж.С. Административная ответственность в сфере беспилотной авиации // Вестник юридического института МИИТ. 2024. № 1. С. 41 – 47.
13. Грищенко Г.А. Правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов: российский подход и мировая практика // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 129 – 136.

14. Зарапина Л.В., Белокопытова Н.Ю. Правовое регулирование полетов беспилотных летательных аппаратов: перспективы, новации, проблемы // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. Т. 13. № 4. С. 29 – 37.
15. Полетыкин Д.А. Правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в Российской Федерации: текущее состояние и перспективы развития // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 143–153.
16. Кузнецов А.Д. Регулирование использования беспилотных воздушных судов // Информационное общество. 2024. № 3. С. 98 – 106.
17. Андреев В.К. Правовые аспекты создания и использования беспилотных технологий // Право и экономика. 2021. № 11. С. 43 – 47.
18. Радунцев М.В., Серебряков А.С., Тихонов А.И. Анализ нормативно-правовой базы в сфере разработки, сертификации и применения беспилотных авиационных систем в Российской Федерации // СТИН. 2022. № 11. С. 48 – 52.
19. Ерин В.В., Рада А.О., Кузнецов А.Д. Правовые аспекты выполнения аэросъемочных работ с помощью беспилотных воздушных судов // Аграрное и земельное право. 2019. № 12. С. 187 – 189.
20. О введении военного положения на территориях Донецкой народной республики, Луганской народной республики, Запорожской и Херсонской областей: Указ Президента РФ от 19.10.2022 г. №756 // СПС «КонсультантПлюс».
21. О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. №757: Указ Президента РФ от 19.10.2022 г. №757 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 г. №1-ФКЗ (ред от 02.11.2023 г. №8-ФКЗ) «О военном положении» // СПС «КонсультантПлюс».
23. Федеральный закон от 21.12.1994 г. №68-ФЗ (ред. от 30.01.2024 г. №5-ФЗ) «О защите населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СПС «КонсультантПлюс».
24. О реализации Указа Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. №757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756»: Указ Губернатора Нижегородской области от 28.10.2022 г. №231 (ред. от 05.06.2023 г. №125) // СПС «КонсультантПлюс».
25. Об утверждении Федеральных авиационных правил «Организация планирования использования воздушного пространства Российской Федерации»: Приказ Министерства транспорта РФ от 16.01.2012 г. №6 (в ред. от 25.12.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
26. Об утверждении Инструкции по разработке, установлению, введению и снятию временного и местного режимов, а также кратковременных ограничений: Приказ Министерства транспорта РФ от 27.06.2011 г. №171 (ред. от 10.08.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
27. Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 г. №138 (в ред. от 21.06.2023 г. №1016) // СПС «КонсультантПлюс».
28. О запрете использования беспилотных воздушных судов на территории Кемеровской области – Кузбасса: распоряжение Губернатора Кемеровской области – Кузбасса от 05.05.2023 г. №73-рз (в ред. от 26.05.2023 №85-рз) // СПС «КонсультантПлюс».
29. Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги «Выдача разрешений на выполнение авиационных работ, парашютных прыжков, демонстрационных полетов воздушных судов, полетов беспилотных воздушных судов (за исключением полетов беспилотных воздушных судов с максимальной взлетной массой менее 0,25 кг), подъемов привязанных аэростатов над Осинниковским городским округом, а также на посадку (взлет) на расположенные в границах Осинниковского городского округа площадки, сведения о которых не опубликованы в документах аeronавигационной информации»: Постановление администрации Осинниковского городского округа от 26.10.2023 г. №1290-нп // СПС «КонсультантПлюс».
30. Федеральный закон от 27.07.2010 г. №210-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г. №675-ФЗ) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС «КонсультантПлюс».

31. Федеральный закон от 06.10.2003 г. №131-ФЗ (ред. от 08.07.2024 №168-ФЗ) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

32. Решение Междуреченского городского суда Кемеровской области от 04.02.2021 г. по делу № 2а-343/2021 (УИД 42RS0013-01-2020-003913-71) // https://mezhdurechensky-kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=414487537&case_uid=f992c434-72f0-4fab-95b9-af7b8893340f&delo_id=41&new=0.

References

1. On approval of the Development Strategy for Unmanned Aviation of the Russian Federation for the period until 2030 and for the future until 2035; action plan for the implementation of the Development Strategy for Unmanned Aviation of the Russian Federation for the period until 2030 and for the future until 2035: Order of the Government of the Russian Federation dated June 21, 2023 No. 1630-r. Legal reference system “ConsultantPlus”.
2. On the implementation of a pilot project to create a system of continuous training of specialists in the development and production of unmanned aircraft systems and (or) their elements, as well as in the operation of unmanned aircraft with a maximum take-off weight of 30 kilograms or less, and monitoring the level of qualifications of these specialists: Decree of the Government of the Russian Federation dated March 21, 2024 No. 348. Legal reference system “ConsultantPlus”.
3. Federal Law of July 31, 2020 No. 247-FZ (as amended on September 24, 2022 No. 371-FZ) “On Mandatory Requirements in the Russian Federation”. Legal reference system “ConsultantPlus”.
4. Vavilin E.V. Unmanned aerial vehicles: from terminology to new legal regimes. Economy and Law. 2023. No. 8. P. 3 – 21.
5. Bykov A.I. On some issues of legal regulation of flights of unmanned aerial vehicles on the territory of the Russian Federation. Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2018. No. 4. P. 194 – 199.
6. Korobeev A.I., Chuchaev A.I. Unmanned vehicles: New challenges to public security. Lex Russica. 2019. No. 2. P. 9 – 28.
7. Aleshina-Alekseeva E.N. The role of remotely piloted aircraft in administrative violation and offense. Managing of activities to ensure road safety: state, problems, ways of improvement. 2021. No. 4. P. 21 – 23.
8. Aleksandrova E.G. Unmanned aerial vehicles: Attempts to Introduce Safe Operation in the Airspace of Russian Federation. Russian Justice Magazine. 2022. No. 1. P. 39 – 43.
9. Rudik M.V., Toropov S.A. Unlimited delivery means explosive substances as an instrument of crime. Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. 2019. Vol. 5. No. 3. P. 175 – 180.
10. Vardanyan A. V., Andreev A. S. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in the criminal and post-criminal reality. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12. No. 6. P. 785 – 794.
11. Grebenkina I.A., Grebenkina S.A. Unmanned vehicles: civil law aspects of tort liability. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2022. No. 2. P. 84 – 87.
12. Kyzim E.R., Belousova Z.S. Administrative responsibility in the field of unmanned aircraft. Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2024. No. 1. P. 41 – 47.
13. Grishchenko G.A. Legal regulation of unmanned aircraft: Russian approach and world practice. Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2019. No. 12. P. 129 – 136.
14. Zarapina L.V., Belokopytova N.Yu. Legal regulation of flights of unmanned aerial vehicles: prospects, innovations, problems. Legal Bulletin of the Kuban State University. 2021. No. 4. P. 29 – 37.
15. Poletykin D.A. Legal regulation of relations with the use of unmanned aerial vehicles in the Russian Federation: current state and prospects of development. Legal Science. 2023. No. 9. P. 143 – 153.
16. Kuznetsov A.D. Legal regulation of the use of unmanned aircraft. Information Society. 2024. No. 3. P. 98 – 106.
17. Andreev V.K. Legal aspects of the creation and use of unmanned technologies. Law and Economics. 2021. No. 11. P. 43–47.
18. Raduntsev M.V., Serebryakov A.S., Tikhonov A.I. Analysis of the regulatory framework in the field of development, certification and application of unmanned aircraft systems in the Russian Federation. STIN. 2022. No. 11. P. 48 – 52.
19. Erin V.V., Rada A.O., Kuznetsov A.D. Legal aspects of aerial filming using unmanned aircraft. Agrarian and land law. No. 12. C. 187 – 189.

20. On the introduction of martial law in the territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporozhye and Kherson regions: Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022 No. 756. Legal reference system "ConsultantPlus".

21. On measures taken in the constituent entities of the Russian Federation in connection with the Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022 No. 757: Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022 No. 757. Legal reference system "ConsultantPlus".

22. Federal constitutional law of January 30, 2002 No. 1-FKZ (as amended on November 2, 2023 No. 8-FKZ) "On martial law". Legal reference system "ConsultantPlus".

23. Federal Law of December 21, 1994 No. 68-FZ (as amended on January 30, 2024 No. 5-FZ) "On the protection of the population and territories from natural and man-made emergencies". Legal reference system "ConsultantPlus".

24. On the implementation of Decree of the President of the Russian Federation dated October 19, 2022 No. 757 "On measures taken in the constituent entities of the Russian Federation in connection with Decree of the President of the Russian Federation dated October 19, 2022 No. 756": Decree of the Governor of the Nizhny Novgorod Region dated October 28, 2022 No. 231 (as amended on June 5, 2023, No. 125). Legal reference system "ConsultantPlus".

25. On approval of the Federal Aviation Rules "Organization of planning for the use of the airspace of the Russian Federation": Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated January 16, 2012 No. 6 (as amended on December 25, 2018). Legal reference system "ConsultantPlus".

26. On approval of the Instructions for the development, establishment, introduction and removal of temporary and local regimes, as well as short-term restrictions: Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated June 27, 2011 No. 171 (as amended on August 10, 2017). Legal reference system "ConsultantPlus".

27. On approval of the Federal Rules for the Use of the Airspace of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated March 11, 2010 No. 138 (as amended on June 21, 2023 No. 1016). Legal reference system "ConsultantPlus".

28. On the ban on the use of unmanned aircraft on the territory of the Kemerovo region – Kuzbass: order of the Governor of the Kemerovo region – Kuzbass dated 05.05.2023 No. 73-rg (as amended on 05.26.2023 No. 85-rg). Legal reference system "ConsultantPlus".

29. On approval of the administrative regulations for the provision of municipal services "Issuance of permits for aviation work, parachute jumps, demonstration flights of aircraft, flights of unmanned aircraft (except for flights of unmanned aircraft with a maximum take-off weight of less than 0.25 kg), lifting of tethered balloons over the Osinnikovsky urban district, as well as for landing (take-off) at sites located within the boundaries of the Osinnikovsky urban district, information about which is not published in aeronautical information documents": Resolution of the administration of the Osinnikovsky urban district dated October 26, 2023 No. 1290-np. Legal reference system "ConsultantPlus".

30. Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ (as amended on December 25, 2023 No. 675-FZ) "On the organization of the provision of state and municipal services". Legal reference system "ConsultantPlus".

31. Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ (as amended on July 8, 2024 No. 168-FZ) "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation". Legal reference system "ConsultantPlus".

32. Decision of the Mezhdurechensky City Court of the Kemerovo Region dated 02/04/2021 in case No. 2a-343/2021 (UID 42RS0013-01-2020-003913-71). https://mezhdurechensky--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=414487537&case_uid=f992c434-72f0-4fab-95b9-af7b8893340f&delo_id=41&new=0.

Финансирование

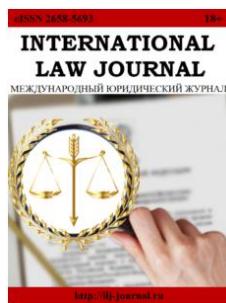
Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках соглашения о предоставлении из федерального бюджета грантов в форме субсидий от 30 сентября 2022 г №075-15-2022-1195

Информация об авторах

Черных Г.С., начальник сектора аэросъемки Центра геодезии, аэросъемки и кадастровых работ, Институт цифры, Кемеровский государственный университет, 650000, Кемерово, ул. Красная, д. 6, g.chernyh@i-digit.ru

Акулов А.О., кандидат экономических наук, доцент, ORCID <https://orcid.org/ID 0000-0002-2301-7943>, Институт экономики и управления, Кемеровский государственный университет, akuanatolij@yandex.ru

© Черных Г.С., Акулов А.О., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 334.758
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-158-165

Правовые основы ограничения ответственности продавцов в сделках слияний и поглощений в системе российского гражданского права

¹ Клещёв А.С.,
¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу правовых основ ограничения ответственности продавцов в контексте сделок слияний и поглощений (M&A) в рамках российского гражданского права. Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с договорными ограничениями ответственности и их соотношением с императивными нормами законодательства, особенностями их применения в судебной практике, а также спецификой формулирования и структурирования ограничительных условий. Особое внимание уделяется анализу влияния ограничений ответственности на ценообразование и распределение рисков в M&A сделках, а также взаимодействию механизмов защиты интересов сторон, таких как условное депонирование и отложенные платежи. Изучены последствия недостоверности заверений и возмещения имущественных потерь в контексте принципов добросовестности и разумности, подчеркивая важность тщательной проработки договорных условий. Анализ судебной практики и законодательства показывает, что при наличии четкой договорной базы и соблюдении баланса интересов сторон такие ограничения не только признаются допустимыми, но и способствуют более эффективному и предсказуемому ведению бизнеса. Однако необходимо тщательно прорабатывать условия договоров, чтобы они не противоречили императивным нормам и обеспечивали защиту прав сторон. Сделан вывод о том, что в контексте M&A сделок, ограничения ответственности играют ключевую роль в ценообразовании и распределении рисков, это требует от юристов глубоких знаний и понимания как национальной правовой системы, так и международной практики.

Ключевые слова: слияния и поглощения, ограничение ответственности, российское гражданское право, договорные ограничения, императивные нормы, судебная практика, ценообразование в M&A, рискменеджмент, защита интересов сторон, добросовестность в договорах

Для цитирования: Клещёв А.С. Правовые основы ограничения ответственности продавцов в сделках слияний и поглощений в системе российского гражданского права // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 158 – 165. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-158-165

Поступила в редакцию: 12 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Legal basis for limiting liability of sellers in mergers and acquisitions transactions in the Russian civil law system

¹ Kleshchev A.S.,
¹ Dagestan State University

Abstract: the article analyzes the legal basis for limiting the liability of sellers in the context of mergers and acquisitions (M&A) transactions within the framework of Russian civil law. The article considers current issues related to contractual limitations of liability and their relationship with mandatory legal provisions, the specifics of their application in judicial practice, as well as the specifics of formulating and structuring restrictive conditions.

Particular attention is paid to the analysis of the impact of liability limitations on pricing and risk allocation in M&A transactions, as well as the interaction of mechanisms for protecting the interests of the parties, such as escrow and deferred payments. The consequences of unreliability of representations and compensation for property losses in the context of the principles of good faith and reasonableness are studied, emphasizing the importance of careful development of contractual terms. Analysis of judicial practice and legislation shows that in the presence of a clear contractual basis and observance of the balance of interests of the parties, such restrictions are not only recognized as acceptable, but also contribute to more efficient and predictable business. However, it is necessary to carefully draft the terms of contracts so that they do not contradict mandatory norms and ensure the protection of the rights of the parties. It is concluded that in the context of M&A transactions, limitations of liability play a key role in pricing and risk allocation, which requires lawyers to have deep knowledge and understanding of both the national legal system and international practice.

Keywords: mergers and acquisitions, liability limitation, Russian civil law, contractual limitations, mandatory norms, judicial practice, pricing in M&A, risk management, protection of interests of parties, good faith in contracts

For citation: Kleshchev A.S. Legal basis for limiting liability of sellers in mergers and acquisitions transactions in the Russian civil law system. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 158 – 165. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-158-165

The article was submitted: May 12, 2024; Approved after reviewing: July 13, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

В современной практике слияний и поглощений (M&A) ключевым аспектом является комплексная оценка объекта сделки – действующего бизнеса, характеризующегося многогранной структурой активов, обязательств и экономических взаимосвязей. Информационная асимметрия между продавцом и покупателем создает значительные риски для последнего, что обуславливает необходимость проведения всесторонней due diligence процедуры.

Данная процедура включает в себя юридический, финансовый, налоговый и операционный аудит приобретаемого бизнеса. Целью такой проверки является выявление потенциальных рисков и обязательств, которые могут негативно повлиять на стоимость и перспективы приобретаемой компании. Результаты due diligence служат основой для формирования договорной структуры сделки, включая механизмы защиты интересов покупателя.

В рамках договора купли-продажи акций или долей покупатель обычно настаивает на включении обширного перечня заверений об обстоятельствах в соответствии со ст. 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Эти заверения охватывают различные аспекты деятельности приобретаемой компании, включая финансовое состояние, соблюдение законодательства, наличие необходимых разрешений и лицензий, отсутствие существенных судебных разбирательств и т.д.

Кроме того, в договор часто включаются положения о возмещении имущественных потерь (indemnities) согласно ст. 406.1 ГК РФ. Этот механизм позволяет покупателю получить компенсацию в случае наступления определенных негативных событий или обнаружения скрытых обязательств после закрытия сделки.

Однако, с точки зрения продавца, неограниченная ответственность за все исторические риски бизнеса может быть коммерчески неприемлемой. Это особенно актуально в ситуациях, когда сам продавец может не обладать полной информацией о всех аспектах деятельности компании, особенно если речь идет о крупных корпоративных структурах или длительном периоде владения.

Для достижения баланса интересов сторон в современной M&A практике широко применяется механизм договорного ограничения ответственности продавца. Данный механизм может включать в себя следующие элементы:

1. Установление временных ограничений для различных категорий заверений и гарантий.
2. Определение пороговых значений для предъявления требований.
3. Ограничение максимальной суммы ответственности продавца.
4. Исключение ответственности за определенные категории рисков.
5. Применение механизма «раскрытия информации».

Такой подход позволяет сохранить необходимый уровень юридической защиты для покупателя, одновременно ограничивая потенциальные риски для продавца, что в конечном итоге способствует успешному

заключению и реализации M&A сделок. При этом конкретные параметры ограничения ответственности являются предметом переговоров и зависят от специфики каждой конкретной сделки, включая размер и сложность приобретаемого бизнеса, отраслевые особенности и риск-профиль участников.

Особую актуальность данные условия приобретают в контексте требований, связанных с недостоверностью заверений об обстоятельствах в соответствии со ст. 431.2 ГК РФ и возмещением имущественных потерь (согласно ст. 406.1 ГК РФ). Эти институты, относительно недавно имплементированные в российское законодательство, играют ключевую роль в структурировании M&A сделок и требуют детального анализа с учетом специфики отечественной правовой системы.

Материалы и методы исследований

В рамках научного исследования данной проблематики представляется целесообразным рассмотреть ряд актуальных и дискуссионных вопросов, связанных с применением вышеуказанных ограничительных условий. К таким вопросам, в частности, относятся:

1. Правовая природа и допустимость ограничений ответственности в контексте принципа свободы договора и его пределов в российском праве.
2. Соотношение договорных ограничений ответственности с императивными нормами гражданского законодательства.
3. Особенности применения и толкования условий об ограничении ответственности в судебной практике.
4. Специфика формулирования и структурирования ограничительных условий с учетом российских реалий и международного опыта.
5. Влияние ограничений ответственности на ценообразование и распределение рисков в M&A сделках.
6. Взаимодействие механизмов ограничения ответственности с другими инструментами защиты интересов сторон, такими как условное депонирование (эскроу) и отложенные платежи.

Комплексный анализ данных аспектов позволит сформировать более глубокое понимание функционирования институтов ограничения ответственности в российской правовой среде. Это, в свою очередь, будет способствовать более эффективному и юридически корректному использованию данных механизмов при структурировании сделок по приобретению бизнеса на российском рынке.

В рамках современной договорной практики при осуществлении сделок купли-продажи все большее значение приобретают механизмы ограничения ответственности сторон, в частности, продавца. Данные механизмы реализуются посредством включения в договор специальных условий, устанавливающих предельные значения для размера предъявляемых требований. Подобные ограничения служат инструментом распределения рисков между участниками сделки и позволяют достичь разумного баланса интересов сторон. С теоретической точки зрения, можно выделить два основных типа таких ограничений: установление максимальной суммы ответственности продавца и определение минимальных финансовых порогов для различных категорий требований покупателя. Первый тип ограничений направлен на защиту интересов продавца путем фиксации верхнего предела его потенциальной ответственности, что позволяет ему более точно оценить свои риски и, соответственно, определить приемлемые условия сделки. Второй тип ограничений, в свою очередь, призван предотвратить предъявление покупателем незначительных или необоснованных требований, устанавливая минимальный размер ущерба, при котором возникает право на компенсацию.

Особого внимания заслуживает механизм ограничения максимального размера ответственности продавца, который находит все более широкое применение в современной договорной практике. Суть данного подхода заключается во включении в договор купли-продажи положения, согласно которому обязательство продавца по возмещению убытков покупателя ограничивается определенной суммой. Эта сумма обычно устанавливается в привязке к размеру покупной цены или ее части, что позволяет обеспечить пропорциональность ответственности масштабу сделки. Таким образом, даже если фактический размер убытков покупателя превышает установленное пороговое значение, ответственность продавца будет ограничена согласованной максимальной суммой. Данный подход позволяет продавцу эффективно управлять своими рисками, предоставляя ему возможность заранее оценить предельный размер потенциальных финансовых обязательств, связанных с заключаемой сделкой. Одновременно это создает стимулы для покупателя к проведению более тщательной проверки приобретаемого актива и принятию на себя части рисков, связанных с его будущей эксплуатацией.

В научной литературе часто упоминается о применении дифференцированных порогов ответственности, которые устанавливаются в зависимости от степени существенности различных рисков. Это подход позволяет адаптировать уровень ответственности к конкретной ситуации и характеру возможного ущерба или

угрозы. В зависимости от категории риска, могут быть определены различные пороги, что способствует более точной и эффективной реализации контрольных механизмов. Эта практика находит свое применение во многих областях, включая корпоративное управление, финансовый аудит и риск-менеджмент, обеспечивая более гибкую и целесообразную систему управления рисками [12].

Судебная практика в России подтверждает правомочность сторон устанавливать лимиты ответственности в договорных отношениях путем определения максимальных сумм компенсации ущерба. Показательны случаи, когда участники соглашений фиксировали верхние границы возмещения в виде доли от стоимости контрактных обязательств.

Иллюстративным примером служит определение Верховного Суда РФ от 03.03.2023 № 305-ЭС22-23773 по делу № А40-111773/2021 [4]. В нем рассматривался договор подряда, содержащий условие об ограничении ответственности подрядчика 20% от цены работ. Суд признал необходимость учета данного положения при определении размера взыскания.

Аналогичный подход прослеживается в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 18.08.2022 по делу № А40-9022/2022 [10]. Суд подтвердил правомерность договорного условия, ограничивающего ответственность стороны ценой соответствующего этапа оказания услуг.

Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.01.2023 по делу № А56-118622/2021 также демонстрирует признание судом возможности ограничения ответственности по соглашению сторон, если это не противоречит закону и существу обязательств [3].

Важно отметить, что согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ (постановление от 24.03.2016 №7), такие ограничения недопустимы в случаях, прямо запрещенных законом или противоречащих сути правового регулирования конкретного вида обязательств. Кроме того, пункт 4 статьи 401 ГК РФ устанавливает, что предварительные соглашения об исключении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательств являются ничтожными.

Арбитражная практика последовательно признает законность договорных условий, при которых контрагенты полностью отказываются от взыскания непрямых потерь (недополученной прибыли). В качестве иллюстрации можно привести Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 26 мая 2022 г. по делу № А40-45186/2020 [6].

В указанном определении № 305-ЭС21-24470 высшая судебная инстанция подчеркнула, что законодательство позволяет сторонам по своему усмотрению ограничивать ответственность должника (п. 4 ст. 421 ГК РФ). При этом п. 4 ст. 401 ГК РФ, допускающий такое ограничение, применим к любым его формам – будь то установление предельного размера неустойки или исключение из возмещения упущенной выгоды.

Суд отметил, что, оценивая правомерность подобных ограничений, необходимо анализировать добросовестность поведения должника при исполнении обязательства. Лишь при проявлении им минимальной осмотрительности условие об ограничении ответственности может быть применено.

В современной договорной практике, особенно в сфере крупных коммерческих сделок, все чаще встречаются положения, ограничивающие право сторон на предъявление требований о возмещении убытков. Такие условия, заимствованные из англо-саксонской правовой системы, призваны оптимизировать взаимодействие контрагентов и минимизировать риски возникновения малозначительных споров [15].

Одним из наиболее распространенных механизмов является установление минимального порога для индивидуальных требований, известного как «*de minimis*». Данное условие предполагает, что сторона может заявить о возмещении убытков только в том случае, если их размер превышает определенную сумму, обычно выражаемую в процентах от общей стоимости сделки (как правило, от 0,01% до 0,1%) [16].

Дополнительным инструментом служит так называемый «*basket*» – условие о минимальной совокупной сумме накопленных требований. Оно позволяет предъявлять претензии лишь после достижения установленного порога общей суммы убытков.

Внедрение подобных ограничений направлено на предотвращение обращений по незначительным вопросам и исключение компенсации ущерба, несущественного в масштабах всей сделки. Это способствует повышению эффективности бизнес-процессов и снижению транзакционных издержек.

Несмотря на отсутствие обширной судебной практики по данному вопросу в российской юрисдикции, можно предположить, что такие договорные условия будут признаваться правомерными в контексте отношений между субъектами предпринимательской деятельности, что обусловлено фундаментальными принципами гражданского права - автономией воли сторон и свободой договора, которые позволяют участникам оборота самостоятельно определять условия своих взаимоотношений, если они не противоречат императивным нормам закона.

В судебной практике можно обнаружить прецеденты, демонстрирующие признание правомерности не только простых пороговых ограничений ответственности, но и более комплексных механизмов. Особого внимания заслуживают два показательных судебных разбирательства.

В первом случае арбитражный суд Западно-Сибирского округа в своем постановлении от 10 июня 2020 года по делу № А46-9085/2018 сформулировал позицию, согласно которой контрагенты обладают правом не только устанавливать предельный размер ответственности, но и разрабатывать дифференцированные методики расчета убытков. Эти методики могут учитывать различные основания ответственности и включать специфические формулы для вычисления размера компенсации [9].

Второе примечательное решение было вынесено Девятым арбитражным апелляционным судом 20 июля 2020 года по делу № А40-315684/2019 [11]. В нем судебная инстанция пришла к заключению о допустимости широкого спектра договорных ограничений ответственности за нарушение обязательств. Суд признал правомерным использование как пороговых значений для предъявления требований, так и полного исключения отдельных видов претензий.

Результаты и обсуждения

В современной практике сделок M&A значительное внимание уделяется вопросам временного ограничения ответственности продавца за риски, связанные с периодом его владения бизнесом. Данный аспект играет ключевую роль в процессе структурирования сделок и имеет существенное значение для прогнозирования продавцом своих обязательств после отчуждения бизнеса.

Анализ договорной практики позволяет выделить три основных типа временных ограничений:

1. Период выявления исторических рисков. Данное ограничение является фундаментальным в сделках M&A и определяет временной промежуток, в течение которого должны материализоваться риски, относящиеся к периоду владения продавца. Статистика показывает, что этот период обычно варьируется от 12 до 36 месяцев. По истечении установленного срока ответственность продавца прекращается, даже если впоследствии обнаруживаются убытки, связанные с недостоверностью его заверений [14].

2. Срок предъявления требований покупателем. Этот механизм предусматривает установление временного интервала, в рамках которого покупатель обязан формально уведомить продавца о выявленных нарушениях и предъявить соответствующие претензии. Данное условие способствует снижению неопределенности для продавца и позволяет ему своевременно принять меры по минимизации потенциальных убытков.

3. Предельный срок для инициирования судебного разбирательства. Стороны могут согласовать период, в течение которого покупатель должен обратиться в суд с иском о возмещении убытков. Обычно этот срок составляет от одного до шести месяцев. Следует отметить, что в российской правовой системе данное ограничение вызывает наибольшие дискуссии ввиду его потенциального конфликта с нормами об исковой давности.

Важно подчеркнуть, что для различных категорий рисков могут устанавливаться дифференцированные сроки ответственности. Например, более продолжительные периоды часто предусматриваются для титульных рисков, претензий со стороны государственных органов и налоговых обязательств.

Применение временных ограничений ответственности в сделках M&A требует тщательного анализа специфики конкретной транзакции и согласования между сторонами. Это позволяет обеспечить баланс интересов участников сделки, ограничивая долгосрочные обязательства продавца и предоставляя покупателю достаточное время для выявления потенциальных проблем, унаследованных с приобретенным бизнесом.

В современной практике сделок M&A институт заверений об обстоятельствах играет ключевую роль в распределении рисков между сторонами. Однако специфика данного инструмента создает ряд сложностей в его применении и интерпретации [13].

Заверения об обстоятельствах, по своей природе, представляют собой утверждения о фактах, что принципиально отличает их от договорных обязательств. Это различие порождает методологические трудности в оценке степени вины и установлении факта недостоверности заверений в контексте сделок M&A. В настоящее время отсутствует единый подход к решению данной проблемы.

Важно отметить, что в случае возникновения спора относительно действительности ограничительных условий, бремя доказывания добросовестности при предоставлении заверений может быть возложено на продавца. Данное обстоятельство подчеркивает необходимость тщательной проработки формулировок заверений, включения оговорок о фактическом знании продавца и верификации предоставляемых заверений с управлением персоналом компании.

Верховный суд Российской Федерации в своем постановлении Пленума от 24.03.2016 №7 дал разъяснения относительно применения п. 4 ст. 401 Гражданского кодекса РФ. Согласно этим разъяснениям, в случае наличия в соглашении условий, ограничивающих или исключающих ответственность должника за не-

умышленное нарушение обязательства, бремя доказывания наступления таких условий возлагается на должника. При этом заключенное заранее соглашение об устраниении или ограничении ответственности не освобождает от ответственности за умышленное нарушение обязательства [2].

В контексте судебного разбирательства, сторона, нарушившая обязательство и ссылающаяся на договорные ограничения ответственности, обязана доказать отсутствие умысла в своих действиях. Суд, в свою очередь, должен оценить умышленность действий продавца с точки зрения его добросовестности. Предполагается, что добросовестный продавец проявил надлежащую степень заботливости и осмотрительности при предоставлении заверений, включая верификацию данных заверений с менеджментом компании.

В настоящее время отсутствуют прецеденты, в которых позиция Верховного суда была бы применена к заверениям об обстоятельствах в рамках сделок по слиянию и поглощению. При рассмотрении споров иных категорий стороны, оспаривающая ограничения ответственности, зачастую апеллирует к умышленному характеру действий как фактору, обуславливающему недействительность положения об ограничении ответственности. В подобных ситуациях противоположная сторона, ссылающаяся на договорное ограничение своей ответственности, должна предоставить опровергающие доказательства.

Суды приходят к следующим выводам относительно заверений в контексте M&A сделок:

1. Необходимо тщательно анализировать формулировки договора и намерения сторон при его заключении.

2. Ограничение ответственности может быть признано недействительным, если установлено умышленное нарушение обязательств стороной.

3. При оценке правомерности ограничения ответственности суд должен учитывать добросовестность поведения должника и проявление им минимальной осмотрительности.

4. Бремя доказывания отсутствия умысла в нарушении обязательств лежит на стороне, ссылающейся на ограничение ответственности.

Для иллюстрации данных выводов можно обратиться к следующим судебным актам [6, 7, 8].

Хотя эти решения не касаются напрямую сделок M&A, они демонстрируют общий подход судов к вопросам ограничения ответственности и могут быть применимы при рассмотрении споров, связанных с заверениями в сделках слияний и поглощений.

Выводы

В заключение, исследование договорных ограничений ответственности в контексте российского гражданского права подчеркивает их важность и актуальность в регулировании предпринимательских отношений. Анализ судебной практики и законодательства показывает, что при наличии четкой договорной базы и соблюдении баланса интересов сторон такие ограничения не только признаются допустимыми, но и способствуют более эффективному и предсказуемому ведению бизнеса. Однако необходимо тщательно прорабатывать условия договоров, чтобы они не противоречили императивным нормам и обеспечивали защиту прав сторон. В контексте M&A сделок, ограничения ответственности играют ключевую роль в ценообразовании и распределении рисков, что требует от юристов глубоких знаний и понимания как национальной правовой системы, так и международной практики. В будущем предстоит дальнейшее изучение взаимодействия этих механизмов с другими инструментами защиты интересов сторон, что будет способствовать совершенствованию правового регулирования в сфере коммерческой деятельности.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024). URL: СПС «Консультант плюс Проф» (дата обращения: 12.03.2024)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». URL: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 12.03.2024)
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.01.2023 по делу № А56-118622/2021. URL: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 12.03.2024)
4. Определение Верховного Суда РФ от 03.03.2023 N 305-ЭС22-23773 по делу N A40-111773/2021. URL: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 12.03.2024)
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2022 N 305-ЭС21-24470 по делу N A40-45186/2020. URL: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 12.03.2024)
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.05.2022 N 305-ЭС21-24470 по делу N A40-45186/2020.

7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.08.2022 по делу № А27-23079/2020. URL: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 12.03.2024)
8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.03.2022 по делу № А45-18987/2021. URL: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 12.03.2024)
9. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.06.2020 N Ф04-1737/2020 по делу N А46-9085/2018. URL: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 12.03.2024)
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.08.2022 N Ф05-19097/2022 по делу N А40-9022/2022. URL: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 12.03.2024)
11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.07.2020 №№ 09АП-18889/2020-ГК, А40-315684/19. URL: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 12.03.2024)
12. Гасымов А.А. Интегрированный механизм управления несоответствиями и координация производственных рисков в рамках корпоративной системы качественного управления (системы менеджмента качества) // Экономическая безопасность: современное состояние и перспективы: Материалы международной научной конференции, Сумгайт, 08-09 июля 2020 года. Сумгайт: Сумгайтский государственный университет, 2020. Т. 4. С. 421 – 425.
13. Демин П.М. К вопросу об особенностях совершения крупных сделок // Молодежный научный потенциал в юриспруденции XXI века: от теории к практике: IV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция, Москва, 14 октября 2021 года / Российский государственный гуманитарный университет, Институт экономики, управления и права, Юридический факультет. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. С. 176 – 183.
14. Павлова А. О влиянии риска случайной гибели имущества на квалификацию крупной сделки // Хозяйство и право. 2014. № 2 (445). С. 110 – 123.
15. Подузова Е.Б. Особенности возмещения убытков за нарушение организующего договора в свете англо-саксонской концепции встречного предоставления // Гражданское право. 2015. № 3. С. 15 – 18.
16. Чокорая М.О. Верховный суд подтвердил, что в договоре можно заранее оценить убытки. Как это сделать // Арбитражная практика для юристов. 2022. № 11 (87). С. 48 – 53.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on March 11, 2024). URL: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: March 12, 2024)
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016 N 7 (as amended on June 22, 2021) "On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations". URL: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: March 12, 2024)
3. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of January 18, 2023 in case No. A56-118622/2021. URL: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 12.03.2024)
4. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.03.2023 N 305-ES22-23773 in case N A40-111773/2021. URL: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 12.03.2024)
5. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.05.2022 N 305-ES21-24470 in case N A40-45186/2020. URL: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 12.03.2024)
6. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.05.2022 No. 305-ES21-24470 in case No. A40-45186/2020.
7. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 01.08.2022 in case No. A27-23079/2020. URL: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 12.03.2024)
8. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 02.03.2022 in case No. A45-18987/2021. URL: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 12.03.2024)
9. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 10.06.2020 N F04-1737/2020 in case N А46-9085/2018. URL: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 12.03.2024)
10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 18.08.2022 N F05-19097/2022 in case N А40-9022/2022. URL: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 12.03.2024)
11. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 20.07.2020 No. 09AP-18889/2020-GK, А40-315684/19. URL: SPS "Consultant Plus Prof" (date of access: 12.03.2024)

12. Gasymov A.A. Integrated mechanism for managing non-conformities and coordinating production risks within the framework of a corporate quality management system (quality management system). Economic security: current state and prospects: Proceedings of the international scientific conference, Sumgait, July 08-09, 2020. Sumgait: Sumgait State University, 2020. Vol. 4. P. 421 – 425.

13. Demin P.M. On the Issue of Peculiarities of Major Transactions. Youth Scientific Potential in the Jurisprudence of the 21st Century: from Theory to Practice: IV All-Russian Student Scientific and Practical Conference, Moscow, October 14, 2021. Russian State University for the Humanities, Institute of Economics, Management and Law, Faculty of Law. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2021. P. 176 – 183.

14. Pavlova A. On the Impact of the Risk of Accidental Loss of Property on the Qualification of a Major Transaction. Business and Law. 2014. No. 2 (445). P. 110 – 123.

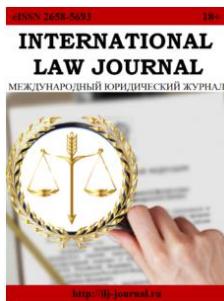
15. Poduzova E.B. Features of compensation for damages for breach of the organizing agreement in light of the Anglo-Saxon concept of consideration. Civil Law. 2015. No. 3. P. 15 – 18.

16. Chokoraya M.O. The Supreme Court confirmed that damages can be estimated in advance in an agreement. How to do it. Arbitration practice for lawyers. 2022. No. 11 (87). P. 48 – 53.

Информация об авторе

Клещёв А.С., Дагестанский государственный университет, Kleshevas@gmail.com

© Клещёв А.С., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.3/.7
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-166-172

**Отдельные вопросы уголовной ответственности за публичные действия,
направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил
Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ)**

¹Филиппов А.Р.,
¹Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии

Аннотация: статья посвящена анализу уголовной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации, предусмотренной статьей 280.3 УК РФ. Рассматриваются исторические предпосылки введения данной нормы, особенности квалификации деяний, разграничение со смежными составами преступлений и административных правонарушений. Особое внимание уделяется формальному характеру состава преступления, административной преюдиции и роли экспертизы в определении дискредитирующего характера информации. Анализируется формирующаяся судебная практика и подчеркивается необходимость комплексного подхода при применении данной статьи. Отмечено, что следует учитывать административно-преюдициальный характер состава преступления по ст. 280.3 УК РФ. Это означает, что уголовная ответственность наступает только после предшествующего привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние. При оценке действий лица необходимо тщательно анализировать содержание распространяемой информации, цель ее распространения и контекст, в котором она представлена, что позволит правильно квалифицировать деяние и избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности за выражение мнения или критику, не направленную на дискредитацию ВС РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, дискредитация, Вооруженные Силы РФ, статья 280.3 УК РФ, публичные действия, административная преюдиция, формальный состав, экспертиза, судебная практика, информационные вбросы

Для цитирования: Филиппов А.Р. Отдельные вопросы уголовной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ) // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 166 – 172. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-166-172

Поступила в редакцию: 12 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

**Individual questions of criminal responsibility for public actions
aimed at discrediting the use of the armed forces of the Russian
Federation (Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation)**

¹Filippov A.R.,
¹St. Petersburg named after V.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy

Abstract: the article is devoted to the analysis of criminal liability for public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation, provided for in Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The historical background for the introduction of this norm, the peculiarities of the qualification of acts, the distinction with related crimes and administrative offenses are considered. Particular attention is paid

to the formal nature of the crime, administrative prejudice and the role of examinations in determining the discreditable nature of information. The emerging judicial practice is analyzed and the need for an integrated approach when applying this article is emphasized. It is noted that the administrative-prejudicial nature of the crime under Art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. This means that criminal liability occurs only after previous administrative liability for a similar act. When assessing a person's actions, it is necessary to carefully analyze the content of the disseminated information, the purpose of its dissemination and the context in which it is presented, which will allow one to correctly qualify the act and avoid unjustified criminal prosecution for expressing an opinion or criticism that is not aimed at discrediting the RF Armed Forces.

Keywords: criminal responsibility, discrediting, Armed Forces of the Russian Federation, Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, public actions, administrative prejudice, formal composition, expertise, judicial practice, information stuffing

For citation: Fillipov A.R. Individual questions of criminal responsibility for public actions aimed at discrediting the use of the armed forces of the Russian Federation (Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 166 – 172. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-166-172

The article was submitted: May 12, 2024; Approved after reviewing: July 12, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

В марте 2022 года, после начала специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины, обострилась ситуация с информационными вбросами о деятельности Вооруженных сил Российской Федерации (далее – ВС РФ). Законодатель не мог оставить данную ситуацию без внимания, внеся изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации. Одной из таких новелл стала статья 280.3 УК РФ, предусматривающая ответственность за Публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ.

Исторический анализ показывает, что подобные меры уже применялись ранее. В частности, в начальный период Великой Отечественной войны был издан Указ об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения [2]. Однако эффективность данного нормативного акта в тех исторических условиях не была однозначно доказана. Особенностью новой статьи 280.3 УК РФ является наличие административной преюдиции. Это означает, что уголовная ответственность наступает только при повторном совершении аналогичного деяния в течение года после привлечения к административной ответственности. Первичное нарушение влечет за собой лишь административное наказание в виде штрафа согласно статье 20.3.3 КоАП РФ.

В соответствии с положениями статьи 280.3 УК РФ объектом уголовно-правовой охраны являются общественные отношения, которые способствуют защите национальных интересов РФ, поддержанию международного порядка и безопасности, а также поддержанию авторитета и достоинства государственных институтов, включая военные и силовые структуры, дипломатические миссии и другие официальные учреждения.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ определяется через действия, которые выполняются публично и направлены на подрыв авторитета Вооруженных сил РФ. Эти действия происходят в контексте их участия в операциях, которые целятся на защиту национальных интересов страны и благополучие её граждан, а также способствуют поддержанию глобальной стабильности. Помимо прочего, в рамках данного уголовного состава входят также публичные призывы к противодействию применению военной силы РФ в рамках этих задач.

При этом основным условием наступления уголовной ответственности по анализируемой статье, является публичность совершения преступления (способ или обстановка). Показательным примером применения этой статьи стал случай с гражданином Ж., который, уже имея административное взыскание за аналогичное нарушение, использовал свой родительский авторитет для вовлечения несовершеннолетней дочери в противоправные действия. По его указанию девочка публично сорвала и уничтожила наклейку с символом «Z» с автомобиля на парковке магазина. Символ «Z», выполненный в цветах георгиевской ленты, широко используется на военной технике и форме российских военнослужащих в ходе специальной военной операции на Украине для идентификации. За свои действия гражданин Ж. был привлечен к уголовной ответственности не только по статье 280.3, но и по статье 150 УК РФ за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления [10].

Концепция публичности в аспекте распространения информации характеризуется многогранной интерпретацией. Данный феномен охватывает адресацию коммуникативного акта как минимум дуальной аудитории или неопределенному множеству реципиентов, задействуя весь спектр доступных каналов передачи сведений - от вербальных манифестаций до цифровой трансляции посредством глобальной сети.

Высшая судебная инстанция Российской Федерации в своем аналитическом обзоре, посвященном юридической практике по делам, ассоциированным с пандемией COVID-19, расширила семантическое поле публичного характера информационного распространения. В дополнение к конвенциональным масс-медиа и интернет-ресурсам, к категории публичных методов были отнесены такие формы социальной активности, как ораторские выступления на массовых собраниях и манифестациях, дистрибуция печатных материалов агитационного характера и визуальная презентация информационных сообщений посредством плакатов [12].

В связи с недостаточностью судебной практики по уголовным делам по статье 280.3 УК РФ, целесообразно обратиться к практике рассмотрения административных правонарушений. Показательным является случай с гражданином Д., чьи действия были признаны публичными не только из-за ношения нагрудного знака с антивоенным лозунгом, но и в связи с его нахождением на центральной площади города – месте, доступном для неопределенного круга лиц [9].

Материалы и методы исследований

В рамках анализа судебной практики, необходимо отметить, что у российских судов отсутствует единство относительно признания признака публичности в конкретных делах и относительно сети Интернет. Отмечается, что категория публичной информации охватывает не только контент, публикуемый в традиционных медиа, но и различные формы цифровых выражений, включая посты и репосты в социальных сетях, а также обмен сообщениями в группах на платформах мессенджеров [13].

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, при оценке публичности распространения информации судам следует учитывать ряд факторов: место, способ, обстоятельства распространения, а также потенциальную аудиторию. Важно оценивать возможность восприятия информации неопределенным кругом лиц, например, учитывая количество подписчиков интернет-ресурса или тираж печатного издания [4].

Показательным примером является дело гражданки Т., которая оставила комментарий под постом в социальной сети, критикующий действия военнослужащих. Суд признал данное действие публичным, так как комментарий мог быть прочитан неограниченным количеством пользователей [6].

Состав преступления, предусмотренного частью 1 статьи 280.3 УК РФ, является формальным и считается оконченным с момента публикации соответствующих сведений. Однако некоторые юристы полагают, что преступление следует считать оконченным только после восприятия информации как минимум двумя лицами, не являющимися соучастниками. Это обусловлено тем, что распространение клеветнической информации в отсутствие аудитории (например, расклейка листовок на пустынной улице) не может реально угрожать общественной безопасности или вызвать панику, что является целью законодателя при кriminalизации данного деяния [14].

Понятие «призыв» в контексте уголовного законодательства имеет особое значение. Изучение определения термина "призыв" в контексте лингвистической интерпретации, предоставленной Ожеговым, указывает на то, что призыв является конденсированной формой общения, часто использующейся в политическом дискурсе. Этот элемент речи предназначен для передачи основной идеи или требования, обладая при этом характеристиками актуальности и целенаправленности для оказания психологического влияния на восприятие и решения аудитории. Основной функцией такого обращения является мобилизация воли и действий людей в соответствии с поднятой идеей или требованием.

Верховный Суд РФ в своем постановлении от 28 июня 2011 года дает более конкретное определение публичных призывов в контексте статьи 280.3 УК РФ. Под ними понимаются обращения, целью которых является побуждение других лиц к противодействию использованию ВС РФ в их законных целях. Такие призывы могут быть выражены различными способами: устно, письменно или с использованием технических средств, включая интернет [5].

Ключевым аспектом призыва является его лингвистическая форма. Чаще всего используются глаголы в повелительном наклонении, такие как «прими участие», «выступи», «говори», «не молчи». При этом важно отметить, что высказывания о нецелесообразности каких-либо действий сами по себе не являются призывами, но в определенном контексте могут быть расценены как попытка дискредитации ВС РФ.

Термин «дискредитация» не нов в российском законодательстве. Еще в 2005 году он использовался в приказе Министра обороны РФ, где речь шла о противодействии попыткам фальсификации истории Вели-

кой Отечественной войны и умаления роли ветеранов в победе над фашизмом. Это показывает, что концепция защиты репутации ВС РФ и их деятельности имеет в России длительную историю [3].

В современном российском законодательстве понятие «дискредитация» официально определено в контексте недобросовестной конкуренции. Согласно Федеральному закону «О защите конкуренции» [1], дискредитация подразумевает распространение недостоверной информации, которая может быть ложной, искаженной или неточной.

Ложность в этом контексте означает полное несоответствие действительности. Искаженность предполагает такую интерпретацию фактов, которая ведет к их неверному восприятию. Неточность характеризуется неполнотой предоставляемой информации, что не позволяет сформировать целостное представление о ситуации.

Результаты и обсуждения

В рамках уголовного законодательства понятие дискредитации приобретает особое значение в связи с защитой авторитета государственных институтов и ВС РФ. Судебная практика трактует дискредитацию как умышленные действия по подрыву доверия к этим структурам путем распространения недостоверных сведений.

Важно отметить различие между «заведомо ложными» и «недостоверными» сведениями в контексте уголовного права. Первые изначально не соответствуют официальным данным или объективной реальности, о чем распорядитель осведомлен. Вторые могут частично соответствовать истине, но представлены неполно, устарело или с добавлением субъективных оценок, способных негативно повлиять на общественное мнение.

Судебная практика по делам о дискредитации ВС РФ демонстрирует неоднозначность трактовки этого понятия. Гражданин Т. не придавал значения потенциальной дискредитации своими высказываниями. Тем не менее, судебные органы пришли к выводу о нарушении законодательства, конкретно статьи 20.3.3 КоАП РФ, что привело к юридическим последствиям для гражданина Т. В этом случае становится очевидным примером того, как взаимодействие между личным мнением и государственными законами может привести к значимым юридическим последствиям [8].

Отсутствие четкого определения термина «дискредитация» в контексте статей 20.3.3 КоАП и 280.3 УК РФ позволяет его широкое толкование. Основная идея этих норм заключается в установлении границ свободы слова, основываясь на презумпции, что действия ВС РФ за пределами страны направлены на защиту интересов России, ее граждан и поддержание мира и безопасности.

Эта презумпция базируется на положениях Федерального закона «Об обороне». Таким образом, вопрос о наличии дискредитации должен рассматриваться в контексте попыток оспорить или подорвать эту презумпцию. Это создает сложную правовую ситуацию, где грань между выражением личного мнения и дискредитацией может быть тонкой и неочевидной.

Практика применения законодательства о дискредитации ВС РФ показывает, что даже непрямые высказывания или цитирование исторических фигур в контексте текущих событий могут быть истолкованы как нарушение. Распространение репостов также может привести к ответственности. Например, Одоевский районный суд Тульской области привлек гражданина Д. к административной ответственности за репосты и комментарии к ним в социальной сети [7].

В рамках статьи 280.3 УК РФ квалифицируются как уголовно наказуемые деяния все формы публичных высказываний, подвергающих критике действия ВС РФ или деятельность государственных структур за рубежом, осуществляющую в целях обеспечения национальных интересов России, защиты прав ее граждан, а также в интересах поддержания глобальной стабильности.

Судебная практика показывает, что даже такие фразы как «Нет войне!», «Остановите войну!» или «Я против войны» могут быть квалифицированы как административное правонарушение при первичном нарушении. Использование термина «война» рассматривается как искажение целей специальной военной операции на Украине.

В рамках научного анализа следует обратить внимание на прецедент, зафиксированный в Свердловском районном суде города Костромы. В данном случае, публичная экспозиция плаката, окрашенного в цвета украинского национального флага и содержащего текст «Я против спецоперации», была интерпретирована как акт дискредитации официального решения о проведении специальной военной операции. Этот инцидент подчеркивает юридическую практику применения статьи 280.3 УК РФ, регламентирующей ответственность за публичные высказывания, направленные на подрыв авторитета использования ВС РФ за пределами территории страны.

Состав преступления по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ квалифицируется как формальный, где публичное действие с целью дискредитации считается оконченным независимо от последствий. Аналогично рассматривается распространение призывов к противодействию применению ВС РФ.

В административном праве (ст. 20.3.3 КоАП РФ) момент публикации материалов в сети считается завершением правонарушения, приобретающего длящийся характер при продолжительном размещении. Прецедентом служит решение Санкт-Петербургского горсуда от 08.09.2022 о видеообращении депутата [11].

Относительно вопроса совершения анализируемых противоправных действий через использование средств массовой информации характеризуются как завершенные с момента их распространения, включая моменты начала трансляций или продажи печатных материалов. В рамках цифровых платформ, такие преступления, особенно призывы против действий ВС РФ или государственных органов, считаются завершенными при публикации в интернете или отправке сообщений. Согласно части 2 статьи 280.3 УК РФ, состав предусмотренного в ней преступления можно охарактеризовать как материальный, что для его оконченной формы предполагает обязательность наступления общественно опасных последствий. Время совершения преступления в сети определяется юридической фиксацией контента, что поднимает вопросы о ретроспективном применении законодательства до внесения изменений в УК РФ.

Аналогичный принцип применяется и в административном праве. Так, при рассмотрении дел по ст. 20.3.3 КоАП РФ, суды признают подобные правонарушения дляящихся. Временем совершения такого правонарушения считается момент его обнаружения уполномоченным должностным лицом, а не дата первоначального размещения информации. Этот же подход может быть применен при определении объективной стороны преступлений по ст. 280.3 УК РФ.

Законодатель определяет для 280.3 УК РФ умышленную форму вину, при которой лицо, дискредитирующее использование ВС РФ или деятельность государственных органов за рубежом, осознает и желает совершение своих действий, несмотря на их общественную опасность. Мотивы могут быть различны, но не влияют на квалификацию преступления, хотя учитываются при назначении наказания. Во второй части статьи указано, что преступление может быть совершено неосторожно. Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо старше 16 лет, при этом использование служебного положения не считается отягчающим обстоятельством.

Важно отметить, что для квалификации деяния по этой статье не имеет значения, удалось ли виновному фактически повлиять на других граждан или воспрепятствовать использованию ВС РФ. Сам факт совершения публичных действий, направленных на дискредитацию, или распространения соответствующих призывов уже образует состав преступления.

Выводы

Подводя итоги настоящего исследования, отметим, что для правильной квалификации деяний по вновь введенной статье 280.3 УК РФ необходим комплексный подход, учитывающий, как структурные элементы нормы, так и формирующуюся судебную практику по связанной административной статье 20.3.3 КоАП РФ.

Необходимо четко различать положения статей 207.3 и 280.3 УК РФ. Статья 207.3 не предусматривает уголовную ответственность за распространение субъективных мнений о деятельности ВС РФ или внешних государственных органов, если они не являются заведомо ложными. Тем не менее, если высказывания направлены на подрыв доверия или противодействие действиям ВС РФ, то за первое такое нарушение может последовать ответственность по ст. 20.3.3 КоАП РФ, а за повторное – по ст. 280.3 УК РФ. Следует учитывать административно-преюдициальный характер состава преступления по ст. 280.3 УК РФ. Это означает, что уголовная ответственность наступает только после предшествующего привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние. При оценке действий лица необходимо тщательно анализировать содержание распространяемой информации, цель ее распространения и контекст, в котором она представлена, что позволит правильно квалифицировать деяние и избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности за выражение мнения или критику, не направленную на дискредитацию ВС РФ.

Список источников

1. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 19.04.2024) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.03.2024)
2. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения. 6 июля 1941 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/178346-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-soyuza-ssr-ob-otvetstvennosti-za-rasprostranenie-v-voennoe-vremya-lozhnyh-sluhov-vozbuzhdayuschih-trevogu-sredi-naseleniya-6-iyulya-1941-g> (дата обращения: 10.03.2024)
3. О мерах по совершенствованию взаимодействия Вооруженных Сил Российской Федерации с общественными объединениями ветеранов: Приказ Министра обороны РФ от 31 августа 2005 г. № 365 // СПС «Консультант Плюс».
4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. N 1 (ред. от 3 ноября 2016 г.) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.07.2024).
5. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 (ред. от 28.10.2021) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.07.2024).
6. Постановление Галичского районного суда Костромской области от 6 апреля 2022 г. по делу № 5-384/202 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.03.2024)
7. Постановление Одоевского районного суда Тульской области от 11 апреля 2022 г. № 5-201/2022 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.03.2024)
8. Постановление Фокинского районного суда города Брянска от 25 марта 2022 г. по делу № 5-226/2022 Ст. 20.3.3 Ч. 1 КоАП РФ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.03.2024)
9. Постановление Центрального районного суда г. Тольятти от 18 марта 2022 г. № 5-1539/202 по делу об административном правонарушении. УИД 63RS0031-01-2022-002350-15 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.03.2024)
10. Приговор Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики от 24 июня 2022 г. по делу № 1-818/2022 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.03.2024)
11. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 8 сентября 2022 г. по делу № 123520/2022, 5-820/2022 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.03.2024)
12. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.03.2024)
13. Перина А.С. «Цифровые преступления»: понятие, типология, признаки // Юридический вестник Самарского университета. 2023. № 3. С. 106 – 115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prestupleniya-ponyatiye-tipologiya-priznaki> (дата обращения: 10.03.2024)
14. Мурадян С.В. Вопросы применения статьи 280.3 УК РФ о дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации или исполнения государственными органами своих полномочий // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 7 – 94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-primeneniya-stati-280-3-uk-rf-o-diskreditatsii-ispolzovaniya-vooruzhennyh-sil-rossiyskoy-federatsii-ili-ispolneniya> (дата обращения: 10.03.2024)

References

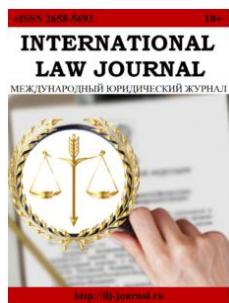
1. On the protection of competition: Federal Law of 26.07.2006 N 135-FZ (as amended on 19.04.2024). SPS "Consultant Plus" (date of access: 10.03.2024)
2. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on liability for the dissemination of false rumors during wartime that cause alarm among the population. July 6, 1941. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/178346-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-soyuza-ssr-ob-otvetstvennosti-za-rasprostranenie-v-voennoe-vremya-lozhnyh-sluhov-vozbuzhdayuschih-trevogu-sredi-naseleniya-6-iyulya-1941-g> (date of access: 10.03.2024)
3. On measures to improve the interaction of the Armed Forces of the Russian Federation with public associations of veterans: Order of the Minister of Defense of the Russian Federation of August 31, 2005 No. 365. SPS "ConsultantPlus".

4. On some issues of judicial practice in criminal cases involving terrorist crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2012 N 1 (as amended on November 3, 2016). SPS "Consultant Plus" (date of access: 10.07.2024).
5. On judicial practice in criminal cases involving extremist crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 N 11 (as amended on October 28, 2021). SPS "Consultant Plus" (date of access: 10.07.2024).
6. Resolution of the Galich District Court of the Kostroma Region dated April 6, 2022 in case No. 5-384/202. SPS "Consultant Plus" (date of access: 03/10/2024)
7. Resolution of the Odoevsky District Court of the Tula Region dated April 11, 2022 No. 5-201/2022. SPS "Consultant Plus" (date of access: 03/10/2024)
8. Resolution of the Fokinsky District Court of the city of Bryansk dated March 25, 2022 in case No. 5-226/2022 Art. 20.3.3 Part 1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. SPS "Consultant Plus" (date of access: 10.03.2024)
9. Resolution of the Central District Court of Tolyatti dated March 18, 2022 No. 5-1539/202 on the case of an administrative offense. UID 63RS0031-01-2022-002350-15. SPS "Consultant Plus" (date of access: 10.03.2024)
10. Verdict of the Nalchik City Court of the Kabardino-Balkarian Republic dated June 24, 2022 in case No. 1-818. 2022. SPS "Consultant Plus" (date of access: 10.03.2024)
11. Decision of the St. Petersburg City Court dated September 8, 2022 in case No. 123520/2022, 5-820/2022. SPS "Consultant Plus" (date of access: 10.03.2024)
12. Review of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) N 1 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 21.04.2020). SPS "Consultant Plus" (date of access: 10.03.2024)
13. Perina A.S. "Digital crimes": concept, typology, features. Legal Bulletin of Samara University. 2023. No. 3. P. 106 – 115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prestupleniya-ponyatiye-tipologiya-priznaki> (date of access: 10.03.2024)
14. Muradyan S.V. Issues of application of Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation on discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation or the execution of their powers by state bodies. Criminological Journal. 2023. No. 1. P. 7 – 94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-primeneniya-stati-280-3-uk-rf-o-diskreditatsii-ispolzovaniya-vooruzhennyh-sil-rossiyskoy-federatsii-ili-ispolneniya> (date of access: 10.03.2024)

Информация об авторе

Филиппов А.Р., кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, rudolfovich@rambler.ru

© Филиппов А.Р., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.722
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-173-183

Направления и перспективы реализации машиночитаемого права в судебной системе

¹ Белоус К.К.,
¹ Российский государственный университет правосудия

Аннотация: статья посвящена исследованию направлений и перспектив реализации машиночитаемого права в судебной системе. **Цели:** исследование направлений и перспектив реализации машиночитаемого права в судебной системе. **Задачи:** анализ возможностей внедрения технологий машиночитаемого права и искусственного интеллекта в судебную деятельность; определение ключевых направлений реализации данных технологий в судебной системе; оценка перспектив использования этих технологий в судопроизводстве. **Методы:** анализ научной литературы и нормативных документов. **Результаты:** выявлены основные направления применения машиночитаемого права в судебной системе: при осуществлении правосудия, в судебном делопроизводстве и документообороте, в области судебного администрирования и судебно-экспертной деятельности; сделан вывод о необходимости экспериментальной апробации технологий искусственного интеллекта в правосудии, в частности, при рассмотрении бесспорных дел в порядке упрощенного судопроизводства.

Ключевые слова: машиночитаемое право, оцифрованное право, цифровое правосудие, искусственный интеллект, судебная деятельность, судебное делопроизводство, электронный документооборот, приказное судопроизводство

Для цитирования: Белоус К.К. Направления и перспективы реализации машиночитаемого права в судебной системе // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 173 – 183. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-173-183

Поступила в редакцию: 3 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Directions and prospects for the implementation of machine-readable law in the judicial system

¹ Belous K.K.,
¹ Russian State University of Justice

Abstract: the article is devoted to the study of directions and prospects for implementing machine-readable law in the judicial system. The **aim** of the work is to analyze the possibilities of introducing machine-readable law technologies and artificial intelligence into judicial activities. The **tasks** include identifying key areas for implementing these technologies and assessing the prospects for their use in judicial proceedings. The **methodology** is based on the analysis of scientific literature and regulatory documents. As a result, the main areas of application of machine-readable law in the judicial system have been identified: in the administration of justice, in judicial record-keeping and document management, in the field of judicial administration and forensic expert activities. The conclusion is made about the need for experimental testing of artificial intelligence technologies in justice, particularly in considering undisputed cases in simplified court proceedings.

Keywords: machine-readable law, digitized law, digital justice, artificial intelligence, judicial activity, court records management, electronic document management, writ proceedings

For citation: Belous K.K. Directions and prospects for the implementation of machine-readable law in the judicial system. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 173 – 183. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-173-183

The article was submitted: May 3, 2024; Approved after reviewing: July 4, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Научно-технический прогресс и развитие цифровых технологий свидетельствуют о внедрении в различные сферы общественной жизни, включая правосудие, искусственного интеллекта и специализированных информационно-технических систем. Их применение в юридической деятельности способствует цифровой трансформации права и развитию машиночитаемого права как нового правового явления, формирование которого в отечественной системе права становится необходимостью. Использование этих технологий в судебной системе РФ позволит снизить нагрузку на суды, повысить открытость и доступность правосудия, улучшить качество и эффективность судебной защиты. Однако работа программно-технических устройств на основе ИИ для решения задач в судебной деятельности требует наличия машиночитаемого права – совокупности правовых норм, переведенных в формализованный машиночитаемый язык.

Внедрение машиночитаемого права предполагает автоматизацию судопроизводства и технических функций судов, развитие информационных систем и подсистем судебного делопроизводства. В перспективе оно будет использоваться во всех сферах судебной деятельности. Приоритетным направлением цифровизации судебной деятельности является создание шаблонов документов и перевод в машиночитаемый формат нормативно-правовых актов о делопроизводстве и документообороте. Это оптимизирует работу судов и снизит затраты граждан на юридические услуги.

В статье рассматриваются основные направления реализации технологий машиночитаемого права в судебной системе и перспективы их развития. Особое внимание уделяется экспериментальной апробации технологий ИИ в правосудии, в частности при рассмотрении бесспорных дел в упрощенном порядке.

Цель: анализ возможностей внедрения технологий машиночитаемого права и искусственного интеллекта в судебную деятельность.

Задачи:

- 1) определение ключевых направлений реализации технологий машиночитаемого права и искусственного интеллекта в судебной системе.
- 2) оценка перспектив использования данных технологий в судопроизводстве.
- 3) выявление основных сфер применения машиночитаемого права в судебной системе.

Материалы и методы исследований

Исследование основано на анализе научной литературы и нормативных документов в области применения машиночитаемого права и искусственного интеллекта в судебной системе. В работе использованы методы системного анализа, сравнительно-правового исследования и прогнозирования для оценки перспектив внедрения технологий машиночитаемого права в судебную деятельность. Особое внимание уделено изучению существующих проектов и концепций по цифровизации судопроизводства, а также анализу потенциальных направлений реализации машиночитаемого права в различных аспектах судебной системы. Методология исследования также включает обобщение практического опыта применения информационных технологий в судебной деятельности и оценку их эффективности.

Результаты и обсуждения

Констатировать факт наступления эпохи цифрового правосудия в полной мере станет возможным с широким внедрением в судебную деятельность технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и машиночитаемого (оцифрованного) права. Как справедливо утверждается в научной литературе, именно «системы искусственного интеллекта – технологическая основа цифрового правосудия» [6].

Вместе с тем считаем, что и машиночитаемое (оцифрованное) право также следует считать неотъемлемым признаком (компонентом) цифрового правосудия. Технологии искусственного интеллекта и машиночитаемого (оцифрованного) права находятся в тесной неразрывной взаимосвязи. Без использования искусственного интеллекта невозможно не только правоприменение оцифрованных норм, но и само создание машиночитаемого права, поскольку оцифровка, существующего огромного массива нормативно-правовых актов, невыполнима ограниченными ресурсами человека. В то же время функционирование программно-технического устройства на основе ИИ, созданного для решения широкого спектра задач в судебной деятельности не возможно без наличия машиночитаемого права как совокупности разноотраслевых

правовых норм (в том числе относящихся к судебному праву), переведенных в формализованный машиночитаемый язык, распознаваемых юридическим программно-техническим комплексом и применяемым последним при решении поставленных перед ним задач, выполнении установленных функций и предназначения.

Внедрение указанных технологий в судебную деятельность позволит автоматизировать правоприменительные процессы и создаст условия для реализации цифрового правосудия. Если раньше все решения принимал человек в процессе мыслительно-волевой активности, то в цифровом правосудии при осуществлении судебной деятельности как непосредственно правосудной, так и обеспечительной многие решения будет разрабатывать и формулировать искусственный интеллект, а человек будет его проверять, контролировать и в необходимых случаях легитимизировать (санкционировать).

Очевидно, что процесс внедрения технологий искусственного интеллекта и машиночитаемого (оцифрованного) права будет происходить постепенно и по определенным направлениям.

В настоящее время широкомасштабные направления и конкретные инновационные меры направленные на цифровизацию судебной деятельности определены в Концепции информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 г. [2], Концепции информационной политики судебной системы на 2020-2030 г. [3] и в других программных документах. В основном они подразумевают меры по автоматизации судопроизводства и технических функций судов, внедрению информационных и цифровых технологий, развитию различных систем и функциональных подсистем судебного делопроизводства.

Так, Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 г. в п. 5.1.1. среди мер, которые предполагается осуществить в ближайшее время, определяет установление в процессуальном законодательстве: электронной формы обращения граждан в суды как безальтернативной; отказ от письменной формы судебного делопроизводства [4].

Авторы Концепции развития технологий машиночитаемого права среди направлений реализации машиночитаемого права и его автоматического использования в судопроизводстве видят внедрение в судопроизводство «электронного дела», системы электронного документооборота, разработку и внедрение в судопроизводство единых шаблонов судебных решений; формирование их федерального банка; создание автоматизированной системы судебной статистики и её анализа [1].

Д. А. Ловцовым выделяются следующие задачи по модернизации существующего на сегодняшний день судопроизводства в «цифровое (автоматизированное) судопроизводство»:

- 1) создание экосистемы цифрового судопроизводства, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором его комплексного обеспечения;
- 2) развитие системы российских центров переработки больших данных, которая обеспечивает предоставление государству, бизнесу и гражданам доступных, безопасных и экономически эффективных услуг по хранению и переработке данных;
- 3) внедрение цифровых платформ работы с данными;
- 4) создание эффективной системы сбора, обработки, хранения и предоставления потребителям пространственных данных;
- 5) обеспечение организационной и правовой защиты информационных (цифровых) ресурсов [17].

Все из указанных мер направлены на формирование в российской судебной системе инновационной информационной инфраструктуры автоматизированного цифрового судопроизводства [17]. Представляется, что реализация данных направлений напрямую связана с реализацией концепции машиночитаемого права и использованием технологий искусственного интеллекта.

Внедрение цифровых технологий модифицирует не только процессуальную сферу судебной деятельности, но также и судоустройственные, делопроизводственные, организационные, самоуправленческие и иные составляющие элементы судебной системы [6]. Совершенно очевидно, что в перспективе машиночитаемое право будет использоваться во всех сферах судебной деятельности, регулируемых судебным правом, также подлежащим переводу машиночитаемый формат.

Судебная деятельность как по осуществлению правосудия, процессуальная, так и организационная сопровождается созданием и использованием значительного количества документов. Организация документирования и документооборот осуществляется в рамках судебного делопроизводства. При этом электронный машиночитаемый документооборот и технологии машиночитаемого (оцифрованного) права в сфере судебной деятельности характеризуются корреляционной связью [18]. Использование в судебном делопроизводстве технологии электронного машиночитаемого документооборота и иных цифровых технологий будет способствовать модернизации российской судебной системы с переходом на качественно более высокий уровень развития [7]. В этой связи, полагаем, что создание шаблонов документов и перевод

в машиночитаемый формат нормативно-правовых актов, регламентирующих делопроизводство и документооборот важнейшее первоочередное направление цифровизации судебной деятельности.

На наш взгляд можно определить основные направления реализации технологий, основанных на машиночитаемом праве в судебной системе:

1. При осуществлении правосудия (в процессуальной, правоприменительной деятельности судов).
2. Применение технологий, основанных на машиночитаемом праве в судебном делопроизводстве и документообороте, включая процессуальный (в том числе организационно-процессуальный) документооборот (внутренний и внешний), используемой в рамках процессуальной деятельности судов.
3. Применение технологий, основанных на машиночитаемом праве в области судебного администрирования, общем документообороте (внутренним и внешним), сопровождающем деятельность судов непосредственно не связанной с осуществлением правосудия, в сферах, относящихся к организационной деятельности судов и вспомогательным видам судебной деятельности.
4. Иные направления применение технологий, основанных на машиночитаемом праве в области судопроизводства. В частности, в области судебно-экспертной деятельности.

Перспектива реализации указанных направлений обуславливается выполнением масштабной работы по оцифровке массива норм материального и отраслей процессуального права.

Процесс перевода норм права в машиночитаемый формат может быть осуществлен двумя способами: путем оцифровки уже существующих нормативно-правовых актов и путем изначального создания норм права в оцифрованном виде. Оба этих способа связаны с многочисленными сложностями и трудностями. Многими исследователями высказываются скептические мнения о существовании самой возможности формирования «машиночитаемого права» [23]. Объясняется это тем, что к некоторым нормам правила формальной логики применить невозможно [9]. Другие авторы не отрицают такую возможность, но отмечают серьезные препятствия и трудности перевода норм права в машиночитаемый формат [14].

Одна из проблем связана с большим массивом нормативных правовых актов, подлежащим трансформации в машиночитаемый формат. Так на официальном Правовой портале Министерства юстиции РФ «Нормативные правовые акты в Российской Федерации» [28] по состоянию на 2024 г. в системе хранится около 13 млн правовых документов различных уровней власти и ведомств. При этом российская система права и составляющие её нормативно-правовые акты характеризуются сложностью, противоречивостью, низким уровнем унификации терминов, и многими другими недостатками [12]. Как отмечают П.А. Нащекин и А.А. Романов «российская юридическая техника написания нормативно-правовых актов пока не вполне доступна для понимания не только интеллектуальной системой, но и человеком» [20].

В этой связи следует признать, что перевод норм права в машиночитаемый формат, исключающим любое искажение смысла и содержания норм права, обеспечение их целостности, достоверности, аутентификации, крайне сложная задача. На сегодняшний день, по мнению специалистов перевести возможно только отдельные нормы, отвечающие определенным требованиям [21]. Однако развитие технологий сильного искусственного интеллекта позволит решить все эти проблемы в ближайшей перспективе.

Следует отметить, что количество научных публикаций, посвященных использованию ИИ в судопроизводстве, подтверждает высокий уровень интереса научной общественности к данной проблеме. В юридической науке вероятность замены судьи техническим устройством, на основе ИИ («роботом», «юнитом», «компьютером») – это один из наиболее обсуждаемых и дискуссионных вопросов [13]. Причем мнения высказываются зачастую противоположные, с преобладанием позиции о невозможности замены судьи системой искусственного интеллекта.

Представляется, что негативная оценка внедрения цифровых технологий, искусственного интеллекта в судебную деятельность и в целом в юридическую сферу в значительной степени связана с опасениями утраты востребованности человеческого потенциала в юриспруденции, в снижении значимости роли юриста-человека как субъекта этой деятельности, прогнозируемом снижении вакансий юриста и сокращении их числа [29]. Отметим, что Проект Концепции изначально ставил как одну из целей внедрения технологий машиночитаемого права именно снижение затрат граждан на юридические услуги.

Расширение и усложнение сфер правового регулирования и соответствующий постоянный рост массива нормативно-правовых актов, свидетельствует, что потенциальные возможности человеческого разума, лимит его памяти и способностей по восприятию и оперированию юридической информацией уже исчерпан. Работа с большими объемами информации ограничена когнитивными, психологическими и физиологическими особенностями человека.

В шахматах компьютер уже давно превзошел человека: с начала с 2000-х годов даже шахматисты самого высшего уровня не могут выиграть у шахматного интеллектуального технического устройства. По крайней мере в этом противостоянии «машинный интеллект» полностью и закономерно превзошел человеческий. На наш взгляд, от внедрения этих технологий юридическому сообществу уже никуда не деться, поскольку последние крайне востребованы со стороны потребителей юридических услуг и придет время, когда в конкурентной борьбе машина, спроектированная и созданная на основе искусственного интеллекта объединившая в себе объемную информационную базу и консультативные возможности в сфере юридической деятельности, способная разработать решение сложных юридических задач, превзойдет юриста человека.

Преимуществами юридического программно-технического комплекса (в виде программы, установленной на обычном компьютере, либо специально сконструированной юридической ЭВМ, киберустройства) над правоприменителем человеком-юристом является то, что киберустройства характеризуются практически неограниченной памятью, мгновенной скоростью разработки решения и представления её результатов, а также полностью, после этапа создания и программирования, исключается влияние человеческого фактора (субъективизма, предвзятости, коррупции) на результаты решения поставленной перед ним задачи. ИИ является объективным и беспристрастным инструментом принятия решений.

На наш взгляд вопрос о воздействии технологий искусственного интеллекта в правосудии в целом и в принятии судебных актов должна решаться экспериментальным путем. Необходимо разрабатываемые такие технологии апробировать на практике. Следует разработать pilotный проект и провести апробацию его в отдельных судах. Даже если эксперимент окажется неудачным, это даст необходимый опыт. Однако уже сейчас ясно, что с развитием технологий сильного ИИ его возможности повысятся и внедрение его в судопроизводство, если и не в качестве «замены судьи», то в самых различных направлениях автоматизации судебной деятельности неизбежный закономерный процесс цифровой трансформации права и цифрового правосудия.

Анализ мнений специалистов [15] изучавших возможности технологий сильного искусственного интеллекта дает основание полагать, что ИИ позволит решить необходимые для перевода в машиночитаемый формат норм права задачи. Сильный ИИ характеризуется способностями: к самообучению, пониманию и выявлению смысла текстов правовых норм и их взаимосвязей для последующей возможности работы с ними; по оптимальному выбору из существующих и построение собственных алгоритмов анализа и обобщения текстов ранее созданных нормативно-правовых актов; и т.д.

Внедрение в юридическую сферу технологии сильного искусственного интеллекта во взаимосвязи с машиночитаемым правом позволят решать следующие основные задачи: автоматический поиск норм права, судебных актов, иных документов правового характера; анализ предоставленных данных и разработку решений поставленных перед интеллектуальной системой задач (в том числе формирование решения проблемной ситуации с позиции права [31]); анализировать и систематизировать судебную практику; решать иные задачи правоприменительной практики. Использование данных технологий позволит минимизировать ошибки правоприменения, влияние субъективного усмотрения правоприменителя, обеспечит беспристрастность и предвзятость принимаемых решений, ускорит правоприменительные процессы и затраты материальных и временных ресурсов.

В судопроизводстве технологии сильного ИИ во взаимосвязи с машиночитаемым правом способны выполнять следующие задачи:

- распознавать, оцифровывать и переводить машиночитаемый формат любую документацию, поступающую в суд, а также выполнять обратный процесс;
- посредством конструктора исковых заявлений и иных процессуальных документов (ходатайств, заявлений об обеспечении иска, и т. п.) в суд автоматизировать процесс обращения граждан в суд;
- автоматизировать процесс уплаты государственной пошлины;
- определять подсудность юридического спора и направлять его в соответствующий суд;
- автоматически создавать электронное дело, определять судей специализирующихся на данной категории дел и направлять его судьям соответствующих судебных составов;
- автоматически определять лиц, участвующих в деле, круг заинтересованных лиц, привлекаемых к участию в рассмотрении дела, направлять им извещения и копии документов;
- помогать судье в подготовке дела к судебному разбирательству, определять и назначать сроки, посредством шаблонов выносить определения, выполнять другие действия;
- автоматизировать протоколирование хода судебных заседаний;

– анализировать существо спора, определять нормы права, регулирующие данные правоотношения, разрабатывать проект решения по делу, указывать на описки и арифметические ошибки, проводить индексацию присужденных денежных сумм, и т. п.;

– посредством конструктора судебных актов оказывать существенную помощь судье в составлении итогового решения по делу;

– автоматизировать процесс составления и выдачи исполнительных листов и в последующем отслеживать их исполнение; и др.

На первом этапе целесообразно в экспериментальном режиме провести тестирование интеллектуальные системы по делам бесспорного характера рассматриваемых в порядке упрощенного судопроизводства. В первую очередь в рамках приказного производства. В перспективе же, полагаем возможна более глубокая автоматизация судопроизводства.

Следует поддержать высказываемые предложения о целесообразности внедрения технологий машиночитаемого права и ИИ в судопроизводстве при рассмотрении и разрешении отдельных категорий дел бесспорного характера, рассматриваемых в порядке упрощенного судопроизводства. В частности, представляется оптимальной точка зрения, в соответствии с которой следует в качестве эксперимента в тестовом режиме автоматизировать в гражданском процессе процедуры вынесения судебных приказов [32].

Отличительным признаком приказного производства является бесспорность дела, которая предполагает отсутствие спорных отношений между взыскателем и должником (спор возникает только когда должник возражает против выдвинутых требований и инициирует отмену судебного приказа) [33]. Кроме того, бесспорность в данном случае означает, что требования признаются должником и подтверждаются достоверными письменными доказательствами [34]. Также изначально установлен упрощенный особый процессуальный порядок рассмотрения дела (без вызова взыскателя и должника, их заслушивания, без проведения судебного заседания, и др.) и вынесения судебного акта. Последний характеризуется особой структурой и содержанием, поскольку в нем отсутствует мотивированная часть и приводятся только нормы законодательства (подп. 5 ч. 1 ст. 127 ГПК РФ), на основании которых принято то или иное решение, одновременно являясь и судебным актом и исполнительным документом [35], что также позволяет автоматизировать исполнительное производство по взысканию суммы указанной в судебном приказе [36].

При внедрении технологий машиночитаемого права и искусственного интеллекта в судопроизводство для рассмотрения и разрешения дел, и особенно в сферу принятия судебных решений, несомненно должен быть предусмотрен нормами соответствующего процессуального законодательства механизм оспаривания таких судебных актов. Применение указанных технологий должно полностью находиться под контролем судьи, все акты совершаемые или предлагаемые интеллектуальной юридической системой должны проверяться и корректироваться судьей. Разработанный ИИ проект решения, не должен иметь юридической силы, поскольку его санкционирование и вынесение итоговых судебных актов должно оставаться прерогативой судьи. Безусловно ввиду особой специфики технологии сильного искусственного интеллекта, применяемые во взаимосвязи с машиночитаемым правом, должны использоваться только, после экспериментальной проверки на практике, всестороннего анализа возможных рисков и в строго определенной процессуальной форме, с дополнительными гарантиями защиты прав для лиц, вовлекаемых в сферу судопроизводства.

Исходя из вышеизложенного представляется возможным выделить следующие направления реализации технологий, основанных на машиночитаемом праве в судебной системе в ближайшей перспективе:

– использование в судопроизводстве технологий «электронного дела» и электронного машиночитаемого документооборота

– разработка и внедрение в судопроизводство единых машиночитаемых шаблонов судебных решений и конструктора обращений (искового заявления, административного искового заявления, заявления о выдаче судебного приказа, и др.), иных процессуальных документов в судопроизводстве, а также оформление их в машиночитаемом формате для обеспечения возможности их последующего автоматического исполнения и статистического анализа.

– создание единого полнотекстового электронного банка итоговых судебных актов и основывающейся на нём систем анализа судебной практики, а также автоматизированной системы судебной статистики и её анализа.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить ключевые направления применения машиночитаемого права в судебной системе. Они охватывают различные аспекты судебной деятельности – от непосредственного осуществления правосудия до вспомогательных функций. Особое внимание уделяется

использованию новых технологий в судебном делопроизводстве и документообороте, а также в сфере судебного администрирования.

Анализ перспектив развития показал, что в ближайшем будущем ожидается активное внедрение "электронного дела" и машиночитаемого документооборота. Важным шагом станет разработка единых шаблонов судебных решений и конструктора процессуальных документов в машиночитаемом формате. Это позволит значительно оптимизировать рабочие процессы в судах. Создание комплексного электронного банка судебных актов и систем анализа судебной практики на его основе откроет новые возможности для обобщения и систематизации правоприменительной деятельности. Автоматизированная система судебной статистики обеспечит более эффективный анализ работы судов.

Исследование подтвердило необходимость экспериментальной апробации технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве. Наиболее перспективным представляется их применение при рассмотрении бесспорных дел в упрощенном порядке. Это позволит оценить эффективность и безопасность использования ИИ в судебной деятельности. Внедрение машиночитаемого права направлено на решение ряда актуальных задач – снижение нагрузки на суды, повышение доступности правосудия, улучшение качества судебной защиты. Немаловажным аспектом является потенциальное снижение расходов граждан на юридические услуги.

Отмечена неизбежность широкого распространения технологий машиночитаемого права и искусственного интеллекта в юридической сфере. Это обусловлено как растущим спросом со стороны потребителей юридических услуг, так и постоянным совершенствованием самих технологий. В целом, концепция машиночитаемого права представляется наиболее инновационным подходом к цифровой трансформации правовой системы. Синергия машиночитаемого права и технологий искусственного интеллекта создает основу для качественно нового уровня автоматизации правоприменительных процессов. Это открывает перспективы значительного повышения эффективности функционирования российской судебной системы в целом.

Список источников

1. Концепция развития технологий машиночитаемого права: утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 15.09.2021 г. № 31) // Справочно-правовая система ГАРАНТ.
2. Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 года (утверждена постановлением Президиума Совета судей РФ от 2 декабря 2019 г. № 785) // Справочно-правовая система ГАРАНТ.
3. Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.) // Справочно-правовая система ГАРАНТ.
4. Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 года (утверждена постановлением Президиума Совета судей РФ от 2 декабря 2019 г. № 785) // Справочно-правовая система ГАРАНТ.
5. Аулов Д.С. О перспективах использования технологии искусственного интеллекта в цивилистическом процессе России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1. С. 123 – 130.
6. Бурдина Е.В. Электронное правосудие: моногр. / под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. М.: Российский государственный университет правосудия, 2021. 344 с.
7. Балдин А.К., Бровкина Е.А. Развитие системы электронного документооборота в судах общей юрисдикции // Современное право. 2024. № 1. С. 85 – 88.
8. Даниелян А.С., Михалевич Ю.С. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2023. № 5. С. 68 – 72.
9. Иванов А.А. Цифровизация общественных отношений: юридические аспекты проблемы // Теология. Философия. Право. 2023. № 1. С. 52 – 62.
10. Иванова А.П. Искусственный интеллект в осуществлении правосудия: новые возможности и новые проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право. 2022. № 3. С. 89 – 94.
11. Кабацкая Е.А. Использование искусственного интеллекта как средства оптимизации судебной деятельности // Российский судья. 2023. № 10. С. 51 – 55.

12. Камалова Г.Г. Перспективы и проблемы реализации машиночитаемого права в системе судопроизводства // Процессуальные гарантии современного правосудия: Сборник статей К 100-летию Судебной системы в Удмуртской Республике, Ижевск, 15 марта 2023 г. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2023. С. 122 – 129.
13. Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. 2018. № 6. С. 15 – 25.
14. Комин А.В. Применение алгоритмов в юриспруденции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2. С. 74 – 79.
15. Кононов Д.А. Искусственный интеллект и цифровизация судебной власти: тенденции и перспективы // Закон и право. 2023. № 9. С. 118 – 122.
16. Колоколов Н.А. Компьютер вместо судьи – арифметика вместо души // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 3 – 7.
17. Ловцов Д.А. Информационно-правовые основы правоприменения в цифровой сфере // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2. С. 44 – 52.
18. Липчанская М.А., Привалов С.А. Перспективы и проблемы использования машиночитаемого права в судопроизводстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 4. С. 424 – 431.
19. Луконина Ю.А. Цифровая цивилистическая процессуальная форма: теоретико-прикладные аспекты: специальность – 5.1.3 частноправовые (цивилистические) науки: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 239 с.
20. Нащекин П.А., Романов А.А. Интеллектуальные системы в технологиях машиночитаемого и машиноисполняемого права // Право и информация: вопросы теории и практики: Сборник мат. межд. научно-практ. конф., Санкт-Петербург, 26 ноября 2021 г. / науч. ред. Н.А. Шевелева. Санкт-Петербург: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2022. С. 139 – 150.
21. Орлов М.А. О некоторых вопросах перевода норм права в машиночитаемый формат // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3. С. 74 – 76.
22. Порываева Н.Ф. Алгоритмизация права: специальность 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 186 с.
23. Пучков В.О. Понятийно-terminологический аппарат правоведения и перспектива «машинизации» права: возможно ли представление правовых конструкций средствами λ-исчисления? // Юридический вестник ДГУ. 2021. № 4. С. 36 – 42.
24. Рожкова М.А. О правовых аспектах использования технологий LegalTech и LawTech // Хозяйство и право. 2020. № 3. С. 3 – 11.
25. Савенко Н.Е. Legaltech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 1. С. 145 – 171.
26. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex russica (Русский закон). 2019. № 9. С. 9 – 18.
27. Шундиков К.В. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в правосудии // Верховный Суд Республики Карелия: век служения государству, обществу и праву: Сборник науч. статей по итогам Всеросс. научно-практ. конф., посвящённой 100-летию Верховного Суда Республики Карелия, Санкт-Петербург, 07-08 сентября 2023 г. / Под общей ред.: А.В. Накваса, Я.Б. Жолобова. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. С. 110 – 125.
28. Правовой портал Нормативные правовые акты в Российской Федерации. URL: <http://pravo.minjust.ru> (дата обращения: 10.03.2024)
29. Уваров А.А. Проблемы использования цифровых технологий при реализации прав и свобод граждан // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 5 – 11; Савенко, Н.Е. Legaltech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 1. С. 154; и др.
30. Суды планируют подключить искусственный интеллект к составлению решений // Российская Газета. URL: <https://rg.ru/2023/05/25/robot-pomozhet-rassudit.html> (дата обращения: 15.03.2024)
31. Галкина Н.М., Кузнецова Д.В., Воробьев М.А. Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в судебной системе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 3. С. 35 – 44.

32. Полицан Д.А. Автоматизация приказного производства: быть или не быть? // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5. С. 255 – 258; Шундиков К.В. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в правосудии // Верховный Суд Республики Карелия: век служения государству, обществу и праву: Сб. науч. статей по итогам Всеросс. науч.-практ. конф., посв. 100-летию Верховного Суда Республики Карелия, Санкт-Петербург, 7-8 сентября 2023 г. / под общ. ред. А.В. Накваса, Я.Б. Жолобова. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. С. 122 – 123; Луконина, Ю.А. Цифровая цивилистическая процессуальная форма: теоретико-прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С. 181 – 182; Аулов Д.С. О перспективах использования технологии искусственного интеллекта в цивилистическом процессе России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1. С. 129 и др.

33. Дедюева М.В. Бесспорный характер требований в приказном производстве // Мировой судья. 2021. № 5. С. 25 – 30; Чернышов А.В. К вопросу о понятии судебного приказа // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 148.

34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 62 от 27 декабря 2016 г. «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» // Российская газета. 2017. 13 января.

35. Белоус К.К. Решение, приказ и определение суда в гражданском процессе: выпускная квалификационная работа. М.: Российский государственный университет правосудия, 2023. С. 53 – 54.

36. Разработаны законопроекты, обеспечивающие работу суперсервиса «Цифровое исполнительное производство» // Министерство юстиции Российской Федерации [официальный сайт]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48535/> (12.02.2024)

References

1. Concept of development of machine-readable law technologies: approved. by the Government Commission on Digital Development, Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Conditions of Doing Business (minutes of September 15, 2021, No. 31). GARANT Reference and Legal System.
2. Concept of informatization of courts and the system of the Judicial Department until 2030 (approved by the Resolution of the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation dated December 2, 2019, No. 785). GARANT Reference and Legal System.
3. Concept of information policy of the judicial system for 2020-2030 (approved by the Council of Judges of the Russian Federation on December 5, 2019). GARANT Reference and Legal System.
4. The concept of informatization of courts and the system of the Judicial Department until 2030 (approved by the Resolution of the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation dated December 2, 2019, No. 785). Reference and legal system GARANT.
5. Aulov D.S. On the prospects for using artificial intelligence technology in the civilistic process of Russia. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 1. P. 123 – 130.
6. Burdina E.V. Electronic justice: monograph. edited by E.V. Burdina, S.V. Zuev. Moscow: Russian State University of Justice, 2021. 344 p.
7. Bal'din A.K., Brovkina E.A. Development of the electronic document management system in the courts of general jurisdiction. Modern law. 2024. No. 1. P. 85 – 88.
8. Danielyan A.S., Mikhalevich Yu.S. Prospects and risks of using artificial intelligence in civil proceedings. Modern law. 2023. No. 5. P. 68 – 72.
9. Ivanov A.A. Digitalization of public relations: legal aspects of the problem. Theology. Philosophy. Law. 2023. No. 1. P. 52 – 62.
10. Ivanova A.P. Artificial intelligence in the administration of justice: new opportunities and new problems. Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4, State and Law. 2022. No. 3. P. 89 – 94.
11. Kabatskaya E.A. Use of Artificial Intelligence as a Means of Optimizing Judicial Activity. Russian Judge. 2023. No. 10. P. 51 – 55.
12. Kamalova G.G. Prospects and Problems of Implementing Machine-Readable Law in the Legal Proceedings System. Procedural Guarantees of Modern Justice: Collection of Articles For the 100th Anniversary of the Judicial System in the Udmurt Republic, Izhevsk, March 15, 2023. Izhevsk: Udmurt University Publishing House, 2023. P. 122 – 129.
13. Kleandrov M.I. Reflections on the Topic: Can a Robot Be a Judge? Russian Justice. 2018. No. 6. P. 15 – 25.

14. Komin A.V. Application of algorithms in jurisprudence. Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2023. No. 2. P. 74 – 79.
15. Kononov D.A. Artificial intelligence and digitalization of the judiciary: trends and prospects. Law and Right. 2023. No. 9. P. 118 – 122.
16. Kolokolov N.A. Computer instead of a judge – arithmetic instead of a soul. Criminal proceedings. 2019. No. 3. P. 3 – 7.
17. Lovtsov D.A. Information and legal foundations of law enforcement in the digital sphere. Monitoring of law enforcement. 2020. No. 2. P. 44 – 52.
18. Lipchanskaya M.A., Privalov S.A. Prospects and Problems of Using Machine-Readable Law in Legal Proceedings. Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law. 2022. Vol. 22. No. 4. P. 424 – 431.
19. Lukonina Yu.A. Digital Civilistic Procedural Form: Theoretical and Applied Aspects: Specialty – 5.1.3 Private Law (Civilistic) Sciences: Dis. ... Cand. of Law. Saratov, 2023. 239 p.
20. Nashchekin P.A., Romanov A.A. Intelligent systems in the technologies of machine-readable and machine-executable law. Law and information: issues of theory and practice: Collection of materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, November 26, 2021. Scientific ed. N.A. Sheveleva. St. Petersburg: B.N. Yeltsin Presidential Library, 2022. P. 139 – 150.
21. Orlov M.A. On some issues of translating legal norms into machine-readable format. Eurasian Law Journal. 2021. No. 3. P. 74 – 76.
22. Poryvaeva N.F. Algorithmization of law: specialty 12.00.01 – theory and history of law and state; history of doctrines on law and state: dis. ... Cand. of Law. Sciences. Moscow, 2022. 186 p.
23. Puchkov V.O. Conceptual and terminological apparatus of jurisprudence and the prospect of "machinization" of law: is it possible to represent legal constructions by means of λ -calculus? Legal Bulletin of DSU. 2021. No. 4. P. 36 – 42.
24. Rozhkova M.A. On the legal aspects of using LegalTech and LawTech technologies. Business and Law. 2020. No. 3. P. 3 – 11.
25. Savenko N.E. Legaltech in the digital economy and legal regulation of economic activities of citizens. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. No. 1. P. 145 – 171.
26. Sinyukov V.N. Digital law and the problems of the stage-by-stage transformation of the Russian legal system. Lex russica (Russian law). 2019. No. 9. pp. 9 – 18.
27. Shundikov K.V. On the use of artificial intelligence in justice. Supreme Court of the Republic of Karelia: a century of service to the state, society and law: Collection of scientific. articles based on the results of the All-Russian scientific and practical. conf., dedicated to the 100th anniversary of the Supreme Court of the Republic of Karelia, St. Petersburg, September 7-8, 2023. Under the general editorship of: A.V. Nakvas, Ya.B. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion", 2023. P. 110 – 125.
28. Legal portal Regulatory legal acts in the Russian Federation. URL: <http://pravo.minjust.ru> (date of access: 10.03.2024)
29. Uvarov A.A. Problems of using digital technologies in the implementation of the rights and freedoms of citizens. Law and digital economy. 2020. No. 2. P. 5 – 11; Savenko, N.E. Legaltech in the digital economy and legal regulation of economic activity of citizens. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. No. 1. P. 154; and others.
30. Courts plan to connect artificial intelligence to decision-making. Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2023/05/25/robot-pomozhet-rassudit.html> (accessed: 15.03.2024)
31. Galkina N.M., Kuznetsova D.V., Vorobyov M.A. Foreign experience in using artificial intelligence in the judicial system. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 3. P. 35 – 44.
32. Politsan D.A. Automation of writ proceedings: to be or not to be? Law and state: theory and practice. 2023. No. 5. P. 255 – 258; Shundikov, K.V. On the Issue of Using Artificial Intelligence in Justice. The Supreme Court of the Republic of Karelia: A Century of Service to the State, Society and Law: Coll. of Scientific Articles Based on the Results of the All-Russian Scientific and Practical Conf., Dedicated to the 100th Anniversary of the Supreme Court of the Republic of Karelia, St. Petersburg, September 7-8, 2023.edited by A.V. Nakvas, Ya.B. Zhlobobov. St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion", 2023. P. 122 – 123; Lukonina, Yu.A. Digital Civilistic Procedural Form: Theoretical and Applied Aspects: Dis. ... Cand. of Law. Saratov, 2023. P. 181 – 182; Aulov D.S. On the Prospects of Using Artificial Intelligence Technology in the Civil Procedure of Russia. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 1. P. 129 and others.

33. Dedyueva M.V. Indisputable nature of requirements in summary proceedings. Justice of the Peace. 2021. No. 5. Pp. 25-30; Chernyshov A.V. On the concept of a court order. Legal policy and legal life. 2019. No. 2. P. 148.

34. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 62 of December 27, 2016 "On certain issues of the application by courts of the provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation on summary proceedings". Rossiyskaya Gazeta. 2017. January 13.

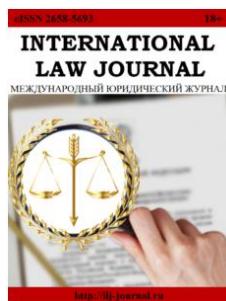
35. Belous K.K. Decision, order and determination of the court in civil proceedings: final qualifying work. M.: Russian State University of Justice, 2023. P. 53 – 54.

36. Draft laws have been developed to ensure the operation of the Digital Enforcement Proceedings super service. Ministry of Justice of the Russian Federation [official website]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48535/> (12.02.2024)

Информация об авторе

Белоус К.К., аспирант, Российский государственный университет правосудия, kirillbelous45@gmail.com

© Белоус К.К., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.9
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-184-190

Криминалистическая характеристика и особенности криминалистической экспертизы преступлений экстремистской направленности, совершенных в молодежной среде с использованием телекоммуникационной сети Интернет

¹Зоиров Дж.А.,
¹ Краснодарский университет МВД России

Аннотация: в статье анализируются особенности криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности совершенных в молодёжной среде с использованием телекоммуникационной сети Интернет. Представлен авторский взгляд на содержание криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности совершиенных с использованием телекоммуникационной сети Интернет. Знание специфики совершения преступлений экстремистской направленности в молодежной среде с использованием телекоммуникационной сети Интернет, позволяет существенно улучшить качество проводимых следственных мероприятий и повысить раскрываемость таких преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, экстремизм, Интернет, молодёжная среда, информационный экстремизм, особенности расследования, информационно-телекоммуникационные технологии; судебные экспертизы; специальные знания, информационный след

Для цитирования: Зоиров Дж.А. Криминалистическая характеристика и особенности криминалистической экспертизы преступлений экстремистской направленности, совершенных в молодежной среде с использованием телекоммуникационной сети Интернет // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 184 – 190. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-184-190

Поступила в редакцию: 3 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Criminalistic characteristics and features of the forensic examination of extremist crimes committed among young people using the Internet telecommunications network

¹Zoirov Dzh.A.,
¹ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: the article analyzes the features of the criminalistic characteristics of extremist crimes committed among young people using the Internet telecommunications network. The author's view on the content of the criminalistic characteristics of extremist crimes committed using the Internet telecommunications network is presented. Knowledge of the specifics of committing extremist crimes among young people using the Internet telecommunications network can significantly improve the quality of investigative activities and increase the detection rate of such crimes.

Keywords: criminalistic characteristics, extremism; Internet, youth environment, information extremism, investigation features; information and telecommunication technologies; forensic examinations; special knowledge, information trail

For citation: Zoirov Dzh.A. Criminalistic characteristics and features of the forensic examination of extremist crimes committed among young people using the Internet telecommunications network. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 184 – 190. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-184-190

The article was submitted: May 3, 2024; Approved after reviewing: July 4, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

В современных условиях существенного усложнения общемировой военно-политической обстановки и развернувшегося на её фоне широкомасштабного информационно-психологического воздействия в первую очередь на молодое поколение граждан России, с целью реализации практических задач по противодействию преступлениям экстремистской направленности, актуальным направлением является криминалистическая характеристика механизма совершения таких преступлений с использованием телекоммуникационной сети Интернет, как одного из наиболее распространённых на сегодня способов совершения подобных преступлений. Не смотря на то, что зачастую совершаются такие преступления в виртуальной среде, последствия которые они за собой влекут, отнюдь не виртуальны, а представляют серьёзную угрозу безопасности общества и страны в целом. Возрастающая активность преступной деятельности в сети Интернет объясняется интеграционными процессами государства и цифровой среды [1]. Президентом РФ В.В. Путиным, 9 марта 2017 года на расширенном заседании коллегии МВД РФ, противодействие экстремизму определено как одно из наиболее важных направлений профилактической работы, особенно актуальном при работе с молодым поколением [2].

Придерживаясь позиции, согласно которой, одной из главных задач криминалистического исследования преступлений экстремистской направленности является разработка криминалистической характеристики механизма преступления экстремистской направленности [3], значительное содержание в контексте нашей темы будет объяснено при изучении использования преступником телекоммуникационной сети Интернет, что позволит значительно пополнить информационную базу для создания криминалистической методики. Соответственно основной целью нашего исследования является установление особенностей криминалистической экспертизы преступлений экстремистской направленности в сети Интернет на основе имеющихся материалов о совершении подобного рода преступлений.

Материалы и методы исследований

Для достижения цели исследования нами проведён сравнительный анализ показателей преступности в Российской Федерации демонстрирует ежегодный прирост количества совершённых преступлений с использованием телекоммуникационной сети Интернет. Так, в 2017 году количество таких преступлений составило чуть более 90 тысяч, в 2018 году эта цифра составила 175 тысяч, а в 2019 году уже превысила 295 тысяч, динамика роста коснулась также и преступлений экстремистской направленности [4].

Содержательная сторона механизма совершения преступлений экстремистской направленности среди молодежи отличается большим разнообразием в соответствии с характером и способами совершения конкретных преступных деяний. При этом неизменно мишенью совершения преступлений, всё также, остаются, разжигание розни на почве политических, идеологических, расовых, национальных и религиозных различий. Современные тенденции также обнажают социальные противоречия, которые становятся причинами совершения экстремистских преступлений актуальных на сегодняшний день для молодёжной среды на почве различий в гендерных, субкультурных и мировоззренческих взглядах.

Результаты и обсуждения

Для молодёжной среды основным механизмом совершения преступлений экстремистской направленности являются участие в общественно-политических демонстрациях, несанкционированных митингах, изготовление и распространение печатной продукции экстремистского содержания, а также путём создания и размещения запрещённых материалов экстремистского содержания в телекоммуникационной сети Интернет. Результатами этих преступных деяний является не только деструктивное воздействие на сознание и психику, но и угнетение воли общества к отстаиванию интересов своей культуры, религии и государственной политики. Использование сети Интернет позволяет идеологам экстремистских движений распространять свои идеи на широкую аудиторию, вовлекая новых сторонников, проводя онлайн обучение исполнителей, создавать разветвлённую сеть участников, производить финансовые операции по материальному обеспечению своей деятельности.

Наиболее радикальными проявлениями при хаотичном объединении молодёжи на основе экстремистской идеологии являются массовые беспорядки, сопровождаемые совершением убийств и насилия, с эле-

ментами погромов, актами вандализма, мародёрства и т. д. Однако преступления экстремистской направленности, совершённых с использованием телекоммуникационной сети Интернет, при своей внешней «безобидности» влекут за собой не менее тяжёлые последствия, а зачастую, именно они выступают спусковым механизмом совершения вышеупомянутых актов.

В последние годы основным способом совершения преступлений экстремистской направленности выступает подготовка цифровых материалов соответствующего содержания с их последующим размещением в телекоммуникационной сети Интернет. Это в значительной степени способствует распространению экстремистской идеологии среди молодёжи, учитывая, что она является основной пользовательской аудитории сети Интернет. Это в совокупности существенно усложняет процедуру проведения следственных действий преступлений экстремистской направленности совершенных в молодежной среде с использованием телекоммуникационной сети Интернет и ставит перед правоохранительными органами России и стран СНГ новые задачи по противодействию такого рода преступной деятельности, учитывая их транснациональную природу.

Анализ судебной практики отражает, что основными площадками для совершения преступлений экстремистской направленности молодёжью в возрасте с 12 до 30 лет выступают различные онлайн чаты, стриминговые сервисы, интернет-сообщества, сайты по интересам, социальные сети: «Одноклассники», «Вконтакте», «Tik-Tok», «Twitter», «Facebook», мессенджеры: «WhatsApp», «Telegram», «Viber», «Hangouts», интернет площадки «YouTube». На данный момент практически все вышеупомянутые сервисы позволяют публиковать в общем доступе информацию предварительно не прошедшую проверку на предмет нарушения действующего законодательства, что делает их одним из основных средств по оказанию воздействия на сознание общества, ресурсом для планирования и непосредственной реализации преступного замысла. Зачастую преступники размещают информацию экстремистского характера на своих страницах в социальных сетях, группах, сообществах, комьюнити, где являются модераторами [5].

Экстремистскую деятельность молодёжи, при которой средой для совершения преступлений экстремистской направленности выступает телекоммуникационная сеть Интернет можно условно назвать информационным экстремизмом, который характеризуется:

- предельной радикальностью во взглядах на те или иные явления социальной, культурной, духовной, политической и других видов жизнедеятельности общества;
- антисоциальной направленностью деятельности вступающей в конфронтацию с интересами общества;
- аморальным обликом проявления, противопоставляющим существующим в обществе морально-нравственным идеалам;
- маргинальной обусловленностью возникновения;
- противоправностью деяний, всегда нарушающих действующее законодательство.

При подготовке преступлений экстремистской направленности широко применяются передовые цифровые и компьютерные технологии, сопряжённые с доступом в телекоммуникационную сеть Интернет. Эти технологии представлены широким кругом технических устройств и программ таких как: мобильная и спутниковая связь, мессенджеры и различные социальные сети, смартфоны, ноутбуки, планшеты, смарт-часы, умные колонки, которые всё чаще становятся элементами механизма совершения преступления.

Учитывая вышеизложенное при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершённых молодёжными экстремистскими неформальными организациями, стоит обратить внимание на информацию раскрывающую механизм совершения таких преступлений:

- структура и состав членов молодёжного экстремистского движения, организации, группировки;
- сущностные положения их псевдоидеологии;
- элементы субкультуры, их внешняя и содержательные стороны, соответствующая атрибутика;
- особенности, иерархия отношений в организации, группировке;
- типологический портрет и психологические особенности членов группировки;
- источники экстремистской идеологии, предпосылки её возникновения и ранняя деятельность её членов;
- социально-феноменологическая характеристика личности лидеров организации, группировки;
- специфическое лингвистическое наполнение речи, текстов, материалов, переписок и т.д.

Совокупность вышеупомянутых данных позволяет наряду с традиционными сведениями о способе и механизме совершения преступления, об обстановке совершения преступления, о потерпевшем и о личности преступника, обеспечивает качественную организацию расследования. Однако это требует разработки технологий по анализу и учёту сведений для криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности.

мистской направленности совершённых с использованием телекоммуникационной сети Интернет, а именно установления особенностей проявления этих характеристик в виртуальном пространстве.

На этапе проверки информации о преступлении экстремистской направленности особую ценность для криминалистической характеристики могут служить:

- члены неформальных организаций, объединений, к которым относился предполагаемый преступник;
- работники учебных заведений, спортивных клубов, религиозных организаций объединённых признаками характерными для мотивов совершённого преступления экстремистской направленности;
- работники сферы торговли, почтовых отделений, редакций и типографий, маркетплейсов, услугами которых пользовался предполагаемый преступник и имеющие доступ к его учётным данным.

Активное использование телекоммуникационной сети Интернет при совершении преступлений экстремистской направленности требует соответствующих изменений криминалистической характеристики. По мнению А.В. Варданяна, современный этап развития криминалистических процедур характеризуется всё более активным внедрением компьютерного анализа позволяющего в значительной степени объяснить механизм подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности в молодежной среде, методом профилирования личности преступника и криминального события [6]. Такой подход позволяет определить тактическую модель поведения преступника и лучше его идентифицировать. Успешность такого подхода демонстрируется в практике деятельности сотрудников национального центра анализа насильтвенных преступлений ФБР, где путём анализа больших баз данных и поиска аналогичных признаков криминального поведения были идентифицированы личности преступников. По аналогии с практикой правоохранительных органов США подобные работы проводились также в Великобритании, Германии и за последние десятилетия была активно внедрена в Российской Федерации. Принцип создания общей автоматизированной базы данных, которая содержит информацию о преступлениях, в том числе, экстремистской направленности, особенностях и «почерке» их совершения позволяет реконструировать последовательность действий преступника, обусловленных его психофизиологическими особенностями, что в значительной степени поможет в проведении расследования устанавливая статистические взаимосвязи между признаками характеризующими личность преступника и преступными событиями [7].

Производство следственных действий по расследованию преступлений экстремистской направленности совершённых в сети Интернет включает проведение криминалистической экспертизы основанной на квалифицированном досмотре характерного для данного вида преступлений предметов экспертных исследований компьютерной техники, цифровых гаджетов, различных носителей информации и т.д [8].

Выводы

Для проведения криминалистической экспертизы преступлений экстремистской направленности какого-либо ресурса в сети Интернет следует придерживаться специфической тактики требующей определённой квалификации специалиста в области цифровых технологий, наличия специального программного обеспечения для проведения мета-анализа содержащейся на ресурсе (ресурсах), с последующей юридической оценкой и проведением судебных экспертиз [9]. Основным видом судебной экспертизы является компьютерно-техническая экспертиза объектом которой является установление содержания информации экстремистского характера на цифровых носителях, Интернет-ресурсах, в переписках мессенджеров, записях онлайн-трафика и т.п.[10].

В таком случае информация, указывающая на совершение преступления экстремистского характера, будет содержать аудио и видеозаписи соответствующего содержания, тексты переписок, голосовые сообщения, различные характерные изображения, а также следы финансовых расчётов [11].

Характерной особенностью для криминалистической экспертизы преступлений экстремистской направленности будет являться необходимость установления идентификационной принадлежности следовой картины предполагаемому преступнику, на что будут указывать соответствие адреса электронной почты, ID-адреса аккаунта Интернет-ресурса (социальной сети), сетевого адреса. Специфическими признаками будут являться характерные поведенческие паттерны, проявляемые преступником при пользовании Интернет-ресурсами, косвенно указывающие на его причастность.

С целью обеспечения проведения качественной криминалистической экспертизы преступлений экстремистской направленности в Главном управлении криминастики при Следственном комитете Российской Федерации создано технико-криминалистическое управление, в функциях которого разработка технологических и методических подходов в организации, а также непосредственного проведения следственных действий по технической экспертизе цифровых носителей информации. Для проведения дополнительных экспертиз могут быть привлечены специалисты других областей, например для установления содержательной части текста экстремистской направленности требуется проведение лингвистической консультации. По

мнению исследователей в области криминалистики при расследовании преступлений экстремистской направленности обязательными видами экспертиз выступают проведение социогуманитарной, политологической и лингвистической вскрывающих широкий пласт предпосылок и условий к совершению преступления и являющихся наиболее информативными для проведения последующих следственных действий [12].

На сегодняшний день технико-криминалистическое управление МВД РФ производит 51 вид судебных экспертиз, из которых к проведению криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности совершённых с использованием телекоммуникационной сети Интернет относятся на данный момент более десятка. Возросшая роль цифровых гаджетов в повседневной жизни, широкий круг задач который они позволяют реализовать, сделали их одним из основных инструментов в руках злоумышленников при совершении преступлений экстремистской направленности, в таком случае, информация, полученная при компьютерно-технической экспертизе этих устройств, имеет непосредственное доказательственное значение [13].

Так, по приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 19 июля 2018 г. Д был осужден по ч. 2. ст. 280 УК РФ за осуществление публичных призывов к экстремистской деятельности, совершённых с использованием телекоммуникационной сети Интернет. Обвинительный приговор содержал сведения о мотивах основанных на почве религиозной ненависти, следуя которым Д с целью ознакомления неограниченного круга лиц разместил у себя на странице в социальной сети призыв в виде текстового материала, в котором побуждал к совершению насильственных действий в отношении представителей других религиозных конфессий. Лингвистический анализ содержания текстового материала опубликованного Д на странице своей в социальной сети, позволил суду вынести обвинительный приговор по ч. 2. ст. 280 УК РФ. [14].

Таким образом, для криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности в молодежной среде совершённых по средствам телекоммуникационной сети Интернет, для установления следовой картины, требуется помимо проведения классических судебно-медицинской, баллистической, медико-траumatологической, биологической, психологической, психиатрической, религиоведческой, политологической, лингвистической, филологической, почерковедческой, автороведческой, фоноскопической, социологической, философской экспертиз, важными элементами будут установление IP-адреса, проведение технической экспертизы компьютеров, гаджетов, цифровых носителей информации, поиск и анализ содержания электронной почты, переписок в мессенджерах, социальных сетях, на различных ресурсах и площадках, поиск признаков искусственной генерации текстов, голосов и т.д. То есть наиболее эффективным с точки зрения раскрытия преступления экстремистской направленности совершённых по средствам сети Интернет является поиск и анализ имеющихся на цифровых носителях, онлайн-платформах цифровых следов. В контексте криминалистического анализа совершения преступлений экстремистской направленности в молодежной среде следственным органам перед назначением и производством этих экспертиз, необходимы проведение консультаций в области возрастной психологии, представителей различных конфессий, политических партий и движений, для уточнения тактики следственных действий и корректного формулирования вопросов предстоящей экспертизы в рамках их компетенций. Отсутствие у следователя необходимых (специальных) знаний по проведению компьютерно-технической экспертизы, встаёт серьёзным препятствием на пути к правильной квалификации преступления и проведения криминалистической экспертизы преступлений экстремистской направленности.

Актуальным направлением в проведении криминалистической экспертизы совершения преступлений экстремистской направленности в молодежной среде совершённых с использованием телекоммуникационной сети Интернет, в свете возрастающего объёма информации требующего участия значительного человеческого ресурса, является разработка методического инструментария направленного на выявление признаков подобных преступлений в сети Интернет с использованием аппаратных методов на основе автоматизации, применении нейронных сетей и искусственного интеллекта.

Список источников

1. О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 // Доступ из справ.-прав системы «КонсультантПлюс».
2. Расширенное заседание коллегии МВД России 9 марта 2017 года // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54014> (дата обращения: 15.04.2024).
3. Лях, Л.А. Криминалистическое исследование экстремизма (российский и международный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 3. С. 16 – 17.
4. Статистика и аналитика МВД [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/51988292> (дата обращения: 15.03.2024)

5. Галанова Е.В. Профилирование личности на основе анализа ее аккаунта в социальных сетях // Инновационная наука. 2019. № 2. С. 58 – 61.
6. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 23 – 35.
7. Варданян Г.А. Преступления в сфере теневого фармацевтического рынка как объект криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 250 – 258.
8. Сборник примеров заключений эксперта по криминалистической экспертизе видео- и звукозаписей: практическое пособие для экспертов / под ред. Ф.О. Байрамовой; Ф.О. Байрамова, А.Г. Бояров, И.В. Гарт и др.. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.
9. Шаевич, А.А., Старичков М.В., Грушкина В.А. Актуальные проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с пропагандой экстремизма // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 3-2. С. 252 – 258.
10. Кузнецов С.А., Оленников С.М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство: научно-практическое издание. М.: Издательский дом В. Ема, 2014. С. 55.
11. Назарова Т.В., Громова А.В. Опыт производства автороведческих экспертиз по материалам переписок в мессенджерах // Экспертная практика. 2019. Вып. 86. С. 14 – 18.
12. Скориков В.Г. Расследование преступлений экстремистской направленности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.
13. Постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №4 (2018) (утв.Президиумом Верховного суда РФ 26.12.2018)

References

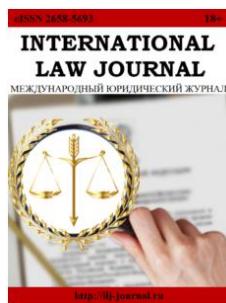
1. On the strategy of scientific and technological development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 1, 2016 No. 642. Access from the reference-rights system "ConsultantPlus".
2. Expanded meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia on March 9, 2017. Official website of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/ 54014> (date of access: 15.04.2024).
3. Lyakh, L.A. Forensic study of extremism (Russian and international experience). International criminal law and international justice. 2011. No. 3. P. 16 – 17.
4. Statistics and Analytics of the Ministry of Internal Affairs [Electronic resource]. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/51988292> (date of access: 03/15/2024)
5. Galanova E.V. Personality Profiling Based on the Analysis of Her Account on Social Networks. Innovative Science. 2019. No. 2. P. 58 – 61.
6. Vardanyan A.V., Gribunov O.P. Modern Doctrine of Methodological and Forensic Support for the Investigation of Certain Types of Crimes. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2 (81). P. 23 – 35.
7. Vardanyan G.A. Crimes in the sphere of the shadow pharmaceutical market as an object of forensic science. Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. No. 1-2. P. 250 – 258.
8. Collection of examples of expert opinions on forensic examination of video and sound recordings: a practical guide for experts. edited by F.O. Bayramova; M .: Federal Budgetary Institution of the Russian Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2018.
9. Shaevich, A.А., Starichkov M.В., Grushikha V.А. Actual problems of using special knowledge in the investigation of crimes related to the propaganda of extremism. Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2015. No. 3-2. P. 252 – 258.
10. Kuznetsov S.А., Olenников S.М. Expert research in cases of recognizing information materials as extremist: theoretical foundations and methodological guidelines: scientific and practical publication. Moscow: Publishing house of V. Yema, 2014. P. 55.

11. Nazarova T.V., Gromova A.V. Experience in producing authorship examinations based on materials of correspondence in instant messengers. Expert practice. 2019. Issue 86. P. 14 – 18.
12. Skorikov V.G. Investigation of crimes of an extremist nature: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Volgograd, 2014.
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11 "On judicial practice in criminal cases on crimes of an extremist nature."
14. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2018) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 26, 2018)

Информация об авторе

Зоиров Дж.А., Краснодарский университет МВД России, jamazoiri@gmail.com

© Зоиров Дж.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.28/.29
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-191-196

Проблемы назначения более мягкого наказания подсудимому, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве

¹ Караева З.Ш.,
¹ Российский государственный университет правосудия

Аннотация: в статье предпринимается попытка исследовать некоторые теоретические и практические проблемы, связанные с назначением наказания более мягкого чем предусмотрено законом (ст. 64 УК РФ). При этом автор ограничил предмет исследования вопросами назначения наказаний с применением правил ст. 64 УК РФ в отношении тех, подсудимых, которые на предварительном следствии заключили досудебное соглашение о сотрудничестве. Исследованием установлено, что механизм применения льготных правил назначения наказания нельзя считать совершенным, более того, он остается недостаточно продуманным и приводит к судебным ошибкам. В статье отмечено, что подтверждение прокурором выполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве автоматически образует исключительность смягчающих обстоятельств для применения правил ст. 64 УК РФ. Предложено дать разъяснения в актах легального толкования, что в случаях применения двух льготных правил одновременно суду надлежит дополнительно устанавливать смягчающие обстоятельства, которые не входят в условия досудебной сделки.

Ключевые слова: назначение более мягкого наказания, досудебное соглашение, активное содействие раскрытию преступления, льготные правила назначения наказания, исключительные обстоятельства, выполнение условий досудебной сделки

Для цитирования: Караева З.Ш. Проблемы назначения наказания более мягкого наказания подсудимому, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 191 – 196. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-191-196

Поступила в редакцию: 5 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Problems of imposing a lighter sentence on a defendant with whom a pretrial cooperation agreement has been concluded

¹ Karayeva Z.Sh.,
¹ Russian State University of Justice

Abstract: the article attempts to investigate some theoretical and practical problems associated with the imposition of punishment more lenient than provided by law (Art. 64 of the Criminal Code of the Russian Federation). At the same time, the author limited the subject of research to the issues of imposing punishment with the application of the rules of Art. 64 of the Criminal Code of the Russian Federation in respect of those defendants who at the preliminary investigation concluded a pre-trial agreement on cooperation. The study found that the mechanism of application of favourable rules of sentencing cannot be considered perfect, moreover, it remains insufficiently thought out and leads to judicial errors. The article notes that the confirmation by the prosecutor of the fulfilment of the conditions of the pre-trial cooperation agreement automatically forms the exclusivity of mitigating circumstances for the application of the rules of article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is proposed to clarify

fy in acts of legal interpretation that in cases of application of two favourable rules at the same time, the court should additionally establish mitigating circumstances that are not included in the terms of the pre-trial agreement.

Keywords: assignment of a more lenient punishment, pre-trial agreement, active assistance in crime detection, preferential rules of punishment assignment, exceptional circumstances, fulfilment of conditions of the pre-trial deal

For citation: Karayeva Z.Sh. Problems of assigning a milder punishment to the defendant with whom a pretrial agreement on cooperation has been concluded. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 191 – 196. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-191-196

The article was submitted: May 5, 2024; Approved after reviewing: July 4, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Современная уголовная политика назначения наказания характеризуется тенденциями углубления ее гуманизации, что особенно ярко выражено в предусмотренной законом возможности применения не одного, а нескольких льготных правил назначения наказания одновременно по одному уголовному делу в отношении подсудимого, заключившего сделку на предварительном следствии. Данная тенденция не нова, крен в сторону гуманизации наметился еще с начала 2000-гг., и подвергался жесткой критике в трудах З. А. Астемирова, который писал, что «проблематика гуманизации, которая диктуется в официальных кругах, по сути, представляет собой завуалированную прямую чрезмерную либерализацию». Представители его научной школы считают данное мнение в известной степени верным [1, с. 427]. В свете реализации гуманистических начал назначения наказания в последние годы в судебной практике возрастает удельный вес применения ресурсов смягчения к подсудимым. В последнее время наблюдается активное использование института probation и внедрение более лояльных решений, чем те, которые прописаны в законодательстве. Согласно нашим исследованиям, приблизительно 10% обвиняемых были осуждены по положениям статьи 64 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Проблемные моменты, связанные с институтом назначения наказания, продолжают оставаться в поле наиболее дискутируемых и недостаточно разрешены в практике. Это касается, в частности, различных его разновидностей. В рамках нашего исследования мы акцентируем внимание на вопросе назначения менее строгих наказаний с учетом преференций ст. 64 УК РФ.

Материалы и методы исследований

В основе исследовательского анализа лежат ряд общенаучных и частных методик. Преимущественно использованы социологические методики: изучение материалов прессы, различного рода документов, судебных актов, неофициальные беседы и опросы среди сотрудников судебного корпуса. В известной мере использованы статистический и сравнительный методы. Выводы автора также основаны на использовании исторических и логических приемах познания: анализ, синтез, индукция и дедукция и др.

Результаты и обсуждения

По своей сущности институт назначения наказания охватывает всю многогранную деятельность судебных инстанций, которая, в конечном итоге, направлена на достижение баланса между покаранием, возмездием и исправительным воздействием на лиц, совершивших преступные посягательства и обеспечением высокого уровня защиты интересов потерпевших от преступных посягательств, а также в целом общественных и государственных интересов, когда во главу угла должны быть поставлена социальная справедливость и ее восстановление.

В науке констатируется позиция, что законодательные нормы о назначении наказания с льготными преференциями в полной мере соответствуют основным целям и задачам уголовной ответственности. Между тем, изучение теоретических и прикладных проблем, возникающих при применении статьи 64 УК РФ позволяет утверждать, что в известной степени, положения института назначения наказания более мягкого чем предусмотрено законом нарушает баланс интересов в пользу обвиняемого лица, совершившего преступление [5, с. 87]. В результате говорить о восстановлении социальной справедливости не приходится, поскольку интересы потерпевших по факту остаются ущемленными, да и цели исправления осужденного лица не достигаются в полном объеме, не говоря уже о возмездии за содеянное им преступное деяние.

Особенно обсуждаемым вопросом института назначения наказания мягче чем указывает законодатель остается содержание дефиниции «исключительность» смягчающих обстоятельств. В научных изысканиях подчеркивается, что названный категориальный элемент отражает наличие трех факторов, среди которых:

«1) обстоятельств, продуцированных специфической мотивацией и целями преступных действий, а также позитивным поведением подсудимого, которые априори образуют исключительность; 2) другие обстоятельства, совокупность которых существенно понижает опасность преступного акта и самого подсудимого; 3) активное содействие подсудимого в раскрытии и расследовании преступлений совершенных в соучастии» [10, с. 111].

Среди названных факторов тематикой для дискуссионной площадки ученых остаются вопросы об «активной помощи соучастника преступных деяний в его раскрытии и расследовании». Многие эксперты придерживаются позиции, что такое активное участие соучастника в раскрытии и расследовании преступлений представляет собой межнормативную основу для смягчения наказания. Так как судьями данное обстоятельство учитываются не только при обращении к применению указаний статьи 64 УК РФ, но и в границах решения вопроса о наказуемости виновного, руководствуясь ст. 62 УК РФ.

Сравнительная оценка упомянутых выше положений приводит к заключению, что, несмотря на различия в терминологии, применяемой законодателем для описания оснований смягчения наказания, их сущность интерпретируется одинаково в судебной практике. В научных источниках «активное содействие участника группового преступления в раскрытии преступления», и «активное способствование раскрытию и расследованию преступления» различают по смысловой нагрузке и признают нетождественными [2, с. 42]. Доктринальное толкование такого содействия раскрытию и расследованию характеризуется через «деятельностную инициативу и активность подсудимого в оказании значимой помощи, исключая пассивное исполнение указаний, даваемых ему оперативными сотрудниками» [8, с. 110]. Расхождение по смыслу обнаруживается по одному признаку: в одном случае активное содействие должно обладать признаками «исключительности или экстраординарности» [2, с. 42], а в другом – достаточно наличия самого факта указанного содействия со стороны преступника.

Иллюзорность приведенных позиций очевидна, а приведенные в обоснование данной точки зрения аргументы, заслуживают критики. Во-первых, термины «содействие» и «способствование» раскрытию и расследованию преступных деяний идентичны. С этимологической точки зрения «способствование» определяется как оказывать помощь, содействовать, а «содействие» как помощь, поддержка в чем-либо. Во-вторых, как уже было отмечено выше, в судебной практике, исследуемые обстоятельства расцениваются как тождественные. В этой связи полагаем справедливой следующую точку зрения: «активность в содействии раскрытию и расследованию преступных посягательств, в конечном счете осуществляет тождественную функцию, что и исключительные обстоятельства, образующие элемент экстраординарности для назначения наказаний мягче чем указано в законе» [9, с. 163]. Терминологические различия в формулировках – это всего лишь элемент законодательной техники и стиля изложения норм уголовного закона. Поэтому поддерживаем данное мнение и считаем, что независимо от формы и нормативной стилистики изложения, данное обстоятельство законодатель изначально определил как исключительное.

Вызывает много вопросов и проблематика дуализма при применении льготных смягченных санкций. В этой части положительно оцениваем, имевший место в судебных разъяснениях запрет применения одних и тех же смягчающих обстоятельств при разрешении вопросов о смягчении наказания в разных уголовно-правовых институтах [7, п. 12].

Этот вопрос привлекает особенно бурное внимание в научноведческой сфере: «Досудебное соглашение о сотрудничестве не оказывает непосредственного влияния на использование норм статьи 64 УК РФ при вынесении приговора. Тем не менее, в некоторых ситуациях смягчающие обстоятельства, являющиеся условиями и обязательствами такого соглашения, становятся исключительными благодаря его заключению» [9, с. 162]. Другие ученые пишут, что такое использование вполне допустимо, но обстоятельства, послужившие основаниями к их применению, должны отличаться друг от друга. С их позиций, назначая основное наказание, судом может применяться ст. 62 УК РФ, а для назначения дополнительного суд вправе обратиться к положениям ст. 64 УК РФ [8, с. 112].

Принцип сочетания специальных правил смягчения наказания закреплен в нормах уголовно-процессуального законодательства. В соответствии с ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ, установлена двухшаговая возможность смягчения наказаний, суд на первом этапе уполномочен применить смягчение наказания в связи с заключением досудебной сделки в рамках $\frac{1}{2}$ максимального срока наименее строгого наказания, а на втором – перейти к еще более мягкому, руководствуясь ст. 64 УК РФ. В каждом конкретном случае принимая такое решение суду необходимо мотивировать и обосновать степень смягчения наказания подсудимому. Решая этот вопрос суду надлежит учитывать, насколько активно подсудимый способствовал раскрытию и расследованию преступления, в чем это конкретно выражалось. Между тем, на основании анализа рассмотренных нами приговоров становится очевидно, что при применении судом положений части 2 ст. 62 и ст.

64 УК РФ чаще всего перечень смягчающих обстоятельств практически идентичен и совпадает. Более того, в тексте приговоров зачастую не уточняется, почему в одних случаях совокупность смягчающих обстоятельств считается существенно уменьшающей общественную опасность, а в других – нет.

Изучение имеющейся судебной практики выявило, что судами нередко одни и те же постпреступные действия избираются как основания для назначения двукратно льготного наказания. Не отработан на практике и механизм применения сразу двух льгот. Из смысла части 2 статьи 62 УК РФ, в ней получил отражение только верхний предел назначаемого наказания, следовательно нижний порог соответствует минимальному для отдельных видов наказаний. Как образец для определения методики расчета наказаний приведем следующий смоделированный нами пример. Если лицо, обвиняется в совершении преступного посягательства в виде превышения должностных полномочий, повлекшего по неосторожности смерть, ему максимально грозит 15 лет. Однако, если он заключил сделку с правосудием складывается парадоксальная ситуация. Например, в Советском суде г. Махачкалы рассматривается дело в отношении двух полицейских, которыми была заключена таковая сделка, им грозит всего лишь 7,5 лет, а учитывая имеющуюся у суда возможность применить еще одну льготу подсудимые вообще могут получить еще меньший срок, отдавшись легким испугом. А как быть если суд, проявляя чрезмерную гуманность, рассмотрит возможность назначить им наказание ниже низшего предела? Где этот низший предел, если верхний по нашим расчетам вышел 7,5 лет?

Выводы

Дуализм льготных принципов назначения наказаний посредством использования предписаний части 2 статьи 62 и статьи 64 УКРФ, который легализован в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, вызывает серьезные разнотечения и острые разногласия в науке, что негативно отражается на практике, лишая ее единобразия и унифицированных подходов. В этой связи нуждается в дальнейшем совершенствовании механизм их применения, в частности неподтверждение прокурором выполнения условий досудебной сделки о сотрудничестве не может ограничивать возможность обращения к применению преференций ст. 64 УК РФ, даже при установлении факта, что подсудимый скрыл от следователя какие либо обстоятельства, так как смягчающие обстоятельства, которые могут быть признаны экстраординарными не утрачиваются и не исчезают, их игнорирование недопустимо.

Есть большие претензии к судебной практике в части мотивированности применения сразу двух льгот. В большинстве случаев суды ограничиваются ссылкой, что надо применить ст. 64 УК РФ, это не исключает возможность судебных ошибок. Так, гр. Т. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п.п. «а, б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ и ему назначено наказание в виде лишения свободы с применением ст. 64 УК РФ сроком на 5 лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. Суд апелляционной инстанции изменил приговор и указал, что нижестоящая судебная инстанция применила неверно правила назначения наказания, указанные в ст. ст. 66, 62 УК РФ, в соответствии с которыми срок наказания и так оказался ниже установленного предела санкции ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, а потому нет необходимости в ссылке на ст. 64 УК РФ. На это указывается и в разъяснениях Пленума Верховного суда [6, п. 34].

Отличительной особенностью смягчения наказания лицу, заключившему сделку с правосудием, является невозможность ее применения в ситуациях установления хотя бы одного отягчающего обстоятельства. Напрашивается риторический вопрос, а можно ли тогда назначать более мягкое наказание вообще? Статьей 64 УК РФ дозволено применять смягченные наказания и в ситуациях, когда есть отягчающие обстоятельства. Следовательно, предписания ст. 64 УК РФ носят более «привилегированный» характер, поэтому такой механизм и порядок назначения наказания возможен и это не противоречит закону. Примером служит дело Брагунова А.А., осужденного за производство и хранение наркотиков с применением информационных сетей в крупном размере, где по итогам кассационной жалобы Верховный Суд РФ, применил положения статьи 64 УК РФ и сократил срок до 12 лет и 10 дней. Первоначально Брагунов А.А. осуждался к 15 годам лишения свободы. И хотя, прокурор не подтвердил результаты досудебной сделки, суд нашел возможным учесть его помочь в раскрытии преступления, передачу переписки с организаторами преступных посягательств и др. как исключительные обстоятельства [4].

Анализируя вышеприведенный судебный акт, необходимо выяснить: не является ли это нарушением статьи 63.1 УК РФ, где указывается, что «положения статьи 64 УК РФ не применяются в случае, если обвиняемый предоставил ложные сведения либо скрыл что-либо существенное по делу». Двусмысленные законодательные конструкции норм о досудебной сделке формируют коррупционные ниши, и расширяют возможности субъективного их толкования судебным корпусом. Для сравнения: по делу Брагунова судом употребляется термин «невыполнение условий досудебного соглашения прокурором», тогда как статья 63.1

оперирует другими категориальными элементами: «ложные сведения» или «скрытие существенных обстоятельств». С учётом этого, представляется корректным исключить из ст. 63.1 запрет применять ст. 64, так как последняя охватывает более широкий спектр обстоятельств в отличие от критериев для подтверждения результатов по досудебному соглашению.

Список источников

1. Гаджиева А.А., Караева З.Ш К вопросу об основаниях назначения наказания более мягкого чем предусмотрено законом (64 УК РФ) // Проблемы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 427 – 430.
2. Лобанова Л.В. Активное содействие участника группового преступления его раскрытию как основание чрезвычайного смягчения наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 4. С. 41 – 48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnoe-sodeystvie-uchastnika-gruppovogo-prestupleniya-ego-raskrytiyu-kak-osnovanie-chrezvychaynogo-smyagcheniya-nakazaniya> (дата обращения: 21.03.2024)
3. Мелюханова Е.Е. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 1. С. 247 – 256.
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2022 № 24-УД22-12 КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=734934&cacheid=16FF1B16F8AA5E5180140694AC1BD77A&mode=splus&rnd=A3IJzA#HNGDzIUsq68Bre56>(дата обращения: 09.03.2024)
5. Плаксина Т.А. Практика назначения за получение взятки более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление // Вестник Кузбасского института. 2023. № 3 (56). С. 87 – 104.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/(дата обращения: 09.03.2024)
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 N 2 (ред. от 03.12.2013) «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65592/(дата обращения: 09.03.2024)
8. Салыкова А.К. Основания назначения более мягкого наказания при досудебном соглашении о сотрудничестве (соглашении о сотрудничестве) в уголовных законодательствах Российской Федерации и Республики Казахстан // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92). С. 109 – 121.
9. Стroganova T.YU. Уголовно-правовые аспекты института досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 236 с.
10. Черненко Т.Г. Некоторые вопросы назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1 (54). С. 110 – 119.

References

1. Gadzhieva A.A., Karaeva Z.Sh. On the issue of grounds for imposing a punishment more lenient than that provided by law (Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation). Gaps in Russian legislation. 2020. Vol. 13. No. 4. P. 427 – 430.
2. Lobanova L.V. Active assistance of a participant in a group crime in its disclosure as a basis for extraordinary mitigation of punishment. All-Russian Criminological Journal. 2012. No. 4. P. 41 – 48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnoe-sodeystvie-uchastnika-gruppovogo-prestupleniya-ego-raskrytiyu-kak-osnovanie-chrezvychaynogo-smyagcheniya-nakazaniya> (date of access: 21.03.2024)
3. Melyukhanova E.E. Appointment of a more lenient punishment than provided by law. Criminal law: development strategy in the 21st century. 2024. No. 1. P. 247 – 256.
4. Definition of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.10.2022 No. 24-UD22-12 ConsultantPlus [Electronic resource]. Access mode URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=734934&cacheid=16FF1B16F8AA5E5180140694AC1BD77A&mode=splus&rnd=A3IJzA#HNGDzIUsq68Bre56>(date of access: 03/09/2024)
5. Plaksina T.A. Practice of assigning a more lenient punishment for accepting a bribe than is provided for this crime. Bulletin of the Kuzbass Institute. 2023. No. 3 (56). P. 87 – 104.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015 N 58 (as amended on 18.12.2018) "On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation". ConsultantPlus [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (date of access: 09.03.2024)

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.01.2007 N 2 (as amended on 03.12.2013) "On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation". ConsultantPlus [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65592/ (date of access: 09.03.2024)

8. Salykova A.K. Grounds for imposing a more lenient punishment under a pre-trial cooperation agreement (co-operation agreement) in the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (92). P. 109 – 121.

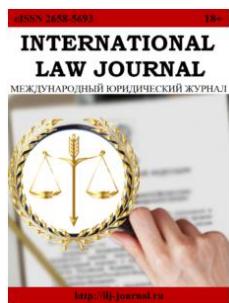
9. Stroganova T.Yu. Criminal-legal aspects of the institute of pre-trial cooperation agreement: dis. ... Cand. of Law. Sciences. Yekaterinburg, 2022. 236 p.

10. Chernenko T.G. Some issues of imposing a more lenient punishment than provided for a given crime. Bulletin of the Kuzbass Institute. 2023. No. 1 (54). P. 110 – 119.

Информация об авторе

Караева З.Ш., соискатель, Российский государственный университет правосудия, zuh.karaeva@yandex.ru

© Караева З.Ш., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.7
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-197-202

Нормообразующие факторы цифровой трансформации бизнеса в России

¹**Храпов И.А.,**
¹**Московский финансово-промышленный университет Синергия**

Аннотация: работа направлена на выявление, описание и систематизацию нормообразующих факторов развития коммерческих отношений в условиях глобальной цифровой трансформации бизнеса. Анализ законодательных актов и литературы позволяет прийти к выводу о том, что нормативное регулирование коммерческих отношений, связанных с использованием современных информационных технологий, обусловлено рядом причин (факторов), вызванных необходимостью устранения пробелов и несовершенства законодательного материала, а также создания эффективного, прозрачного и полного регулирования отношений в сфере электронной коммерции. На основании проведенного анализа автором предлагается классификация групп нормообразующих факторов развития правового регулирования.

Ключевые слова: цифровизация, цифровизация бизнеса, информационные технологии, электронное взаимодействие, бизнес в Интернете, развитие законодательства, нормообразующие факторы

Для цитирования: Храпов И.А. Нормообразующие факторы цифровой трансформации бизнеса в России // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 197 – 202. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-197-202

Поступила в редакцию: 6 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

The norm-forming factors of digital business transformation in Russia

¹**Khrapov I.A.,**
²**Moscow Financial and Industrial University Synergy**

Abstract: the article is aimed at identifying, describing and systematizing the norm-forming factors of the development of commercial relations in the context of global digital business transformation. An analysis of legislative acts and literature allows us to conclude that the regulatory regulation of commercial relations related to the use of modern information technologies is due to a number of reasons (factors) caused by the need to eliminate gaps and imperfections in legislative material, as well as to create effective, transparent and complete regulation of relations in the field of electronic commerce. Based on the analysis, the author proposes a classification of groups of norm-forming factors in the development of legal regulation.

Keywords: digitalization, digitalization of business, information technology, electronic interaction, business on the Internet, development of legislation, regulatory factors

For citation: Khrapov I.A. The norm-forming factors of digital business transformation in Russia. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 197 – 202. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-197-202

The article was submitted: May 6, 2024; Approved after reviewing: July 5, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Цель исследования – определить факторы, способствующие развитию правового регулирования цифровизации в сфере предпринимательской деятельности.

Задачи – на основе анализа нормативных источников и литературы, выявить и охарактеризовать нормообразующие факторы, влияющие на правовую регламентацию коммерческих правоотношений, осложненных использованием цифровых технологий, а также предложить классификацию данных факторов.

Гипотеза – развитие нормативной регламентации процессов цифровизации в коммерческой сфере зависит от ряда причин (факторов), которые определяются государственной политикой и наличием запросов представителей бизнеса на создание эффективного правового контекста, в рамках которого предполагается существование таких правоотношений. Представляется, что пробельность законодательства, стремление предпринимателей к снижению транзакционных и иных издержек, потребность в создании прозрачности административных процедур, а также широкое распространение бизнес-активности в сети интернет выступают основными нормообразующими факторами развития правового регулирования коммерческих отношений, сопряженных с использованием достижений цифровизации.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы и законодательства.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература.

Результаты и обсуждения

Процессы цифровизации продолжают выполнять важнейшие организационные и инфраструктурные функции, направленные на создание благоприятных условий ведения бизнеса в текущих реалиях. Современную коммерцию невозможно представить без повсеместного использования электронного документооборота, онлайн баз данных и электронных реестров, а также иных технологий и сервисов, позволяющих получать и обмениваться юридически значимой для бизнеса информацией [1].

Очевидно, что цифровизация как таковая, несмотря на всю стихийность и непредсказуемость её процессов, не может не быть предметом правового регулирования и, в определенных случаях, даже напротив – напрямую зависеть от такого регулирования, тех или иных нормообразующих факторов, способствующих созданию правового поля вокруг правоотношений, возникающих по поводу использования продуктов цифровизации.

Не вызывает сомнений тот факт, что законодательное регулирование отношений и процессов, сопряженных с использованием цифровых технологий в предпринимательском секторе, является результатом целеполагания и последовательной государственной политики, которой признается необходимость создания соответствующего правового контекста для подобных отношений [2].

Так, Минэкономразвития еще в 2020 году представило ряд предложений по реализации федерального проекта регулирования цифровой среды, отмечая при этом важность эффективного правового регулирования оборота данных и средств связи, а также оказания онлайн-услуг в целях стимулирования цифровой трансформации бизнеса [3].

Не менее значимым документом является Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2023 N 3745-р, которым утверждены меры по внедрению и последующей реализации цифрового взаимодействия между контрольными (надзорными) органами и проверяемыми представителями бизнеса, в том числе посредством использования портала "Госуслуги", на базе которого создано мобильное приложение "Инспектор", позволяющее проводить контрольно-надзорные мероприятия в удаленном режиме (в т.ч. посредством ВКС), осуществлять обмен документами в электронном виде и так далее [4].

Изложенное позволяет ставить вопрос о существовании конкретных нормообразующих факторов правового регулирования процессов цифровой трансформации бизнеса, предложив их характеристику, а также деление на группы.

Как известно, любое новое правовое регулирование в подавляющем большинстве случаев вызвано несовершенством действующего законодательства, его пробельностью и неясностью, что создает невозможность его эффективного и справедливого применения к вновь появляющимся общественным отношениям, в особенности осложненных технологическим прогрессом [5].

Данный тезис подтверждает, что первым и, пожалуй, основным фактором правового регулирования отношений в условиях цифровизации бизнеса выступает необходимость совершенствования законодательного материала путем его адаптации к новым видам и формам правоотношений в сфере коммерческой деятельности.

Наглядным примером реализации такого фактора является обновленная в 2019 году редакция пункта 1 статьи 160 ГК РФ [6], которой было установлено соблюдение правил о письменной форме сделки в случае её заключения с помощью электронных и иных технических средств, позволяющих достоверно установить лицо, изъявившее волю на совершение сделки. Очевидно, что отсутствие такого прямого правового предписания влекло возникновение рисков для стабильного существования товарообменных отношений, поскольку их участники прибывали бы в неопределенности относительно того, заключена ли ими сделка и влекут ли юридические последствия направляемые ими электронные сообщения (например, при использовании таких популярных мессенджеров, как Whatsapp). Особенно показательным и обсуждаемым в последнее время является рассмотренное одним из американских судов дело, в котором обсуждались юридические последствия направления эмодзи в виде поднятого вверх большого пальца, что было признано акцептом на совершение сделки [7].

Таким образом, возможно констатировать, что одной из предпосылок правового регулирования цифровых отношений в сфере коммерции является необходимость создания определенности и предсказуемости совершения тех или иных действий в рамках онлайн-коммуникации. Очевидно, что проблемность действующего законодательства является сильнейшим поводом для его заполнения новыми правовыми нормами, отвечающими на современные запросы бизнеса.

Следующим довольно значимым нормообразующим фактором, влияющим на формирование пассажа правового регулирования цифровых отношений в коммерции, является стремление к снижению издержек участников современного экономического оборота, что может выступать вопросом макроэкономического свойства.

Очевидно, что направление электронного письма, равно как и любой документооборот, является более оправданным с экономической точки зрения способом обмена юридически значимой информацией, нежели осуществление такого взаимодействия на бумажном носителе.

Аналогичные доводы возможно привести применительно к осуществлению определенных юридически значимых процессов и процедур в режиме онлайн вместо очной явки их участников, что позволяет сэкономить на логистике, а также сберечь существенную часть временных ресурсов (например, участие в судебных заседаниях посредством использования сервиса онлайн-заседаний, проведение контрольных и надзорных мероприятий в режиме видеоконференции и так далее) [8].

В то же время, следует признать, что сама по себе цифровизация некоторых юридических процессов, во-первых, не является всеобъемлющей и не имеющей изъянов мерой по администрированию тех или иных юридических процедур. Например, применения видеоконференции в рамках отправления правосудия имеет своим недостатком явное снижение динамики судебного процесса, что выражается в невозможности оперативного приобщения новых документов и мгновенного ознакомления с ними ввиду удаленности одного или нескольких участников процесса. Аналогичным образом, применение видеозвонков при проведении проверочных мероприятий в рамках государственного или муниципального контроля не может предложить какого-либо решения при возникновении необходимости в совершении таких действий, как отбор проб, изъятие документов, экспертизы и так далее.

Изложенное свидетельствует о том, что цифровые технологии не всегда являются достаточными и способными полностью вытеснить стандартные правовые процедуры, что свидетельствует о невозможности полного отказа от использования ординарных методик при установлении определенного юридического взаимодействия, либо дальнейшего совершенствования ныне существующих цифровых решений.

Еще одним нормообразующим фактором, не менее значимым для гражданского оборота и особенно представителей предпринимательского сектора, является установление прозрачности и определенности в правовых процедурах, применяемых органами власти при взаимодействии с бизнес-сообществом.

Например, ранее упомянутое мобильное приложение "Инспектор", предназначенное для цифровизации процедур проведения проверочных мероприятий в рамках Федерального закона N 248-ФЗ [9], позволяет полностью фиксировать ход и результаты соответствующей проверки (профилактического визита) в форме видеофайла, доступного для загрузки или направления пользователем, являющимся проверяемым (контролируемым) лицом.

Очевидно, что такой повышенной уровень доказательственной фиксации процедуры проверки облегчает процесс последующего доказывания и делает более доступным последующую защиту интересов предпринимателя, права которого были нарушены в результате незаконных либо необоснованных действий контролирующего органа. При этом, что не менее важно, открытость административных процедур проверки бизнеса также придает определенный уровень транспарентности для самого бизнеса как такового, позволяя совершенствовать внутренний комплаенс и антикоррупционную политику [10].

Наконец, последним фактором интенсивного развития правового регулирования цифровизации бизнеса является расширение сферы самих бизнес-процессов и активное развитие коммерческой деятельности с использованием современных цифровых технологий и онлайн-сервисов.

Не секрет, что многие услуги, предлагаемые предпринимательским сектором, в настоящее время оказываются в сфере онлайн, что также требует установления определенных и понятных для всех правил взаимодействия в рамках подобных коммерческих или, что не менее важно, потребительских правоотношений.

В частности, речь идет о таких видах предпринимательской активности, как деятельность интернет-магазинов, оказание образовательных услуг с использованием информационных технологий, услуги маркетинговых и рекламных агентств, услуги интернет-хостинга и веб-дизайна и так далее.

Представляется очевидным, что недостаточная урегулированность коммерческих отношений, связанных с осуществлением определенной хозяйственной деятельности в сети "Интернет", будет лишь препятствовать эффективному развитию экономики и создавать дополнительные юридические риски для их участников, что может повлечь увеличение транзакционных издержек и снизить концентрацию экономической активности в целом.

Наглядным отрицательным примером данного аспекта проблематики правового регулирования цифровизации бизнес-отношений является правовой режим криптовалюты, которая, фактически принимаемая и используемая подавляющим большинством участников экономического взаимодействия, в качестве средства расчетов, остается недостаточно урегулированным инструментом, находящимся в "серой зоне", что лишь демотивирует использование потенциально эффективной технологии расчетов в коммерции [11].

Приведенный анализ позволяет констатировать наличие ряда нормообразующих факторов, способствующих развитию правового регулирования цифровизации в сфере коммерческой деятельности. Такие факторы, в зависимости от непосредственной причины развития правового регулирования, могут быть условно поделены на следующие группы:

- 1) Необходимость заполнения пробелов и устранения правовой неопределенности в правовом регулировании коммерческих отношений в сфере использования цифровых технологий;
- 2) Стремление к снижению транзакционных издержек при взаимодействии участников предпринимательского оборота;
- 3) Наличие запроса на формирование прозрачности и правовой определенности в административно-властных процессах, в том числе в виде фиксации хода и результатов осуществления юридических процедур, затрагивающих права и интересы представителей бизнеса;
- 4) Увеличение объема экспансии бизнеса в онлайн-сфере, рост рынка цифровых услуг и иных продуктов, использование которых сопряжено с применением современных информационных технологий.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Установлено, что правовое регулирование цифровизации отношений, сопряженных с коммерческой деятельностью, обусловлено рядом нормообразующих факторов, влияющих на развитие и содержание соответствующих нормативных решений.

Продемонстрировано, что пробельность и несовершенство действующего законодательства в части регламентации коммерческих отношений, осложненных использованием современных информационных технологий, является основным нормообразующим фактором правового регулирования цифровизации в сфере предпринимательства.

Аргументировано, что создание предсказуемого и определенного для всех участников коммерческого оборота правового регулирования отношений, сопряженных с использованием цифровых технологий, также выступает фактором развития нормативной регламентации таких отношений, в отсутствие которой создавалась бы правовая неопределенность относительно наличия либо отсутствия юридического значения у действий, совершаемых с использованием таких технологий.

Доказано, что стремление к снижению издержек, возникающих в ходе осуществления хозяйственной деятельности выступает дополнительным фактором развития правовой регламентации цифровизации в коммерческой сфере, поскольку активное использование современных информационных технологий позволяет снизить расходы на администрирование ряда юридических процедур с участием представителей бизнеса (например, дистанционное проведение проверок контролирующими органами).

Аргументировано, что общий переход предпринимательской активности в онлайн-сферу, что выражается в реализации товаров, работ и услуг посредством использования сети «Интернет», также играет роль фактора, способствующего развитию нормативного материала в части регламентации отношений по поводу использования цифровых технологий в коммерческой сфере.

Предложена следующая классификация групп нормообразующих факторов правового регулирования коммерческих отношений в условиях использования цифровых технологий:

- 1) Необходимость заполнения пробелов и устранения правовой неопределенности в правовом регулировании коммерческих отношений в сфере использования цифровых технологий;
- 2) Стремление к снижению транзакционных издержек при взаимодействии участников предпринимательского оборота;
- 3) Наличие запроса на формирование прозрачности и правовой определенности в административно-властных процессах, в том числе в виде фиксации хода и результатов осуществления юридических процедур, затрагивающих права и интересы представителей бизнеса;
- 4) Увеличение объема экспансии бизнеса в онлайн-сфере, рост рынка цифровых услуг и иных продуктов, использование которых сопряжено с применением современных информационных технологий.

Список источников

1. Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Электронное правосудие и электронный документооборот как условие модернизации регуляторной среды для бизнеса // Российский судья. 2017. № 2. С. 16 – 21.
2. Позднякова А.Э., Котова Д.А., Семенова Е.В. Вопросы конкуренции на рынке социальных сетей // Закон. 2020. № 2. С. 74 – 85.
3. Письмо Минэкономразвития от 14.08.2020 N 26355-ВФ/Д31и // СПС "Консультант Плюс".
4. Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2023 N 3745-р "Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года" // Собрание законодательства РФ. 01.01.2024. N 1 (Часть IV). ст. 285.
5. Залоило М.В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 22 – 23.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.
7. Будылин С.Л. "Большой палец вверх" – акцепт или оскорблениe? Эмодзи, семиотика и право // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 8. С. 81 – 82.
8. Трезубов Е.С. Тенденции цифровизации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 217 – 218.
9. Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" // Российская газета. N 171. 05.08.2020.
10. Казачкова З.М. Принцип прозрачности (открытости) бизнеса в структуре антикоррупционной политики государства: проблемы и решения // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 2. С. 48 – 51.
11. Кузнецова А.Д., Калмакова Н.А. Становление законодательной базы Российской Федерации в сфере оборота криптовалюты: цифровизация рубля // Финансовое право. 2022. № 3. С. 21 – 24.

References

1. Laptev V.A., Solovyanenko N.I. Electronic justice and electronic document management as a condition for modernizing the regulatory environment for business. Russian judge. 2017. No. 2. P. 16 – 21.
2. Pozdnyakova A.E., Kotova D.A., Semenova E.V. Competition issues in the social networking market. Law. 2020. No. 2. P. 74 – 85.
3. Letter of the Ministry of Economic Development dated 14.08.2020 N 26355-VF. D31i. SPS "Consultant Plus".
4. Order of the Government of the Russian Federation dated 21.12.2023 N 3745-r "On approval of the Concept for improving control (supervisory) activities until 2026". Collected Legislation of the Russian Federation. 01.01.2024. N 1 (Part IV). Art. 285.
5. Zaloilo M.V. Legality and Expediency in a Postmodern Society: Revision of the Existing Classical Model. Journal of Russian Law. 2020. No. 6. P. 22 – 23.
6. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 N 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 238–239. 08.12.1994.
7. Budylin S.L. "Thumb Up" – Acceptance or Insult? Emoji, Semiotics and Law. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 8. P. 81 – 82.
8. Trezubov E.S. Trends in Digitalization of the Civil Procedure. Bulletin of the Civil Procedure. 2022. No. 5. P. 217 – 218.

9. Federal Law of July 31, 2020 N 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. N 171. August 5, 2020.

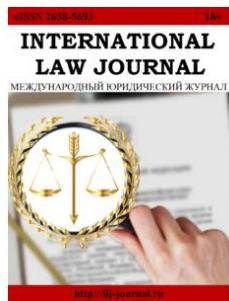
10. Kazachkova Z.M. The principle of transparency (openness) of business in the structure of the state's anti-corruption policy: problems and solutions. State power and local self-government. 2022. No. 2. P. 48 – 51.

11. Kuznetsova A.D., Kalmakova N.A. Formation of the legislative base of the Russian Federation in the field of cryptocurrency circulation: digitalization of the ruble. Financial law. 2022. No. 3. P. 21 – 24.

Информация об авторе

Храпов И.А., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, bioshock-777@mail.ru

© Храпов И.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 334.02
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-203-208

Нормативно-правовое регулирование реализации региональных проектов в Российской Федерации

¹Шереметьева Н.Г., ¹Рачков Д.Д.,

¹Владивостокский государственный университет

Аннотация: государственные программы, ориентированные на достижение ключевых приоритетов и целей социально-экономического развития страны, а также на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, будут претерпевать значительные изменения с 2024 года. Все программы должны будут иметь четко аналитический подход, что позволит сократить количество и сроки необходимых процедур для их разработки, реализации, внесения изменений и оценки эффективности.

В рамках реализации национального проекта предусмотрена иерархическая структура управления проектной деятельностью. На вершине этой системы находится президиум Совета при Президенте Российской Федерации, который координирует управление национальными проектами Правительства РФ. Каждому конкретному национальному проекту назначается исполнительный куратор из числа заместителей Председателя Правительства РФ, а также руководитель, представляющий федеральные органы исполнительной власти, входящие в состав Правительства. В систему управления также входит проектный комитет, который осуществляет непосредственное руководство проектом, проводит все необходимые согласования в процессе его реализации. Кроме того, проектный комитет имеет право формировать рабочие группы, задачей которых является разработка необходимых нормативно-правовых актов для успешного выполнения проекта.

Ключевые слова: проектная деятельность, проект, государственные программы

Для цитирования: Шереметьева Н.Г., Рачков Д.Д. Нормативно-правовое регулирование реализации региональных проектов в Российской Федерации // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 203 – 208. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-203-208

Поступила в редакцию: 6 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Normative and legal regulation of the implementation of regional projects in the Russian Federation

¹Sheremeteva N.G., ¹Rachkov D.D.,
¹Vladivostok State University

Abstract: state programs aimed at achieving key priorities and goals of the country's socio-economic development, as well as ensuring the national security of the Russian Federation, will undergo significant changes from 2024. All programs will have to have a clearly analytical approach, which will reduce the number and timing of the necessary procedures for their development, implementation, amendment and assessment of effectiveness.

As part of the implementation of the national project, a hierarchical structure for managing project activities is provided. At the top of this system is the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation, which coordinates the management of national projects of the Government of the Russian Federation. Each specific national project is assigned an executive curator from among the Deputy Prime Ministers of the Russian Federation, as well as a manager representing the federal executive bodies that are part of the Government. The management system also includes a project committee, which directly manages the project, carries out all the necessary

approvals during its implementation. In addition, the project committee has the right to form working groups whose task is to develop the necessary regulatory legal acts for the successful implementation of the project.

Keywords: project activities, project, government programs

For citation: Sheremeteva N.G., Rachkov D.D. Normative and legal regulation of the implementation of regional projects in the Russian Federation. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 203 – 208. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-203-208

The article was submitted: May 6, 2024; Approved after reviewing: July 5, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Уровень развития государства определяется равномерностью территориального развития, уровня социального обеспечения, доступом к ресурсам для развития малого и среднего бизнеса, а также обеспечения региона собственными доходами с целью поддержания инфраструктурного и социально-экономического развития региона в отдельности и экономики страны в целом.

Региональное деление государства основывается на единообразии ресурсной базы, социального и экономического уклада. Различия в подходах к управлению регионами и достигаемая эффективность определяет усиления диспропорции уровней развития регионов.

Спецификой пространственного регионального управления России является то, что поэтапная реализация проектного управления связана с послешоковым периодом перестройки российской экономики, а проектная деятельность нацелена не на восстановление, а на перестройку и усиление социально-экономических аспектов государства как основы формирования конкурентоспособности и устойчивости на мировом рынке.

Стимулом для реализации проектного подхода стал переход российской экономики к стабилизации ситуации и формировании инструментов и механизмов финансирования социально значимых аспектов развития хозяйственной деятельности, создания системы воздействия на регионы для стимулирования активной перестройки управления на формирование конкурентных преимуществ и факторов устойчивости вызовам внешней среды.

Актуальность темы исследования в географических и особых экономических характеристиках региона, Приморский край – это регион, который характеризуется размером и содержанием развития городской агломерации, концентрации человеческих ресурсов, ресурсов для развития традиционных видов хозяйственной деятельности.

Однако, несмотря на свое выгодное экономико-географическое положение, регион не использует преимущества приграничного расположения, а на фоне дисбаланса условий для жизни и стимулов для региона, которые должны были способствовать привлекательности для сдерживания миграционного оттока, формирования благоприятных социально-экономических условий развития региона.

Материалы и методы исследований

Теоретической базой исследования послужили работы авторов: Арсланов Ш.Д., Ботарева Е.А., Иваненко Л.В., Тимощук Н.А., Городкова С.А., Ашуралиева Д.Р., Ильченко С.В., Моргун В.Р., Водясов П.В., Самков К.Н., Артиухов Р.Е. которые проводили анализ этапов и результативности реализации проектного управления, изменения подходов к реализации проектов и взаимодействия в иерархии федеральной и региональной властей.

Авторы: Солодилов А.В., Ваганов В.В., Шэннань Сун, Зябликова О.А., Меньков В.В., Козачинская Д.Ю., Изотова Г.С., Лавринович О.Ю., Козырев А.А., Шпак А.С., Минакир П.А., Шевелько Д.А., Лехтянская Л.В., Куликова В.В., Левченко Т.А., Гурина М.А., Ящухин Ю.И. акцентируют внимание на проблемах реализации проектной деятельности с учетом специфики развития региона, доступности ресурсов, специфики рынка спроса.

Эмпирическая и нормативная база исследования представлена: Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ, Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 г. №1288, а также региональные нормативные акты, регулирующие реализацию проектов в сфере экономики.

Результаты и обсуждения

Таким образом, с учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в изучении направлений совершенствования реализации национальных проектов Приморского края в сфере экономики.

Первым этапом создания современной системы реализации региональных проектов можно назвать создание федеральной целевой программы с целью социально-экономического благосостояния граждан малых и средних городов РФ (Постановление Правительства РФ от 28.06.1996 г. №762) [1], которое утратило актуальность на основании постановления Правительства РФ от 24.08.2002 г. №630 [2].

Также следует обратить внимание на разработанную федеральную системную программу «Старшее поколение» на 1997-1998 годы (постановление Правительства РФ от 22.09.1999 г. №1065, от 21.09.2000 г. №706) [3], также федеральную программу «Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации (1997-1999 годы) (изм. на 27.08.1999 г.).

Данные программы были разработаны в условиях негативных последствий и влияния экономических реформ на социальную и культурную сферу.

Контроль за выполнением программ осуществлялся на основании государственных и ведомственных заключенных договорах, контрактах и соглашений, а самое главное отчетности. Контроль за выполнением включал:

- постоянную отчетность о реализации программных мероприятий на основании ежегодных планов;
- контроль за целевым и адресным использованием выделяемых бюджетных средств;
- контроль за соответствием сроков исполнения заключенных договоров;
- контроль за качеством реализуемых ПМ.

Достижение высоких результатов не произошло. В 2002 г. действующие федеральные программы усилили целевые, социальные направлениями, связанными с развитием села, обеспечением населения жильем, внедрением в жизнь информационных технологий.

В 2004 г. были сформулированы задачи для здравоохранения, образования, АПК и жилищной сферы с учетом существовавшего на то время эффективного государственного механизма и приоритетов постановки ближних целей на основе представленных факторов:

- появление стабилизационного фонда, который в последующем был разделен на Резервный фонд, предоставляющий средства на расходы бюджета в случае снижения цен на нефть и Фонд национального благосостояния, сосредотачивающий доходы от нефти и газа, образованные в последствии превышения доходов от данного сектора над отчислениями в Резервный фонд и расходами федерального бюджета [4];
- темпы сокращение внешней задолженности (с 2001 г. до 2010 г. – на 382,18%) [5];
- превращение экономического роста в стране в технический дефолт – кризис 1998 г. определил условия роста на импорт, что стало стимулом для государственной поддержки национальных производителей.

В 2010 г. наступил новый этап реализации задач: целевые программы были преобразованы в приоритетные национальные проекты.

Направления «Жилье», «Образование», «Здоровье», «Развитие АПК» должны были сокращать негативные последствия и угрозы российскому государству: снижение уровня жизни, отрицательную демографию и замедление перехода к современному этапу развития государства.

Национальный проект - программа, в основу которой ложится, Указ Президента, представляет собой систему из национальных целей, задач и показателей достижимости в рамках данных целей развития, ориентирована на реализацию Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года №474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года». Кроме того, не все задачи проектов имеют общественную значимость, но нуждаются во внимании по поручению персонального состава Правительства РФ, а именно: Президента РФ, Правительства, Председателя Правительства, и Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам [6].

Следует отметить, что национальные проекты сочетают программный подход продвижения инфраструктурные институты и финансовые инструменты для проектных задач.

Реализация проектов в Приморском крае основывается на «Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2030 года» (от 28.12.2018 г. №668-па), в котором обоснована необходимость развития транспортной инфраструктуры [7].

В Государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края на 2020-2027 годы приведены: для достижения показателей национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» – количество предприятий – участников национального проекта, объемы субсидирования АНО «Центр поддержки предпринимательства Приморского края», объемы субсидирования бюджетных муниципальных образований в рамках национального проекта «МСП и поддержка индивидуальных предпринимателей».

Следует отметить, что проект, реализуемый в Приморском крае относится к стратегические при соответствии ряду оценочных признаков (рис. 1).

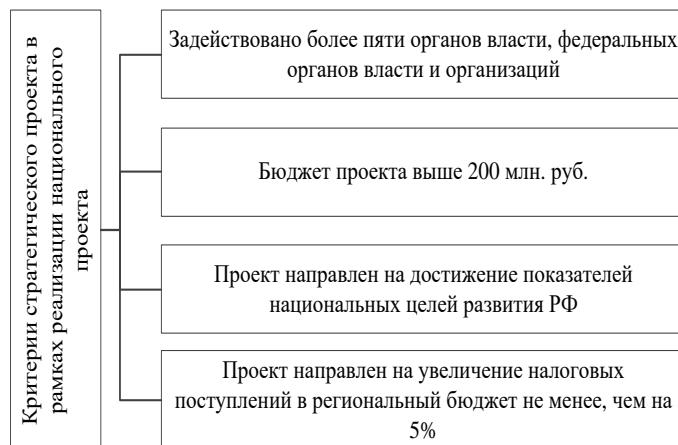

Рис. 1. Оценочные признаки стратегического проекта в Приморском крае в рамках реализации НП.
Fig. 1. Evaluation features of a strategic project in Primorsky Krai within the framework of the implementation of the NP.

«Развитие малого и среднего предпринимательства» в Приморском крае показывает, что в самом паспорте подпрограммы имеют место существенные недочёты.

Таким образом, организационно-правовые проблемы реализации национальных проектов определяются показателями эффективности:

- структуры и иерархии управления с учетом разветвленности и многоуровневой системы государственного управления;
- низкий уровень вовлеченности муниципальных властей в реализацию проектов;
- показатели общих достижений выполнения программ и проектов, не характеризующих устойчивость реализованных мероприятий, перспективность мероприятий;
- отсутствие эффективных механизмов государственно-частного партнерства;
- неиспользование перспективных направлений развития региона (транспортно-логистическая система, приграничное сотрудничество и др.);
- отсутствие уровня квалификации на уровнях муниципального управления для проектной деятельности;
- отсутствие прослеживаемости и прозрачности в нормативно-правовом регулировании всех групп и уровней документов единой системы;
- противоречия целей и задач проектов, в том числе в сфере экологии, развития рынка труда и образования, миграционной политики, развития секторов экономики и др.;
- отсутствие единообразного подхода к организации и проведению правовой экспертизы нормативно-правовых актов в субъектах РФ;
- реализация потенциала инвестиционной привлекательности региона.

Следует обратить внимание на ключевые риски, возникающие в процессе исполнения мероприятий программы, их можно категориально разграничить на: организационные угрозы, правовые коллизии и экономические проблемы.

Правовые коллизии и организационные угрозы возникают в связи с пробелами в действующей нормативно-правовом поле и организационной структуры поставленным задачам программы. Это может проявляться в необходимости усовершенствования или принятия новых нормативных актов и методологических материалов, которые не учитывают проблемы, возникшие в ходе выполнения программы. Кроме того, возможны задержки в создании необходимых правовых и организационных систем, что может неблагоприятно повлиять на сроки начала реализации запланированных мероприятий.

Применяемый подход реализации региональных программ использует методику, результативность которой определяется следующим:

- фокусировка на сопоставлении достигнутых результатов с заранее установленными целевыми показателями, где в качестве плановых рассматриваются целевые и финансовые параметры, актуальные на конец отчетного периода в соответствии с последней версией программы.;
- нет ранжирования мероприятий по степени важности с целью повышения эффективности распределения бюджетных средств, что в итоге влияет на реализацию региональной программы;

– принцип экономии бюджетных средств не учитывает эффективность реализации самих мероприятий национального проекта.

В статье 5 Закона Приморского края «О развитии малого и среднего предпринимательства в Приморском крае» №278-КЗ, «формы и виды, условия и порядок поддержки субъектов МСП отсутствуют конкретные формы и виды, указана только ссылка на формы и виды, предусмотренные Федеральным законом.

Выводы

Нормативно-правовое регулирование в сфере управления реализацией национальных проектов осуществляется с учетом единобразия, документы, действующие в Приморском крае дублируют положения федеральных, адаптируются под трактовку в региональным условиям. В документах отсутствует конкретизация, в качестве аналитических данных и целевых показателей используются статистические показатели, которые не отражают эффективность реализации программ, но отражают факты недостижения целевых показателей.

Список источников

1. Федеральная целевая программа «Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации (1997-1999 годы)»: Постановление Правительства Российской Федерации от 19.06.1996 г. №715 (изм. 27.08.1999 г.) // СПС «КонсорциумКодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9025937>
2. Федеральная комплексная программа развития малых и средних городов Российской Федерации в условиях экономической реформы: Постановление Правительства Российской Федерации от 28.06.1996 г. №762 (изм. от 24.08.2002 г. №630) // СПС «КонсорциумКодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/>
3. Федеральная целевая программа «Старшее поколение» на 1997-1999 годы: Постановление Правительства Российской Федерации от 28.08.1997 г. №1090 (изм. от 21.09.2000 г. №706) // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/24086/>
4. Бюджетный кодекс от 31.07.1998 г. №145-ФЗ (изм. от 26.02.2024 г. №36-ФЗ) // СПС «Гарант». URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/12112604/paragraph/63695505/doclist/429/1>
5. Внешний долг Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_13/IssWWW.exe/Stg/d1/01-04.htm
6. Арсланов Ш.Д. Актуальные направления развития системы управления государственными программами: региональный аспект// Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. №10. С. 148 – 153.
7. Государственный внешний долг Российской Федерации (2011-2024 гг.) // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performace/public_debt/external/structure?id_65=69444-gosudarstvennyi_vneshniy_dolg Rossiiskoi_federatsii_2011-2024_gg
8. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84648.html>
9. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. Федерального закона РФ от 12.12.2023 г. № 588-ФЗ) // СПС «Консультант». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

References

1. Federal Target Program "Development and Preservation of Culture and Art of the Russian Federation (1997-1999)": Resolution of the Government of the Russian Federation of June 19, 1996 No. 715 (amended on August 27, 1999). SPS "ConsortiumKodeks". URL: <https://docs.cntd.ru/document/9025937>
2. Federal Comprehensive Program for the Development of Small and Medium-Sized Cities of the Russian Federation in the Context of Economic Reform: Resolution of the Government of the Russian Federation of June 28, 1996 No. 762 (amended on August 24, 2002 No. 630). SPS "ConsortiumKodeks". URL: <https://docs.cntd.ru/document/>
3. Federal Target Program "Older Generation" for 1997-1999: Resolution of the Government of the Russian Federation of August 28, 1997 No. 1090 (amended on September 21, 2000 No. 706). Government of Russia. URL: <http://government.ru/docs/all/24086/>
4. Budget Code of July 31, 1998 No. 145-FZ (amended on February 26, 2024 No. 36-FZ). SPS "Garant". URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/12112604/paragraph/63695505/doclist/429/1>
5. External debt of the Russian Federation. Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_13/IssWWW.exe/Stg/d1/01-04.htm

6. Arslanov Sh.D. Current directions of development of the management system of state programs: regional aspect. Regional problems of economic transformation. 2021. No. 10. P. 148 - 153.

7. Public external debt of the Russian Federation (2011-2024). Ministry of Finance of Russia. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performace/public_debt/external/structure?id_65=69444-gosudarstvennyi_vneshnii_dolg_rossiiskoi_federatsii_2011-2024_gg

8. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the perspective up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309. SPS "ConsultantPlus". URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84648.html>

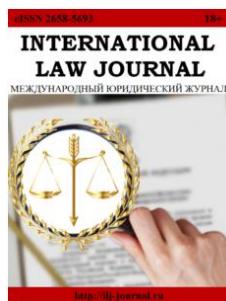
9. Federal Law of the Russian Federation of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and the Protection of Information" (as amended by the Federal Law of the Russian Federation of December 12, 2023 No. 588-FZ). SPS "Consultant". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

Информация об авторе

Шереметьева Н.Г., ассистент, Владивостокский государственный университет, sheremeteva_99@inbox.ru

Рачков Д.Д., Владивостокский государственный университет

© Шереметьева Н.Г., Рачков Д.Д., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.2(075.8)
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-209-218

Спортсмен как уголовно правовое понятие: проблемы определения содержания и признаков последнего

¹ Агафонов А.В., ¹ Карелина Ю.В.,
¹ Сибирский юридический институт МВД России

Аннотация: в подготовленной авторами статье последними была предпринята попытка рассмотреть и проанализировать отдельные, но весьма проблематичные вопросы, касающиеся как определения смыслового содержания такого уголовно правового понятия «спортсмен», так и конкретизация вполне конкретных общеправовых правовых признаков последнего, позволяющих правопримениителю индивидуализировать в правовом поле это физическое лицо.

Учитывая, что настоящее понятие не закреплено в действующем российском уголовном законодательстве, по данному поводу отсутствуют так же какие либо рекомендации верховного правопримениителя, авторы были вынуждены вначале рассмотреть именно семантическое содержание этого слова, проанализировать различные точки зрения по современных и не только российских филологов и прийти к какому то общему выводу, изложенному в тексте настоящей статьи.

Затем используя принцип бланкетности, авторы постарались проанализировать содержание нормативно правового термина «спортсмен» изложенного в иные нормативно правовых источниках Российской Федерации. Авторы установили, что разные российские законодательные акты, по разному подходят к разрешению поднятой нами проблеме. При этом ни одно из современных нормативно правовых определений термина «спортсмен» авторы изначально не могут признать вполне оптимальным и достаточным для дальнейшего использования в применении действующего уголовного законодательства, так как некоторые весьма принципиальные моменты, по мнению исследователей, в этих определениях не отражены.

В конце статьи авторами предложено и собственное определение правового термина «спортсмен». По мнению исследователей, ее использование поможет избежать российским правопримениителям при расследовании и дальнейшей квалификации ряда уголовных дел, возбужденных по факту использования допинга в спортивной среде.

Ключевые слова: потерпевший, спортсмен, физкультурник, спорт, человек, законодательная база, Уголовный кодекс Российской Федерации, Трудовой кодекс Российской Федерации, Федеральный закон Российской Федерации «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ, *iurisstatum, droitsetobligations*, бланкетная норма

Для цитирования: Агафонов А.В., Карелина Ю.В. Спортсмен как уголовно правовое понятие: проблемы определения содержания и признаков последнего // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 209 – 218.
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-209-218

Поступила в редакцию: 6 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

The athlete as a criminal legal concept: problems of determining the content and signs of the latter

¹ Agafonov A.V., ¹ Karelina Yu.V.,
¹ Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: in the article prepared by the authors, an attempt was made consider and analyze individual, but very problematic questions concerning how to determine the semantic content of such criminal legal concept of "athlete", and the specification is quite specific general legal features of the latter, allowing the right of the user to individualize in the legal field this subject.

Considering that this concept is not enshrined in the current Russian criminal legislation, there are no also any recommendations of the Supreme Court, the authors were forced to first consider the semantic content of this words, analyze different points of view on modern and non-modern Russian philologists and come to some general conclusion, set out in the text of this article.

Then, using the blanket principle, the authors tried analyze the content of the legal term "athlete" set out in other legal sources of the Russian Federation. The authors found out that different Russian legislative acts have different approaches to resolving the problem we raised. However none of the modern legal definitions of the term "athlete" cannot recognize by authors as completely optimal and sufficient for further use in the application of the current criminal legislation, since some very fundamental points, according to researchers, are not reflected in these definitions.

At the end of the article, the authors also proposed their own definition of legal term "athlete". According to researchers, using of formed term will help Russian law enforcement officers avoid mistakes in investigation and further qualification of crimes in the sphere of doping in a sports environment.

Keywords: victim, athlete, gym teacher, sport, man, legislative base, Criminal Code of the Russian Federation, Labor Code of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation "On physical culture and sports in Russian Federation" dated December 4, 2007 No. 329-FL, iurisstatum, droitsetobligations, blanket norm

For citation: Agafonov A.V., Karelina Yu.V. The athlete as a criminal legal concept: problems of determining the content and signs of the latter. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 209 – 218. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-209-218

The article was submitted: May 6, 2024; Approved after reviewing: July 6, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Актуальность настоящего исследования, по мнению его разработчиков, состоит в том, что согласно содержанию диспозиции изложенной в ч.1 ст. ст. 230.1 и в ч. 1 230.2 УК РФ в качестве одного из обязательных объективных признаков составов настоящих преступлений, а именно потерпевшего, выступает спортсмен.

В тексте действующего уголовного законодательства Российской Федерации авторы не смогли найти даже формальной попытки, каким либо образом дать его определение, а, следовательно, закрепить и законодательно раскрыть содержание и признаки последнего.

Изучая текущую практику Верховного Суда России по уголовным делам подобной категории, исследователи также были не в состоянии обнаружить и каким-то образом зафиксировать какие либо определения содержания и признаков этого уголовного нормативно правового термина.

Таким образом, в качестве актуальности исследования выступает явная необходимость определиться с уголовно правовым содержанием такого юридического термина как спортсмен, вычленить его основные и категориальные признаки.

Цель исследования – анализ современных доктринально правовых точек по поводу уголовно правового содержания такого нормативно правового термина как «спортсмен», вычленение осново признаков данного понятия, предложение собственного варианта разрешения настоящей проблемы.

Задачи – выявить и осуществить теоретическое исследование различных гипотез, в том числе и семантической направленности, действующее российское законодательство, выявить как достоинства, так и недостатки настоящих доктринально правовых конструкций, установить основополагающие нормативно правовые признаки спортсмена, сформулировать собственное определение последнего.

Гипотеза – определение содержания на уровне законодательства или судебной практики такого уголовно правового термина как «спортсмен», позволит российскому правоприменителю более успешно применять нормы, закреплённые в ст.ст. 230.1 и 230.2 УК РФ.

Материалы и методы исследований

При проведении настоящего исследования его авторами были использованы следующие теоретические методы: сравнительный анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, моделирование. Кроме прочего ими были применены и такие эмпирические методы как: проведен сравнительный анализ нормативно правовых документов, изучена судебная практика и статистика. Выявлены определенные корреляции.

Эмпирическая база исследования: законодательные акты, доктринально правые источники.

Результаты и обсуждения

В связи с чем, в свою очередь, вынуждено применения правила семантического анализа современного русского языка, где семантика (от древне-греческого σημαντικός «обозначающий») традиционно выступает в качестве раздела лингвистики, изучающим смысловое значение единиц языка [19], необходимо признать, что в данном случае, налицо использование при конструировании настоящего словообразования такого правила как сращение. Где, «...сращение – такой способ словообразования, при котором происходит соединение, слияние двух или более слов в одно слово без каких-либо изменений в их морфемном составе и без участия интерфиксса...» [17].

Следовательно, современное русское слово «спортсмен» образовано и фактически состоит из двух практически вполне самостоятельных существительных, а именно: «спорт» и «мен». Смысловое содержание частички «с» в этом случае становится нам не совсем понятным. Впрочем, согласно мнению отдельных исследователей [18] настоящая частичка перекинута в русский язык от английского слова. Смысловым значением она явно не обладает и фактически указывает всего лишь на то, что некий человек просто занимается спортом, т.е. является интерфиксом.

Слово «спорт», согласно мнению, имеющему явно превалирующее значение среди современных российских филологов, обладает явно английским происхождением, так как в современном английском языке имеет свое место быть и использоваться такой термин как «sport». По мнению филологов Великобритании, оно произошло от средневекового английского понятия «sportent» (вариант применения «disporten» или «disport»). Смысловое значение, которого определяется последними как «развлекаться». Впрочем, современные, но уже французские их коллеги, в свою очередь так же настаивают на том, что слово «sport», трансформировалось от средневекового французского понятия «desport» или «deport», имеющим вполне аналогичное со средневековым английским словом «sport» смысловое значение, т.е. «развлечение или игра».

Однако все европейские специалисты в области современной семантики признают и тот факт, что слова «disporten», «disport», «desport» или «deport» явно модифицировалось из латинского понятия «deportare» обладающим смысловым содержанием «уносить, увозить, ссылать», где, в свою очередь, приставка de – предусматривает отделение, устранение, отсутствие чего-либо или завершение действия.

Впрочем, необходимо при этом указать и на то обстоятельство, что приставка de в других национальных языковых группах имеет совершенно иной смысловой оттенок. Так, согласно нормам прайндоевропейского языка она изначально имела семантическое значение в виде «носить, передвигаться» [19].

В начале прошлого века Пьер де Курбен, ныне известный человечеству как создатель и родоначальник современных Олимпийских игр, предлагал спортивной и не только общественности, следующее смысловое определение спортивной деятельности: «Спорт (есть) – добровольный и устоявшийся культ интенсивных мышечных упражнений, сопряженный с интенциями мышечных упражнений, со стремлением и допущением пойти на риск ради таких достижений» [15].

В настоящий момент, как считают авторы настоящей статьи, по указанному поводу, вполне обоснованно, но при этом наиболее кратко высказал свою точку зрения российский исследователь С.В. Алексеев. Так, последний считает, что, сам спорт состоит из двух взаимодополняющих, но в целом, вполне самостоятельных человеческих видов деятельности, т.е. «спорт – это собственно соревновательная деятельность и специальная подготовка к ней» [7, с. 82].

Обобщая все вышеизложенное, следует в целом, согласиться с мнением высказанным в свое время А. Соловьевым о том, что слово «спорт» является крайне «...многоаспектным и полисемичным (обладающим множественностью смыслов) понятием, представляет собой часть общественной жизни, политики, медийного пространства, составную часть физической культуры, выступает как средство и метод физического воспитания, системы организаций, подготовки и проведения соревнований, как средство улучшения здоровья, получения морального и материального удовлетворения, стремления к совершенству и славе» [15].

Впрочем, в последнее время, согласно общепринятым пониманию, как это прямо подчеркивает А. Соловьев: «...спорт... (есть) – организованная по определённым правилам деятельность людей (спортсменов), состоящая в сопоставлении их физических и/или интеллектуальных способностей.

Спорт представляет собой специфический род физической или интеллектуальной активности, совершающейся с целью соревнования, а также целенаправленной подготовки к ним путём разминки, тренировки» [15].

Резюмируя все изложенное выше, необходимо при этом признать и тем самым поддержать современных правоведов о том, что, сколько бы ни существовало красивых гипербол, направленных на определение подобного рода человеческой деятельности, в современной правоприменительной практики напрямую их использовать вряд ли представляется возможным. В связи, с чем неизбежно возникает и явная потребность в формулировании именно юридической дефиниции понятия «спорт» [15].

Согласно п. 12 ст. 2 ФЗ РФ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. №329-ФЗ под законодательным термином «спорт» современный российский законодатель предлагает правоприменителю понимать сферу «...социально-культурной деятельности как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним».

Согласиться с подобным определением и признать его вполне оптимальным и достаточным для правоприменительной практики многие современные спортивные правоведы не могут [15], присоединяются к их мнению и авторы настоящей статьи.

Наиболее конкретизировано и при этом довольно объемно дает определение правового понятия «спорт», как прямо на это указывал А. Соловьев, такой международный нормативно правовой акт как Кодекс спортивной этики Совета Европы, более известный современной мировой спортивной общественности под названием: «Справедливая игра – путь к победе»:

Согласно которому: «...спорт... вид индивидуальной деятельности, которая, при ее справедливом проведении, предоставляет возможности самоусовершенствования, самовыражения и реализации личных достижений, приобретения навыков и демонстрации мастерства; социального взаимодействия, хорошего проведения свободного времени, здоровья и благополучия (п. 7)» [15].

Завершая наше довольно краткое исследование содержания такого нормативно правового понятия как «спорт», исследователи в целом относительно солидарны с дефиницией, предложенной российскому законодателю А. Соловьевым.

Согласно которому: «...спорт – это организованная по определенным правилам индивидуальная и коллективная, профессиональная и любительская, систематическая и периодическая деятельность, сопряженная с состязанием совокупностей физических, психологических и интеллектуальных данных и способностей ее участников, а равно специальная практика подготовки к этой деятельности и общественные отношения, возникающие в связи с ними» [15].

Впрочем, со своей стороны последние считают необходимым внести в нее и ряд вполне конкретных уточнений, а именно:

1. Явно необходимо конкретизировать в этом случае и сам адресат создания указанных в этом определении правил. По мнению исследователей, в качестве последнего может и должно выступать только государство и никто иной.

2. Необходимо указать при этом и на биологическую специфику участников этой деятельности. Авторы предлагают в данном контексте признавать только физических лиц, т.е. людей, а не как ни животных, птиц или насекомых (лошадиные скачки, петушиные бои, тараканьи бега).

3. В данном определении требуется уточнить и сам вид общественных отношений, задействованных в сфере спорта. Исследователи, в свою очередь считают, что в качестве последних могут выступать только правоотношения, т.е. только те общественные (социально значимые) отношения, которые подлежать нормативно правовой регуляции. [19] Социально значимые взаимодействия людей, функционирующие в сфере спортивной деятельности регулироваться исключительно нормами морали и нравственности явно не в силах.

Согласно правилам современного английского языка слово «man» вполне традиционно переводится как «мужчина» или некий явно «бесполый человек». Однако и английское слово «person» переводится ныне вполне аналогичным образом. Более того и слово «human» трактуется как гомо сапиенс [22]. В связи с чем возникает у авторов один, весьма принципиальный по их мнению вопрос. Почему именно термин «man» был выбран в конце 18 века россиянами в качестве общепринятого? В настоящий момент обосновать последнее фактически не предоставляется возможным.

Где, человек разумный (лат. *Homo sapiens*) есть наиболее массовый и довольно распространенный вид обезьян (приматов).

Он, в свою очередь, относится к роду людей (*Homo*), семейства гоминид (надсемейство – человекообразные) и характеризуется следующими признаками:

- прямо хождением;
- использованием вполне осмысленной и заранее запрограммированной речи направленной на постоянную коммуникацию с себе подобными;
- созданием с последующим применением орудий труда и убийства;
- наличием высоко развитых способностей когнитивного плана, последние обусловлены имеющим место быть у него головного мозга обладающим в свою очередь, довольно, относительно животных, большим размером и особенностям своего физиологического строения [19].

В связи, с чем вполне логически возникает вопрос о смысловой обусловленности использования при построении слова «спортсмен» именно слово «man».

Последнее имеет, при этом, довольно древние корни. Так еще в прагерманском языке имеет место быть слово «*manwaz*» имеющее вполне аналогичный перевод с английским словом «man».

От прагерманского варианта также произошли древне английское слово «*mann*», древне немецкое – «*man*», готское «*tanna*» и т.д. [19].

Исходя из всего вышеизложенного, следует попытаться предложить собственное некое явно обобщающее смысловое содержание семантического понятия спортсмена.

Согласно которому спортсмен есть человек или физическое лицо, занимающийся (еёся) постоянно и активно деятельностью, изначально организованной, по заранее подготовленным со стороны государства правилам и стандартам, выражающая в сопоставлении, с целью выявления наиболее лучших, физических и/или интеллектуальных способностей в ходе различного рода соревнований.

Впрочем, изучая различные современные и не только семантические словари, авторы находят и довольно различные по своему смысловому содержанию и довольно не типичные трактования этого термина.

Так, например, согласно словарю иностранных слов подготовленном еще в 1910 году Чудиновым А.Н., спортсмен есть «...любитель лошадей и собак, верховой езды, охоты и т.п. [14] Вполне аналогичное определение данного понятия было предложено в 1865 году и Михельсоном А.Д. [12].

В начале истекшего века большинство специалистов российской семантики фактически также поддерживали подобную точку зрения, впрочем, добавляя в неё и определенные новшества, обладающие современной стратификацией. Так, например, они пришли к выводу что под последним необходимо понимать либо охотника, либо любителя разных состязаний, велосипедной езды, гребной или парусной гонки, бега на коньках, на лыжах, борьбы и т.д. [13], либо просто любителя спорта [14].

Общим в этом случае, по мнению авторов настоящей статьи выступает указание на то, что человек занимается спортом именно на любительском уровне, т.е. для удовлетворения собственных потребностей, явно не систематически, не преследуя при этом цель получить какую либо коммерческую выгоду.

Впрочем, в последнее время современные специалисты русской семантики от данного определения явно попытались отказаться. Так, по их мнению, спортсмен есть человек либо систематически занимающийся спортом [11], либо занимающийся им на профессиональном уровне [8], либо с целью достижения максимального, явно спортивного результата, причем как для себя лично, так и для команды в целом [21].

Таким образом, мы еще раз приходим к выводу о том, что нормативно правовое понятие «спортсмен» не имеет своего уголовного нормативно правового содержания, однако его правовое определение содержится в иных, довольно различных законодательных актах Российской Федерации, а именно в ФЗ РФ от 04.12.2007 №329-ФЗ [3], в ТК РФ [2] и в Приказе Минспорта РФ от 09.08.2016 №947 [4].

Таким образом, налицо при конструировании соответствующей уголовно правовой нормы использование российским законодателем такого принципа как бланкетность.

В качестве бланкетной (отсыпочной) диспозиции выступает такая диспозиция правовой нормы, которая в самом уголовном законе ни как не раскрывает обязательных признаков состава конкретного преступления, а отсылает правопримениеля для их уяснения с дальнейшего использования к другим нормативным или под нормативным правовым актам, а именно – федеральным законам, постановлениям правительства, указам Президента, Общевоинским уставам Вооруженных Сил РФ, приказам, инструкциям и т.д. [20]

С учетом анализа перечисленных нормативно-правовых актов следует признать, что нормативно-правовое понятие «спортсмен» формулируется российским законодателем везде по-разному, т.е. явно имеет свои весьма специфические особенности.

Так, согласно п. 22 ст. 2 ФЗ № 329-ФЗ это есть физическое лицо:

- занимающееся выбранными видом или видами спорта и
- выступающее на спортивных соревнованиях.

Следовательно, на основании именно последнего пункта этого законодательного акта, спортсмена и следует отличать от физкультурника. Так как это физическое лицо всего лишь систематически и постоянно занимается доступными для него физическими упражнениями, преследуя при этом цель всего лишь укрепить свое здоровье и физически гармонично развиваться. [21] Впрочем, понятие само физкультурника законодательно нигде и ни как не закреплено, а, следовательно, и не раскрывается.

В ст. 348.1 ТК РФ также закреплено понятие «спортсмен». Где под ним понимается работник, работающий по трудовому договору, с заранее зафиксированной трудовой функции, которая состоит:

- в подготовке к спортивным соревнованиям и с
- участием в спортивных соревнованиях по определенным виду или видам спорта.

В соответствии со ст. 20 ТК РФ: «...работник – физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем.

Если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, другими федеральными законами, вступать в трудовые отношения в качестве работников имеют право лица, достигшие возраста шестнадцати лет, а в случаях и порядке, которые установлены настоящим Кодексом, – также лица, не достигшие указанного возраста». [2]

Подобное же правовое закрепление содержания правового термина «спортсмен» прямо зафиксировано и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.11.2015 г. №32 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» [6].

В соответствии с которым, это есть – «...работники, трудовая функция которых состоит в подготовке к спортивным соревнованиям и участии в соревнованиях по определенным виду или видам спорта».

Согласно Приказу Минспорта России №947 спортсмен – это уже есть просто (физическое) лицо занимающееся спортом, причем как на международном, так и национальном уровнях.

Подобные отличия нормативно правового содержания понятия «спортсмен» обусловлены, как мы считаем, прежде всего, самой спецификой законодательных актов, в которых оно, в свою очередь, указано, т.е. целью и предназначением.

Впрочем, исходя из всего вышеизложенного, можно постараться вычленить и вполне определенные правовые признаки спортсмена. К числу которых, авторы, в частности, относят:

1. Это, безусловно, есть человек или физическое лицо (использовать в этом случае термин «гражданин» явно излишне);
2. Правовой статус спортсмена, т.е. права и обязанности последнего, именно как участника спортивных правоотношений;
3. Постоянно практикование проведения занятий (тренировок) либо по индивидуально выбранному виду спорта, либо по несколькими, в том числе и одновременно;
4. При наличии проведения каким либо юридическим лицом вполне конкретных спортивных соревнованиях, фактическое участие в них.

Правовой статус спортсмена выступает в качестве специального статуса человека и гражданина, который и является в данном случае субъектом правоотношений. Где под специальным правовым статусом необходимо понимать «...особое правовое состояние личности, обусловленное в самом общем плане выполняемой ею социальной ролью» [10].

В качестве правового статуса человеческого индивидуума выступает комплексный государственно-правовой институт, т.е. совокупность правовых норм, в которых предметно закреплены основные (конституционные) права, свободы и обязанности человека. [16]

Главной правовой характеристикой любого физического лица является правоспособность, которая в свою очередь подразделяется на:

- Правосубъектность, т.е. способность последнего стать участником любых правоотношений, согласно содержанию которых и выполнять вполне конкретные юридически закрепленные обязанности.

- Дееспособность, под которой понимается способность субъекта правоотношений приобретать и использовать в ходе осуществления своих действий законно предусмотренных прав и обязанностей.

Дееспособность человека определяется в различных правовых отраслях, в первую очередь, именно через определение и фиксацию возраста последнего.

Где, полной дееспособности человек достигает:

• Либо достижения совершеннолетия, которое наступает согласно российскому законодательству с восемнадцатилетнего возраста, либо при наличии у несовершеннолетнего официально зарегистрированного брака.

• Эмансипированным может быть признан подросток и в том случае если он достиг шестнадцати лет, заключил трудовой, согласно которому он признан работником, либо в законном порядке он признан индивидуальным предпринимателем.

В свою очередь дееспособность подразделяется на:

- Полную
- Частичную (с 6 до 16 лет);
- Неполную (с 16 до 18 лет).

До 6 лет подросток признается полностью не дееспособным.

• Ограничennaя. Распространяется согласно решению суда первой инстанции. При наличии следующих оснований:

- Ставит свою семью в тяжелое материальное положение в результате злоупотребления алкоголем;
- Приговорен к отбыванию реального срока лишения свободы.

Согласно решению суда недееспособным может быть признан человек при наличии у него психических расстройств. При наличии, которых он не может понимать социально обусловленное значение своего поведения, а, следовательно, и руководить им в полном объеме. Наличие у физического лица конкретного/ых психических расстройств должно быть четко и вполне предметно диагностировано в конкретном медицинском учреждении.

Вопросы половой идентификации в данном случае не имеют своего юридического значения.

Впрочем, виды российского спорта действительно довольно условно, но весьма традиционно подразделяются на мужские и женские. Однако в ФЗ № 329 подобное деление ни как не закреплено, а, следовательно, на законодательном уровне последнее никак не регулируется.

Спортсмен как субъект общих правоотношений явно обладает общими признаками. Однако спортсмен как субъект спортивных правоотношений (т.е. специальных правоотношений) должен обладать и специальными, которые четко и однозначно зафиксированы в ст. 24 «Права и обязанности спортсменов» ФЗ РФ от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 12.06.2024) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Подвергая текстуальному анализу указанные в ней права и обязанности, т.е. *iurisstatum* спортсменов, исследователи в свою очередь считают, что последний в целом не противоречит общему статусу участника правоотношений, за исключением, пожалуй, одного, так понятие недееспособности на него никак не распространяется, действительно любой человек фактически уже с рождения вполне может стать участником вполне конкретных спортивных соревнований и это в свою очередь находит свое подтверждение уже на уровне закона [3], в то же время наличие психического заболевания так же не исключает саму возможность у конкретного физического лица быть участником спортивных мероприятий (пар олимпийцы).

Впрочем, следует признать и то, что вопросы, возникающие при определении *iurisstatum* спортсмена не ограничиваются только проблемами определения исключительно его юридических признаков.

В данном случае, с определенной долей неизбежности встает контрверза о реальной необходимости законодательной фиксации и самого вида спортивной деятельности. Виды последней официально признаваемые в нашей стране, прямо перечислены во Всероссийском реестре видов спорта (в ред. от 20 сентября 2021 г.) (Далее по тексту – ВРВС). [5]

Согласно указанному под нормативно правовому акту спортивные состязания на территории Российской Федерации необходимо проводить исключительно по тем видам спорта, которые нашли свое реальное отражение в настоящем реестре.

В последнее время в России весьма активно функционируют спортивные объединения различного рода по дисциплинам, которые изначально не нашли своего отражения в ВРВС, однако по которым проводятся соревнования, причем не только в региональном, но и во всероссийском масштабе.

В связи, с чем вполне логично возникает вопрос, возможно ли на официальном уровне признавать в качестве спортсмена физическое лицо, которое принимает активное и непосредственное участие в подобного рода соревнованиях. Однозначного ответа на поднятый современными российскими правоведами, вопрос современная правоприменительная практика пока дать явно не состоянии.

Авторы в свою очередь, считают вполне возможными согласиться с предложенным.

Правовой признак участия потерпевшего в спортивных соревнованиях также явно отражен в законодательстве России неоднозначно.

Так, по видам спортивные соревнования подразделяются на профессиональные и любительские. Исходя из определения, изложенного в п. 10.3 ст. 2 ФЗ № 329-ФЗ основное отличие профессиональных соревнований от любительских – их четкая направленность на получение участниками последних заранее определенной коммерческой выгоды.

Однако УК РФ, в свою очередь, отнюдь ни фиксирует ни вид, ни уровень спортивных соревнований, что так же неизбежно порождает, не только определенные дискуссии, но и проблемы правоприменения ст.ст. 230.1 и 230.2 УК РФ.

Так, отдельные российские авторы настаивают на том, что в качестве потерпевшего при совершении преступления предусмотренного вышеуказанными статьями российского уголовно законодательства следует считать только человека занимающегося профессиональным видом спортивной деятельности. [10]

Авторы категорически не согласны с подобной точкой зрения и в свою очередь относят и спортсменов-любителей к числу потерпевших от данного вида преступления.

Свою позицию они обосновывают тем, что ни один профессиональный спортсмен не смог выйти в дальнейшем на профессиональную «арену», минуя при этом любительскую. При этом в качестве оснований для подобного перехода от него всегда требуются довольно высокие спортивные результаты, которые без применения допинга, он, порой, предоставить спортивной общественности явно не в состоянии.

В ФЗ №329 определение спортсмена употребляется в двух основных значениях: «спортсмен», «спортсмен высокого класса» и каждому из них присущи свои сугубо отличительные черты.

Так, например: «спортсмен - физическое лицо, занимающееся выбранными видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях;

...спортсмен высокого класса – спортсмен, имеющий спортивное звание и выступающий на спортивных соревнованиях в целях достижения высоких спортивных результатов...».

Разница в определении этих двух категориальных понятий вполне понятна и очевидна. В первой случае налицо отсутствие родовой вербализации спортсмена, во – втором – наличие специальной цели профессиональной деятельности у последнего.

Какое из них надлежит использовать в ситуациях нарушения установленных правовых запретов?

По мнению авторов настоящей статьи, в этом случае необходимо использовать явно первое. Подобные сомнения в терминологии могут вызвать затруднения установления прямой принадлежности физического лица к спорту и отождествлению с уголовно-правовыми признаками потерпевшего в данных составах.

Выводы

Завершая довольно краткое научно практическое исследование, авторам настоящей статьи хотелось бы подчеркнуть доктринальную и правовую составляющую поднятой ими проблемы, отметив при этом, что неоднозначное толкование обязательных признаков состава любого преступления, т.е. общественно опасного деяния, прямо закрепленного в действующем российском уголовном законодательстве реально ограничивает и саму возможность реализации право со стороны правоприменителя основного принципа уголовного права – неотвратимости уголовной ответственности.

Практические рекомендации

Для правильного и единообразного толкования понятия «спортсмен», следует, как исследователи считают, необходимым дополнить примечание к ст. 230.1 УК РФ пунктом 3, в котором зафиксировать и определить понятие «спортсмен» как «физическое лицо (любого пола и возраста), активно и постоянно занимающееся на территории Российской Федерации выбранными им видом или видами спорта, независимо от из регистрации последних в ВРВС и принимающее личное участие в спортивных соревнованиях различного уровня, независимо от уровня профессионального мастерства, а также наличия либо отсутствия у него трудового контракта на осуществление подобного рода деятельности».

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г с изменениями, одобренными в ходе общенародного голосования 01.07.2020.)м., 2020. 63 с.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: ФЗ РФ от 31.12.2001. (ред. от 06.04.2024) // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 23.07.2013 № 204-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Трудовой кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон от 01.12.2014 № 409-ФЗ «О внесении в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» изменений, связанных с особенностями регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства» // СПС КонсультантПлюс.

3. Федеральный закон от 10.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 21.07.2014 № 211-ФЗ) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

4. Приказ Минспорта России от 09.08.2016 № 947 (в ред. от 17.01.2019) «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил» // СПС КонсультантПлюс Приказ Минспорта России от 24.08.2018 № 739 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 10.12.2018, регистрационный №52951) «Всероссийский реестр видов спорта и порядок его ведения» // СПС КонсультантПлюс.

5. Приказ Министерства спорта РФ от 20.09.2021 г. № 714 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта» // СПС КонсультантПлюс.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.11. 2015 г. № 32 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» // Российская газета. 2015. 30 нояб. № 279 (6641).

7. Алексеев С.В. Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта: учебник / под ред. П.В. Крашенинникова. М.6 Юнити-Дана. Закон и право. 2007.

8. Большой словарь иностранных слов. Изд-во «ИДДК», 2007.

9. Киреева Т.А. Особенности квалификации и толкования склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230.1 УК РФ) // Молодой ученый. 2020. № 41 (331). С. 106.

10. Мананкова Р.П. Специальный статус как критерий классификации субъектов правоотношений // СПС КонсультантПлюс.

11. Новый словарь иностранных слов. byEdwART, 2009.

12. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, со значением их корней / под ред. Михельсона А.Д., М.: 1865.

13. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / под ред. Попова М. М.: 1907.

14. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / под ред. Чудинова А.Н., М.: 1910.

15. Соловьев А. О понятии «спорт» с правовой точки зрения // СПС КонсультантПлюс

16. <http://68.mvd.ru> (дата обращения: 10.03.2024)

17. <http://langust.ru> (дата обращения: 12.03.2024)

18. <http://otvet.vайл.ru> (дата обращения: 01.04.2024)

19. <http://ru.wiktionary.org> (дата обращения: 13.03.2024)

20. <http://sdo.academy-skrf.ru> (дата обращения: 10.03.2024)

21. <http://tashtyp3.ru> (дата обращения: 14.03.2024)

22. <http://vc.ru>. (дата обращения: 30.03.2024)

23. <http://wiktionary.org> (дата обращения: 10.03.2024)

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the popular vote on 01.07.2020.)м., 2020. 63 p.

2. The Labor Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 31.12.2001. (as amended on 06.04.2024). SPS ConsultantPlus.

3. Federal Law of 23.07.2013 No. 204-FZ "On Amendments to the Federal Law "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" and the Labor Code of the Russian Federation". SPS ConsultantPlus.

2. Federal Law of 01.12.2014 No. 409-FZ "On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation and Article 13 of the Federal Law "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" Related to the Peculiarities of Regulating the Labor of Employees Who Are Foreign Citizens or Stateless Persons". SPS ConsultantPlus.

3. Federal Law of 10.12.2007 No. 329-FZ (as amended on 21.07.2014 No. 211-FZ) "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation". SPS ConsultantPlus.

4. Order of the Ministry of Sport of Russia dated 09.08.2016 No. 947 (as amended on 17.01.2019) "On approval of the All-Russian Anti-Doping Rules". SPS ConsultantPlus Order of the Ministry of Sport of Russia dated 24.08.2018 No. 739 (registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on 10.12.2018, registration No. 52951) "All-Russian register of sports and the procedure for maintaining it". SPS ConsultantPlus.

5. Order of the Ministry of Sport of the Russian Federation dated 20.09.2021 No. 714 "On recognition and inclusion in the All-Russian register of sports disciplines, sports and amendments to the All-Russian register of sports". SPS ConsultantPlus.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.11. 2015, No. 32, "On the Application by Courts of Legislation Governing the Labor of Athletes and Coaches". Rossiyskaya Gazeta. 2015. November 30, No. 279 (6641).

7. Alekseev S.V. Sports Law of Russia. Legal Foundations of Physical Culture and Sports: textbook. edited by P.V. Krasheninnikov. M.6 Unity-Dana. Law and Right. 2007.

8. Large Dictionary of Foreign Words. IDDK Publishing House, 2007.

9. Kireeva T.A. Features of Qualification and Interpretation of Inducing an Athlete to Use Substances and (or) Methods Prohibited for Use in Sports (Article 230.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Young Scientist. 2020. No. 41 (331). P. 106.

10. Manankova R.P. Special status as a criterion for classifying subjects of legal relations. SPS ConsultantPlus.

11. New dictionary of foreign words. byEdwART, 2009.

12. Explanation of 25,000 foreign words that have entered into use in the Russian language, with the meaning of their roots / edited by Mikhelson A.D., Moscow: 1865.

13. Complete dictionary of foreign words that have entered into use in the Russian language. edited by Popov M. Moscow: 1907.

14. Dictionary of foreign words that have entered into the Russian language. edited by Chudinova A.N., M.: 1910.

15. Soloviev A. On the concept of "sport" from a legal point of view. SPS ConsultantPlus

16. <http://68.mvd.ru> (date of access: 10.03.2024)

17. <http://langust.ru> (date of access: 12.03.2024)

18. <http://otvet.vайл.ru> (date of access: 01.04.2024)

19. <http://ru.wiktionary.org> (date of access: 13.03.2024)

20. <http://sdo.academy-skrf.ru> (date of access: 10.03.2024)

21. <http://tashtyp3.ru> (date of access: 14.03.2024)

22. <http://vc.ru>. (date accessed: 30.03.2024)

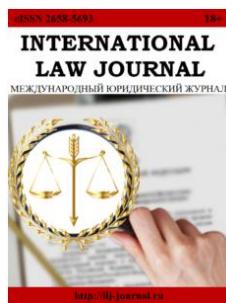
23. <http://wiktionary.org> (date accessed: 10.03.2024)

Информация об авторах

Агафонов А.В., кандидат юридических наук, Сибирский юридический институт МВД России, aleksandravagafonov@yandex.ru

Карелина Ю.В., Сибирский юридический институт МВД России, karelina.sib@mai.lru

© Агафонов А.В., Карелина Ю.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.1
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-219-223

Сравнительно-правовой анализ законодательства, регламентирующего деятельность по расследованию преступлений, совершенных на объектах транспортной инфраструктуры в Российской Федерации и Республике Никарагуа

¹ Рудов Д.Н., ¹ Сергеев В.В.,
¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Аннотация: в представленной статье, авторами проводится анализ уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего деятельность по расследованию преступлений, совершенных на объектах транспортной инфраструктуры Российской Федерации и Республики Никарагуа.

На основе современного состояния законодательства обоих государств рассматривается стадия предварительного расследования, при этом приводятся как положительные, так и спорные аспекты законодательства Республики Никарагуа. Отдельно рассматривается порядок производства ряда следственных действий с учетом специфики расследования преступлений совершенных на объектах транспорта.

Рассматривая процессуальный порядок расследования уголовных дел в Республики Никарагуа, авторами статьи подчеркивается положительный опыт законодательства в части наличия «специальной» статьи, регламентирующей обыск, проведенный в транспортных средствах.

В контексте проведенного анализа, авторы делают акцент на дальнейшее совершенствование не только отечественного законодательства, но и законодательства Республики Никарагуа, регламентирующего производство предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, совершенных на объектах транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, расследование, следственные действия, обыск, расследование, преступление, итоговый процессуальный документ

Для цитирования: Рудов Д.Н., Сергеев В.В. Сравнительно-правовой анализ законодательства, регламентирующего деятельность по расследованию преступлений, совершенных на объектах транспортной инфраструктуры в Российской Федерации и Республике Никарагуа // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 219 – 223. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-219-223

Поступила в редакцию: 7 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2024 г.; Принята к публикации: 16 июня 2024 г.

Comparative legal analysis of legislation regulating the investigation of crimes committed at transport infrastructure facilities in the Russian Federation and the Republic of Nicaragua

¹ Rudov D.N., ¹ Sergeev V.V.,
¹ Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

Abstract: in the presented article, the authors analyze the criminal procedural legislation regulating the investigation of crimes committed at transport infrastructure facilities of the Russian Federation and the Republic of Nicaragua.

Based on the current state of the legislation of both countries, the preliminary investigation stage is considered, and both positive and controversial aspects of the legislation of the Republic of Nicaragua are presented. Separate-

ly, the procedure for carrying out a number of investigative actions is considered, taking into account the specifics of the investigation of crimes committed at transport facilities.

Considering the procedural order of inheritance of criminal cases in the Republic of Nicaragua, the authors of the article point to the positive experience of legislation in terms of the presence of a "special" article regulating searches carried out in vehicles.

In the context of the analysis, the authors make proposals for further improvement of domestic legislation and the legislation of the Republic of Nicaragua regulating the conduct of preliminary investigations in criminal cases of crimes committed at transport infrastructure facilities.

Keywords: transport infrastructure, investigation, investigative actions, search, investigation, crime, final procedural document

For citation: Rudov D.N., Sergeev V.V. Comparative legal analysis of legislation regulating the investigation of crimes committed at transport infrastructure facilities in the Russian Federation and the Republic of Nicaragua. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 219 – 223. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-219-223

The article was submitted: May 7, 2024; Approved after reviewing: July 6, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Российская Федерация и республика Никарагуа являются партнерами по противодействию международной преступности и поддержанию мирового правопорядка.

Отличительной особенностью представленных выше государств является достаточно развитая транспортная система. Однако, построение законодательства, регламентирующего деятельность правоохранительных органов данных государств по расследованию преступлений, совершенных на объектах транспортной инфраструктуры, отличается существенно, имея на наш взгляд, как положительные, так и нуждающиеся в последующей редакции позиции.

Цель исследования – проведение сравнительно-правового анализа законодательства, регламентирующего деятельность правоохранительных органов по досудебному производству на объектах транспорта в Российской Федерации и Республике Никарагуа.

Задачи – провести теоретическое исследование законодательства, регламентирующего деятельность правоохранительных органов по досудебному производству на объектах транспорта в Российской Федерации и Республике Никарагуа.

Гипотеза – законодательство, регламентирующее деятельность правоохранительных органов по досудебному производству на объектах транспорта в Российской Федерации и Республике Никарагуа, имеет как общие черты, так и значительные различия.

Материалы и методы исследований

В исследовании применяются следующие теоретические методы сравнительно-правового анализа современной правоприменительной практики расследования уголовных дел в Российской Федерации и Республики Никарагуа.

Результаты и обсуждения

Необходимо отметить, что основой уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в то время как в Республике Никарагуа аналогичным нормативным правовым актом является Закон № 406, содержащий Уголовно-процессуальный кодекс Республики Никарагуа [1].

Рассматривая общие положения предварительного расследования в Российской Федерации, необходимо отметить, что предварительное расследование регламентируется общими положениями УПК РФ. Следует подчеркнуть, что именно статья 151 УПК РФ закрепляет две формы предварительного расследования: предварительное следствие и дознание, которые применяются при расследовании преступлений, совершенных на объектах транспортной инфраструктуры.

Проводя анализ положений Закона №406 Республики Никарагуа, стоит отметить, что в нем закреплена лишь одна форма предварительного расследования, обозначенная в статье 228 Закона №406 как «Расследование» [1].

Однако, в отличие от отечественного законодательства в законодательстве Республики Никарагуа, в частности в статье 228 Закона №406, закреплено определение расследования: «в целях раскрытия и провер-

ки предполагаемых преступных деяний Национальная полиция проводит необходимые следственные действия. Результат расследования представляется в форме отчета в прокуратуру».

На наш взгляд, указанное выше определение предварительного расследования является положительным элементом, т.к. позволяет продлить основную цель предварительного расследования. Необходимо обратить внимание на компактность соответствующего определения, т.к. помимо определения фактической формы предварительного расследования, оно также включает в себя определение подследственности в части указания на орган осуществляющий расследование – «Национальная полиция».

В этой части, безусловно законодательство Республики Никарагуа, регламентирующее вопросы предварительного расследования более удачно, т.к. исключает споры о подследственности между различными правоохранительными органами.

Так, например, в Российской Федерации производство предварительного расследования по преступлениям, совершенным на объектах транспортной инфраструктуры, осуществляют подразделения органов предварительного следствия различных правоохранительных органов, включая специализированные подразделения на транспорте. Кроме предварительного следствия в Российской Федерации осуществляется производство дознания в двух формах сокращенной и общем порядке.

Таким образом, производство предварительного расследования в Республики Никарагуа упрощено в части определения подследственности, также исключает ряд вопросов, связанных со спором при определении подследственности.

Положительным аспектом законодательства Республики Никарагуа, регламентирующего производство предварительного расследования, является не только необходимость использования научно-технических средств при расследовании преступлений, но и конкретизация основных принципов предварительного расследования.

Так, первой статьей главы II Закона Республики Никарагуа №406 «О действиях Национальной полиции» является статья 227 «Научные критерии». Указанная статья предшествует статье 228 «Расследование», устанавливая основные принципы производства предварительного расследования.

Следует подчеркнуть, что статьей 227 определено: «расследование преступлений осуществляется и регистрируется Национальной Полицией согласно логическим правилам, научным методикам, присущим конкретной деятельности, за исключением ограничений, установленных в Политической Конституции, ratifiedных международных договорах и соглашениях в законодательстве.

Применение пыток, жестокого, негуманного и унижающего человеческое достоинство обращения, а также любых других видов давления и посягательств на человеческое достоинство во время полицейского расследования запрещены».

Часть представленной выше нормы, а именно указание формулировки «присущим конкретной деятельности», свидетельствует о том, что законодатель предусматривает вариативность действий сотрудников органов предварительного расследования при производстве предварительного расследования по отдельным категориям (по отдельным направлениям). При этом указанная позиция наиболее актуальна для органов предварительного расследования, специализирующихся на расследовании преступления совершенных на объектах транспортной инфраструктуры, ввиду специфических объектов преступного посягательства и особенностью мест совершения преступных действий.

Необходимо отметить, что отличительной чертой отечественного законодательства является вариативность форм и итоговых процессуальных документов при окончании предварительного расследования[2], в то время как законодательство Республики Никарагуа предполагает одну форму предварительного расследования – «Расследование», а также один итоговый процессуальный документ – «Полицейский отчет» (статья 228 Закона №406).

Отмечаем, что в отличие от отечественного законодательства, предусматривающего подробный анализ итоговых процессуальных документов, в законодательстве Республики Никарагуа, а именно в статье 228 Закона №406, указывается содержание полицейского отчета, при этом делается указание на минимальные данные, которые должно указать должностное лицо, а именно:

1. Имена, личные данные, местонахождение подозреваемого, свидетелей, экспертов или специалистов и потерпевших;
2. Краткое описание вещественных доказательств, их связь с преступлениями и местонахождение (если известно);
3. Краткая информация о проведенных процессуальных действиях и их результатах с соблюдением логической и хронологической последовательности;

4. Копии документов, отражающих ход экспертизы, и заключения эксперта, протоколов допроса, чертежей, фотографий и других документов, имеющих значение для расследования.

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что в этой части законодательство Республики Никарагуа является более «гибким» и дает должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование более широкую вариативность действий в зависимости от расследуемого преступления и складывающееся ситуации.

Однако, вариативность при составлении итогового процессуального документа является важнейшей составляющей при расследовании преступлений, совершенных на объектах транспортной инфраструктуры. Это особенно ярко проявляется в законодательстве Республики Никарагуа, в котором предусмотрены специальные нормы, регулирующие правоотношения именно на объектах транспортной инфраструктуры. Необходимо подчеркнуть, что отдельно закреплены позиции, связанные транспортными средствами, как объекты транспортной инфраструктуры, обладающие особым статусом [3].

В частности, статья 239 Закона Республики Никарагуа №406 «О действиях Национальной полиции», «Обыск транспортных средств, морских и воздушных судов» предусматривает действия сотрудников национальной полиции Республики Никарагуа по производству обыска в различных транспортных средствах. Также, статья 239 Закона Республики Никарагуа предусматривает, что национальная полиция проводит обыск транспортного средства, морского или воздушного судна без согласия его водителя, пилота или собственника, по основаниям, предусмотренным соответствующим законодательством, или при наличии достаточных оснований полагать, что имело место совершение преступления [4].

Законодательство Республики Никарагуа выделяет транспортные средства [5] в особую группу объектов, при этом производство обыска[6] в отношении других объектов транспортной инфраструктуры проводится в общем порядке с применением статьи 242 Закона № 406 «Обыск в других помещениях» [1].

Необходимо отметить, что по конструкции законодательство Республики Никарагуа [7] сходно с положениями законодательства Российской Федерации, регламентирующего производство обыска, однако в законодательстве Республики Никарагуа не конкретизируются ряд уголовно-процессуальных механизмов как подготовки проведения обыска, так и непосредственно производства обыска. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Никарагуа предлагает вариативность действий сотрудников, осуществляющих производство расследования[8], т.к. ставит перед должностными лицами меньшее количество требований, как по составлению процессуальных документов, так и по порядку производства следственных действий.

Выводы

Подводя итог необходимо отметить, что законодательство Российской Федерации и Республики Никарагуа регламентирующее производство предварительного расследования на объектах транспортной инфраструктуры имеет два значительные отличия:

1. По субъектам производящим предварительное расследование.
2. По итоговым процессуальным документам, составляемым при окончании предварительного расследования.

В заключении необходимо подчеркнуть, что законодательство Российской Федерации более детально закрепляет правовой статус субъектов, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам в отношении транспортной инфраструктуры, однако законодательство Республики Никарагуа позволяет субъектам, осуществляющим предварительное расследование, использовать большее количество вариантов проведения предварительного расследования в части использования процессуальных действий на досудебных стадиях уголовного процесса.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Никарагуа: Закон № 406 от 13.11.2001.
2. Семенов Е.А., Моругина Н.А. Обвинительное заключение, обвинительный акт и обвинительное постановление: понятие, отличия, задачи // Вестник Воронежского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 286.
3. Васюков В.Ф., Чаплыгина В.Н. Зарубежный опыт правового регулирования эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств (краткий обзор) // Современная наука. 2023. № 3. С. 16.
4. Поляков Н.В., Флорес Р.Х.Г. Организационно-тактические основы производства обыска в Республике Никарагуа // Научный компонент. 2023. № 2 (18). С. 42.
5. Васюков В.Ф., Чаплыгина В.Н. Использование данных информационных систем транспортных средств при расследовании преступлений // Безопасность дорожного движения. 2024. № 2. С. 56.

6. Чаплыгина В.Н., Рудов Д.Н. К вопросу о процессуальных гарантиях прав личности при производстве обыска в жилище // Проблемы в российском законодательстве. 2022. № 3. С. 262.

7. Руис Ф.С.А. История развития уголовного судопроизводства Республики Никарагуа // В сборнике: Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: Проблемы и перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2022. С. 656.

8. Гордеева Е.Н., Карденас М.П.Э. Принципы принятия управленческих решений в национальной полиции Никарагуа // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-1. С. 73.

References

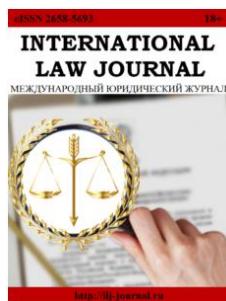
1. Criminal Procedure Code of the Republic of Nicaragua: Law No. 406 of 13.11.2001.
2. Semenov E.A., Morugina N.A. Indictment, indictment and indictment: concept, differences, tasks. Bulletin of the Voronezh Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3. P. 286.
3. Vasyukov V.F., Chaplygina V.N. Foreign experience in legal regulation of the operation of highly automated vehicles (brief review). Modern Science. 2023. No. 3. P. 16.
4. Polyakov N.V., Flores R.H.G. Organizational and tactical foundations of searches in the Republic of Nicaragua. Scientific component. 2023. No. 2 (18). P. 42.
5. Vasyukov V.F., Chaplygina V.N. Using data from vehicle information systems in investigating crimes. Road Safety. 2024. No. 2. P. 56.
6. Chaplygina V.N., Rudov D.N. On the issue of procedural guarantees of individual rights during a search of a home. Problems in Russian legislation. 2022. No. 3. P. 262.
7. Ruiz F.S.A. History of the development of criminal proceedings in the Republic of Nicaragua. In the collection: Criminal proceedings in Russia and foreign countries: Problems and prospects for development: Materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg, 2022. P. 656.
8. Gordeeva E.N., Cardenas M.P.E. Principles of making management decisions in the Nicaraguan National Police. Trends in the Development of Science and Education. 2024. No. 105-1. P. 73.

Информация об авторах

Рудов Д.Н., кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции, заместитель начальника кафедры уголовного процесса, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Сергеев В.В., кандидат юридических наук, полковник полиции, заместитель начальника кафедры огневой подготовки, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

© Рудов Д.Н., Сергеев В.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.271
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-224-229

Презумпция необходимой обороны: частное проявление принципа презумпции невиновности и ее практическое значение

¹Лубашев А.О.,
¹НО МКА «Правозашита»

Аннотация: в статье будет проанализирована правоприменительная практика по ст. 37 Уголовного кодекса РФ во взаимосвязи с разъяснениями Верховного Суда РФ по вопросам применения судами законодательства при рассмотрении дел данной категории. Выборка из судебной практики будет произведена исходя из категории дел и временного критерия. Ориентиром будет выступать дата внесения изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ о применении судами законодательства о необходимой обороне. Таким образом будет исследована судебная практика на период времени, предшествующий утверждению дополнительных разъяснений по вопросам применения положений о необходимой обороне, а также судебная практика, сформировавшаяся после совершенствования Пленума с целью выявления предпосылок внесения корректировок в пояснения Верховного Суда РФ, а также определения эффективности нововведений.

Исследование будет произведено с акцентом на презумпцию необходимой обороны как частное проявление основополагающего принципа уголовного процесса ввиду значимости руководящего положения для процесса доказывания по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне. В статье будет также рассмотрено практическое значение презумпции невиновности. Внесены предложения по оптимизации процесса доказывания при осуществлении уполномоченными органами деятельности по установлению признаков превышения пределов необходимой обороны. По результатам проведенного всестороннего исследования сделаны выводы о наличии проблемных вопросов в связи с применением судами законодательства о необходимой обороне с приведенной конкретизацией. Установлен устойчивый характер нарушений положений ст. 37 УК РФ, что требует повышенного внимания со стороны государства.

Ключевые слова: уголовное право, необходимая оборона, презумпция невиновности, превышение пределов необходимой обороны, доказывание, ситуационная экспертиза

Для цитирования: Лубашев А.О. Презумпция необходимой обороны: частное проявление принципа презумпции невиновности и ее практическое значение // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 224 – 229. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-224-229

Поступила в редакцию: 7 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

The presumption of necessary defense: a particular manifestation of the principle of the presumption of innocence and its practical significance

¹Lubashev A.O.,
¹Non-profit organization "Interregional Bar Association" "Pravozashchita"

Abstract: the article will analyze the law enforcement practice under Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation in conjunction with the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of legislation by courts when considering cases of this category. A sample from judicial practice will be

made based on the category of cases and the time criterion. The reference point will be the date of amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of legislation on necessary defense by courts. Thus, judicial practice will be studied for the period of time preceding the approval of additional clarifications on the application of the provisions on necessary defense, as well as judicial practice formed after the improvement of the Plenum in order to identify the prerequisites for making adjustments to the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as determining the effectiveness of innovations.

The study will be carried out with an emphasis on the presumption of necessary defense as a particular manifestation of the fundamental principle of criminal procedure due to the importance of the guideline for the evidentiary process in cases involving the application of legislation on necessary defense. The article will also consider the practical significance of the presumption of innocence. Proposals have been made to optimize the proof process when authorized bodies carry out activities to establish signs of exceeding the limits of necessary defense. Based on the results of a comprehensive study, conclusions have been drawn about the existence of problematic issues in connection with the application by courts of legislation on necessary defense with the above specification. The steady nature of violations of the provisions of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation has been established, which requires increased attention from the state.

Keywords: criminal law, necessary defense, presumption of innocence, exceeding the limits of necessary defense, proof, situational expertise

For citation: Lubashev A.O. The presumption of necessary defense: a particular manifestation of the principle of the presumption of innocence and its practical significance. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 224 – 229. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-224-229

The article was submitted: May 7, 2024; Approved after reviewing: July 8, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Актуальность исследования обусловлена проблемами обеспечения прав и свобод лиц, действовавших в состоянии необходимой обороны и подвергшихся уголовному преследованию, фактами существенного нарушения норм уголовного закона при рассмотрении дел данной категории. Предметом исследования выступают разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам применения судами законодательства о необходимой обороне, в частности, презумпция необходимой обороны, правоприменительная практика, тенденции совершенствования процесса доказывания по данной категории дел. Цель исследования заключается в анализе процесса доказывания по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне. Достижение поставленной цели повлечет за собой исследование судебной практики, анализ разъяснений Верховного Суда РФ. В юридической литературе существует достаточно много публикаций, посвященных вопросам необходимой обороны и реализации принципа презумпции невиновности. Так, проблематику определения и доказывания пределов необходимой обороны исследует А.Д. Васильева. Проблемы исполнения принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве рассматривает А.В. Никитин. При проведении настоящего исследования для достижения поставленных целей и решения задач использовались различные методы познания: метод анализа, формально-логический и формально-юридический методы.

Материалы и методы исследований

В этом исследовании использовались различные когнитивные методы для достижения своих целей и решения вопросов исследования. Диалектический метод был использован для анализа сильных сторон исследуемого юридического явления, изучения оптимальных решений для его проблем и прогнозирования его будущего развития. Изучение анализа было использовано для изучения влияния дополнений и изменений в преступном законодательстве, выявляя взаимосвязь между причинами и последствиями.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная, правовая литература.

Результаты и обсуждения

В мае 2022 года Верховным Судом РФ были даны новые разъяснения по проблемным вопросам судебной практики в области применения положений ст. 37 Уголовного кодекса РФ при разрешении по существу конкретных уголовных дел. Принимая во внимание полномочия Верховного Суда РФ, включающие рассмотрение материалов судебной практики с последующим их анализом [1], представляется, что закрепление результата тщательного изучения и обобщения выборки материалов по отдельно взятому направлению

судебных разбирательств [11, с. 186] в качестве новых разъяснений по применению законодательства о необходимой обороне вызвано неоднозначным толкованием судами положений уголовного закона, повлекшим за собой допущение судебных ошибок. Повышенное внимание вызывала позиция Верховного Суда РФ в отношении презумпции невиновности, сформулированная и выделенная в отдельном абзаце к пункту 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление" (далее – Постановление Пленума). Так, в ходе проверки показаний подсудимого о действиях в пределах самообороны суду надлежит исходить из принципа презумпции невиновности. Руководствуясь положениями основополагающего принципа уголовного судопроизводства, суду следует принимать во внимание, что подсудимому достаточно указать на факт самообороны. Проверка подобного рода доводов – прямая обязанность государства. Все неразрешимые в ходе судебного разбирательства сомнения трактуются в пользу подсудимого [3].

Отдельные ученые связывают функционирование презумпции невиновности с принципом обеспечения права на защиту [10]. Презумпция невиновности освобождает обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность, возлагая данное бремя на государство, с той оговоркой, что неисполнение предполагает признание подсудимого невиновным. При этом установление фактических обстоятельств по делу должно вестись до разрешения всех имеющихся сомнений. Одним из проявлений презумпции невиновности выступает заявление обвиняемого о действиях в пределах необходимой обороны до предъявления обвинения в причинении вреда здоровью определенной степени тяжести. Государство, в свою очередь, обязано доказать обратное, не оставляя при этом неразрешимых сомнений [9, с. 112].

Закрепление в Постановлении Пленума презумпции невиновности только подчеркивает возложение на государство бремени доказывания по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне. Судебная практика, которая, предположительно, и послужила основанием к совершенствованию разъяснений по вопросам применения законодательства о необходимой обороне, свидетельствует об обратном. Обвиняемый, которому достаточно ограничиться показаниями относительно действий в рамках самообороны, вынужден доказывать данный факт. Сторона обвинения же стремится подтвердить отсутствие в действиях обвиняемого состояния необходимой обороны.

Рассмотрим на примере конкретного уголовного дела отступление от должного порядка реализации принципа презумпции невиновности. Судебная практика взята по состоянию на период времени, предшествующий внесению дополнений в Постановление Пленума, с тем, чтобы наглядно продемонстрировать существующие предпосылки урегулирования законодательного дисбаланса и принятия мер, направленных на предотвращение грубого нарушения прав и свобод лиц, подвергшихся уголовному преследованию.

Пример показателен грубым нарушением прав и свобод подсудимой судом первой и апелляционной инстанций. Суд вышестоящей инстанции, несмотря на то, что выявил и устранил допущенные нарушения уголовного закона, в свою очередь допустил существенные нарушения положений нормы Уголовного кодекса РФ, регламентирующей состояние необходимой обороны. Двойная ошибка в рамках одного уголовного дела свидетельствует о нарушении положений принципа презумпции невиновности, поспешном осуждении, несмотря на имеющиеся сомнения, которые, несмотря на то, что не были устранены, не были обращены и в пользу подсудимой.

Несмотря на показания подсудимой о том, что вред здоровью потерпевшего был причинен в рамках самообороны, установление факта противоправных действий со стороны посягающего, выразившихся в провокации конфликта, последующем удушении действия подсудимой изначально были квалифицированы по п. "з" ч. 2 ст. 111 УК РФ с последующей переквалификацией на ч. 1 ст. 114 УК РФ. Суд апелляционной инстанции усмотрел в действиях подсудимой факт самообороны, однако с превышением ее пределов. Подобный вывод был основан на отсутствии в противоправном поведении посягающего угрозы для жизни подсудимой по причине совершения посягательства без каких-либо предметов, используемых в качестве оружия, тогда как подсудимая в процессе самообороны задействовала нож. Примечательно, что суд кассационной инстанции вынесенные судебные решения оставил без изменения. Верховный Суд РФ, усмотрев в выводах суда апелляционной инстанции существенные нарушения положений ст. 37 УК РФ, указал, что удушение само по себе, безотносительно к наличию или отсутствию предметов, используемых в качестве оружия, относится к способу посягательства, который создает реальную угрозу для жизни. Обороняющийся при подобных обстоятельствах вправе причинить посягающему любой вред без градации по объему и характеру [5].

Значимость презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве обусловлена ее сущностью. Реализация принципа связана с гарантиями осуществления справедливого рассмотрения дела, с неукоснитель-

ным соблюдением прав и свобод субъекта уголовного процесса, что направлено на предотвращение предъявления несправедливого обвинения и недопущение нарушений положений уголовного закона при вынесении итоговых судебных решений [6, с. 83].

Урегулирование презумпции невиновности в Постановлении Пленума имеет практическое значение при оценке действий оброняющегося, которые несмотря на то, что предшествовали общественно опасному посягательству, были вызваны совокупностью условий, указывающих на наличие реальной угрозы совершения противоправных действий, и были направлены на их предотвращение. Верховный Суд РФ предоставил оброняющему право действовать первым при наличии реальной угрозы совершения в отношении него или других лиц общественно опасного посягательства, что нашло отражение в Постановлении Пленума. В пояснениях Верховного Суда РФ в качестве примера приводится демонстрация посягающим оружия с прицелом в сторону оброняющегося, что дает последнему право на совершение активных действий по предотвращению общественно опасного посягательства [3]. Исходя из презумпции невиновности, оброняющийся не обязан доказывать реальный характер угрозы. Ему достаточно указать на характер действий в связи с ее поступлением.

В целях всестороннего исследования была рассмотрена судебная практика на период времени после внесения дополнительных разъяснений в Постановление Пленума. С учетом характера дополнений было проанализировано судебное решение, отражающее нарушение положений презумпции необходимой обороны как нововведения, призванного обратить повышенное внимание судов при разрешении вопроса о наличии или отсутствии в действиях подсудимого признаков превышения пределов необходимой обороны.

По обстоятельствам дела подсудимый был вынужден защищать своих близких от противоправных действий потерпевшего. По факту подсудимый взял на себя обязательства уполномоченных органов по предотвращению преступления. Однако его действия изначально были квалифицированы по ч. 1 ст. 114 УК РФ. Согласно положениям принципа презумпции невиновности, все без исключения неустранимые сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу [2] что предполагает использование всех возможных по конкретному уголовному делу средств и способов доказывания [8, с. 19], проведение тщательной проверки и всестороннего исследования всех фактических обстоятельств дела. Полагаем, что отказ суда в осуществлении допросов лиц, потенциально владеющих имеющей прямое отношение к рассматриваемому уголовному делу информацией, равно как и отказ в удовлетворении ходатайств о проведении иных процессуальных действий, противоречит положениям презумпции необходимой обороны.

Одним из оснований, позволившим суду вышеупомянутой инстанции прийти к выводу о необходимости отмены вынесенного судебного решения, выступила немотивированная позиция суда о факте превышения необходимой обороны, что также косвенно указывает на отступление от предписаний Верховного Суда РФ по доскональному исследованию фактических обстоятельств дела до исчерпания всех имеющихся сомнений. Так, отдельная судебная практика, в частности, позиция Верховного Суда РФ, выраженная в определении от 5 сентября 2023 г. выступает одновременно и показателем, и ориентиром применения судами законодательства о необходимой обороне, обращая внимание на необходимость проведения тщательной проверки доводов о соблюдении условий самообороны [4]. Неоднозначная ситуация по установлению причин конкретного вреда здоровью потерпевшего, степень тяжести которого повлияла на изначальную квалификацию, породила предположение о необходимости закрепления в качестве обязательного следственного действия по делам данной категории проведение ситуационной экспертизы.

Особенность экспертизы заключается в том, что посредством фрагментарного отображения события в четкой последовательности, строго воссоздающей реальные действия, она способствует формированию целостного представления об обстоятельствах произошедшего. При проведении ситуационной экспертизы рекомендуется по возможности досконально воссоздать обстановку, уделить повышенное внимание наличию оружия или предметов, используемых в качестве оружия у участников противоправного деяния. При этом наличие предмета у оброняющегося, в отсутствии такового у посягающего без комплексной оценки обстоятельств произошедшего не свидетельствует о превышение пределов необходимой обороны [5].

Ситуационная экспертиза позволяет установить причинно-следственную связь между действиями оброняющегося и наступившими последствиями, значимость которой повышается при соотнесении причиненного потерпевшему вреда здоровью с характером посягательства. Принимая во внимание, что причинение вреда оброняющимся, явно несоответствующего степени тяжести нападения, расценивается как превышение пределов необходимой обороны [7, с.56], следует понимать, что не каждый конечный вред здоровью является следствием активных действий по отражению нападения.

Выводы

Проведенное исследование позволило прийти к выводам, что проблемными вопросами судебной практики по ст. 37 УК РФ являются: имеющийся обвинительный уклон; поверхностное исследование доказательств; необоснованные отказы суда в удовлетворении ходатайств стороны защиты в целях всестороннего исследования фактических обстоятельств дела; немотивированные выводы суда о наличии в действиях подсудимого превышения пределов необходимой обороны; постановление обвинительного приговора несмотря на имеющиеся неразрешимые сомнения; отсутствие единообразного толкования уголовного закона. При этом существенные нарушения положений ст. 37 УК РФ усматриваются по состоянию как до внесения новых пояснений Верховного Суда РФ по вопросам применения судами законодательства о необходимой обороне, так и после их закрепления в Постановление Пленума.

Вместе с тем норма, закрепляющая необходимую оборону, должна формировать уверенность у гражданина в гарантированном праве защищаться лично, а также защищать других лиц при невозможности прибегнуть к помощи уполномоченных органов. Значимость института необходимой обороны обусловлена превентивной функцией по предупреждению преступлений. Гражданин, взявшийся на себя правовосстановительную ответственность, должен быть уверен в собственной защите от уголовного преследования. Защита от противоправных действий, повлекшая необоснованное обвинение, противоречит назначению уголовного судопроизводства. Реализация права на самооборону и отражение общественно опасного посягательства в отношении других лиц требует со стороны государства повышенного внимания, выражющегося в проведения тщательной проверки фактических обстоятельств произошедшего, индивидуальном подходе к каждому конкретному делу, всестороннем исследовании доказательств.

Список источников

1. Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации: ФКЗ: текст с изменениями и дополнениями на 14.07.2022: [одобрен Государственной Думой 24 января 2014 года: одобрен Советом Федерации 29 января 2014 года] [Электронный ресурс]: справочная правовая система КонсультантПлюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158641/ (дата обращения: 21.03.2024)
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: УПК: текст с изменениями и дополнениями на 29.05.2024: [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года] [Электронный ресурс]: справочно-правовая система ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/12125178/888134b28b1397ffae87a0ab1e117954/> (дата обращения: 18.03.2024)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление": текст с изменениями и дополнениями на 31.05.2022 [Электронный ресурс]: справочная правовая система КонсультантПлюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 19.03.2024)
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 сентября 2023 № 25-УД23-12-К4. [Электронный ресурс]: справочная правовая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=778112#SWDuzFUCK3P9J5fr1> (дата обращения: 18.03.2024)
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 сентября 2021 № 16-УД21-14-К4. [Электронный ресурс]: справочная правовая система КонсультантПлюс. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=680985#qneq3GUvxjnzbD35> (дата обращения: 18.03.2024)
6. Варанкина О.О. Гарантии принципа презумпции невиновности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 9-2 (84). С. 83 – 86.
7. Васильева А.Д. Пределы необходимой обороны в законодательстве РФ: проблематика определения и доказывания // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-3 (51). С. 56 – 58.
8. Малахова Л.И. О сущности принципа презумпции невиновности // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 4. С. 17 – 20.
9. Никитин А.В. Проблемы исполнения принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2022. № 5 (209). С. 111 – 114.

10. Печников Н.П. Защита прав и свобод личности в уголовном процессе. Тамбов: Издательство ТГТУ, 2006. 84 с.

11. Фомин А.В., Губайдуллина Э.Х. Роль Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-4 (55). С. 185 – 188.

References

1. Federal Constitutional Law "On the Supreme Court of the Russian Federation: FCL: text with amendments and additions as of 14.07.2022: [approved by the State Duma on 24 January 2014: approved by the Federation Council on 29 January 2014] [Electronic resource]: ConsultantPlus reference legal system. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158641/ (date of access: 21.03.2024)

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: CPC: text with amendments and additions as of 29.05.2024: [adopted by the State Duma on 22 November 2001: approved by the Federation Council on 5 December 2001] [Electronic resource]: GARANTEE reference legal system. URL: <https://base.garant.ru/12125178/888134b28b1397ffae87a0ab1e117954/> (date of access: 18.03.2024)

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 N 19 On the application by the courts of the legislation on necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime": text with amendments and additions as of 31.05.2022 [Electronic resource]: reference legal system ConsultantPlus. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (date of access: 19.03.2024)

4. Definition of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of September 5 2023 No. 25-UD23-12-K4. [Electronic resource]: reference legal system ConsultantPlus. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=778112#SWDuzFUCK3P9J5fr1> (date of access: 03/18/2024)

5. Definition of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 2, 2021 No. 16-UD21-14-K4. [Electronic resource]: reference legal system ConsultantPlus. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=680985#qneq3GUvxjnzb35> (date accessed: 18.03.2024)

6. Varankina O.O. Guarantees of the principle of the presumption of innocence. International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2023. No. 9-2 (84). P. 83 – 86.

7. Vasilyeva A.D. Limits of necessary defense in the legislation of the Russian Federation: problems of definition and proof. International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2020. No. 12-3 (51). P. 56 – 58.

8. Malakhova L.I. On the essence of the principle of the presumption of innocence. Judicial power and criminal procedure. 2020. No. 4. P. 17 – 20.

9. Nikitin A.V. Problems of Enforcement of the Principle of Presumption of Innocence in Criminal Proceedings. Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 5 (209). P. 111 – 114.

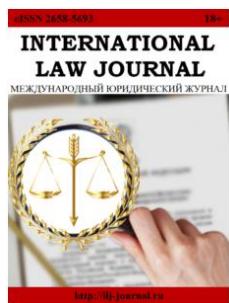
10. Pechnikov N.P. Protection of Individual Rights and Freedoms in Criminal Proceedings. Tambov: Publishing House of TSTU, 2006. 84 p.

11. Fomin A.V., Gubaidullina E.Kh. The Role of Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 4-4 (55). P. 185 – 188.

Информация об авторе

Лубашев А.О., адвокат, некоммерческая организация "Межрегиональная коллегия адвокатов" "Правозащита", oktb102@ya.ru

© Лубашев А.О., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.5
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-230-236

Пути развития местного самоуправления после внесения изменений в Конституцию РФ в 2020 году (на примере городского округа Ступино)

¹ Макарова Л.С.,
¹ Московский финансово-юридический университет

Аннотация: данная статья посвящена исследованию предпосылок муниципальной реформы, а также анализу фактических изменений, которые отразились на системе местного самоуправления после конституционных поправок от 2020 года. Исследование проводится неразрывно и комплексно на примере городского округа Ступино. В процессе исследования делается вывод о том, что на сегодняшний день пути развития местного самоуправления в ГО Ступино после внесения изменений в Конституцию РФ от 2020 года, многообразны. Перед Администрацией ГО Ступино после проведённой реформы перехода к одноранговой системе управления как никогда остро стоит вопрос о компенсации трудовых ресурсов, развитии поселенческой, в том числе жилищной и социальной инфраструктуры.

Очевидно, что собственных муниципальных бюджетных ресурсов ГО Ступино для реализации предложенных направлений муниципальных программ будет недостаточно, в связи с чем ранее отмеченный принцип единства публичной власти и интеграции местного самоуправления в условную вертикаль власти Российской Федерации как никогда востребован в направлении заручения методической, консультационной, бюджетно-финансовой, имущественной и иной поддержки развития местного самоуправления ГО Ступино со стороны Правительства Московской области, то есть при содействии и координации региональной власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, конституционные поправки, муниципалитет, городской округ, одноуровневая система, публичная власть, государственное управление

Для цитирования: Макарова Л.С. Пути развития местного самоуправления после внесения изменений в Конституцию РФ в 2020 году (на примере городского округа Ступино) // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 230 – 236. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-230-236

Поступила в редакцию: 7 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Ways to develop local self-government after amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 (using the example of the Stupino urban district)

¹ Makarova L.S.,
¹ Moscow University of Finance and Law

Abstract: this article is devoted to the study of the prerequisites for municipal reform, as well as the analysis of actual changes that have affected the local government system after the constitutional amendments of 2020. The study is conducted inextricably and comprehensively using the example of the Stupino urban district. During the study, it is concluded that today the ways of developing local self-government in Stupino after the amendments to the Constitution of the Russian Federation from 2020 are diverse. After the reform of the transition to a single-level management system, the Administration of Stupino faces more than ever the issue of compensation for labor resources, the development of settlement, including housing and social infrastructure.

It is obvious that Stupino's own municipal budget resources will not be enough to implement the proposed directions of municipal programs, and therefore the previously noted principle of unity of public authority and integration of local government into the conditional vertical of government of the Russian Federation is in demand more than ever in the direction of enlisting methodological, consulting, budgetary, financial, property and other support for the development of local government Stupino is supported by the Government of the Moscow region, that is, with the assistance and coordination of the regional authorities.

It is obvious that Stupino's own municipal budget resources will not be enough to implement the proposed directions of municipal programs, in connection with which the previously noted principle of unity of public authority and integration of local government into the conditional vertical of government of the Russian Federation is more in demand than ever in the direction of enlisting methodological, consulting, budgetary, financial, property and other support for the development of local government Stupino is supported by the Government of the Moscow region, that is, with the assistance and coordination of the regional authorities.

Keywords: local government, constitutional amendments, municipality, urban district, single-level system, public authority, public administration

For citation: Makarova L.S. Ways to develop local self-government after amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 (using the example of the Stupino urban district). International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 230 – 236. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-230-236

The article was submitted: May 7, 2024; Approved after reviewing: July 7, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

В системе публичного управления на сегодняшний день происходят институциональные изменения, затрагивающие базовые конституционно-правовые институты. Среди таких изменений нельзя не отметить реформу местного самоуправления, нормативно оформленную после изменений, внесённых в Конституцию Российской Федерации в 2020 году. Встаёт закономерный вопрос о том, что же соответствующая муниципальная реформа затронула и какие последствия можно проследить на сегодняшний день? Эти и другие актуальные вопросы развития местного самоуправления и обуславливают актуальность соответствующего исследования.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования определили статистические и иные эмпирические данные, отражающие современное социально-экономическое и публично-правовое состояние городского округа Ступино. В качестве методов исследования были использованы следующие: индукция; обобщение; сравнение; дедукция; аналогия; анализ; структурирование; постановка проблем и их решение; системного анализа политических, социально-культурных и демографических процессов; синтез; системного анализа эмпирических данных и другие.

Результаты и обсуждения

Реформа местного самоуправления, в первую очередь, обусловила ликвидацию ранее существовавшей двухуровневой системы местного самоуправления, в структуре которой первый уровень составляли городские и сельские поселения, а на втором уровне функционировали городские и муниципальные округа [3, с. 91].

Несмотря на то, что реформа местного самоуправления ещё не завершена, всё же, находится на этапе практического претворения и большая часть муниципальных образований уже трансформирована под окружную одноуровневую систему. Такая трансформация выразилась в интеграции самостоятельных муниципальных образований в виде городских и сельских поселений в состав городских и муниципальных округов, как более плотных и системных публично-правовых образований.

Компоновка небольших муниципальных образований в состав более крупных, однако, не единственный результат реформы местного самоуправления в связи с внесением поправок в Конституцию Российской Федерации от 2020 года. В Основной закон Российской Федерации, а именно в ч. 3 ст. 132 было введено качественно новое положение, которое обусловило признание органов местного самоуправления и таких федеральных, а также региональных органов государственной власти, в качестве структурных субъектов единой системы публичной власти, которые участвуют в публично-правовых отношениях на основе принципа согласованного взаимодействия для обеспечения эффективного решения задач в муниципальном и государственном управлении [1].

Соответствующее конституционное закрепление единой системы публичной власти и включение в неё в том числе органов местного самоуправления не просто формальность, но и также практическая необходимость легализации процессов, связанных с современной реформой власти на муниципальном уровне. Ведь если прежде правовыми основами Российской Федерации, в том числе и Конституцией Российской Федерации презюмировалась полная самостоятельность органов государственной и муниципальной власти, допуская их публично-правовое взаимоотношение без вмешательства в соответствующие уровни управления, то на сегодняшний день согласно действующему законодательству местное самоуправления как-бы интегрируется в вертикаль единой власти для правового, организационного, функционального, кадрового, финансового, бюджетного и иного взаимодействия с федеральным и региональным уровнями [2].

Справедливо заметить, что скрытые процессы инкорпорации местного уровня управления в вертикаль власти Российской Федерации началась заблаговременно до принятия поправок в Конституцию от 2020 года. Так, ещё в 2015 году в национальное законодательство были внесены изменения, которые позволили заменять прямые муниципальные выборы главы образования конкурсным отбором, в частности, путём решения представительного органа из тех кандидатур, которые были предложены конкурсной комиссией (где половина конкурсных мест зарезервирована за региональной государственной властью), тем самым допуская продвижения «лояльных» и иных управленцев из центра или регионов в муниципальные уровни [9].

О постепенном включении местного самоуправления в систему государственной подотчётности и неформальной подведомственности говорят и в доктрине конституционного права. В частности, об этом пишет в своём исследовании автор М.В. Исобчук, подтверждая факт усиления межведомственной и межинституциональной интеграции местного уровня управления по отношению к государственному управлению, однако, прослеживая за этими процессами снижение автономности местного самоуправления из-за возникновения механизмов влияния на прямые выборы в муниципальных образованиях, таких правовых механизмов их упрощённой ликвидации или реорганизации в округа [7, с. 210].

Необходимо при этом осознавать, что всякие конституционно-правовые изменения, в том числе касающиеся реформы местного самоуправления, обусловлены теми или иными причинами, предпосылками, а равно мотивацией. Как отмечают многие исследователи, в частности профессор П. Разов, необходимость перехода от двухуровневой системы местного самоуправления к одноуровневой, а также к усилинию взаимоотношений муниципального уровня власти с федеральным центром и регионами, объясняется сложившимся 30-летним опытом и слабой эффективностью местного самоуправления в Российской Федерации. П. Разов дополняет, что в некоторой мере институт местного самоуправления в политических, социально-демографических, экономических и политических реалиях России даже утопичен, ведь на практике в течение более 30 лет складывалась ситуация, связанная со значительным расслоением муниципалитетов на условно «бедные» и «богатые» [4].

Не можем не согласиться с указанным замечанием, ведь опыт последних десятилетий действительно отражает если не деградацию, то по крайней мере стагнацию большинства небольших городских и сельских поселений, в особенности, находящихся в регионах Севера, Сибири, Дальнего Востока и Северо-Кавказа, которые преимущественно существовали за счёт региональных и федеральных дотаций и из которых постоянно прослеживается отток населения в более развитые муниципальные образования субъектов РФ Центрального, Северо-западного, Уральского, Южного и Приволжского федеральных округов.

Таким образом, соответствующие процессы, обусловленные реформой местного самоуправления, по нашему мнению, являются не только наиболее эффективным способом развития института в особых условиях российской государственности, но и также сравнительно быстрым по отношению к другим механизмам форсированного развития муниципальных образований.

Как следствие, вмешательство государства в систему местного самоуправления в объёмах, необходимых для его развития, не только допустимо, но и также объективно необходимо на сегодняшний день для обеспечения реализации прав самих же жителей сельских и городских поселений, которые из-за неопытного и иного неэффективного управления на муниципальном уровне страдают от некачественной поселенческой инфраструктуры, деградации системы здравоохранения, образования, культуры и спорта и других социальных систем муниципалитета.

Это ровным счётом касается и перспектив развития местного самоуправления в городском округе Ступино. Исследуемое муниципальное образование характеризуется высокой инвестиционной привлекательностью среди иных субъектов муниципальной власти Московской области и Подмосковья уже последние 20 лет. В ГО Ступино прослеживается устойчивое развитие обрабатывающего промышленного производства (бытовая химия; строительные материалы; пищевые продукты; авиационное материалы и т.д.), которое превосходит по объёмам производства даже некоторые целевые субъекты РФ (около 220 млрд. в год) [6].

После введения пакета экономических санкций против России в период 2022-2024 гг., Правительство Московской области акцентировало внимание на сосредоточении производственных мощностей импортозамещения ушедших зарубежных компаний национальными возможностями рядом проектов ГО Ступино. Здесь же следует отметить особый подход власти ГО Ступино к снижению бюрократических издержек к инвестиционному участию частных субъектов в развитии социально-экономической сферы муниципального образования.

Созданный в ГО Ступино механизм работы с инвесторами изначально был направлен на оптимизацию разрешительно-согласовательных процедур, упрощение процесса реализации инвестиционных проектов начиная с подбора места размещения и заканчивая вводом в эксплуатацию. Отличительной чертой ступинской практики является нацеленность на успешный и скорейший ввод объекта в эксплуатацию и комфортную работу компании на территории городского округа не только на этапе инвестиций, но и в статусе уже реализованного проекта. Для администрации округа главное – не только привлечь инвестиции в городской округ, но и создать условия для дальнейшей эффективной работы предприятий.

ГО Ступино в последние 5 лет также стал выступать промышленной (индустриальной) площадкой для сосредоточения инновационных производств, а также научно-исследовательской деятельности в данном направлении. Так, в пределах муниципального образования действуют специальные административно-правовые режимы, которые предоставляют налоговые, страховые, бюджетные и иные преференции для ряда коммерческих и некоммерческих субъектов. К примеру, к таким режимам относятся:

– Особая экономическая зона «Ступино Квадрат», в пределах которой для пищевой, текстильной, авиационной и иных отраслям промышленного производства предоставляется налоговая преференция на прибыль – 2%, а налоги на землю, имущество и транспорт вовсе отменены [8];

– Индустриальный парк «Ступино-1», на большой площади которого инвесторам предоставляются льготные земли для размещения их производств, а также функционирование уже готовых складских и производственных помещений, сдаваемых в аренду также на льготных условиях;

– промышленная площадка «Татариново Парк» предлагает для потенциальных субъектов предпринимательской деятельности субсидии на частичную компенсацию затрат на приобретение оборудования, компенсацию услуг и продвижения в онлайн-магазинах, гранты на реализацию бизнес-проекта, а также возможность формирования карт индивидуального развития предприятия и подбор импортозамещающих контрагентов за счёт ресурсов региональной власти, администрации ГО Ступино и соответствующей промышленной площадки;

– промышленные площадки «Жилёво» и «Старк», которые представляют собой кластеры, в которых администрация площадок создаёт производственные, складские, инфраструктурно-логистические и иные объекты «под ключ» для субъектов, готовых заниматься предпринимательской и иной хозяйственной деятельностью.

Таким образом, на сегодняшний день ГО Ступино является точкой экономического роста Московской области за счёт сосредоточения льгот и преференций, а также относительно лёгких административно-правовых условий для развития хозяйственных производств в пределах муниципального образования.

В то же время, нельзя не отметить и ряд проблем, которые затрагивают ГО Ступино на сегодняшний день. Среди них – это преимущественно сельское население, которое составляет около 50%. Сам округ представлен одним городом Ступино, 3 посёлками городского типа и 234 сельскими поселениями [5], при этом основные производственные мощности и иные трудовые места в городском округе сосредоточены в пределах г. Ступино, что обуславливает ситуацию, когда жители округа живут в отдалённых поселениях (от 15 до 60 км от города) и вынуждены ездить на работу в основной окружной центр, где сосредотачиваются рабочие места.

Основная причина тому – централизация производств и особых экономических зон, промышленных кластеров и иных производственных площадок в пределах центра ГО наряду с отсутствием развитой жилищной инфраструктуры в г. Ступино. Здесь же следует отметить некоторую особенность, связанную с тем, что в городе имеется большое количество объектов незавершённого строительства, а именно таких многоквартирных домов. По данным на 2024 год, их выявленное число составляло порядка 338 таких объектов [10].

По нашему мнению, данная проблема с нехваткой жилья для работников, фактически проживающих в отдалении от г. Ступино, может быть решена путём мотивирования местной властью ГО Ступино частных инвесторов взять на себя обязательство закончить строительство недостроенных многоквартирных домов за собственные средства, предоставив им взамен льготы на уплату налога в 4% (вне экономических зон), в течение 10 лет, а также освободив субъектов предпринимательской деятельности от уплаты налогов на

землю, движимое имущество и транспорт на 5 лет с момента ввода объекта в эксплуатацию. Налоговые преференции при этом должны быть компенсированы при содействии Правительства Московской области ГО Ступино, выделив из регионального бюджета наряду с муниципальным бюджетом денежные средства на привлечение частных инвестиций в строительство недостроенного жилья.

Необходимо, однако понимать, что достроив недостроенное жильё, проблема с жильём в ГО Ступино решена не будет. Помимо самого г. Ступино, среди относительно больших населённых пунктов также числится Жилёво, Малино и Михнёво, отрасль жилья которых представлена исключительно жилыми домами. При этом технопарки и иные производственные мощности ГО Ступино хоть и сосредоточены в небольшой отдалённости от города или непосредственно в городе Ступино, всё же, представлены также вблизи отмеченных населённых пунктов.

Убеждены в том, что местное самоуправление при координации и содействии Правительства Московской области должно разработать план жилищного и промышленного развития округа не путём концентрации социальных, демографических и производственных ресурсов лишь в г. Ступино, а посредством взаимного расширения ближайших между собой населённых пунктов. Так, населённый пункт Михнево должен развиваться в жилищной и промышленной отрасли в направлении рабочего посёлка Жилёво, а последнее – в направлении г. Ступино, в то время как административный центр городского округа – в географическом направлении посёлка Жилёво.

Как следствие, местное самоуправление ГО Ступино в направлении жилищного строительства и развития социальной сферы должно быть ориентировано на децентрализованное, но системное развитие одновременно несколько крупных и ближайших населённых пунктов. Замотивировать частных субъектов, занимающихся строительством многоквартирных домов и объектов социального назначения, представляется возможным посредством предоставления им преференций на получение заёмных средств для строительства в аккредитованных банковских учреждениях за счёт компенсации недополучаемых банком средств из регионального и муниципального бюджетов.

Важно условие для участия в такой программе должно заключаться в том, что 30% сданных жилых квартир в многоквартирном доме должны передаваться на безвозмездной основе в собственность муниципального образования. В будущем сформированной жилищный фонд ГО Ступино может распределяться между отдельными социальными группами, нуждающимися в жилье, а равно в которых нуждается сам городской округ. К таким социальным группам можно отнести ветеринаров, врачей, медсестёр и фельдшеров, а также педагогов в бюджетные учебные заведения дошкольного и среднего образования.

Наличие свободных квартир, которые будут предоставлять указанным категориям рабочих граждан на условиях социального найма с правом последующего безвозмездного перехода прав собственности на жильё нанимателю при условии, что он отработает в ГО Ступино на соответствующих должностях врача, фельдшера, ветеринара или педагога бюджетного учреждения не менее 9 лет, может стать стимулом для притока населения из небольших поселений ГО Ступино, а равно из других муниципальных округов Московской области или же поселений ближайшей Тульской, Рязанской, Калужской, Владимирской областей.

Наряду с этим местная власть ГО Ступино решит проблему, связанную с поддержанием социальной сферы, то есть сферы образования, здравоохранения и других направлений в надлежащем состоянии, поскольку на сегодняшний день в них прослеживается дефицит профессиональных кадров.

Очевидно, что соответствующие решения в обязательном порядке должны обсуждаться на публичных слушаниях и общественных обсуждениях. В частности, население ГО Ступино должно привлекаться к обсуждению вопросов, связанных с бюджетным финансированием предлагаемых направлений возможных муниципальных программ.

Здесь же стоит уточнить и то, что для кардинальных подходов к развитию городского округа необходимо привлечение в муниципальное управление молодых профессиональных кадров. На сегодняшний день существуют многочисленные площадки и мастерские управления для подготовки подобных муниципальных управленцев и в особенности следует отметить перспективные программы «Время героев» и «Школа губернаторов», где наставниками для замотивированных участников программ выступают руководители Правительства, Администрации Президента, федеральных министерств, ведомств, главы регионов и крупнейших государственных компаний.

Как следствие, местное самоуправление в ГО Ступино должно совершенствоваться не только в направлении усиления жилищного строительства, развитии экономики муниципального образования и региона в целом, а также таком развитии социальной инфраструктуры поселений округа, но и векторе развития ответственных и профессиональных кадров, патриотически настроенных к служению народу ГО Ступино. Для этого за счёт муниципального бюджета ГО Ступино заинтересованные заявители могут направлять на

повышение квалификации в ранее отмеченные программы формирования компетентных управленческих кадров.

Более того, Администрация ГО Ступино может размещать рекламные и информационно-методические материалы о программе «Время героев» среди целевой аудитории участников СВО, которые возможно также готовы развивать свой родной регион и муниципальное образование таким образом, чтобы управленческая практика бралась за основу для развития других муниципалитетов или целых субъектов Российской Федерации.

Выводы

Таким образом, можно прийти к выводу, что на сегодняшний день пути развития местного самоуправления в ГО Ступино после внесения изменений в Конституцию РФ от 2020 года, многообразны. Перед Администрацией ГО Ступино после проведённой реформы перехода к одноуровневой системе управления как никогда стоит остро вопрос о компенсации трудовых ресурсов, развитии поселенческой, в том числе жилищной и социальной инфраструктуры.

Очевидно, что собственных муниципальных бюджетных ресурсов ГО Ступино для реализации предложенных направлений муниципальных программ будет недостаточно, в связи с чем ранее отмеченный принцип единства публичной власти и интеграции местного самоуправления в условную вертикаль власти Российской Федерации как никогда востребован в направлении заручения методической, консультационной, бюджетно-финансовой, имущественной и иной поддержки развития местного самоуправления ГО Ступино со стороны Правительства Московской области, то есть при содействии и координации региональной власти.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. 04.07.2020. № 144.
2. Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации» от 08.12.2020 № 394-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.12.2020. №50 (ч.III). ст.8039.
3. Баландина А.С. Анализ муниципальной реформы: одноуровневая система местного самоуправления // Современные вызовы и перспективы развития молодежной науки: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 07 июля 2022 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. С. 90 – 94.
4. Выжутович В., Разов П. Почему необходима реформа местного самоуправления // Российская газета. 2023. № 182.
5. География ГО Ступино [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stupinoadm.ru/gorodskoj-krug/obshchie-svedeniya/geografiya/> (дата обращения: 24.03.2024)
6. Данные о инвестициях в развитие ГО Ступино за 2023 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stupinoadm.ru/ekonomika/investitsii/> (дата обращения: 24.03.2024)
7. Исобчук М.В. Местное самоуправление в РФ после поправок в Конституцию-2020 // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. № 2. С. 210 – 220.
8. ОЭЗ Ступино Квадрат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gdpquadrat.com/> (дата обращения: 24.07.2024).
9. Петухов Р. Что поправки в Конституцию меняют в судьбе местного самоуправления // Ведомости. 2020. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/01/24/821369-popravki-v-konstitutsiyu> (дата обращения: 23.07.2024).
10. Порядка 80% выявленных недостроев в Ступино снесли или привели в соответствие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax-russia.ru/center/novosti-podmoskovya/poryadka-80-vyyavlennyyh-nedostroev-v-stupino-snesli-ili-priveli-v-sootvetstvie> (дата обращения: 25.03.2024)

References

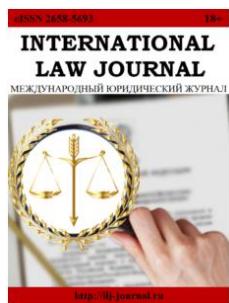
1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020. Rossiyskaya Gazeta. 04.07.2020. No. 144.
2. Federal Law "On the State Council of the Russian Federation" dated 08.12.2020 No. 394-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 14.12.2020. No. 50 (Part III). Art. 8039.

3. Balandina A.S. Analysis of municipal reform: single-tier system of local self-government. Modern challenges and prospects for the development of youth science: Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, July 07, 2022. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science" (IP Ivanovskaya I.I.), 2022. P. 90 – 94.
4. Vyzhutovich V., Razov P. Why is local government reform necessary. Rossiyskaya Gazeta. 2023. No. 182.
5. Geography of the urban district of Stupino [Electronic resource]. Access mode: <https://stupinoadm.ru/gorodskoj-okrug/obshchie-svedeniya/geografiya/> (date of access: 03/24/2024)
6. Data on investments in the development of the urban district of Stupino for 2023 [Electronic resource]. Access mode: <https://stupinoadm.ru/ekonomika/investitsii/> (date of access: 03/24/2024)
7. Isobchuk M.V. Local self-government in the Russian Federation after the amendments to the Constitution-2020. Bulletin of Udm. University. Sociology. Political Science. International Relations. 2023. No. 2. P. 210 – 220.
8. Stupino SEZ Kvadrat [Electronic resource]. Access mode: <https://gdpquadrat.com/> (date of access: 07/24/2024).
9. Petukhov R. What amendments to the Constitution change in the fate of local self-government. Vedomosti. 2020. No. 2. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/01/24/821369-popravki-v-konstitutsiyu> (date of access: 07/23/2024).
10. About 80% of the identified unfinished buildings in Stupino were demolished or brought into compliance [Electronic resource]. Access mode: <https://www.interfax-russia.ru/center/novosti-podmoskovya/poryadka-80-vyyavlennyh-nedostroev-v-stupino-sneshli-ili-priveli-v-sootvetstvie> (date of access: 03/25/2024)

Информация об авторе

Макарова Л.С., аспирант, преподаватель, Московский финансово-юридический университет,
makarovalara@yandex.ru

© Макарова Л.С., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 343.9
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-237-241

Расследование преступлений экстремистской и террористической направленности, совершенных путем распространения запрещенной информации в сети интернет

¹Хрущев Е.Г.,
¹ОГо-Западный государственный университет

Аннотация: актуальность статьи обусловлена развитием информационных технологий, а также ростом преступности в сети интернет, влияющим на национальную безопасность государства в целом. Проанализированы общие положения и виды преступлений террористической направленности, совершенных путем распространения запрещенной информации в сети интернет. В современном мире, где информационные технологии проникают во все сферы жизни, проблема экстремизма и терроризма становится особенно актуальной. Распространение запрещенной информации в сети Интернет стало одним из ключевых факторов, способствующих радикализации отдельных индивидов и групп. Современные террористические организации активно используют цифровые платформы для пропаганды своих идеологий, вербовки новых членов и координации действий. Это создает серьезные вызовы для правоохранительных органов и служб безопасности, которые должны эффективно реагировать на угрозы, возникающие в виртуальном пространстве.

Расследование преступлений экстремистской и террористической направленности, совершенных путем распространения запрещенной информации, требует комплексного подхода. Необходимость синергии между различными структурами – от правоохранительных органов до специализированных исследовательских организаций – становится очевидной. Важно не только выявлять и пресекать факты распространения экстремистских материалов, но и анализировать их содержание, чтобы понять механизмы воздействия на психику человека и выявить потенциальные угрозы.

Кроме того, необходимо учитывать правовые аспекты таких расследований, поскольку баланс между обеспечением безопасности и защитой прав граждан является сложной задачей. Введение в данную тему предполагает анализ существующих методов расследования, особенностей работы с цифровыми доказательствами и необходимость международного сотрудничества в борьбе с глобальными угрозами. Таким образом, исследование данной проблемы представляет собой важный шаг к созданию более безопасного информационного пространства и эффективной противодействия экстремизму и терроризму в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, преступления, сеть Интернет, расследование, национальная безопасность

Для цитирования: Хрущев Е.Г. Расследование преступлений экстремистской и террористической направленности, совершенных путем распространения запрещенной информации в сети интернет // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 237 – 241. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-237-241

Поступила в редакцию: 8 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Investigation of crimes of extremist and terrorist orientation, committed through the dissemination of prohibited information in the Internet network

¹ Khrushchev E.G.,
¹ Southwest State University

Abstract: the relevance of the article is conditioned by the development of information technologies, as well as the growth of crime on the Internet, which affects the national security of the state as a whole. The general provisions and types of terrorist crimes committed through the dissemination of prohibited information on the Internet are analyzed. In today's world, where information technologies penetrate all spheres of life, the problem of extremism and terrorism has become particularly relevant. The dissemination of banned information on the Internet has become one of the key factors contributing to the radicalization of individuals and groups. Modern terrorist organizations are actively using digital platforms to promote their ideologies, recruit new members and coordinate their actions. This poses serious challenges for law enforcement and security services, which must respond effectively to threats arising in the virtual space.

Investigation of extremist and terrorist crimes committed through the dissemination of prohibited information requires a comprehensive approach. The need for synergy between different structures - from law enforcement agencies to specialized research organizations - is becoming evident. It is important not only to detect and suppress the facts of dissemination of extremist materials, but also to analyze their content in order to understand the mechanisms of impact on the human psyche and identify potential threats.

In addition, the legal aspects of such investigations need to be taken into account, as balancing security and the protection of citizens' rights is a complex task. The introduction to this topic involves analyzing existing investigative techniques, the peculiarities of working with digital evidence and the need for international cooperation in combating global threats. Thus, the study of this problem represents an important step towards creating a more secure information space and effective countering extremism and terrorism in the digital age.

Keywords: terrorism, extremism, crimes, Internet, investigation, national security

For citation: Khrushchev E.G. Investigation of crimes of extremist and terrorist orientation, committed through the dissemination of prohibited information in the Internet network. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 237 – 241. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-237-241

The article was submitted: May 8, 2024; Approved after reviewing: July 9, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Цель изучения данной тематики заключается в увеличении интереса к развитию технологий и анализу преступлений, связанных с использованием телекоммуникационных и компьютерных систем. В статье рассматривается вопрос расследования экстремистских и террористических преступлений, совершенных в Интернете. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с проведением следственных действий, которые способствуют расследованию таких преступлений.

Анализ преступности в Интернете с использованием информационно-коммуникационных технологий имеет практическую значимость, так как может помочь определить эффективные стратегии защиты от преступного воздействия, формирования общественного правосознания и служить руководством по национальной безопасности при расследовании преступлений, связанных с телекоммуникациями и компьютерной информацией. Этот вид преступлений постоянно эволюционирует, принимая новые обличья, и имеет значительное воздействие на политическую, экономическую, оборонную и других составляющих безопасности Российской Федерации.

Материалы и методы исследований

В основе лежат всеобщий диалектический метод, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, сравнительно-правовой подход, формально-логический анализ, статистические методы и другие подходы.

В качестве материалов использовались научные статьи, а также исследования юристов в области национальной безопасности, криминалистики и уголовного процесса.

Результаты и обсуждения

В процессе изучения расследования преступлений экстремистской и террористической направленности через распространение запрещенной информации в интернете, автором был проведен анализ научной и

правовой информации практической направленности, которая помогает установить обстоятельства преступлений, выявить виновных и доказать их причастность.

Также в статье обсуждаются проблемы, связанные с расследованием таких преступлений, включая недостаток знаний органов предварительного расследования в области информационных технологий.

В современном мире развитие общества в России определяется интенсивным процессом цифровизации, который охватывает все аспекты общественной жизни и оказывает влияние на различные области юриспруденции. В связи с тем, что общество непрерывно развивается, растет и уровень киберпреступности, влияющий на национальную безопасность, а также безопасность каждого человека.

На сегодняшний день наблюдается процесс цифровизации, который пронизывает все сферы жизнедеятельности. Общество, право, государство и гражданское общество не являются исключением.

Цифровизация представляет собой процесс, который способствует формированию новой цифровой реальности, существенно отличающейся от физической. Сущность цифровизации заключается в том, что она наделена более широкими возможностями, которые способствуют развитию коммуникации, ресурсов и технологий для работы с информацией.

Необходимо отметить, что сеть Интернет проникла во все сферы жизнедеятельности. Она внесла не только положительные аспекты, но и отрицательные. К отрицательным моментам необходимо отнести факт того, что сеть Интернет стала средством, облегчающим совершение преступлений, а в силу того, что остаются только цифровые следы, расследование преступлений значительно осложняется. Преступления экстремистской и террористической направленности не являются исключением.

Экстремистские и террористические преступления, совершенные в сети Интернет являются особо опасными деяниями, а их совершение носит глобальный характер, поскольку охватывает большой процент населения.

Для успешного раскрытия и расследования таких преступлений крайне важно учитывать информационную поддержку, предназначенную для предоставления правоохранительным органам научно обоснованной информации, необходимой для выявления обстоятельств преступлений, установления виновных лиц и подтверждения их причастности [1, с. 184].

Стоит подчеркнуть, что при выявлении факта распространения запрещенной информации в сети Интернет необходимо провести неотложные следственные действия. К числу таковых относятся: осмотр места происшествия, допросы потерпевших, свидетелей, обыск. Безусловно, характер проведения данных следственных действий существенно отличается от расследования преступлений, совершенных в реальной жизни.

В первую очередь необходимо провести осмотр места происшествия, который в данном случае будет нестандартным. При расследовании уголовных дел, связанных с терроризмом и экстремизмом, следственные органы проводят тщательный осмотр места, где была использована компьютерная техника для совершения преступления. Цель осмотра заключается в обнаружении и изъятии орудий и предметов, использованных при совершении преступления. Важно проанализировать сам компьютер, флеш-накопители, мобильные телефоны, компакт-диски, цифровые часы и другие предметы, чтобы получить необходимую информацию для расследования [2, с. 42].

Наиболее проблемным является проведение допроса. Данное следственное действие является важным для расследования, поскольку, по сути, только так можно выявить, а также расследовать преступление в сети Интернет.

Осуществление опроса у лиц, совершивших преступление в данной области, представляет собой особый процесс, поскольку, как правило, подозреваемые выступают в качестве убежденных сторонников и фанатиков пропагандируемых идей. В теории криминалистики бытует мнение, что допрос в таком случае должен отличаться от стандартного, поскольку жесткий список вопросов не принесет положительного результата. Соответственно опросник следователя должен быть гибким (вопросы меняются в зависимости от складывающейся ситуации) [3, с. 354].

При допросе следователю необходимо выяснить какими социальными сетями подозреваемый пользуется, где он зарегистрирован. Данные вопросы позволяют определить возрастную категорию граждан. К примеру, молодежь в силу психологических особенностей возраста проще склонить к совершению определенных действий, связанных с пропагандой, которая имеет террористический и экстремистский окрас.

Сложность расследования и раскрытия кибертерроризма и киберэкстремизма осложняется тем, что личность преступника характеризуется наличием высокого интеллектуального уровня [4]. Такой склад ума позволяет использовать информационные технологии для совершения преступления.

Помимо этого, для сокрытия совершения преступления экстремисты удаляют файлы, которые могут доказать факт причастности к преступному деянию. При этом, если удаленный файл можно восстановить, то определить IP-адрес в условиях использования технических устройств, которые его меняют практически невозможно. Преступники в сети Интернет используют многообразие средств совершения деяния, в их числе находится использование вымышленного адреса отправителя, вирусных программ и так далее [5].

Обыск и выемка также являются важными этапами при расследовании террористических и экстремистских преступлений в сети Интернет [6, с. 214]. Они проводятся в зависимости от уровня информационной определенности и конфликтности текущей ситуации. Обыск может быть проведен на любой стадии уголовного дела, но чаще всего он является неотложной мерой. Это связано с особенностями сети Интернет, где задержка может привести к уничтожению улик.

Выводы

В силу того, что существует многообразие технических устройств, становится все сложнее выявлять и расследовать террористические и экстремистские преступления. Органы предварительного расследования на сегодняшний день не готовы к полноценному расследованию, поскольку у них отсутствуют необходимые знания в области информационных технологий. При этом существует и нехватка таких специалистов в правоохранительных органах. Поскольку в сети Интернет все чаще совершаются преступления, необходимо привлекать специалистов в области технических устройств, более того такие специалисты должны быть на должностях в правоохранительных органах, а не привлекаться в качестве специалистов, так как согласование таких действий приведет к потери времени.

Список источников

1. Ложис З.З. Применение специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершенных в сети интернет, а также преступлений террористического характера в практике следственного комитета Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 178 – 193.
2. Забелина М.А. Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании публичного призыва к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания или пропаганды терроризма с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Glossa: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. 2021. № 5. С. 44 – 50.
3. Медведева А.А. Допрос как отдельное следственное действие при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершаемых в сети – Интернет // Актуальные проблемы российского права. Ставрополь, 2023. С. 354 – 357.
4. Полякова Н.Н. Киберэкстремизм в молодежной среде как социальная проблема // Политика, экономика и инновации. 2017. № 5. С. 1 – 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberekstremizm-v-molodezhnoy-srede-kak-sotsialnaya-problema-1>
5. Горшенева И.А., Гольцева О.Ю. Проблемы дефиниции киберэкстремизма и кибертерроризма (зарубежный опыт) // Криминологический журнал. 2019. № 2. С. 26 – 30. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-definitsii-kiberekstremizma-i-kiberterrorizma-zarubezhnyy-opryt>
6. Яцкина И.А. Криминалистическая сущность преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, и особенности проведения различных следственных действий в процессе их расследования // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 209 – 217.

References

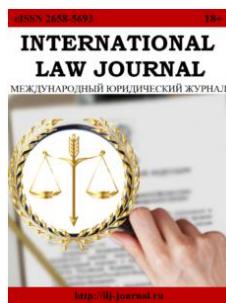
1. Lozhis Z.Z. Application of specialized knowledge in the investigation of extremist crimes committed on the Internet, as well as terrorist crimes in the practice of the Investigative Committee of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2021. No. 6. P. 178 – 193.
2. Zabelina M.A. Features of the production of individual investigative actions in the investigation of a public call to commit terrorist activities, public justification or propaganda of terrorism using the information and telecommunications network Internet. Glossa: Bulletin of student science. Publication of the Department of Theory and History of State and Law of Kursk State University. 2021. No. 5. P. 44 – 50.
3. Medvedeva A.A. Interrogation as a separate investigative action in the investigation of extremist crimes committed on the Internet. Actual problems of Russian law. Stavropol, 2023. P. 354 – 357.

4. Polyakova N.N. Cyber-extremism among young people as a social problem. Politics, economics and innovation. 2017. No. 5. P. 1 – 6. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberekstremizm-v-molodezhnoy-srede-kak-sotsialnaya-problema-1>
5. Gorskeneva I.A., Goltseva O.Yu. Problems of defining cyber-extremism and cyber-terrorism (foreign experience). Criminological journal. 2019. No. 2. P. 26 – 30. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-definitsii-kiberekstremizma-i-kiberterrorizma-zarubezhnyy-opty>
6. Yatskina I.A. Forensic nature of crimes related to propaganda of extremism and features of conducting various investigative actions in the process of their investigation. Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2020. No. 2 (14). P. 209 – 217.

Информация об авторе

Хрущев Е.Г., преподаватель, Юго-Западный государственный университет, deskssss@gmail.com

© Хрущев Е.Г., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.951
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-242-247

Формы и виды государственного регулирования предпринимательской деятельности

¹ Чжан Сяокэ, ¹ Майстрович Е.В.,
¹ Российский университет дружбы народов

Аннотация: статья посвящена рассмотрению существующих в России форм и видов государственного регулирования предпринимательской деятельности, таких как законодательная база, налоговое регулирование, лицензирование, антимонопольная политика, особые экономические зоны, господдержка бизнеса, лицензирование, международная торговля, инвестиционный климат. Научная новизна исследования обеспечивается анализом актуальной информации с учетом современной геополитической обстановки. На основе теоретического анализа проведен мониторинг результативности этих форм и видов государственного регулирования с приведением актуальных данных по развитию российской предпринимательской сферы. В результате исследования обнаружено, что в Российской Федерации создана необходимая законодательная база для развития предпринимательской деятельности, однако есть те формы регулирования, которые требуют большего внимания или находятся под угрозой из-за нестабильности политической и экономической ситуации, например, регулирование в налоговой сфере, международной торговле и инвестиционной сфере. В этих сферах государству нужно прикладывать особые усилия, чтобы осуществлять регулирование предпринимательской деятельности. Наиболее выдающиеся показатели наблюдаются в сфере господдержки бизнеса и разрешительной деятельности для бизнеса. Можно отметить, что драйвером роста тут является стремление к цифровизации и инновационности. Работа будет интересна специалистам в области государственного управления, юристам и предпринимателям.

Ключевые слова: государственное регулирование, предпринимательская деятельность, бизнес, предпринимательство в России, цифровизация, инновационность

Для цитирования: Чжан Сяокэ, Майстрович Е.В. Формы и виды государственного регулирования предпринимательской деятельности // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 242 – 247. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-242-247

Поступила в редакцию: 8 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Forms and types of state regulation of entrepreneurial activity

¹ Zhang Xiaoke, ¹ Maistrovich E.V.,
¹ Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article is devoted to the consideration of the forms and types of state regulation of business activities existing in Russia, such as the legislative framework, tax regulation, licensing, antimonopoly policy, special economic zones, state support for business, licensing, international trade, investment climate. The scientific novelty of the research is ensured by the analysis of current information taking into account the current geopolitical situation. Based on theoretical analysis, the effectiveness of these forms and types of government regulation was monitored, providing current data on the development of the Russian business sector. As a result of the study, it was discovered, that the Russian Federation has created the necessary legislative framework for the development of entrepreneurial activity, however, there are those forms of regulation that require more attention or are under threat

due to the instability of the political and economic situation, for example, regulation in the tax sphere, international trade and investment sphere. In these areas, the state needs to make special efforts to regulate business activities. The most outstanding indicators are observed in the field of state support for business and licensing activities for business. It can be noted that the growth driver here is the desire for digitalization and innovation. The work will be of interest to specialists in the field of public administration, lawyers and entrepreneurs.

Keywords: government regulation, entrepreneurial activity, business, entrepreneurship in Russia, digitalization, innovation

For citation: Zhang Xiaoke, Maistrovich E.V. Forms and types of state regulation of entrepreneurial activity. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 242 – 247. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-242-247

The article was submitted: May 8, 2024; Approved after reviewing: July 9, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Предпринимательская деятельность является основой рыночной экономики. Развитие российской экономики многие годы было связано с ее сырьевым потенциалом, но последние десятилетия правительство ищет способы уйти от опоры на ресурсы и диверсифицировать экономику. Для этого необходимо развивать предпринимательство во всех сферах. В 2019 году доля малого и среднего предпринимательства в структуре ВВП составляла 22,9%, правительство ставило цель к 2024 году достичь 32,5%. Однако итогом 2022 года стал 21%, по данным Росстата [16].

На падение показателя повлияла вынужденная геополитическая изолированность, политическая и экономическая нестабильность. Это требует от государства еще больше усилий по стимулированию и развитию предпринимательской деятельности в России во всех областях [3, с. 90]. Значит, особое значение приобретают формы и виды государственного регулирования предпринимательской деятельности, которые могут как содействовать развитию предпринимательства, так и затруднять его этот процесс.

В данной статье будут рассмотрены формы и виды государственного регулирования предпринимательской деятельности в России, их влияние на развитие частных малых и средних предприятий с точки зрения юридического содействия или препятствия развития инновационной рыночной экономики в России. На основе теоретического анализа проведен мониторинг результативности этих форм и видов государственного регулирования с приведением актуальных данных по развитию российской предпринимательской сферы.

Материалы и методы исследований

Предметом исследования являются формы и виды государственного регулирования предпринимательской деятельности в России. В работе будут использованы методы логического, системного и структурного анализа, мониторинга, теоретического и статистического анализа. Они помогут определить результативность основных форм и видов государственного регулирования предпринимательской деятельности и выработать рекомендации по дальнейшему развитию государственного регулирования предпринимательской деятельности в России.

Результаты и обсуждения

Предпринимательская деятельность – это «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» (ст. 2 ГК РФ). В ст.23 также отмечено, что предпринимательской деятельностью может заниматься любой гражданин страны, зарегистрировавшись в качестве индивидуального предпринимателя или в форме самозанятого лица.

Под государственным регулированием предпринимательской деятельности понимается комплекс действий законодательных, исполнительных и судебных органов власти, которые на основе нормативных правовых актов осуществляют контроль за сложившейся социально-экономической системой государства [15, с. 1].

Формы государственного регулирования предпринимательской деятельности можно определить, исходя из задач государства в этом процессе: обеспечение условий для предпринимательской деятельности, разработка стратегий и направлений развития предпринимательской деятельности и содействие государства с точки зрения социальных преимуществ. Виды – это конкретные меры регулирования, которые предпринимаются государством для содействия экономическому развитию общества и научно-технического прогресса [1, с. 175].

Выделим основные виды государственного регулирования предпринимательской деятельности и разберем каждый из них.

Правовое обеспечение для инициирования и осуществления предпринимательской деятельности создается государством на федеральном, региональном и муниципальном уровнях [4, с. 24]. Государство разрабатывает и вводит на законодательном уровне определенные правила, которые регулируют отношения между субъектами предпринимательской деятельности. Основными законами, регулирующими эту сферу, являются Конституция РФ, ст. 34, и Гражданский кодекс РФ, ст. 1 и ст. 23. Именно в этих документах прописано, кто может заниматься предпринимательством и при каких условиях. Также важным законом является Федеральный Закон №129, который описывает все формальные процедуры по регистрации, изменениям, реорганизации и ликвидации любой формы предпринимательства. Федеральный Закон №14 отдельно посвящен работе в форме общества с ограниченной ответственностью, 422-ФЗ регулирует деятельность самозанятых.

Теперь посмотрим актуальные данные по количеству действующих предпринимателей в России и отмечим основной тренд, чтобы понять эффективность форм и методов государственного регулирования их деятельности.

По итогам 2023 года количество ИП в России выросло на 387 тыс. (+10%) и составило 4,26 млн (данные Федеральной налоговой службы). Такой темп прироста повторил рекорд 2008 г. Количество новых ИП в 2023 г. составило 986 тыс., и это существенно больше, что в 2022 г. (809 тыс.) и 2021 г. (621 тыс.). Количество закрытых ИП в 2023 г. снизилось на 7% в сравнении с 2022 г. [2]. Эти цифры демонстрируют эффективность проводимой государством политики в отношении предпринимательской деятельности.

Налоговое регулирование предпринимательской деятельности предполагает разработку и введение особых налоговых льгот и налоговых каникул, которые могут содействовать развитию предпринимательской деятельности. Отсутствие налоговых льгот или повышенные налоговые ставки на определенные виды деятельности могут останавливать начинающих предпринимателей. Налоговый кодекс РФ регулирует всю деятельность, связанную с налогообложением в России. Предпринимательской деятельности посвящен Раздел 4, порядок налоговых проверок описывает ст.87 НК РФ.

По данным Федеральной налоговой службы, в 2022 г. налоговые отчисления от предприятий малого и среднего бизнеса составили 4,7 трлн руб. (+10% к 2021 г.). В целом налоги в России в 2023 г. пополнили бюджет на 36 трлн руб., что на 7,7% больше, чем в предыдущем году [13].

Чтобы содействовать развитию предпринимательства в стране, с 2006 г. существует механизм создания особых экономических зон. Это такие территории, на которых действует особый льготный режим для ведения предпринимательской деятельности [14, с. 92]. Если предприятие связано с экспортом и импортом товаров, то в особых экономических зонах устанавливаются особый таможенный режим. В России действуют 50 особых экономических зон, из них 31 являются промышленно-производственными, 7 технико-внедренческими, 10 туристско-рекреационными, 2 портовыми. По данным за 2021 г., наиболее эффективной ОЭЗ является промышленно-производственная зона в Республике Татарстан, где развивается город инноваций и научно-технического прогресса Иннополис. По данным Минэкономразвития РФ, в ОЭЗ России работают более 1100 компаний-резидентов, в том числе из 36 стран мира, объем инвестиций составляет почти 1 трлн руб. [10].

Следующей формой государственного регулирования предпринимательской деятельности является непосредственная финансовая поддержка государства. Предоставляя предпринимателям гранты, пособия, льготы, проводя конкурсы, государство может содействовать развитию предпринимательства. Также государство может оказывать имущественную помощь, создавая на уровне регионов и городов консультационные центры, коворкинги и т. д. Меры государственной поддержки описаны в Федеральном законе №209.

В 2023 г., по данным Российского союза промышленников и предпринимателей, 12% российских предпринимателей прибегли к государственной поддержке бизнеса, из них 25% субъектов предпринимательской деятельности воспользовались кредитом на оборотные средства, еще 15% получили отсрочку от уплаты страховых взносов [12].

Следующая форма – это создание здоровой конкурентной среды, что тоже является важной государственной функцией. Государство разрабатывает и проводит антимонопольную политику, не давая одному из игроков рынка занять большую часть этого рынка, тем самым сокращая возможности для развития других предпринимателей на этом рынке [6, с. 181]. Государственное регулирование направлены против создания монополий. В России есть закон о конкуренции и об ограничении монополистической деятельности, разработано антимонопольное законодательство и служба для его реализации. Для развития рыночной экономики важно, чтобы не было ограничения конкуренции, а также чтобы не было недобросовестной конку-

ренции, когда потребители получают недостоверную информацию о каких-то функциях и свойствах реализуемых товаров. В России действует Федеральный закон №132 «О защите конкуренции». Также можно отметить 294-ФЗ, который регулирует контролирующие мероприятия государства относительно предпринимателей.

Согласно Указу Президента РФ №618 от 21 декабря 2017 года «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции», Росстат ежегодно предоставляет открытые данные по состоянию конкурентной среды в России с расчетом индекса Херфиндаля-Хиршмана. Согласно данным за 2022 г., почти все сферы предпринимательской деятельности являются умеренноконцентрированными или низкоконцентрированными, за исключением рынка производства меховых изделий [11].

Также одной из форм государственного регулирования является лицензирование. Лицензия – это официальный документ, который предприниматель получает от государства и который разрешает ему вести определенный вид деятельности в течение какого-либо срока и при определенных условиях. Это важно для государственного регулирования таких сфер, как оборот алкоголя, медицинские товары, продукты детского питания, оказание образовательных и информационных услуг и т.д. Регулируется эта сфера Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 №99-ФЗ [7, с. 51].

В области лицензирования можно отметить важный тренд – полный переход в цифровой формат. С конца 2023 г. более 400 услуги для бизнеса в сфере разрешительной деятельности доступны через «Госуслуги». Проект Минэкономразвития РФ находился в тестовом режиме в 2021-2023 гг. Стоит отметить, что это значительно упростит деятельность многих предпринимателей в России.

Также государство регулирует предпринимательскую деятельность на уровне международной торговли. Если предприниматель планирует закупать товар за рубежом или поставлять местный товар за границу, то регулирование здесь происходит посредством установления определенных таможенных сборов, налогов, правил, которые ограничивают или содействуют импорту и экспорту. Эти меры госрегулирования могут в значительной степени содействовать развитию экономики России, особенно в последние годы, когда направление развития экономической и политической деятельности изменилось за счет переориентации на сотрудничество с дружественными и нейтральными странами и сокращения торговли с недружественными странами [5].

Еще одной из форм регулирования предпринимательской деятельности является развитие инвестиционного сектора. Государство может и должно содействовать развитию института венчурных инвестиций, фондов, культуре частных инвесторов [8, с.55], которые готовы вкладывать свободные деньги в развитие инновационных предприятий и развивать таким образом научноемкие и производственные секторы экономики или способность решению острых социальных проблем. По опыту многих стран именно государство обычно является именно инициатором развития венчурной индустрии в стране.

В России в 2008 г. была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года [9], в которой отмечалась необходимость создания государственных или государственно-частных фондов прямых инвестиций и формирования венчурного рынка для развития сферы бизнеса научноемких инновационных технологий. В 2018 г. Российская венчурная компания и Минэкономразвития РФ разработали Стратегию развития рынка венчурных и прямых инвестиций до 2030 г., в которой предусмотрели механизмы активизации инвесторов, развитие поддержки технологического предпринимательства и совершенствование нормативно-правовой базы. Несмотря на различные инициативы по развитию этой сферы в России, на данный момент она находится в начальной стадии развития, о чем свидетельствует и практически полное отсутствие законодательной базы.

Выводы

В данной статье рассмотрены основные формы и виды государственного регулирования предпринимательской деятельности в России на данный момент. На основе логического, системного и структурного анализа были определены основные такие основные виды, как законодательная база, налоговое регулирование, лицензирование, особые экономические зоны, антимонопольная политика, господдержка, международная торговля, инвестиционный климат. На основе проведенного анализа можно прийти к выводу, что государство играет большую роль в стимулировании и инициировании предпринимательской деятельности, а также оно является гарантом развития рыночной экономики, при которой потребители получают качественные товары по приемлемым ценам.

Несмотря на то, что год от года регулирование бизнеса в России совершенствуется, статистика демонстрирует невысокие показатели в налоговой сфере, международной торговле и инвестиционной сфере. Наиболее выдающиеся показатели наблюдаются в сфере господдержки бизнеса и разрешительной деятель-

ности для бизнеса. Можно отметить, что драйвером роста тут является стремление к цифровизации и инновационности.

Таким образом, все виды и формы государственного регулирования важны и играют особую роль в развитии предпринимательской деятельности. Что касается Российской Федерации, то в нашей стране создана необходимая законодательная база для развития предпринимательской деятельности, однако есть те формы регулирования, которые требуют большего внимания или находятся под угрозой из-за нестабильности политической и экономической ситуации. В этих сферах государству нужно прикладывать особые усилия, чтобы осуществлять регулирование предпринимательской деятельности.

Список источников

1. Абрамов С.Г. Государство и предпринимательская деятельность // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 2. С. 174 – 178.
2. Виноградова Е. Число регистраций ИП впервые приблизилось к миллиону // РБК. Январь, 2024. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/01/2024/65a52d819a794724e3f9551e> (дата обращения: 05.03.2024)
3. Гончарова О.Ю. Государственное регулирование развития малого предпринимательства в условиях экономического кризиса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 2. С. 89 – 96.
4. Губин Е.В. Государство и бизнес в процессе правовых реформ // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 23 – 30.
5. Кнобель А., Фиранчук А. Переориентация внешней торговли России: шесть основных выводов // Эконс. Февраль 2024. URL: <https://econs.online/articles/opinions/pereorientatsiya-vneshney-torgovli-rossii-shest-osnovnykh-vivodov/> (дата обращения: 15.03.2024)
6. Кучиева Н.А. Развитие конкурентной среды в системе государственного регулирования российской экономики – исторические и современные примеры // Экономика, управление: проблемы, решения. 2024. № 5/4. С.180 – 189.
7. Нестеренко И.Ю. Механизм формирования региональной политики регулирования предпринимательской деятельности // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 3. С. 46 – 57.
8. Николаева И.П. Формирование предпринимательского климата в России // Предпринимательство. 2010. № 3. С. 53 – 57.
9. Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 г. N 1662-р // СЗ РФ. 2008. № 51. С. 2732.
10. Особые экономические зоны // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobye_ekonomicheskie_zony/ (дата обращения: 06.04.2024)
11. Показатели, характеризующие состояние конкурентной среды // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/55735> (дата обращения: 05.04.2024)
12. Предварительная оценка мер государственной поддержки российского бизнеса, пострадавшего из-за санкций // Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/activity/analytics/predvaritelnaya-otsenka-mer-gosudarstvennoy-podderzhki-rossiyskogo-biznesa-postradavshego-iz-za-sank/> (дата обращения: 06.04.2024)
13. Рост налоговых поступлений в 2023 году едва превысил инфляцию // FinExpertiza. Март 2024. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2024/rost-nalogh-post-2023/> (дата обращения: 06.04.2024)
14. Рубцов Г.Г., Литвиненко А.Н. Территории опережающего социально-экономического развития в системе свободных экономических зон РФ: реалии и перспективы // Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 2. С. 91 – 98.
15. Смирнов В.П. Регулирование предпринимательской деятельности // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2012. № 2. С. 1 – 4.
16. Эффективность экономики России // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (дата обращения: 15.03.2024)

References

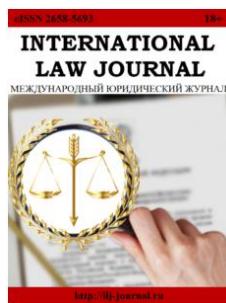
1. Abramov S.G. The state and entrepreneurship. Problems of Economics and Legal Practice. 2019. No. 2. P. 174 – 178.
2. Vinogradova E. The number of individual entrepreneur registrations for the first time approached a million. RBC. January, 2024. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/01/2024/65a52d819a794724e3f9551e> (date of access: 05.03.2024)
3. Goncharova O.Yu. State regulation of small business development in the context of the economic crisis. State and municipal administration. Scientific notes. 2016. No. 2. P. 89 – 96.
4. Gubin E.V. The state and business in the process of legal reforms. Journal of Russian Law. 2014. No. 3. P. 23 – 30.
5. Knobel A., Firanchuk A. Reorientation of Russia's Foreign Trade: Six Key Conclusions. Ekons. February 2024. URL: <https://econs.online/articles/opinions/pereorientatsiya-vneshney-torgovli-rossii-shest-osnovnykh-vivodov/> (date of access: 15.03.2024)
6. Kuchieva N.A. Development of a Competitive Environment in the System of State Regulation of the Russian Economy – Historical and Modern Examples. Economy, Management: Problems, Solutions. 2024. No. 5/4. P. 180 – 189.
7. Nesterenko I.Yu. Mechanism for Forming a Regional Policy for Regulating Entrepreneurial Activity. Regional Economy: Theory and Practice. 2015. No. 3. P. 46 – 57.
8. Nikolaeva I.P. Formation of the entrepreneurial climate in Russia. Entrepreneurship. 2010. No. 3. P. 53 – 57.
9. On approval of the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020 Order of the Government of the Russian Federation of 17.11.2008 N 1662-r. Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 51. P. 2732.
10. Special economic zones. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobyе_ekonomicheskie_zony/ (date of access: 06.04.2024)
11. Indicators characterizing the state of the competitive environment. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/55735> (date of access: 05.04.2024)
12. Preliminary assessment of measures of state support for Russian business affected by sanctions. Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. URL: <https://rspp.ru/activity/analytics/predvaritel'naya-otsenka-mergosudarstvennoy-podderzhki-rossiyskogo-biznesa-postradavshego-iz-za-sank/> (date of access: 06.04.2024)
13. The growth of tax revenues in 2023 barely exceeded inflation. FinExpertiza. March 2024. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2024/rost-naloga-na-2023/> (date of access: 06.04.2024)
14. Rubtsov G.G., Litvinenko A.N. Territories of advanced socio-economic development in the system of free economic zones of the Russian Federation: realities and prospects. Economy and environmental management. 2019. No. 2. P. 91 – 98.
15. Smirnov V.P. Regulation of entrepreneurial activity. News of higher educational institutions. Series: Economics, finance and production management. 2012. No. 2. P. 1 – 4.
16. Efficiency of the Russian economy. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (date of access: 15.03.2024)

Информация об авторах

Чжан Сяокэ, Российский университет дружбы народов

Майстрович Е.В., старший преподаватель, Российский университет дружбы народов

© Чжан Сяокэ, Майстрович Е.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 342.724
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-248-255

Нарушение исключительных прав на аудиовизуальные произведения в странах ЕС и АСЕАН. Сравнительно-правовой анализ

¹ Борлаков Р.Н.,

¹ Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: в статье проводится сравнительно-правовой анализ нарушения исключительных прав на аудиовизуальные произведения в странах Европейского Союза (ЕС) и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В цифровую эпоху аудиовизуальные произведения становятся более доступными, что увеличивает риск нарушения авторских прав. Важно понять юридические механизмы защиты, чтобы минимизировать ущерб и обеспечить соблюдение прав авторов и правообладателей в различных юрисдикциях. Исследование опирается на сравнительный анализ национальных и международных правовых актов, регулирующих авторское право в странах ЕС и АСЕАН. Также рассматриваются прецедентные решения судов и официальная статистика о нарушении исключительных прав. Были выявлены существенные различия в законодательных подходах к защите авторских прав на аудиовизуальные произведения между рассматриваемыми регионами. В ЕС акцент делается на гармонизацию нормативно-правовых актов между странами-членами и создание общего правового пространства. В странах АСЕАН подходы сильно отличаются, что обусловлено культурными, экономическими и юридическими особенностями каждой страны. Например, в Сингапуре и Малайзии законодательство относительно жесткое, тогда как в других странах региона оно может быть менее строгим. Существующая фрагментация законодательного регулирования в странах АСЕАН создает сложности для правообладателей, стремящихся защитить свои произведения в этом регионе. В ЕС, несмотря на общую правовую основу, также существуют определенные барьеры для эффективного применения закона, такие как различия в правоприменительной практике и в уровне осведомленности правообладателей и потребителей о своих правах и обязанностях. Для усиления защиты аудиовизуальных произведений и эффективного применения законодательства в странах АСЕАН необходима более тесная правовая интеграция и унификация подходов на региональном уровне. В ЕС следует продолжать работу над устранением существующих барьеров и повышение осведомленности всех заинтересованных сторон.

Ключевые слова: нарушение прав, аудиовизуальные произведения, страны ЕС, страны АСЕАН, сравнительно-правовой анализ

Для цитирования: Борлаков Р.Н. Нарушение исключительных прав на аудиовизуальные произведения в странах ЕС и АСЕАН. Сравнительно-правовой анализ // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 248 – 255. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-248-255

Поступила в редакцию: 26 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

**Violation of exclusive rights to audiovisual works in the EU and ASEAN countries.
Comparative legal analysis**

¹ Borlakov R.N.,

¹ Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Abstract: the article provides a comparative legal analysis of the violation of exclusive rights to audiovisual works in the countries of the European Union (EU) and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). In the digital age, audiovisual works are becoming more accessible, increasing the risk of copyright infringement. It is important to understand the legal mechanisms of protection to minimize damage and ensure the rights of authors and rights holders in various jurisdictions. The study is based on a comparative analysis of national and international legal acts regulating copyright in the EU and ASEAN countries. Precedent court decisions and official statistics on the violation of exclusive rights are also considered. Significant differences in legislative approaches to the protection of copyright on audiovisual works between the regions under consideration were identified. In the EU, the emphasis is on harmonizing regulatory acts among member countries and creating a common legal space. In ASEAN countries, approaches vary greatly due to cultural, economic, and legal characteristics of each country. For example, in Singapore and Malaysia, the legislation is relatively strict, whereas in other countries of the region, it may be less stringent. The existing fragmentation of legislative regulation in ASEAN countries creates difficulties for rights holders seeking to protect their works in this region. In the EU, despite a common legal framework, there are also certain barriers to effective law enforcement, such as differences in law enforcement practices and the level of awareness of rights holders and consumers about their rights and obligations. To enhance the protection of audiovisual works and effectively enforce legislation in ASEAN countries, closer legal integration and unification of approaches at the regional level are necessary. In the EU, efforts should continue to eliminate existing barriers and increase awareness among all stakeholders.

Keywords: rights violation, audiovisual works, EU countries, ASEAN countries, comparative legal analysis

For citation: Borlakov R.N. Violation of exclusive rights to audiovisual works in the EU and ASEAN countries. Comparative legal analysis. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 248 – 255. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-248-255

The article was submitted: May 26, 2024; Approved after reviewing: July 27, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Правовая база в странах Европейского Союза (ЕС) представляет собой сложное сочетание наднациональных актов, регулирующих авторские права, и национальных законодательств государств-членов. ЕС играет важную роль в формировании общей правовой основы, направленной на защиту исключительных прав на аудиовизуальные произведения и другие объекты интеллектуальной собственности. Важнейшими актами ЕС в этой области являются директивы и регламенты, которые задают обязательные стандарты и нормы для государств-членов. Наиболее значимыми среди них являются Директива о праве на воспроизведение и Директива об авторских правах и смежных правах на информационном обществе.

Материалы и методы исследований

Директива о праве на воспроизведение является ключевым инструментом, направленным на гармонизацию права на воспроизведение на территории ЕС. Она устанавливает, что авторы имеют исключительное право разрешать или запрещать воспроизведение их произведений, включая аудиовизуальные произведения, мета которым относится любое прямое или непрямое, временное или постоянное воспроизведение [2]. Этот принцип охватывает как цифровые, так и аналоговые формы копирования, что чрезвычайно важно в условиях развития современных технологий.

Другим важным актом является Директива об авторских правах и смежных правах на информационном обществе, которая направлена на адаптацию авторского права к реалиям цифровой эпохи. Она устанавливает основные принципы защиты авторских и смежных прав в интернете и иных цифровых средах, включая право на распространение, право на публичное исполнение и другие исключительные права. Эта директива предусматривает обязательство государств-членов внедрить эффективные меры,

чтобы предотвратить нарушения авторских прав в цифровой среде и обеспечить, чтобы правонарушители несли надлежащую ответственность.

Важное значение имеют также Регламент о правоприменении интеллектуальной собственности, который вводит механизмы для обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности на внутреннем рынке, и Регламент о географических указаниях, который предоставляет дополнительные средства защиты для продуктов, связанных с определенными географическими регионами.

Результаты и обсуждения

Национальные особенности регулирования в ключевых странах ЕС отражают как заимствование европейских стандартов, так и сохранение национальных правовых традиций и исторических особенностей. Германия, как одна из ведущих стран ЕС, имеет развитую систему защиты авторских прав, включающую специализирующиеся на интеллектуальной собственности суды и сильную нормативную базу. Закон Германии об авторском праве и смежных правах соответствует директивам ЕС и охватывает широкий спектр прав авторов, включая исключительное право на воспроизведение и распространение [5].

Франция, со своей стороны, также обладает мощной системой защиты авторских прав, где основная роль отводится Французскому управлению по интеллектуальной собственности, имеющему широкие полномочия в области мониторинга и пресечения нарушений. Французское законодательство уделяет особое внимание защите аудиовизуальных произведений и правам их создателей, продюсеров и исполнителей. Национальный центр кинематографии и анимации активно участвует в разработке правовых норм и их применении на практике (табл. 1).

Основные законодательные акты по защите авторских прав.
Main legislative acts on copyright protection.

Таблица 1
Table 1

Параметры	Европейский Союз (ЕС)	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)
Основной законодательный акт	Директива о защите авторских прав (2001/29/EC)	Различные национальные законы. Примеры: Индонезия – Закон о авторских правах 2014, Сингапур – Закон о авторских правах 1987
Международные соглашения	Бернская конвенция, Договор ВОИС об авторском праве (WCT)	Бернская конвенция, Договор ВОИС об авторском праве (WCT)
Регулирование интернета и цифровых прав	Директива о цифровом рынке (DSM) (2019/790/EU)	Отсутствие единого панрегионального акта, различаются по странам
Ответственность платформ	Да, согласно Директиве о цифровом рынке	Разные подходы, примеры: У Индонезии есть механизмы, Сингапур активно внедряет законы о цифровых платформах

В Великобритании, несмотря на выход из ЕС, продолжают действовать и адаптироваться нормы, ранее заимствованные из европейского права, включая положения Закона об авторском праве, дизайне и патентах 1988 года, который включает в себя основные принципы защиты авторских прав, аналогичные европейским директивам, и постоянно обновляется в соответствии с новыми вызовами.

Италия, известная своей культурной и художественной наследственностью, также внедрила широкую законодательную базу для защиты авторских прав, основываясь на европейских стандартах. Итальянский закон об авторском праве предусматривает четкие нормы и механизмы защиты аудиовизуальных произведений, признавая важность этих прав для национальной культуры и экономики [9]. Вследствие этого контроль за соблюдением авторских прав осуществляется с особым вниманием к деталям и с привлечением специализированных органов.

Испания, с богатой культурной традицией в области кино и музыки, также приняла ряд законодательных инициатив в соответствии с директивами ЕС. Испанское законодательство об авторских правах включает в себя не только защиту прав создателей, но и меры по противодействию пиратству и обеспечению соблюдения прав в цифровой среде. Национальное агентство по интеллектуальной собственности, в свою очередь, активно занимается мониторингом и пресечением нарушений, связанных с аудиовизуальными произведениями [10].

Так, усилия ЕС по гармонизации правового регулирования авторских прав способствуют укреплению защиты исключительных прав на аудиовизуальные произведения на всей территории Союза. Страны-члены, адаптируя свои национальные законодательства в соответствии с директивами и регламентами, обеспечивают высокие стандарты защиты, что в свою очередь способствует развитию творческих индустрий и укреплению внутреннего рынка ЕС. Однако каждое государство сохраняет уникальные особенности и традиции в регулировании авторских прав, что обогащает общий правовой ландшафт и обеспечивает многообразие подходов к защите интеллектуальной собственности.

Права на воспроизведение, распространение и публичное исполнение представляют собой фундаментальные компоненты авторского права, которые обеспечивают создателям, исполнителям и продюсерам аудиовизуальных произведений защиту их интеллектуальной собственности. Эти права фиксируются как в международных договорах, таких как Бернская конвенция, так и в национальных законодательствах [1]. Рассмотрим, как эти три категории прав регулируются, и какие методы защиты разработаны в различных странах Европейского Союза (табл. 2).

Примеры наказания за нарушение авторских прав.
Examples of penalties for copyright infringement.

Таблица 2

Table 2

Параметры	Европейский Союз (ЕС)	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)
Финансовые штрафы	До 2 миллионов евро, в зависимости от страны (например, во Франции)	Вариативность, до \$100,000 в некоторых странах (например, Малайзия)
Тюремное заключение	До 2 лет, в зависимости от страны (например, в Германии)	Вариативность, до 10 лет в некоторых странах (например, Таиланд)
Конфискация оборудования	Да, в большинстве стран	Да, в большинстве стран
Приостановка деятельности	Да, возможно согласно судебному постановлению	Да, возможно согласно судебному постановлению

Первое право – право на воспроизведение – является одним из наиболее базовых и всеобъемлющих прав в авторском праве. Оно включает любую форму копирования произведения, будь то полное или частичное, временное или постоянное воспроизведение в любой форме. В директиве ЕС о праве на воспроизведение закреплено, что это исключительное право должно соблюдаться строго и предоставляться только с разрешения правообладателей. Каждый из государств-членов трактует и применяет это право с учетом национальных особенностей. Например, в Германии Закон об авторском праве и смежных правах включает строгие положения о воспроизведении, предусмотренные для защиты как печатных, так и цифровых копий. В Германии аффирмативно рассматриваются вопросы цифрового копирования, что особенно актуально в эпоху интернета и быстрого распространения информации. В отличие от нее, Франция делает акцент на сбалансированном подходе, вводя исключения и ограничения, обеспечивающие право на частное копирование для личного использования, но строго регулируя коммерческое использование копий. Французское право активно обеспечивает мониторинг и контроль за исполнением этих норм.

Право на распространение тесно связано с правом на воспроизведение, так как оно регулирует дальнейшую судьбу созданных копий произведений. В целом, право на распространение закрепляет исключительное право автора или правообладателя разрешать или запрещать любые формы распространения произведения [6]. В рамках ЕС это право регулируется соответствующими директивами, требующими от государств-членов обеспечить, чтобы произведения могли распространяться только с согласия правообладателей. Испания, как пример, имеет мощные механизмы для защиты этого права, включая законодательные акты, направленные на борьбу с пиратством и нелегальным распространением произведений. Итальянское законодательство также строго защищает право на распространение, вводя серьезные штрафы и уголовную ответственность за нарушения. В то же время в Великобритании, после Brexit, продолжают действовать нормы, соответствующие предыдущим европейским директивам, что обеспечивает надежную защиту прав на распространение [9].

Одним из наиболее важных прав в сфере аудиовизуальных произведений является право на публичное исполнение. Это право позволяет авторам контролировать и получать вознаграждение за использования их произведений в публичных случаях, будь то показ фильмов в кинотеатрах, трансляция по телевидению или публичное исполнение музыки. Регулирование этого права также имеет ключевое значение в контексте

цифровых платформ и интернет-трансляций. Германия, в частности, имеет разветвленную систему лицензирования, включающую множество организаций коллективного управления правами, которые помогают авторам и исполнителям управлять их правами и получать роялти за публичное исполнение. Франция имеет схожую систему, где организацией, занимающейся управлением правами авторов, является SACEM, обеспечивающая соблюдение прав и выплачивающая вознаграждения (табл. 3).

Таблица 3
Система уведомления и удаления контента.

Table 3

Content notification and removal system.

Параметры	Европейский Союз (ЕС)	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)
Обязанность интернет-провайдеров (ISP)	Да, обязаны удалять нелегальный контент по DMCA-образным законам	Вариативность, некоторые страны имеют аналогичные механизмы
Жалоба от правообладателя	Да, через систему уведомления и удаления	Да, присутствует, но практика варьируется
Ответственность за неудачные удаление блокировок	Да, возможно наложение санкций на провайдера	Да, в некоторых странах возможны санкции
Формальные процедуры	Есть унифицированные процедуры на уровне ЕС (например, во Франции)	Различаются в зависимости от страны (например, в Индонезии и Сингапуре разные подходы)

Методы защиты прав на аудиовизуальные произведения варьируются в зависимости от страны, но все они направлены на создание эффективной и единственной системы защиты авторских прав. Одним из ключевых элементов является создание специализированных организаций коллективного управления правами, которые не только собирают и распределяют роялти, но и мониторят использование произведений [8]. В Германии GEMA и VG Wort играют важную роль в защите авторских прав, обеспечивая вознаграждение авторам и исполнителям за использование их работ. Французская SACEM выполняет аналогичные функции во Франции, активно работая как на национальном, так и на международном уровне. Великобритания имеет систему PRS for Music и PPL, которые защищают права музыкантов и других исполнителей, собирая лицензии и выплачивая роялти.

Технологические меры защиты также являются значимыми в современную цифровую эпоху. Директива ЕС об авторских правах и смежных правах на информационном обществе предусматривает обязательное внедрение технологических средств защиты, таких как системы DRM (Digital Rights Management), которые обеспечивают контроль над доступом и использованием цифровых произведений. Эти технологии помогают предотвращать несанкционированное копирование и распространение, играя ключевую роль в защите аудиовизуальных произведений. Как пример, в Испании закон предусматривает внедрение таких технологий на всех уровнях производства и распространения контента, обеспечивая тем самым защиту прав [8].

Юридические методы защиты также включают механизмы судебной и административной защиты. В Германии специализированные суды по вопросам интеллектуальной собственности обладают высокой компетентностью и обеспечивают эффективное решение споров. Франция также имеет специализированные правовые институты и службы, такие как Ведомство по интеллектуальной собственности, которое активно участвует в борьбе с нарушениями прав. В Великобритании после Brexit были введены дополнительные меры для защиты прав, включая усиление ответственности за нарушения в онлайн-среде.

В заключение, права на воспроизведение, распространение и публичное исполнение играют ключевую роль в защите аудиовизуальных произведений. Государства-члены ЕС стремятся гармонизировать свои законы в соответствии с европейскими директивами, обеспечивая высокий уровень защиты авторских прав. Методы защиты варьируются от организации коллективного управления до внедрения технологических мер и специализированных судебных механизмов [10]. Тем не менее каждая страна адаптирует общий подход в соответствии с национальными особенностями, что создает разнообразие в правовой практике и обеспечивает более всестороннюю защиту прав интеллектуальной собственности.

В современную эпоху стремительного развития цифровых технологий и интернета перед защитой прав интеллектуальной собственности стоят значительные проблемы и вызовы. Одним из основных факторов,

влияющих на эту сферу, является распространение цифрового контента и интернета, что требует адаптации традиционных механизмов защиты к новым реалиям. Влияние цифровых технологий затрагивает все аспекты охраны авторских прав, начиная с воспроизведения и заканчивая распространением и публичным исполнением произведений.

Цифровая революция привела к тому, что материалы в электронном виде могут быть легко скопированы и переданы по всему миру всего за несколько секунд. Это значительно усложняет контроль за правомерным использованием контента и борьбу с нарушениями. Платформы для обмена файлами, потоковые сервисы, социальные сети и другие интернет-ресурсы создают огромную базу для распространения нелегально скопированных материалов. Интернет позволяет пользователям обмениваться контентом без географических ограничений, что ставит перед правообладателями задачу защиты своих прав в глобальном масштабе.

На фоне этих вызовов важной становится проблема правомерного использования цифрового контента. Платформы контент-менеджмента и системы DRM (Digital Rights Management) направлены на ограничение доступа к контенту и предотвращение его нелегального копирования [3]. Однако такие технологии зачастую вызывают споры среди потребителей, так как могут ограничивать их права на личное использование контента, а также усложнять доступ даже к правомерно приобретенным материалам. Разработчики системы DRM должны балансировать между защитой интересов правообладателей и обеспечением удобства потребителям.

Одним из ключевых вызовов для правообладателей является проблема пиратства. Пиратские сайты и сервисы, предлагающие доступ к нелегальному контенту, могут быть трудно отслеживаемы и закрываемы, особенно если они работают в юрисдикциях, где нормы авторского права не так строги. Блокировка таких сайтов и защита контента требует сотрудничества правообладателей с интернет-провайдерами и правительственные органами, что само по себе может быть сложным и длительным процессом.

сталкивается с определенными трудностями, требуя времени и ресурсов.

Помимо правовых вопросов, международное сотрудничество необходимо и на уровне практического взаимодействия между странами и регионами. Совместная работа правоохранительных органов, судебная практика, обмен информацией и улаживание правовых споров являются ключевыми аспектами в борьбе с интеллектуальным пиратством [7]. Глобальные инициативы, такие как Международная ассоциация по защите интеллектуальной собственности (AIPPI) и программы Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), направлены на содействие координации этих усилий и повышение уровня правозащиты на международной арене (табл. 4).

Таблица 4
Международное сотрудничество и экстрадиция.

Table 4

International cooperation and extradition.

Параметры	Европейский Союз (ЕС)	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)
Экстрадиция нарушителей	Да, возможно через Европейский ордер на арест	В некоторых случаях, зависит от международных договоренностей
Совместные операции против пиратства	Да, координация через ЕВРОПОЛ	В редких случаях, сотрудничество через АСЕАНАПОЛ
Обмен информацией о нарушителях	Да, через агентства ЕС	Вариативность, зависит от соглашений между странами
Участие в международных инициативах	Да, активные члены ВОИС и других организаций	Да, многие страны АСЕАН активные участники ВОИС и АСЕАНАПОЛ

Нельзя не упомянуть и о роли самих потребителей в поддержании авторских прав. Создание культуры уважения к интеллектуальной собственности и повышение осведомленности о важности правомерного использования контента являются необходимыми шагами к снижению уровня нарушений. Образовательные программы, информационные кампании и практическая информированность пользователей о правовых последствиях нарушений могут существенно способствовать улучшению ситуации.

Рассматривая проблему защиты авторских прав и вызовы, связанные с развитием цифровых технологий и интернета, можно выделить ряд определяющих факторов. Прежде всего, это необходимость интеграции правовых норм и технологий, направленных на защиту прав [4]. Важна также роль международного

сотрудничества в создании глобальной системы защиты интеллектуальной собственности. Наличие технологических мер может не только снижать количество нарушений, но и стимулировать развитие новых бизнес-моделей, легализующих цифровой контент.

Выводы

Таким образом, защита прав интеллектуальной собственности в эпоху цифровых технологий и интернета является многогранной задачей, требующей усилий на всех уровнях, начиная от правотворческой деятельности и заканчивая прикладной реализацией правовых норм и технологий. Поддержка международного сотрудничества, интеграция инновационных решений, а также формирование культуры уважения прав интеллектуальной собственности среди пользователей представляют собой ключевые направления для достижения устойчивых результатов в этой области.

Список источников

1. Воробьев Н.Н. Актуальные проблемы защиты авторских прав // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 91-3. С. 37 – 39. DOI 10.18411/trnio-11-2022-112
2. Данилина И.В. Личные неимущественные права авторов аудиовизуальных произведений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 5. С. 20 – 24.
3. Дворянкин Г.В. Двойственность правовой природы аудиовизуального произведения // Образование и право. 2024. № 2. С. 235 – 239. DOI 10.24412/2076-1503-2024-2-235-239
4. Исмоилова М.И. Проблемы международной и национально-правовой охраны смежных прав // Законодательство. 2023. № 1 (49). С. 47 – 53.
5. Киракосян А.Э. Международно-правовые основы охраны аудиовизуального произведения как комплексного объекта права интеллектуальной собственности // Вестник Российской-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2024. № 1 (48). С. 81 – 100. DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-81-100
6. Колесникова Я.Е. Аудиовизуальное произведение как сложный объект интеллектуальной деятельности // Наукосфера. 2022. № 1-1. С. 367 – 372.
7. Логинов А.А. Особенности правовой охраны авторских и смежных прав в сети интернет // Наукосфера. 2021. № 3-2. С. 304 – 308.
8. Олин Е.А. Авторы аудиовизуального произведения в отечественном праве и праве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 10 (74). С. 7 – 10.
9. Пронина Е.Н. Международная правовая помощь в странах – участницах ЕАЭС // Правовая культура. 2022. № 2 (49). С. 117 – 118.
10. Сулайманов Э.Э., Шульга А.К. Публичный показ и публичное исполнение как способы использования исключительного права на аудиовизуальное произведение // Эпомен. 2021. № 57. С. 351 – 358.

References

1. Vorobyov N.N. Actual problems of copyright protection. Trends in the development of science and education. 2022. No. 91-3. P. 37 – 39. DOI 10.18411/trnio-11-2022-112
2. Danilina I.V. Personal non-property rights of authors of audiovisual works. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. No. 5. P. 20 – 24.
3. Dvoryankin G.V. Duality of the legal nature of an audiovisual work. Education and Law. 2024. No. 2. P. 235 – 239. DOI 10.24412/2076-1503-2024-2-235-239
4. Ismoilova M.I. Problems of international and national legal protection of related rights. Legislation. 2023. No. 1 (49). P. 47 – 53.
5. Kirakosyan A.E. International legal foundations for the protection of an audiovisual work as a complex object of intellectual property law. Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University: Humanities and Social Sciences. 2024. No. 1 (48). P. 81 – 100. DOI 10.24412/1829-0450-2024-1-81-100
6. Kolesnikova Ya.E. Audiovisual work as a complex object of intellectual activity. Naukosphere. 2022. No. 1-1. P. 367 – 372.
7. Loginov A.A. Features of legal protection of copyright and related rights on the Internet. Naukosphere. 2021. No. 3-2. P. 304 – 308.
8. Olin E.A. Authors of an audiovisual work in domestic law and the law of foreign countries: a comparative legal analysis. Skif. Issues of student science. 2022. No. 10 (74). P. 7 – 10.

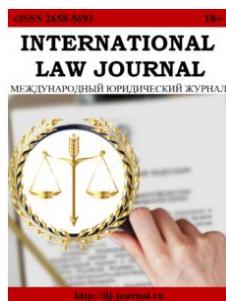
9. Pronina E.N. International legal assistance in the EAEU member countries. Legal Culture. 2022. No. 2 (49). P. 117 – 118.

10. Suleimanov E.E., Shulga A.K. Public screening and public performance as ways of using the exclusive right to an audiovisual work. Epomen. 2021. No. 57. P. 351 – 358.

Информация об авторе

Борлаков Р.Н., аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, borlakov.robert@mail.ru

© Борлаков Р.Н., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 347.132.14
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-256-262

Компенсация морального вреда в России и за рубежом

**¹ Лавров А.А.,¹ Бобылев А.А.,¹ Похил А.Н.,¹ Кудряшов В.В.,¹ Бажанов В.Н.,
Нижегородская академия МВД России**

Аннотация: вопрос компенсации морального вреда представляет значительный интерес в правовых системах различных стран. В российском праве отсутствуют фиксированные критерии определения размера компенсации и данное решение остается на усмотрение суда. В то время как западные страны, такие как Германия и Великобритания, предлагают более структурированные подходы. В Германии компенсация морального вреда регулируется Гражданским кодексом (BGB) и определяется на основе тяжести страданий, подтвержденных медицинскими и экспертными заключениями, на основании которых составляются рекомендации судам по средним размерам компенсаций. Тем самым важную роль в принятии решений играет судебная практика и прецеденты, хотя фиксированные суммы также отсутствуют. В Великобритании применяются рекомендации Judicial College Guidelines, предлагающие ориентировочные суммы в зависимости от характера и тяжести причиненных страданий. Однако стоит учитывать, что данные акты носят именно рекомендательный характер, тем самым суд, при вынесении решения, лишь руководствуется этими данными, что позволяет назначать справедливую компенсацию морального вреда. В обоих странах, как и в России, размер компенсации определяется индивидуально, но западные практики предполагают более точные ориентиры. В России существует проблема отсутствия четких критериев для определения компенсации морального вреда, что приводит к субъективизму в судебных решениях. Для повышения предсказуемости и справедливости российской системы, существует необходимость разработки на основе судебной практики рекомендаций или таблиц. В рамках этих рекомендаций возможно будет урегулировать средний размер выплат и дать судам точку опоры для вынесения справедливых решений о выплатах.

Ключевые слова: моральный вред, психологический вред, компенсация, тарифная схема

Для цитирования: Лавров А.А., Бобылев А.А., Похил А.Н., Кудряшов В.В., Бажанов В.Н. Компенсация морального вреда в России и за рубежом // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 256 – 262. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-256-262

Поступила в редакцию: 28 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Compensation for moral damages in Russia and abroad

**¹ Lavrov A.A.,¹ Bobylev A.A.,¹ Pokhil A.N.,¹ Kudryashov V.V.,¹ Bazhanov V.N.,
¹ Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia**

Abstract: the issue of compensating moral damages is of significant interest in the legal systems of various countries. In Russian law, there are no fixed criteria for determining the amount of compensation, and this decision is left to the discretion of the court. In contrast, Western countries such as Germany and the United Kingdom offer more structured approaches. In Germany, compensation for moral damages is regulated by the Civil Code (BGB) and is determined based on the severity of the suffering, which is confirmed by medical and expert reports. These reports provide recommendations to courts regarding average compensation amounts. Judicial practice and prec-

edents play an important role in decision-making, although fixed amounts are still absent. In the United Kingdom, the Judicial College Guidelines offer suggested compensation amounts based on the nature and severity of the suffering caused. However, it should be noted that these guidelines are merely advisory, allowing the court to consider them when determining a fair compensation for moral damages. In both countries, as in Russia, the amount of compensation is determined individually, but Western practices provide more precise guidelines. In Russia, the lack of clear criteria for determining compensation for moral damages leads to subjectivity in court decisions. To improve the predictability and fairness of the Russian system, there is a need to develop recommendations or tables based on judicial practice. These recommendations could help standardize average compensation amounts and provide courts with a foundation for making fair compensation decisions.

Keywords: moral harm, psychological harm, compensation, tariff scheme

For citation: Lavrov A.A., Bobylev A.A., Pokhil A.N., Kudryashov V.V., Bazhanov V.N. Compensation for moral damage in Russia and abroad. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 256 – 262. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-256-262

The article was submitted: May 28, 2024; Approved after reviewing: July 27, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

Одной из основных функций правового государства является обеспечение справедливого, оперативного и эффективного восстановления нарушенных прав и возмещения причиненного ущерба. В соответствии со ст. 151 ГК РФ [1] и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 33 [3], «моральный вред» определяется как «нравственные или физические страдания, вызванные действиями (бездействием), нарушающими принадлежащие гражданину от рождения или по закону нематериальные блага, личные неимущественные права, либо имущественные права гражданина».

В отличие от российского законодательства, нормативные акты западноевропейских стран не используют термин «моральный вред», заменяя его схожими по содержанию понятиями. Например, в Германии компенсация за причиненные «страдания» регулируется Германским гражданским уложением, где страдания могут быть как психическими, так и физическими, аналогично российскому праву. В США и Англии для обозначения морального вреда применяется термин «психологический вред», охватывающий «физические и психические страдания» [7, с. 60].

Материалы и методы исследований

Таким образом, критерии для компенсации морального вреда в России и Германии обязательны и имеют схожие принципы. В России определение размера компенсации оставлено на усмотрение суда, который руководствуется законом и своим профессиональным суждением. Отсутствие минимального размера компенсации может привести к субъективным решениям. В ряде зарубежных стран этот вопрос урегулирован более четко.

В Германии компенсация морального вреда (Schmerzensgeld) регулируется гражданским правом и может быть назначена в случае причинения физического или психического ущерба. Порядок выплаты компенсации включает несколько этапов.

На первом этапе происходит определение ущерба. Потерпевший должен доказать, что ему был причинён ущерб, который привел к физическим или психическим страданиям. Медицинские справки, отчеты специалистов и свидетельства могут быть использованы как доказательства. На втором этапе потерпевший или его представитель должен предъявить претензию к лицу или организации, виновной в причинении вреда. Обычно на этом этапе стороны могут попытаться урегулировать спор в досудебном порядке. На третьем этапе, если урегулирование не достигнуто, дело может быть передано в суд. Суд оценивает размер морального вреда, учитывая степень страданий потерпевшего, продолжительность лечения, возможные последствия и другие факторы. Размер компенсации не фиксирован и зависит от обстоятельств конкретного дела. И на четвертом этапе, если суд удовлетворяет иск, он выносит решение о размере компенсации.

Ответчик обязан выплатить компенсацию в срок, указанный судом. В случае невыплаты могут применяться меры принуждения в рамках исполнительного производства. Суммы компенсации могут варьироваться в зависимости от тяжести вреда и особенностей дела. Важно отметить, что в Германии размер компенсации за моральный вред обычно сравнительно ниже, чем в других странах, таких как США.

Выплата компенсации морального вреда (*Schmerzensgeld*) в Германии регулируется гражданским правом, главным образом Гражданским кодексом Германии (*Bürgerliches Gesetzbuch*, далее *BGB*). Основные положения, касающиеся компенсации морального вреда, изложены в *BGB* в статьях § 253 и § 823.

Статья § 253 *BGB* – "Нематериальный ущерб" (*Immaterieller Schaden*) устанавливает, что компенсация за нематериальный ущерб может быть взыскана только в случаях, прямо предусмотренных законом, например, при повреждении здоровья, причинении физических страданий или смерти.

Статья § 823 *BGB* – "Ответственность за причинение вреда" (*Schadensersatzpflicht*) устанавливает общие принципы ответственности за причинение вреда. Лицо, которое умышленно или по неосторожности причинило другому ущерб, обязано компенсировать этот ущерб. Если вследствие действий виновного лица пострадали здоровье, свобода или честь потерпевшего, последний имеет право на компенсацию морального вреда.

Статья § 847 *BGB* – "Компенсация за телесные повреждения и ущемление свободы" - ранее было закреплено право на компенсацию морального вреда за телесные повреждения и ущемление свободы, однако с 2002 года её положения были интегрированы в § 253 *BGB* [4].

Кроме того, на практике размер компенсации и конкретные решения о выплате определяются судебными решениями, которые учитывают обстоятельства дела, тяжесть причиненного вреда, и аналогичные precedents. Судебная практика играет важную роль в установлении размеров компенсаций, так как суды опираются на precedents при вынесении решений. При этом в Германии нет официальной тарифной сетки по выплате компенсации морального вреда (*Schmerzensgeld*), установленной законом. Однако суды и юристы часто используют "Hacks/Ring/Böhm Schmerzensgeldtabelle" – это сборник, который регулярно обновляется и содержит решения судов по вопросам компенсации морального вреда. Эти источники используются как ориентир при оценке суммы компенсации в новых делах [5].

Результаты и обсуждения

Рассмотрим подробнее основные аспекты использования "Schmerzensgeldtabellen". Прежде всего это precedentsное значение. Таблицы основаны на предыдущих судебных решениях и содержат информацию о размере компенсаций в зависимости от характера и тяжести причинённого вреда (например, переломы, потеря функции органов, психические расстройства и т.д.). Эти таблицы не являются обязательными для судов, но их часто используют для определения справедливой суммы компенсации. Тем самым суды могут отклоняться от этих ориентиров, учитывая индивидуальные обстоятельства дела.

Так же размер компенсации может варьироваться в зависимости от множества факторов, включая возраст пострадавшего, продолжительность и тяжесть страданий, финансовые последствия и поведение виновной стороны.

Таким образом, хотя официальной тарифной сетки в Германии нет, таблицы компенсаций предоставляют полезный инструмент для определения справедливой суммы морального вреда на основе предыдущих судебных решений.

Размер компенсации морального вреда в Германии варьируется в зависимости от конкретного случая и обстоятельств. Однако можно выделить приблизительные диапазоны на основе статистики и практики немецких судов:

1. Небольшие телесные повреждения (например, лёгкие ушибы, царапины, кратковременные боли). Компенсация может составлять от 500 до 2 000 евро.
2. Средние телесные повреждения (например, переломы, требующие длительного лечения, или значительные шрамы). Компенсация обычно составляет от 5 000 до 20 000 евро.
3. Серьёзные телесные повреждения (например, тяжёлые травмы, приводящие к инвалидности или длительному лечению). Размер компенсации может варьироваться от 20 000 до 100 000 евро и более.
4. Психологический вред (например, посттравматическое стрессовое расстройство, вызванное серьёзным инцидентом). Компенсации могут находиться в диапазоне от 5 000 до 50 000 евро, в зависимости от тяжести и продолжительности психологических последствий.
5. Исключительные случаи (например, тяжёлые несчастные случаи, приведшие к необратимым последствиям, таким как паралич или потеря близких). В таких случаях компенсация может достигать нескольких сотен тысяч евро [5].

Размер компенсации зависит от многих факторов, включая степень страдания, продолжительность лечения, возможные последствия для качества жизни, а также поведение виновной стороны.

В Англии так же имеются акты, регулирующие средний размер компенсации морального вреда. Он может сильно варьироваться в зависимости от тяжести травмы и обстоятельств дела. В соответствии с рекомендациями Judicial College Guidelines, примерные суммы компенсации могут быть следующими [6]:

При причинении пострадавшему физических травм:

1. Лёгкие травмы, размер выплаты составит от £1,000 до £5,000 (например, незначительные ушибы, царапины).

2. Травмы средней тяжести, размер выплаты составит от £5,000 до £50,000 (например, переломы, временная утрата трудоспособности).

3. Тяжёлые травмы, размер выплаты составит от £50,000 до более чем £200,000 (например, постоянные увечья, серьёзные травмы, потеря функций).

При причинении пострадавшему психологических или эмоциональных страданий:

1. Лёгкие психологические расстройства от £1,000 до £10,000.

2. Средние психологические расстройства от £10,000 до £50,000 (например, умеренные депрессии или тревожные расстройства).

3. Тяжёлые психологические расстройства от £50,000 до £100,000 и выше. (например - посттравматическое стрессовое расстройство).

Однако данный акт не является обязательным для назначения выплаты: Конкретный размер компенсации определяется индивидуально и может быть выше или ниже, чем указано в рекомендациях, в зависимости от уникальных обстоятельств дела. Тем самым как и в немецком законодательстве судьи могут использовать рекомендации как ориентир, но окончательное решение принимается на основе полного анализа обстоятельств дела и представленных доказательств.

В России выплата компенсации морального вреда регулируется рядом нормативных актов, основным из которых является Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Основные положения, касающиеся компенсации морального вреда, изложены в статье 151 ГК РФ («Компенсация морального вреда») [1], статье 1099 ГК РФ («Общие положения о компенсации морального вреда»), статье 1100 ГК РФ («Основания компенсации морального вреда»), статье 1101 ГК РФ («Способ и размер компенсации морального вреда») [2], а так же еще одним важным документом является Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 33 от 15 ноября 2022 года [3], который уточняет и разъясняет вопросы, связанные с применением законодательства о компенсации морального вреда.

Согласно российскому законодательству, если гражданину причинён моральный вред (физические или нравственные страдания), суд может обязать виновное лицо выплатить компенсацию. Размер компенсации определяется судом в зависимости от степени вины нарушителя и иных конкретных обстоятельств дела. При этом суд учитывает индивидуальные особенности потерпевшего, например, его возраст, состояние здоровья и другие важные факторы.

Стоит учитывать и тот факт, что компенсация морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного ущерба. Согласно ГК РФ моральный вред подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом, независимо от того, был ли причинен имущественный или иной вред.

Если провести анализ, то в целом ГК РФ установлены следующие основания для компенсации морального вреда:

1. При причинении вреда жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности.

2. При причинении вреда вследствие незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности и других незаконных действий органов власти.

3. При причинении вреда вследствие распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию.

Кроме того, в России существуют судебные прецеденты и практика, которые также играют роль при определении размера компенсации морального вреда. Суды могут принимать во внимание решения по аналогичным делам, однако, как и в Германии, официальной тарифной сетки не существует.

При этом отдельные проблемы при определении компенсации морального вреда рассмотрены в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 33 от 15.11.2022 г. Данное постановление помогает унифицировать судебную практику и делает процесс определения компенсации морального вреда более прозрачным и предсказуемым. Суды получают более чёткие рекомендации относительно факторов, которые следует учитывать при вынесении решений о компенсации морального вреда, что способствует справедливости и обоснованности таких решений.

Если более подробно рассмотреть данное постановление, то оно решило следующие проблемы:

1. Уточнение критериев определения компенсации морального вреда. Постановление разъясняет, что при определении размера компенсации морального вреда суды должны учитывать такие факторы, как характер и степень физических и нравственных страданий, индивидуальные особенности потерпевшего (воз-

раст, состояние здоровья, социальное положение и т.д.), вина причинителя вреда и его материальное положение, разумность и справедливость компенсации.

2. Уточнение обстоятельств, влияющих на размер компенсации. В документе подчеркивается, что суд должен учитывать не только сам факт причинения вреда, но и сопутствующие обстоятельства, такие как продолжительность страданий, степень утраты трудоспособности, а также последствия для качества жизни потерпевшего. Суд должен учитывать влияние нарушения на личную жизнь, профессиональную деятельность и другие аспекты жизни потерпевшего.

3. Порядок и способы компенсации. Постановление также разъясняет, что компенсация морального вреда может быть осуществлена как единовременно, так и в рассрочку, если это соответствует интересам потерпевшего. Также допускается, что компенсация может быть выплачена в виде единовременной суммы или в виде периодических платежей, в зависимости от обстоятельств дела.

4. Особенности компенсации в случае смерти потерпевшего. В случае смерти потерпевшего право на компенсацию морального вреда может переходить к его близким родственникам (например, супругу, родителям, детям), что также закреплено в разъяснениях Верховного Суда.

Это постановление является важным инструментом для судей, юристов и всех участников судебных разбирательств по вопросам компенсации морального вреда в России. Однако данное постановление так и не установило средние размеры компенсации морального вреда. При этом стоит учитывать, что Постановления Пленума Верховного Суда РФ являются лишь ориентиром при вынесении решений по конкретным делам, что в целом могло бы решить проблему определения размера компенсации морального вреда.

В российском законодательстве существует явная проблема при определении размера денежной компенсации морального вреда, сложность состоит в том, что потерпевший, гражданский истец не ограничены какой-либо суммой. Она отражается в содержании гражданского иска и устанавливается по внутреннему убеждению соответствующего участника уголовного или гражданского процесса[8, с. 418]. При определении размера компенсации морального вреда суды могут лишь ориентироваться на требования ч. 2 ст. 151, ст. 1101 ГК РФ. Однако данные положения сформулированы с использованием оценочных категорий, что в целом создает сложности для определения размеров компенсации морального вреда.

Тем самым если сравнить российское законодательство и законодательство зарубежных стран, то можно сделать следующие выводы.

В Германии компенсация морального вреда регулируется Гражданским кодексом [4], и её размер определяется судьями на основе тяжести страданий и судебной практики. Фиксированных таблиц здесь нет, и компенсация зависит от индивидуальных особенностей дела. Существует обзор судебной практики [5], который указывает на возможные суммы компенсаций, иногда достигающие значительных размеров в зависимости от серьёзности ущерба, но точные суммы варьируются и зависят от прецедентов.

В Великобритании также нет фиксированных сумм компенсации морального вреда. Однако существует система рекомендаций Judicial College Guidelines [6], которая предлагает ориентировочные суммы в зависимости от типа и тяжести травмы. Судьи используют эти рекомендации вместе с судебными прецедентами для определения справедливой компенсации. Суммы могут варьироваться от нескольких тысяч до сотен тысяч фунтов стерлингов, в зависимости от характера и степени страданий.

В России нет официальных таблиц или нормативов для определения размера компенсации морального вреда. Размер компенсации определяется на основе Гражданского кодекса, который предусматривает справедливость и соразмерность выплат. Судьи учитывают тяжесть страданий и конкретные обстоятельства дела, опираясь на судебную практику и прецеденты. Размеры компенсации могут варьироваться в зависимости от степени морального ущерба и обстоятельств дела.

Выходы

Таким образом, в каждой из трёх стран существуют свои подходы к компенсации морального вреда, основанные на различных источниках и методах оценки и определения сумм выплат.

Для совершенствования системы компенсации морального вреда в российском законодательстве можно предложить несколько изменений. Важно ввести более чёткие и конкретные критерии для определения размера компенсации, основываясь на судебной практике, чтобы сделать процесс расчёта более предсказуемым и справедливым. Это может включать разработку методических рекомендаций или таблиц, которые помогут судьям точнее определять размер выплат с учётом тяжести страданий и обстоятельств дела. При этом следует учитывать инфляцию и уровень доходов населения.

Также необходимо улучшить доступ пострадавших к правосудию, предоставив более эффективные механизмы для оперативной и справедливой оценки морального ущерба, а также повысить прозрачность про-

цесса назначения компенсаций, чтобы обе стороны лучше понимали принципы принятия решений. Судебные решения должны включать факторы, повлиявшие на размер компенсации.

Кроме того, важно усилить подготовку судей и юристов по вопросам оценки морального вреда, чтобы обеспечить более единообразное применение норм и рекомендаций на практике. Эти изменения помогут создать более предсказуемую и справедливую систему компенсаций, которая будет лучше защищать права пострадавших и обеспечивать справедливость в судебных разбирательствах.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс»
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс»
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 "О практике применения судами норм о компенсации морального вреда" (дата обращения 11.08.2024) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс»
4. «Гражданское уложение Германии» (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс»
5. Andreas Slizyk Schmerzensgeld 2024 Handbuch und Tabellen 20-e издание 2024 г. / под ред. Andreas Slizyk. Мюнхен: Издательство C.H. Beck. С. 1246.
6. Hon. Mrs Justice Lambert DBE, Master Lisa Sullivan, Stuart McKechnie KC, Steven Snowden KC, and Richard Wilkinson – The Judicial College Guidelines Seventeenth Edition, April 2024 / Copyright Judicial College 2024.
7. Стакеева В.А. Компенсация морального вреда в России и за рубежом // Цивилистика: право и процесс. 2020. № 3 (11). С. 60 – 66.
8. Булатов Б.Б., Ларин Е.Г., Дежнев А.С. Возмещение морального вреда, причиненного преступлением // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 4. С. 417 – 428. DOI 10.19073/2658-7602-2023-20-4-417-428

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024) [Electronic resource]. Reference legal system "Consultant Plus"
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on August 8, 2024) [Electronic resource]. Reference legal system "Consultant Plus"
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2022 No. 33 "On the practice of applying the rules on compensation for moral damage by courts" (date of access August 11, 2024) [Electronic resource]. Reference legal system "Consultant Plus"
4. "Civil Code of Germany" (CCG) of 18.08.1896 (as amended on 02.01.2002) (as amended and supplemented on 31.03.2013) [Electronic resource]. Reference legal system "Consultant Plus"
5. Andreas Slizyk Schmerzensgeld 2024 Handbuch und Tabellen 20th edition 2024. edited by An-dreas Slizyk. Munich: Publisher C.H. Beck. P. 1246.
6. Hon. Mrs Justice Lambert DBE, Master Lisa Sullivan, Stuart McKechnie KC, Steven Snowden KC, and Richard Wilkinson – The Judicial College Guidelines Seventeenth Edition, April 2024. Copyright Judicial College 2024.
7. Stakheeva V.A. Compensation for moral damage in Russia and abroad. Civilistics: law and process. 2020. No. 3 (11). P. 60 – 66.
8. Bulatov B.B., Larin E.G., Dezhnev A.S. Compensation for moral damage caused by a crime. Siberian Legal Review. 2023. Vol. 20. No. 4. P. 417 – 428. DOI 10.19073/2658-7602-2023-20-4-417-428

Информация об авторах

Лавров А.А., Нижегородская академия МВД России

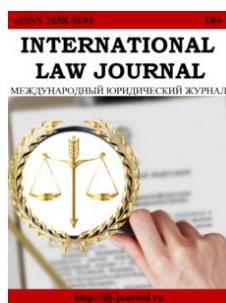
Бобылев А.А., Нижегородская академия МВД России

Похил А.Н., Нижегородская академия МВД России

Кудряшов В.В., Нижегородская академия МВД России

Бажанов В.Н., Нижегородская академия МВД России

© Лавров А.А., Бобылев А.А., Похил А.Н., Кудряшов В.В., Бажанов В.Н., 2024

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024, Том 7, № 5 / 2024, Vol. 7, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 528.44
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-263-271

Оптимизация кадастрового учета и кадастровых работ

¹Ходенева В.,
¹ООО «СахГеоКадастр»

Аннотация: статья посвящена актуальным аспектам оптимизации кадастрового учета и кадастровых работ с использованием концепции «дорожной карты». Особое внимание уделяется целям, методам, результатам и выводам исследования в этой области.

Цель исследования заключается в анализе влияния «дорожной карты» на процессы кадастрового учета и регистрации прав на недвижимость. В работе рассмотрены основные методы, включая внедрение современных геоинформационных систем (ГИС), оптимизацию процессов взаимодействия между государственными органами, разработку и внедрение специализированного программного обеспечения и обучение персонала.

Результаты исследования показывают значительное сокращение времени выполнения кадастровых работ за счет автоматизации и цифровизации процессов, улучшение точности и достоверности кадастровых данных, а также повышение качества обслуживания граждан и организаций.

Ключевые слова: кадастровый учет, кадастровые работы, геоинформационные системы, оптимизация, дорожная карта, эффективное управление недвижимостью

Для цитирования: Ходенева В. Оптимизация кадастрового учета и кадастровых работ // International Law Journal. 2024. Том 7. № 5. С. 263 – 271. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-263-271

Поступила в редакцию: 31 мая 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 28 июля 2024 г.; Принята к публикации: 30 августа 2024 г.

Optimization of cadastre accounting and cadastre operations

¹Khodeneva V.,
¹LLC «SakhGeoKadastre»

Abstract: the article addresses current aspects of optimizing cadastral accounting and surveying activities using the "roadmap" concept. Special attention is devoted to the objectives, methods, results, and conclusions of the study in this field.

The aim of the research is to analyze the impact of the "roadmap" on cadastral accounting and property rights registration processes. The study explores key methods, including the implementation of modern geographic information systems (GIS), optimization of interaction processes between government bodies, development and implementation of specialized software, and personnel training.

The research results demonstrate significant reduction in the time required for cadastral activities through process automation and digitization, improvement in accuracy and reliability of cadastral data, and enhancement of service quality for citizens and organizations.

Keywords: cadastral accounting, cadastral surveying, geographic information systems (GIS), optimization, roadmap, efficient property management

For citation: Khodeneva V. Optimization of cadastre accounting and cadastre operations. International Law Journal. 2024. 7 (5). P. 263 – 271. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-5-263-271

The article was submitted: May 31, 2024; Approved after reviewing: July 28, 2024; Accepted for publication: August 30, 2024.

Введение

В современной России кадастровый учет и регистрация прав на недвижимость занимают важное место в правовой системе и экономике. Эти процессы являются неотъемлемой частью государственного управления имуществом и играют ключевую роль в обеспечении правовой защиты собственности. Эффективность и точность кадастровых работ напрямую влияют на экономическое развитие, инвестиционный климат и устойчивость общества.

Значительные улучшения в процессах кадастрового учета и кадастровых работ могут быть достигнуты благодаря применению современных методов и инновационных технологий. Оптимизация межевания земельных участков, технической инвентаризации и подготовки кадастровых документов становится все более актуальной задачей в контексте цифровизации и автоматизации государственных услуг.

Использование современных геоинформационных систем (ГИС) играет ключевую роль в повышении точности и оперативности кадастровых работ. Эти технологии не только облегчают доступ к геоданным, но и способствуют минимизации ошибок и повышению прозрачности процессов управления недвижимостью.

В 2022 году Правительством Российской Федерации была утверждена «Дорожная карта» под номером 2309п-П49, направленная на совершенствование кадастрового учета и регистрации прав на недвижимость [6]. Эта инициатива охватывает широкий спектр мероприятий, направленных на оптимизацию процессов, улучшение качества предоставляемых государственных услуг и повышение удобства взаимодействия с органами кадастрового учета:

- Внедрение современных информационных технологий и ГИС для автоматизации и ускорения кадастровых процессов.
- Оптимизация процедур межевания земельных участков и технической инвентаризации.
- Улучшение качества кадастровых документов и обеспечение их доступности для граждан и организаций.
- Повышение прозрачности и открытости данных в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН).

Внедрение указанных мероприятий позволит значительно улучшить качество и доступность государственных услуг в области кадастрового учета и регистрации прав на недвижимость. Способствует снижению бюрократических барьеров, повышению инвестиционной привлекательности регионов и общему улучшению инвестиционного климата в стране [14].

Материалы и методы исследований

Исследование фокусируется на возможностях улучшения процессов кадастрового учета и выполнения кадастровых работ с использованием передовых методов и инновационных технологий. Целью данного исследования является анализ различных подходов к оптимизации межевания земельных участков, технической инвентаризации и подготовки кадастровых документов, а также изучение вопросов взаимодействия с органами кадастрового учета и применения современных геоинформационных систем для повышения точности и эффективности кадастровых работ.

Рассмотрение начинается с методов сбора и анализа правоустанавливающих документов и кадастровых данных на подготовительном этапе. Полевой этап включает геодезическую съемку для уточнения границ участков, а камеральный этап – обработку данных и составление межевых планов. Для объектов капитального строительства используется технический план, включающий комплекс геодезических и кадастровых работ для определения границ объекта, его размеров и других характеристик [16].

Особое внимание уделяется использованию современных геоинформационных систем (ГИС), которые способствуют автоматизации анализа и визуализации геопространственных данных, тем самым повышая точность и оперативность кадастровых работ и уменьшая вероятность ошибок.

Применение описанных методов и технологий иллюстрируется на практических примерах из деятельности ООО «СахГеоКадастр», демонстрируя их эффективность в реальных условиях.

Конституция Российской Федерации (от 12.12.1993 г., последняя редакция от 14.03.2020 г.) устанавливает основные принципы правового регулирования в сфере земельных отношений, включая равноправие различных форм собственности и гарантии частной собственности на объекты недвижимости [1].

Гражданский кодекс Российской Федерации (от 18.11.1994 г. № 51-ФЗ, последняя редакция от 03.08.2018 г.) определяет правовой статус земельных участков, зданий и сооружений, а также устанавливаются правила для заключения сделок с недвижимым имуществом. Земельный кодекс Российской Федерации

(от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ, последняя редакция от 25.12.2018 г.) уточняет порядок использования, защиты и оборота земель, регулируя вопросы землепользования и землеустройства [2].

Водный кодекс Российской Федерации (от 03.06.2006 г. № 74-ФЗ, последняя редакция от 27.12.2018 г.) и Лесной кодекс Российской Федерации (от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ, последняя редакция от 18.12.2018 г.) определяют правила использования водных и лесных ресурсов соответственно, что также имеет прямое отношение к кадастровым процедурам, когда речь идет о землях, занимаемых водными объектами или лесными массивами.

Градостроительный кодекс Российской Федерации (от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ, последняя редакция от 25.12.2018 г.) устанавливает нормы и правила, регулирующие строительство и зонирование территорий, что необходимо для правильного ведения кадастровых работ и поддержания актуальности кадастровой документации.

Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» (от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ, последняя редакция от 30.12.2020 г.) и Федеральный закон «О кадастровой деятельности» (от 24.07.2007 г. № 221-ФЗ, последняя редакция от 30.12.2020 г.) представляют собой основу для организации кадастрового учета и обеспечивают единые стандарты и правила для сбора, хранения и предоставления информации о недвижимости [4].

Важным элементом нормативно-правовой базы является также «План мероприятий (дорожная карта) по повышению эффективности оказания государственных услуг в сфере государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав в отношении многоквартирных домов, жилых домов, жилых помещений (квартир, комнат), садовых домов, сопутствующих объектов (индивидуальных гаражей, хозяйственных построек, объектов вспомогательного использования и т.п.), предоставленных для их строительства земельных участков и объектов недвижимого имущества, включенных в федеральную адресную инвестиционную программу, а также вовлечения в оборот земель для строительства указанных объектов», утвержденный Правительством РФ 11.03.2022 года под номером 2309п-П49. Этот документ ориентирован на оптимизацию процессов кадастрового учета и регистрации прав, направленных на улучшение качества государственных услуг и повышение эффективности использования земельных ресурсов [6].

В современном мире кадастровый учет и регистрация прав на недвижимость играют узловую роль в управлении земельными ресурсами и обеспечении правовой защиты собственности. Оптимизация этих процессов является важной задачей, требующей применения действенных методов и инновационных технологий.

Анализ существующих методик и подходов к кадастровому учету и регистрации прав показывает, что использование современных геоинформационных систем (ГИС) является одним из наиболее перспективных направлений. ГИС позволяют автоматизировать процессы сбора, обработки и анализа геопространственных данных, что существенно ускоряет выполнение кадастровых работ и повышает их точность. Применение ГИС особенно ценно в контексте оптимизации межевания земельных участков, технической инвентаризации и подготовки кадастровых документов, поскольку они позволяют интегрировать различные типы данных и обеспечить их единое пространственное отображение (табл. 1) [13].

Таблица 1
Современные методики и подходы в оптимизации кадастрового учета и регистрации прав на недвижимость.

Table 1

Методика/Подход		Описание
Использование геоинформационных систем (ГИС)		ГИС позволяют автоматизировать сбор, хранение, обработку и анализ геопространственных данных. Это включает в себя создание единой информационной среды для интеграции различных видов данных (геоданные, снимки со спутников, кадастровая информация и т.д.). ГИС значительно ускоряют процессы кадастровых работ, повышают точность определения границ участков и обеспечивают единое пространственное представление объектов.
Внедрение технологий дистанционного зондирования		Использование снимков с высокого разрешения и спутниковых данных для мониторинга земельных участков и выявления изменений в их состоянии. Это позволяет быстро обнаруживать незаконные застройки, изменения в границах участков и другие нарушения.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Цифровизация кадастровых карт и планов	Замена бумажных носителей информации на цифровые форматы с использованием специализированного программного обеспечения. Цифровизация ускоряет доступ к кадастровым данным, упрощает их обработку и повышает доступность информации для пользователей.
Внедрение системы электронного документооборота	Оптимизация процессов обмена документами между государственными структурами, заявителями и специалистами. Это включает в себя автоматизацию процессов подачи заявлений, получения разрешений и выдачи кадастровых справок, что сокращает время на выполнение административных процедур и повышает прозрачность работы системы.
Дорожная карта по повышению эффективности оказания государственных услуг в сфере кадастрового учета	Документ, утвержденный Правительством РФ, который предусматривает комплекс мероприятий для оптимизации процессов кадастрового учета и регистрации прав на недвижимость. Основные направления включают в себя цифровизацию процессов, внедрение новых технологий, улучшение документооборота и повышение качества предоставления государственных услуг.

Научные исследования и практические кейсы подтверждают эффективность использования ГИС в кадастровых работах. Они демонстрируют, как с помощью технологий геопространственного анализа можно значительно сократить время на полевые изыскания и уточнение границ участков, что способствует минимизации ошибок и повышению качества и достоверности кадастровой информации.

Особое внимание следует уделить вопросам взаимодействия с органами кадастрового учета. Внедрение современных ГИС требует не только технической подготовки и обучения специалистов, но и изменения процессов взаимодействия между государственными структурами и пользователями кадастровых услуг. Важно разработать четкие стандарты и протоколы обмена данными, чтобы обеспечить согласованность информации и оперативное реагирование на изменения в кадастре [15].

Дорожная карта по повышению действенности оказания государственных услуг в сфере кадастрового учета, утвержденная Правительством РФ 11 марта 2022 года, играет ключевую роль в данном контексте. Этот документ предусматривает комплекс мероприятий для цифровизации процессов, внедрения новых технологий и улучшения документооборота. Внедрение дорожной карты направлено на повышение оперативности и точности кадастровых работ, что способствует более эффективному управлению земельными ресурсами и улучшению обслуживания граждан и организаций. Таким образом, интеграция современных геоинформационных систем в процессы кадастрового учета и регистрации прав на недвижимость обещает значительное улучшение эффективности работы органов государственного кадастрового учета и повышение уровня обслуживания пользователей. Этот подход не только сокращает временные и финансовые затраты, но и способствует более точному и надежному управлению земельными ресурсами в современных условиях.

Результаты и обсуждения

Реализация «дорожной карты» по повышению результативности оказания государственных услуг в сфере кадастрового учета и государственной регистрации прав на недвижимость направлена на комплексное улучшение всех аспектов данной деятельности. Цифровизация процессов играет основную роль, включая внедрение современных информационных технологий, таких как геоинформационные системы (ГИС), системы массового позиционирования и фотограмметрические методы. Эти инструменты автоматизируют межевание земельных участков, техническую инвентаризацию и подготовку кадастровых документов, что повышает точность и оперативность выполнения работ.

Разработка и внедрение специализированного программного обеспечения для управления базами данных и интеграции различных источников данных ускоряют и упрощают процессы обработки и анализа кадастровой информации. Обучение и повышение квалификации кадров необходимы для эффективного использования современных технологий, что способствует улучшению качества предоставляемых услуг.

Улучшение координации между государственными структурами включает разработку стандартов и протоколов обмена данными, что обеспечивает согласованность и оперативность информации между различными органами, занимающимися кадастровым учетом и регистрацией прав. Создание единой информационной системы позволяет централизованно хранить и обрабатывать кадастровые данные, обеспечивая доступ к актуальной информации для всех заинтересованных сторон [5].

Регулярное обновление нормативно-правовой базы, учитывающее внедрение новых технологий, создает благоприятные условия для эффективного кадастрового учета и регистрации прав. Разработка и внедрение онлайн-сервисов для подачи заявлений и получения информации о состоянии кадастрового учета упрощает взаимодействие граждан и организаций с органами кадастрового учета.

Организация системы обратной связи и консультаций для пользователей кадастровых услуг и введение механизмов мониторинга и контроля качества оказываемых услуг способствуют оперативному решению возникающих вопросов и проблем, а также повышению удовлетворенности качеством обслуживания (табл. 2) [7].

Цели и задачи «дорожной карты».

Таблица 2

Table 2

Goals and objectives of the "road map".

Цель	Задачи	Описание
Цифровизация кадастрового учета	Внедрение современных информационных технологий	Внедрение геоинформационных систем (ГИС) для автоматизации процессов сбора, обработки и анализа данных. Это включает использование систем массового позиционирования (GPS), данных дистанционного зондирования и фотограмметрических методов для создания точных и актуальных картографических материалов.
	Разработка и внедрение программного обеспечения	Создание специализированного ПО для автоматизации кадастровых процессов, включая системы управления базами данных и инструменты для интеграции различных источников данных.
	Обучение и повышение квалификации кадров	Организация программ обучения для сотрудников, работающих с новыми технологиями и методами. Это необходимо для эффективного использования ГИС и других современных инструментов в кадастровом учете.
Оптимизация процессов взаимодействия с государственными органами	Улучшение координации между государственными структурами	Разработка стандартов и протоколов обмена данными для обеспечения согласованности и оперативности информации между различными органами, занимающимися кадастровым учетом и регистрацией прав на недвижимость.
	Создание единой информационной системы	Интеграция различных государственных информационных систем в единую платформу, что позволит обеспечить централизованное хранение и доступ к кадастровым данным.
	Регулярное обновление нормативно-правовой базы	Обновление и адаптация законодательных актов, регулирующих кадастровую деятельность, с учетом внедрения новых технологий и методов работы.
Повышение качества услуг	Разработка и внедрение онлайн-сервисов	Создание онлайн-сервисов для подачи заявлений и получения информации о состоянии кадастрового учета. Это упростит процесс взаимодействия с органами кадастрового учета для граждан и организаций.
	Обратная связь и консультации	Организация системы обратной связи и консультаций для пользователей кадастровых услуг. Это позволит оперативно решать возникающие вопросы и проблемы, а также повысить удовлетворенность пользователей качеством услуг.
	Мониторинг и контроль качества услуг	Введение механизмов мониторинга и контроля качества оказываемых услуг, что позволит оперативно выявлять и устранять недостатки в работе органов кадастрового учета.

Одним из передовых направлений в кадастровой деятельности является использование геоинформационных систем (ГИС). Эти системы позволяют применять современные электронные средства геодезии, данные дистанционного зондирования, системы массового позиционирования и процедуры фотограмметрической обработки данных для ввода и обновления сведений. Применение ГИС обеспечивает наличие актуальной и точной информации.

Географические информационные системы (ГИС) являются результативным инструментом для решения задач кадастрового учета, обеспечивая сбор, хранение, обработку, отображение и распространение данных. Системы позволяют хранить и обрабатывать пространственные данные, что отличает их от других информационных систем.

Основным способом обработки данных в ГИС является слоевая модель, где объекты разделены на тематические слои. Каждый слой сохраняется в отдельном файле и имеет свою систему идентификаторов, к которой можно обращаться как к некоторому множеству. ГИС позволяет работать с графической частью данных в виде электронных карт и атрибутивной частью, содержащей дополнительные сведения, связанные с пространственными данными, но не нанесенные непосредственно на карту. Графические объекты и атрибутивные данные связаны между собой, что позволяет пользователю манипулировать информационными слоями и объектами, формируя необходимые совокупности объектов в виде картографических покрытий [12].

Использование ГИС-технологий государственными органами позволяет получать наглядную визуальную информацию о стоимости земель и их статусе, проводить анализ данных на основе различных показателей, формировать сведения о свободных земельных участках, вести их реестр и готовить аналитические отчеты по эффективности использования земель (табл. 3).

Таблица 3

Принципы работы ГИС в земельном кадастре.

Table 3

Principles of GIS operation in the land cadastre.

Характеристика объекта недвижимости	Описание
Вид объекта недвижимости	Здание, сооружение, земельный участок, объект незавершенного строительства, помещение
Кадастровый номер	Уникальный идентификатор объекта и дата его внесения в государственный кадастровый реестр недвижимости
Месторасположение границ	Географические координаты границ объекта недвижимости, если это земельный участок
Месторасположение объекта	Расположение объекта недвижимости на земельном участке, если это здание, сооружение или объект незавершенного строительства
Площадь объекта	Общая площадь объекта недвижимости, если это здание, помещение или земельный участок

ГИС обеспечивает сбор, обработку, отображение и хранение информации, а также получение новой информации о пространственно-координированных явлениях. Применение в землеустройстве позволяет хранить информацию о объектах землеустройства, фиксировать изменения и тенденции этих изменений. Это важно, поскольку землестроительные предприятия являются источником сведений о новых объектах кадастрового учета.

ГИС-технологии позволяют решать многие задачи землеустройства быстрее и эффективнее. Они дают возможность использовать современные электронные средства геодезии и системы глобального позиционирования (ГСП) для ввода и обновления сведений в базе данных, обеспечивая точную и актуальную информацию (табл. 4) [15].

Основные направления использования и задачи ГИС в земельном кадастре.

Таблица 4

Table 4

Main areas of use and tasks of GIS in the land cadastre.

Направление использования	Описание
Мониторинг состояния земельных ресурсов	Систематическое наблюдение за состоянием земель, оценка и прогноз изменений под воздействием антропогенных и природных факторов
Прогнозирование и планирование	Оценка ресурсного потенциала земель для прогнозирования и планирования развития территорий
Моделирование рационального использования	Моделирование для оптимального использования и охраны земельных ресурсов
Качественная оценка земель	Изучение природно-экологического и экономического потенциала земель
Территориальное планирование	Определение назначения территорий с учетом социологических, экономических, экологических и иных факторов
Информационное обеспечение и ведение кадастра	Обеспечение информацией и ведение государственного земельного кадастра

Пример успешной реализации оптимизированных кадастровых процессов можно рассмотреть на примере работы ООО «СахГеоКадастр» в городе Южно-Сахалинск. Эта организация специализируется на предоставлении кадастровых услуг и использовании современных технологий, включая геоинформационные системы (ГИС) (табл. 5).

Одним из ключевых достижений компании стало внедрение цифровизированных методов сбора и обработки данных. Вместо традиционных методов замеров и ручного внесения информации в документацию, ООО «СахГеоКадастр» начало активно использовать ГИС для автоматизации процессов межевания и технической инвентаризации земельных участков. Это позволило значительно сократить время, затрачиваемое на подготовку кадастровых документов, и снизить вероятность ошибок.

Примененные методы и приборы.

Таблица 5

Table 5

Methods and devices used.

Параметр	До оптимизации	После оптимизации
Время подготовки кадастровых документов	Ручной замер с использованием традиционных инструментов	Автоматизированный замер с использованием ГИС Objcciland
Инструменты замера	Ручные измерительные инструменты, карты в бумажном формате	ГИС Objcciland, содержащая непрерывную векторную электронную карту города Южно-Сахалинск

Описание использования ГИС Objcciland

Objcciland является мощной системой, интегрирующей более 360 листов масштаба 1:2000 электронных карт и информацию о более чем 60 тыс. земельных участков в г. Южно-Сахалинск. Она предоставляет возможности для:

- Создания и обновления картографических данных в реальном времени.
- Автоматического импорта и географической привязки табличных данных.
- Использования языка запросов SQL для извлечения и обработки записей из базы данных.
- Визуализации пространственных данных и анализа географических объектов.

Objcciland значительно ускоряет процессы кадастровых работ, минимизируя время подготовки документации и повышая точность данных благодаря своей автоматизированной системе сбора и обработки информации.

Кроме того, компания внедрила систему онлайн-сервисов, позволяющую гражданам и организациям подавать заявления на кадастровые работы и получать информацию о статусе своих запросов через интернет.

Это упростило процесс взаимодействия с клиентами и сделало получение кадастровых услуг более доступным и удобным.

ООО «СахГеоКадастр» активно сотрудничает с местными государственными органами и участвует в pilotных проектах по внедрению новых методик кадастровых работ. Например, совместно с муниципальными структурами была разработана и внедрена методика оперативного обновления кадастровых данных с использованием аэрофотосъемки и автоматизированных алгоритмов обработки полученной информации.

Такие инновационные подходы позволили ООО «СахГеоКадастр» не только улучшить качество предоставляемых услуг, но и значительно ускорить процессы кадастрового учета, что в свою очередь способствовало увеличению удовлетворенности клиентов и улучшению общего уровня прозрачности и результативности в работе с недвижимостью в г. Южно-Сахалинске.

Исполнение «дорожной карты» по повышению результативности оказания государственных услуг в сфере кадастрового учета и государственной регистрации прав существенно зависит от внедрения современных ГИС-технологий. Геоинформационные системы (ГИС) играют основную роль в достижении поставленных целей и задач.

Применение ГИС в рамках дорожной карты позволяет значительно улучшить процессы формирования тематических и кадастровых карт. Современные ГИС позволяют не только создавать точные картографические материалы, но и автоматизировать процессы межевания земельных участков, технической инвентаризации и подготовки кадастровых документов. Это способствует повышению оперативности выполнения кадастровых работ и сокращению времени, затрачиваемого на подготовку документации.

Одной из значимых задач ГИС в рамках дорожной карты является мониторинг земель и введение изменений о регистрации прав. Системы ГИС позволяют оперативно отслеживать изменения в кадастровых данных и вносить необходимые корректизы, что способствует актуализации информации и повышению достоверности данных.

Кроме того, ГИС формируют единую систему кадастров и реестров, обеспечивая связь информационных потоков между различными государственными структурами. Это снижает риски ошибок и повышает оперативность информационного обмена между государственными, региональными и муниципальными управлениями. Такой подход способствует улучшению координации и согласованности действий, что в свою очередь повышает эффективность кадастровых процессов.

Выводы

В заключение можно отметить, что применение современных геоинформационных технологий в кадастровой деятельности, как показано на примере ООО «СахГеоКадастр» в городе Южно-Сахалинск, не только значительно оптимизирует процессы межевания и инвентаризации земельных участков, но и улучшает качество предоставляемых услуг. Автоматизация сбора и анализа данных, внедрение электронных сервисов и обратной связи с клиентами способствуют повышению оперативности, точности и прозрачности кадастровых операций, что важно для удовлетворения потребностей граждан и организаций в эффективном управлении недвижимостью.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: Собрание законодательства РФ от 12 декабря 1993 года (редакция от 14 марта 2020 года). Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 ноября 1994 года № 51-ФЗ (редакция от 03 августа 2018 года). Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
3. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ (редакция от 25 декабря 2018 года). Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
4. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ (редакция от 30 декабря 2020 года). Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
5. "Журнал кадастрового инженера" – ежемесячные выпуски 2021-2023 годов.
6. План мероприятий ("дорожная карта") по повышению эффективности оказания государственных услуг в сфере государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав (утв. Правительством РФ 11 марта 2022 года, № 2309п-П49).
7. GISGeography What is Geographic Information Systems (GIS)? 23 апреля 2023 года, <https://gisgeography.com/what-gis-geographic-information-systems/>
8. Harlan O., Werner K. Advancing Geographic Information Science. The Past and Next Twenty Years // GSDI ASSOCIATION PRESS, 2016.

9. Razi B. Cartography: Definition, History and Importance of Cartography. 29 апреля 2020 года, <https://www.jotscroll.com/forums/3/posts/255/cartography-definition-meaning-importance-history-of-cartography.html>
10. Rosreestr.ru - Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии.
11. Studbooks, Земельный кадастр, 2023. https://studbooks.net/845112/agropromyshlennost/zemelnny_kadastr
12. Варламов А.А. "Кадастровая деятельность." Москва: МДК Арбат, 2020.
13. Крассов О.И. "Земельное право." Москва: Юрайт, 2018.
14. Турлыбеков О.И. Обеспечение автоматизированной информационной системы государственного земельного кадастра. 2014 год, <https://articlekz.com/article/12612>
15. GISGeography 25 Map Types: Brilliant Ideas to Build Unbeatable Maps. 13 июля 2022 года, <https://gisgeography.com/map-types/>
16. Смирнов Л.Н. "Современные технологии в кадастровой деятельности." Москва: Техносфера, 2020 год.

References

1. Constitution of the Russian Federation: Collected Legislation of the Russian Federation of December 12, 1993 (as amended on March 14, 2020). Access from the reference and legal system "Garant".
2. Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of November 18, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 3, 2018). Access from the reference and legal system "Garant".
3. Land Code of the Russian Federation: Federal Law of October 25, 2001 No. 136-FZ (as amended on December 25, 2018). Access from the reference and legal system "Garant".
4. On state registration of real estate: Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ (as amended on December 30, 2020). Access from the reference and legal system "Garant".
5. "Journal of the cadastral engineer" - monthly issues 2021-2023.
6. Action plan ("road map") to improve the efficiency of public services in the field of state cadastral registration and state registration of rights (approved by the Government of the Russian Federation on March 11, 2022, No. 2309p-P49).
7. GISGeography What are Geographic Information Systems (GIS)? April 23, 2023, <https://gisgeography.com/what-gis-geographic-information-systems/>
8. Harlan O., Werner K. Advancing Geographic Information Science. The Past and Next Twenty Years. GSIDI ASSOCIATION PRESS, 2016.
9. Razi B. Cartography: Definition, History and Importance of Cartography. April 29, 2020, <https://www.jotscroll.com/forums/3/posts/255/cartography-definition-meaning-importance-history-of-cartography.html>
10. Rosreestr.ru - Official website of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography.
11. Studbooks, Land Cadastre, 2023. https://studbooks.net/845112/agropromyshlennost/zemelnny_kadastr
12. Varlamov A.A. "Cadastral activity." Moscow: MDK Arbat, 2020.
13. Krassov O.I. "Land law." Moscow: Yurait, 2018.
14. Turlybekov O.I. Providing an automated information system of the state land cadastre. 2014, <https://articlekz.com/article/12612>
15. GISGeography 25 Map Types: Brilliant Ideas to Build Unbeatable Maps. July 13, 2022, <https://gisgeography.com/map-types/>
16. Smirnov L.N. "Modern technologies in cadastral activities." Moscow: Tekhnosfera, 2020.

Информация об авторе

Ходенева В., кадастровый инженер ООО «СахГеоКадастр», valeriakhodeneva@gmail.com

© Ходенева В., 2024